

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 2 • 2018

ISSN: 2310-8681

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мащевич И.М., Орлов В.Н., Антонян Е.А., Зайцев О.А., ООО «Издательство Проспект»

Издатель: ООО «Издательство Проспект»

Главный редактор:

Игорь Михайлович Мащевич, президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Александр Григорьевич Звягинцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Виктор Викторович Аганин, вице-президент Российской криминологической ассоциации, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виктор Владимирович Блажеев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Владимир Петрович Буянов, д.э.н., профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Владимир Васильевич Гордиенко, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Андрей Павлович Клемешев, ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, доктор политических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Талгат Есиналиевич Сарсенбаев, заместитель Руководителя канцелярии Премьер-Министра Республики Казахстан, представитель Правительства в Парламенте Республики Казахстан, д.ю.н., профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Георгий Валерьянович Абшилава, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, д.ю.н., профессор, почетный адвокат России (Россия, г. Екатеринбург)

Серджик Сергеевич Аветисян, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения, Уголовная палата кассационного суда Республики Армения, д.ю.н., профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения, г. Ереван)

Елена Александровна Антонян, д.ю.н., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Владимир Михайлович Баранов, профессор Нижегородской академии МВД РФ, д.ю.н., заслуженный деятель науки РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Алексей Владимирович Барков, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Николай Филиппович Болдров, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал-оглы Велиев, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Александр Яковлевич Гришко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу, д.ю.н., профессор (Россия, г. Рязань)

Омрали Шакарпулы Жалаири, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, д.ю.н., профессор, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана (Республика Казахстан, г. Алматы)

Алексей Николаевич Ильищенко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного

бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КГУ»), д.ю.н., профессор (Россия, г. Краснодар)

Николай Григорьевич Кадников, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Бронислав Брониславович Казак, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, д.ю.н., профессор (Россия, г. Псков)

Владимир Викторович Лукьянов, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу, начальник Главного управления по использованию и защите интеллектуальной собственности СПбГУ, к.ю.н., доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

Виталий Валерьевич Маркарян, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Виталий Анатольевич Номоконов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)

Алексей Владимирович Петрянин, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ, д.ю.н., доцент Нижегородской академии МВД (Россия, г. Нижний Новгород)

Алексей Иванович Рарог, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Татьяна Владимировна Редникова, к.ю.н., научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Елена Рафаиловна Россинская, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Себила Якубовна Саламова, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Вячеслав Иванович Селивёрстов, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.ю.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Рафик Нуруллоевич Халилов, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, доцент кафедры уголовного права КФУ, к.ю.н., почетный работник МВД РФ (Россия, г. Казань)

Уве Хельманн, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. jur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Светлана Викторовна Шевелёва, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в г. Курске, декан юридического факультета Юго-Западного университета, д.ю.н. (Россия, г. Курск)

Андрей Викторович Шидловский, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь, к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Ирина Викторовна Шишко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, директор Юридического института Сибирского федерального университета, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Татьяна Владимировна Редникова

Помощник выпускающего редактора:

Елена Вадимовна Бочкарёва, Екатерина Андреевна Соболева, Никита Ильич Федоров

Почта журнала

crimescience.pro@yandex.ru

Перевод:

Елена Бочкарева, Татьяна Редникова, Рудаковская Елена, Джессика Сторей, Диана Штаге

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2018. — № 2.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2018. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 05.09.2018 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 400. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2018-2-208

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 2 • 2018

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkewich I. M., Orlov V. N., Antonjan E. A., Zajtsew O.A., GmbH "Verlag Prospekt"

Verleger: GmbH "Verlag Prospekt"

Der Chefredakteur:

Igor Michailowich Mazkewich, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowich Owchinsky, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)
Wladimir Ewgeniewich Eminow, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Oleg Aleksandrowich Zajtsew, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der hohen Berufsbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Aleksand Grigorjewich Zwjagintsew, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Wiktor Wiktorowich Astanin, Vizepräsident der Russischen Kriminologischen Vereinigung, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Wiktor Wladimirowich Blazheev, Rektor der Moskauer Staatlichen Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften (MSAL), Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Wladimir Petrowich Buyanow, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Wladimir Wasiliewich Gordienko, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Andrej Pawlowich Klemeshev, Rektor der Baltischen Föderalen Universität Immanuel Kant, Doktor der Politikwissenschaften, Verdienter Arbeiter der Hochschule der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Kaliningrad, Russland)

Talgat Esinaliewich Sarsenbaev, stellvertretender Leiter des Büros des Ministerpräsidenten der Republik Kasachstan, Regierungsvertreter in der Republik Kasachstan Parlamentarier, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Georgij Walerianowich Abshilawa, Rechtsanwalt, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vereidigter Rechtsanwalt Russlands (Jekaterinburg, Russland)

Sergik Sergejewich Awetisian, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Armenien, der Strafkammer des Kassationsgerichts der Republik Armenien, Professor der Russisch-armenischen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Erewan, Armenien)

Elena Aleksandrowna Antonjan, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wladimir Mikhailowich Baranow, Professor an der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Aleksey Wladimirowich Barkow, Professor der Abteilung für gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität unter der Regierung der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Nikolai Fillipowich Bodrov, Dozent am Lehrstuhl für forensische Untersuchung an der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Isakhan Weysale-ogly Weliev, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Baku, Republik Aserbaidschan)

Aleksandr Jakowlewich Grishko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Zentral Föderalen Bezirk Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Rjasan, Russland)

Omrali Shakarapuly Jalairi, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kasachstan, Rektor der Eurasische Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademienmitglied der kasachischen Oberschule, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty,

Republik Kasachstan)

Uwe Hellmann, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Deutschland)

Aleksej Nikolajewich Iljaschenko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im südlichen Föderalen Bezirk Russlands, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kuban Staatlichen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Krasnodar, Russland)

Nikolai Grigorjewich Kadnikow, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Bronislaw Bronislawowich Kazak, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechte Aktivitäten Vorsitzender der Pskov State University, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Pskow, Russland)

Wladimir Wiktorowich Lukyanow, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Sankt Petersburg, Leiter der Hauptverwaltung für die Nutzung und den Schutz des geistigen Eigentums der Staatlichen Universität Sankt Petersburg, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent (Sankt Petersburg, Russland)

Ruben Walerjewich Markarjan, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Moskau, Professor der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Witalij Analoljewich Nomokonow, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Wladiwostok, Russland)

Aleksey Wladimirowich Petryanin, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Nyzhniy Novgorod, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Aleksey Iwanowich Rarog, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Tatiana Wladimirowna Rednikowa, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Elena Rafailowna Rossinskaya, Leiter des Lehrstuhls für forensische Untersuchung der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin (Moskau, Russland)

Sebila Jakubowna Salamowa, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wyacheslaw Iwanowich Seliverstow, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rafik Nurulowich Khalilov, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Privolgskej Föderalen Bezirk Russlands, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Kazan Federal University, Kandidat der Rechtswissenschaften, Verdienter Arbeiter des Innenministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Swetlana Wiktorowna Shewelowa, Leiterin der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kursk, Dekanin der Juristische Fakultät der Süd-West-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften (Kursk, Russland)

Andrej Wiktorowich Shidlowsky, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Belarus, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität (Minsk, Republik Weißrussland)

Inna Wiktorowna Shishko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Direktor des Instituts für Rechtswissenschaften des Sibirischen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Tatjana Wladimirowna Rednikowa

Redakteur Assistent:

Elena Wadimowna Bochkarewa, Der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)

E-mail: crimsience.pro@yandex.ru

Übersetzung:

Elena Bochkarewa, Tatiana Rednikowa, Elena Rudakowskaya, Jessica Storey, Diana Stage

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimsience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2018. – Nr. 2.

Moskau: GmbH "Verlag Prospekt", 2018. – 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbearbeitung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 05.09.2018 in Druck gegeben, Format 60x90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 400 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 0.10.31085/2310-8681-2018-2-208

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 2 • 2018

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.A., LLC "Publisher Prospekt"

Publisher: LLC "Publisher Prospekt"

The Editor-in-Chief:

Igor Mikhailovich Matskevich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Oleg Aleksandrovich Zaytsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alexander Grigorievich Zvyagintsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Viktor Viktorovich Astanin, Vice-President of the Russian Criminological Association, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Viktor Vladimirovich Blazheev, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Vladimir Petrovich Buyanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored, Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Vladimir Vasilievich Gordienko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Andrey Pavlovich Klemeshev, Rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Political Sciences, Honored Worker of High School of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Kaliningrad, Russia)

Talgat Esinalievich Sarsenbaev, Vice Head of the Prime Minister's Office of the Republic of Kazakhstan, Government Representative in the Republic of Kazakhstan Parliament, Doctor of Law, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Georgiy Valerianovich Abshilava, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Ural Federal District of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Sergiy Sergeevich Avetisyan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Armenia, The Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (Erevan, Armenia)

Elena Aleksandrovna Antonyan, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Mikhailovich Baranov, Professor of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Honored scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Aleksey Vladimirovich Barkov, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Nikolai Fillipovich Bodrov, Assistant Professor of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Isakhan Veysale-ogly Veliev, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Aleksandr Jakovlevich Grishko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Central Federal District of Russia, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia)

Omrani Shakarapuly Jalairi, Head of the Union of Criminalists and Criminologists

representative office in Kazakhstan, Rector of the Kunaev Eurasian Law Academy, Doctor of Law, Professor, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Uwe Hellmann, Head of Criminal and Economic Criminal Law Chair of Law Faculty of the Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)

Aleksey Nikolaevich Ilyashenko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Southern Federal District of Russia, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kuban State University, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Nikolai Grigorievich Kadnikov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Bronislav Bronislavovich Kazak, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the North-Western Federal District of Russia, Head of the Organization of law enforcement and human rights activities Chair of the Pskov State University, Doctor of Law, Professor (Pskov, Russia)

Vladimir Viktorovich Lukyanov, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Sankt Petersburg, Head of the Main Directorate for the Use and Protection of Intellectual Property of the Saint Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor (Sankt Petersburg, Russia)

Ruben Valerievich Markarjan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Moscow, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Vitaly Anatolevich Nomokonov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Far-Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor (Vladivostok, Russia)

Alexey Vladimirovich Petryanin, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Nizhny Novgorod, Professor of the Criminal and Criminal-Executive Law Chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Alexey Ivanovich Rarog, Research supervisor of Criminal Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatiana Vladimirovna Rednikova, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, (Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya, Head of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Sebilia Jakubovna Salamova, Senior Lecturer of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Vyacheslav Ivanovich Seliverstov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rafik Nurulovich Khalilov, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Assistant Professor of the Criminal Law Chair of Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Svetlana Viktorovna Sheveleva, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Kursk, Dean of the Law Faculty of the South-Western University, Doctor of Law (Kursk, Russia).

Andrei Viktorovich Shidlovsky, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Belorussia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice Dean of the Law Faculty of the Belorussian State University (Minsk, Republic of Belorussia)

Irina Viktorovna Shishko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Siberian Federal District of Russia, Director of the Siberian Federal University Law Institute, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of High Professional Education (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Tatiana Vladimirovna Rednikova

Editor's assistant:

Elena Vadimovna Bochkareva, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Translation:

Elena Bochkareva, Tatiana Rednikova, Elena Rudakowskaya, Jessica Storey, Diana Stage

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok 12/50, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2018. — No. 2.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2018. — 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 05.09.2018. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 400. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2018-2-208

СОДЕРЖАНИЕ

Трибуна ВУЗА

Нифадьев В.И.

Духовный мост России и Киргизии – Киргизско-Российский Славянский университет отмечает 25-летие 7

Тугельбаева Б.Г., Тыныбеков Н.Т.

Криминологический рецидив: особенности личности преступника 15

Зайцев О.А., Шамурзаев Т.Т.

Обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства (сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики)..... 25

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПОТСДАМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (17–20 ДЕКАБРЯ 2017 Г.)

Антонян Е.А.

Превентивное заключение и предупреждение преступлений 32

Барышева К.А.

Уголовно-правовая ответственность за насилие в семье в России и за рубежом..... 37

Бодров Н.Ф.

Анализ позиции Конституционного Суда РФ по делам о правонарушениях экстремистской направленности 42

Грачева Ю.В.

Незаконное вооруженное формирование (ст. 208 Уголовного кодекса РФ): современные проблемы толкования 49

Дегтерев А.А.

Виды угроз основам политической системы и их отражение в уголовном законодательстве 53

Дубовик О.Л.

Противостояние угрозам экотерроризма и экоэкстремизма – актуальная задача науки уголовного и экологического права 58

Есаков Г.А., Филатова М.А.

Юридические признаки состава преступления в экономическом уголовном праве 63

Зайцев О.А.

Особенности разъяснения свидетелям их прав и обязанностей перед производством допроса по законодательству России и Германии 66

Кадников Н.Г.

К вопросу об ответственности за мошенничество в сфере экономической деятельности 70

Кадников Ф.Н.

О новеллах Уголовного кодекса РФ в части ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции 75

Лаврентьева М.С., Туркин М.М.

Вопросы государственной защиты объектов интеллектуальной собственности 79

Максимов Е.Л.

Охрана земель в России 82

Мацкевич И.М.

Преступность тинейджеров: стратегия XXI в. 86

Понятовская Т.Г.

Ответственность за неоказание помощи больному 91

Рарог А.И.

Развитие фармацевтического уголовного права в России 94

Редникова Т.В.

Вопросы разграничения уголовной и административной ответственности за незаконную охоту 97

Серебренникова А.В.

Пожизненное лишение свободы как наказание за опасный стритрейсинг: правовая реальность 101

Халилов Р.Н.

Социальная реабилитация осужденных к лишению свободы как одно из приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики современной России 105

Харламов Д.Д.

Имущественные преступные деяния в уголовном праве России и Германии 109

Шевелева С.В.

Ответственность за уклонение от уплаты штрафа по уголовному законодательству России 112

Штаге Диана, Сторей Джессика

Унификация права в странах-членах Европейского союза посредством издания директив на примере имплементации второй Директивы о злоупотреблениях на рынке (КРИМ-МАД) в Германии, Австрии и Ирландии 116

Штайнберг Георг

Новая редакция § 238 Уголовного уложения Германии «Преследование» 123

Штам Фабиан

Новый состав профессионального содействия самоубийству 126

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

Мисоски Бобан, Илич Дивна

Новые европейские тенденции в вопросе признания обвиняемым своей вины по соглашению сторон на основе положений нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Македония 130

Калайджиев Гордан, Главинче Никола

Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2013/48/EU «О праве на доступ к адвокату в уголовном производстве и в производстве по европейскому ордеру на арест, а также о праве на уведомление третьей стороны при лишении свободы и на общение с третьими лицами и консульскими органами при лишении свободы» 138

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Балеев С.А.

Ответственность за организационную преступную деятельность по Уголовному кодексу Российской Федерации 146

Серебренникова А.В.

Условное осуждение по уголовным кодексам Австрии и Швейцарии 151

ИНТЕРВЬЮ

Интервью Азалии Ивановны Долговой для Криминологического кабинета 156

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Морозов А.А.

Структура английского общества с XIV в. до конца правления Елизаветы Тюдор 168

Информация об авторах 173

About the authors 177

Требования к оформлению научных статей для авторов журнала «Союз криминалистов и криминологов» 179

Zusammenfassung und stichwörter 181

Annotations and keywords 195

INHALT

UNIVERSITÄT TRIBUNE

Nifadiev V.I.

Geistliche Brücke Russlands und Kirgisistans –
Die Kirgisisch-Russische Slawische Universität feiert
ihr 25-jähriges Bestehen.....7

Tugelbaeva B.G., Tynybekov N.T.

Kriminologischer Rückfall: persönliche Merkmale des
Verbrechens 15

Zaytsev O.A., Shamurzaev T.T.

Sicherstellung des staatlichen Schutzes von Teilnehmern an
Strafverfahren (vergleichende Analyse der Gesetzgebung der
Russischen Föderation und der Kirgisischen Republik)..... 25

INTERNATIONALE KONFERENZ AN DER UNIVERSITÄT POTSDAM (17 BIS 20 DEZEMBER 2017) auf Deutsch und Russisch

Antonyan E.A.

Präventive Freiheitsentziehung und Maßnahmen zur
Verhinderung zukünftiger Straftaten 32

Barysheva K.A.

Strafbarkeit häuslicher Gewalt in Russland und im Ausland..... 37

Bodrov N.F.

Analyse der Position des Verfassungsgerichts der Russischen
Föderation zu Verwaltungsstraftaten (Ordnungswidrigkeiten)
extremistischer Art..... 42

Gracheva J.V.

Illegale bewaffnete Gruppierungen
(Art. 208 des Strafkodex der Russischen Föderation):
Moderne Probleme der Auslegung..... 49

Degterev A.A.

Welche Bedrohungen der Grundlage des politischen
Systems sich gegenüberstehen und wie sich dies in der
Strafgesetzgebung widerspiegelt..... 53

Dubovik O.L.

Die Konfrontation mit der Bedrohung von Ökoterrorismus
und Öko-Extremismus ist eine aktuelle Herausforderung
der Wissenschaft des Kriminal- und Umweltrechts..... 58

Esakov G.A., Filatova M.A.

Rechtliche Merkmale des Corpus delicti
im Wirtschaftsstrafrecht..... 63

Zaytsev O.A.

Belehrung des Zeugen über seine Rechte
und Pflichten vor der Vernehmung laut der russischen
und der deutschen Gesetzgebung..... 66

Kadnikov N.G.

Zur Frage der Verantwortung für die Begehung
des Betrugs im Bereich der Wirtschaftstätigkeit..... 70

Kadnikov F.N.

Novelle des Strafkodex der RF bezüglich der Verantwortung
für den illegalen Umsatz von Alkohol und alkoholhaltigen
Produkten..... 75

Lavrentieva M.S., Turkin M.V.

Fragen des staatlichen Schutzes des geistigen Eigentums..... 79

Maksimov E.L.

Schutz des Bodens in Russland 82

Matskevich I.M.

Verbrechen der Jugendlichen: die Strategie des 21.
Jahrhunderts 86

Ponyatovskaya T.G.

Strafbarkeit der Verweigerung medizinischer Hilfe
gegenüber einem Patienten 91

Rarog A.I.

Entwicklung des Arzneimittelstrafrechts in Russland..... 94

Rednikova T.V.

Abgrenzung der strafrechtlichen und verwaltungsstrafrechtlichen
Verantwortung für unrechtmäßige Jagd 97

Serebrennikova A.V.

Lebenslange Freiheitsstrafe als Sanktion wegen illegaler
Straßenrennen: Rechtswirklichkeit 101

Halilov R.N.

Resozialisierung von Strafgefangenen als eines der
vorrangigen Ziele der Strafvollzugspolitik des modernen
Russlands..... 105

Kharlamov D.D.

Vermögensstraftaten im Strafrecht in Russland und
Deutschland 109

Shewelewa S.W.

Strafrechtliche Konsequenzen der Nichtzahlung einer
Geldstrafe in Russland 112

Stage D., Storey J.

Rechtsangleichung in den EU-Mitgliedstaaten durch
den Erlass von Richtlinien – am Beispiel der Umsetzung
der zweiten Marktmissbrauchsrichtlinie (CRIM-MAD)
in Deutschland, Österreich und Irland 116

Steinberg G.

Neufassung des § 238 STbG («Verfolgung»)..... 123

Stam F.

Der neue Straftatbestand der geschäftsmäßigen
Förderung der Selbsttötung..... 126

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGEN VERBANDES

Misoski B., Ilić D.

Neue europäische Tendenzen in der Frage der Anerkennung
der Angeklagten der Schuldigen aufgrund der Vereinbarung
der Parteien auf der Grundlage der Bestimmungen
des Neuen Strafverfahrens der Republik Mazedonien 130

Kalajdziev G., Glavinche N.

Richtlinie 2013/48/EU des Europäischen Parlaments
und des Rates über das Recht auf Zugang zu einem
Rechtsbeistand in Strafverfahren und in Verfahren zur
Vollstreckung des Europäischen Haftbefehls sowie über das
Recht auf Benachrichtigung eines Dritten bei Freiheitsentzug
und das Recht auf Kommunikation mit Dritten und mit
Konsularbehörden während des Freiheitsentzugs..... 138

STRAFRECHT

Balejew S.A.

Verantwortung für organisatorische kriminelle Aktivitäten
nach dem geltenden Strafgesetzbuch der Russischen
Föderation..... 146

Serebrennikova A.V.

Strafaussetzung nach dem Strafgesetzbuch von
Österreich und der Schweiz 151

INTERVIEW

Interview von Azalia Ivanovna Dolgova für
den kriminologischen Raum..... 156

SCHRIFTSTELLER-PUBLIZIST-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

Morozov A.A.

Die Struktur der englischen Gesellschaft aus dem 14. Jahrhundert
bis zum Ende der Herrschaft von Elisabeth Tudor..... 168

Informationen über die Autoren..... 175

Zusammenfassung und Stichwörter..... 181

CONTENTS

UNIVERSITY TRIBUNE

<i>Nifadiev V.I.</i> Spiritual Bridge of Russia and Kyrgyzstan – Kyrgyz-Russian Slavonic University celebrates its 25th anniversary.....	7
<i>Tugelbaeva B.G., Tynybekov N.T.</i> Criminological recurrence: personal features of the criminal.....	15
<i>Zaytsev O.A., Shamurzaev T.T.</i> Ensuring state protection of participants in criminal proceedings (comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic)	25
INTERNATIONAL CONFERENCE AT THE UNIVERSITY OF POTSDAM (17 TO 20 DECEMBER 2017) in Russian and German	
<i>Antonyan E.A.</i> Preventive detention and crime prevention.....	32
<i>Barysheva K.A.</i> Criminal responsibility for domestic violence in Russia and abroad	37
<i>Bodrov N.F.</i> Analysis of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on cases of extremist offenses	42
<i>Gracheva J.V.</i> Illegal armed formation (Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation): contemporary problems of interpretation.....	49
<i>Degterev A.A.</i> Types of threats to the foundations of the political system and their reflection in criminal legislation.....	53
<i>Dubovik O.L.</i> Confronting the threats of ecoterrorism and eco-extremism is an urgent task of the science of criminal and environmental law.....	58
<i>Esakov G.A., Filatova M.A.</i> Legal features of the corpus delicti in economic criminal law	63
<i>Zaytsev O.A.</i> Peculiarities of explaining to witnesses their rights and duties before interrogation under the laws of Russia and Germany	66
<i>Kadnikov N.G.</i> On the issue of responsibility for fraud in the sphere of economic activity.....	70
<i>Kadnikov F.N.</i> On the novels of the Criminal Code of the Russian Federation regarding liability for the illegal wrapping of alcohol and alcohol-containing products.....	75
<i>Lavrentieva M.S., Turkin M.V.</i> Issues of state protection of intellectual property	79
<i>Maksimov E.L.</i> Protection of lands in Russia	82
<i>Matskevich I.M.</i> Crime of teenagers: the strategy of the 21st century	86
<i>Ponyatovskaya T.G.</i> Responsibility for not providing the assistance to the patient	91
<i>Rarog A.I.</i> The development of pharmaceutical criminal law in Russia.....	94

<i>Rednikova T.V.</i> Issues of delineation of criminal and administrative responsibility for illegal hunting.....	97
<i>Serebrennikova A.V.</i> Life imprisonment as punishment for dangerous street racing: legal reality.....	101
<i>Halilov R.N.</i> Social rehabilitation of prisoners sentenced to imprisonment as one of the priority directions of the criminal-executive policy of modern Russia	105
<i>Kharlamov D.D.</i> Property criminal acts under the criminal law of Russia and Germany	109
<i>Sheveleva S.V.</i> Responsibility for evasion from payment of a fine under the criminal legislation of Russia	112
<i>Stage D., Storey J.</i> Approximation of laws in the EU Member States through the adoption of guidelines – exemplified by the implementation of the Second Market Abuse Directive (CRIM-MAD) in Germany, Austria and Ireland.....	116
<i>Steinberg G.</i> New edition of § 238 German Criminal Code («Persecution»)	123
<i>Stam F.</i> New offence of professional suicide assistance	126
FOREIGN REPRESENTATIVE OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGIES	
<i>Misoski B., Ilić D.</i> New European trends in the question of recognizing the accused of its guilt on the agreement of the parties based on the provisions of the New Criminal-Procedure Code of the Republic of Macedonia.....	130
<i>Kalajdziev G., Glavinche N.</i> Directive 2013/48/EU of the European Parliament and of the Council the European Union on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty.....	138
CRIMINAL LAW	
<i>Baleyev S.A.</i> Responsibility for organizational criminal activity under the Criminal Code of the Russian Federation.....	146
<i>Serebrennikova A.V.</i> Conditional sentence under the criminal codes of Austria and Switzerland.....	151
INTERVIEW	
Interview of Azalia Ivanovna Dolgova for the criminological room	156
WRITER-PUBLICIST-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST	
<i>Morozov A.A.</i> The structure of English society from the XIV century until the end of the reign of Elizabeth Tudor	168
About the authors.....	177
Annotations and keywords.....	195

Трибуна ВУЗА

ДУХОВНЫЙ МОСТ РОССИИ И КИРГИЗИИ – КИРГИЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОТМЕЧАЕТ 25-ЛЕТИЕ

Нифадьев Владимир Иванович

Цель: рассказать читателям об истории создания университета, направлениях научной деятельности его коллектива, перспективах развития, взаимодействия в сферах образования и культуры в рамках единого постсоветского пространства, что имеет немаловажное значение для обмена опытом и развития системы знаний.

Методология: исторический метод.

Выводы. Создание 25 лет назад Киргизско-Российского Славянского университета стало поистине знаковым событием – Киргизия и Россия первыми продемонстрировали желание сохранить и укрепить единое образовательное пространство. Опыт дал толчок для создания подобных вузов в Таджикистане, Армении, Белоруссии, Молдавии, Азербайджане. Главное, что в условиях расширяющейся интеграции он имеет огромные перспективы. Университету предстоит решить задачу по совершенствованию замкнутой системы «наука – образование – производство – человек». В недалеком будущем выпускник университета представляется человеком, обладающим несколькими специальностями, способным к безболезненной переориентации в своей профессиональной деятельности, ощущающим свое духовное богатство и стремящимся трудиться во благо общественного прогресса. Поэтому развитие в вузе творческой обстановки – задача первостепенной важности.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса истории в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: Киргизско-Российский Славянский университет, киргизская молодежь, российская молодежь, обмен опытом, международные связи, постсоветское пространство, соглашение о сотрудничестве.

Нифадьев Владимир Иванович

Киргизско-Российский Славянский университет (далее – КРСУ) – детище Киргизии и России – готовится отметить свое 25-летие. Идея о создании вуза, родившаяся буквально в первые месяцы после крушения Советского Союза, свидетельствовала, что постсоветские государства стремятся сохранить былые связи в духовной сфере. Накопленный в предшествующий период опыт взаимодействия в сферах образования и культуры в рамках единого советского государства у республик был настолько велик и плодотворен, что пренебрежение им не отвечало их намерениям строительства демократических правовых государств и тем более коренным национальным интересам народов обоих государств.

10 мая 1993 г. в Москве между Республикой Кыргызстан (с 5 мая 1993 г. – Киргизская Респу-

блика) и Российской Федерацией был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В его ст. 22 констатировалось: «Высокие Договаривающиеся Стороны, стремясь создать наиболее благоприятные условия для дальнейшего всестороннего взаимодействия и развития культур народов двух государств, учредят в г. Бишкеке Славянский университет». Оговаривалось, что условия его учреждения и деятельности будут определены отдельным соглашением сторон.

В целях реализации Договора 28 сентября 1992 г. был издан Указ Президента Киргизии «Об учреждении в г. Бишкеке Кыргызско-Российского Славянского университета» [1, с. 274], в соответствии с которым основными направлениями деятельности университета должны были стать:

- обучение на русском языке киргизской молодежи, главным образом по тем специальностям, в которых республика испытывала особую необходимость;
- удовлетворение языковых и культурных потребностей русских и других русскоязычных граждан Киргизии, в том числе в получении высшего образования на русском языке по гуманитарному, естественно-техническому, экономическому и юридическому профилям, а также обучении их государственному языку;
- привлечение для работы в университете видных ученых и педагогов из Российской Федерации, которые могли бы оказать содействие развитию научно-технического потенциала Киргизии;
- творческий контакт, взаимопроникновение и взаимообогащение киргизской и русской культур.

Издание этого Указа положило начало подготовительной работе по открытию университета. В первую очередь отрабатывалась нормативно-правовая база, которая должна была обеспечить полноценное функционирование вуза. Организационный комитет, в который вошли В.М. Лелевкин, А.О. Орусбаев, В.М. Плоских, В.Ц. Гурович, В.С. Слободянюк, В.С. Левитин, С.Л. Долматов, Г.А. Десятков, В.В. Вишнеvский, разработал проекты положений о КРСУ и Попечительском совете, устава и структуры университета. Учебный процесс планировалось начать в 1993 г.

29 апреля 1993 г. у университета появилось руководство: ректором был утвержден В.И. Нифадьев, проректором по науке, культуре и международным связям — В.М. Лелевкин, про-

ректором по учебной работе — И.А. Аккозиев, деканом факультета — А.О. Орусбаев. Для работы в вузе были приглашены многие именитые ученые Киргизии.

Распоряжением Правительства Киргизской Республики от 12 мая 1993 г. № 207-р университету было предоставлено здание Бишкекского Дома офицеров. К началу 1993–1994 учебного года в КРСУ были открыты: кафедра естественно-технических дисциплин по двум направлениям: «Информатика» и «Физика»; кафедра языков; кафедра общественных дисциплин по направлениям «Филология», «Психология», «Культурология»; кафедра экономико-юридических дисциплин по направлениям «Менеджмент» и «Правоведение», кафедра физического и эстетического воспитания.

9 сентября 1993 г. состоялось торжественное открытие университета. В церемонии приняли участие Президент Киргизии А.А. Акаев, министр иностранных дел России А.А. Козырев, председатель Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию В.Г. Кинелев. Главными участниками торжеств стали 156 студентов из числа первого набора.

В тот же день состоялось подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики об условиях учреждения и деятельности в городе Бишкеке Кыргызско-Российского Славянского университета. 23 февраля 1994 г. постановлением Правительства РФ Соглашение было утверждено.

В Соглашении указывалось, что «университет является государственным высшим учебным заведением совместного ведения Кыргызской Республики и Российской Федерации, пользуется статусом университетов Кыргызской Республики и Российской Федерации» [1, с. 266].

Одной из главных задач вуза согласно Соглашению являлось «содействие развитию научно-технического и кадрового потенциала обоих государств путем привлечения для работы в Университете видных ученых и педагогов из Российской Федерации и использования достижений и опыта, накопленных в области образования в Кыргызской Республике» [1, с. 267].

Спустя месяц после указанных событий Президент России Б.Н. Ельцин вручил президенту Попечительского совета КРСУ, вице-президенту РАН, академику Н.П. Лаверову символический ключ от университета.

Таковыми стали первые шаги КРСУ на пути к классическому учебному заведению, в котором

образование, наука и воспитание стали составными элементами подготовки высокопрофессиональных кадров.

Уже в первые дни работы вуза состоялось подписание первого договора о сотрудничестве с Институтом экспериментальной метеорологии НПО «Тайфун», на основе которого в состав университета вошла высокогорная экспериментальная база в качестве научной лаборатории двойного подчинения. В феврале 1994 г. на базе КРСУ организована отраслевая научно-исследовательская лаборатория «Геоинформатика», учредителями которой стали университет, Государственный комитет Киргизии по геологии, Госконцерн «Кыргызалтын». В апреле того же года в состав вуза на основании договора о проведении совместных исследований между НИИ ядерной физики им Д.В. Скобельцына МГУ, НИИ экспериментальной и теоретической физики Казахского государственного университета включена учебно-научная лаборатория «Нейтрино».

В августе 1993 г. университетом издано первое учебное пособие «История кыргызов и Кыргызстана» с программой и методическими рекомендациями. В июне 1994 г. состоялся первый региональный учебный семинар повышения квалификации филологов-русистов «Русский язык и культура России в новой геополитической ситуации: проблемы преподавания и изучения».

Одновременно с налаживанием учебного процесса происходило развитие учебно-материальной базы университета. В течение двух лет с момента своего открытия университет размещался в здании гарнизонного Дома офицеров и расположенном рядом двухэтажном здании бывшего детского сада. В 1995 г. КРСУ был передан комплекс помещений училища Киргизского камвольно-суконного комбината, в которых 1 сентября 1995 г. начал свою работу естественно-технический факультет.

Токмакский телевизионный завод передал факультету металлообрабатывающие станки, приведенные преподавателями кафедры механики в рабочее состояние. Киргизводоканал предоставил оборудование для химического анализа воды и земли.

В 1997 г. университет выпустил первых своих воспитанников. Тогда стены вуза покинули 138 специалистов, прошедших обучение по семи направлениям, специфичным для того периода времени, — экономике, менеджменту, юриспруденции, информатике, метеорологии, а также филологии и физике. Их квалификационную

пригодность подтверждали дипломы Российской Федерации и Киргизской Республики.

В 1998 г. численность студентов в КРСУ выросла до 2 тыс. Они обучались на шести факультетах: международных отношений, гуманитарном, естественно-техническом, экономическом, юридическом и медицинском.

С годами университет стал превращаться в важный центр образования, науки и культуры СНГ, активно участвующий в формировании единого образовательного пространства, интеграции в сфере экономики и науки. Реализуя планы многостороннего партнерства с международными организациями и институтами гражданского общества, КРСУ превратился в площадку, обеспечивающую взаимодействие между государственными и общественными структурами стран-членов Содружества.

Академик Н.П. Лавров в своем поздравлении по случаю 10-й годовщины создания КРСУ отмечал: «Характерной чертой системы высшего образования становится интернационализм, что является отражением универсального характера образовательной и научно-исследовательской деятельности высшей школы. Усилению интернационализации способствуют нынешние процессы экономической и политической интеграции в мире, а также осознание необходимости межкультурного взаимопонимания. И мы уже в течение 10 лет изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год творим это сотрудничество, понимая, что только в нем наш успех, процветание и долголетие» [1, с. 9].

Интернационализация образования и интеграция в международное образовательное пространство стало для университета важным условием его динамичного развития. Являясь межгосударственным образовательным учреждением, вуз сосредоточился на установлении всесторонних связей с различными образовательными, научными и культурными организациями стран ближнего и дальнего зарубежья, что однозначно служит во благо Киргизии и России.

Партнерами КРСУ в Европе стали университет НЕИ (Hautes Etudes D'ingenieur) (Франция), Силезский университет в Катовицах, университет им. Н.Коперника в Торуне, Белостокский технический университет (Польша). В азиатском регионе вуз наладил сотрудничество с университетом Санг Мёнг (Корея), университетом Иватэ (Япония), Международным университетом Аль-Мостафа (Иран), Мазандранским университетом (г. Бабальсар, Исламская Республика Иран), университетом им. Джавахарлала Неру (Индия),

университетом Хитит (Турция), университетом Башкент (Турция).

В 2008 г. КРСУ поддержал идею создания Сетевого университета СНГ и одним из первых вступил в Консорциум Сетевого университета, подписав в 2009 г. Соглашения о сотрудничестве по направлениям совместной магистратуры, и вошел в число головных (базовых) вузов Университета ШОС по направлению «IT-технологии».

Кроме того, университет является членом: Ассоциации славянских университетов, Ассоциации азиатских университетов, Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Ассоциации школ международных отношений СНГ, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Ассоциации российско-национальных университетов на пространстве СНГ.

Налажен обмен учебными планами и программами по специальностям с родственными кафедрами МГУ, МГИМО, Дипломатической академии МИД РФ, Санкт-Петербургского университета, Московской академии управления, Института русского языка и литературы им. А.С. Пушкина, МГТУ им. Баумана, Московского института стали и сплавов, Российского гуманитарного университета, Пермского технического университета, Казахского государственного университета и рядом других учебных заведений России и государств Центральной Азии.

Подобное сотрудничество позволяет целенаправленно готовить профессионалов, вооруженных евразийской мировоззренческой культурой. Для этого служат также действующие в КРСУ центры германистики, китаистики, иранистики, тюркологии, стран СНГ, Центр корейского языка, Центр таджикского языка и культуры. В них организуются встречи студентов и преподавателей с представителями посольств иностранных государств, аккредитованных в Киргизии, международных организаций, учеными и общественными деятелями, в ходе которых происходит углубленное изучение истории, внутренней и внешней политики стран-партнеров Киргизской Республики и Российской Федерации. Подобные контакты ориентированы на сохранение единства народов постсоветского пространства и активную созидательную деятельность в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В этой связи университет предлагает конкретные программы, ориентированные на интеграцию в единое образовательное пространство стран-членов СНГ и ЕАЭС, нацеленные на

решение социально значимых проблем региона. В числе основных точек сосредоточения усилий вуз выделяет: русский язык на пространстве Центральной Азии; устойчивое экономическое развитие; малую энергетику и гидроэнергетику; современные технологии в образовании и науке; горную среду обитания и жизнедеятельность в ней человека; охрану генофонда, репродукцию и здоровье человека; региональный климат и водопользование; межкультурный и межрелигиозный диалог.

Важным условием интеграции КРСУ в единое образовательное пространство стран-членов СНГ и нацеленные зарубежья остается осуществляемая им образовательная деятельность, организованная в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов Российской Федерации и нормативными актами Киргизской Республики, а также основными положениями Болонского соглашения.

В вузе функционируют семь факультетов, 88 кафедр, шесть научно-исследовательских институтов, 15 научных и образовательных центров, четыре проблемных лаборатории, юридическая клиника, медицинский центр, 25 студий эстетического воспитания студентов. Общая численность штатных сотрудников и профессорско-преподавательского состава – 2080 человек, 20 докторантов, 220 аспирантов.

В университете обучаются более 9 тыс. студентов, из них 624 – по заочной форме. За счет бюджетов России и Киргизии обучаются 3019 студентов, в том числе – 128 человек за счет квоты для соотечественников и иностранных граждан из стран-членов СНГ; по контрактной форме (с полным возмещением затрат физическими и юридическими лицами) обучается – 6245 человек.

В процессе обучения реализуется многоуровневая система высшего образования: бакалавриат (четыре-пять лет), магистратура (два года), подготовка по специальности (пять-шесть лет), интернатура (один год), ординатура (два года), аспирантура (три-четыре года), докторантура (три года). Подготовка осуществляется по 31 направлению бакалавриата, шести специальностям, семи направлениям магистратуры.

В университете действуют Научно-методический центр переподготовки и повышения квалификации и Центр электронного менеджмента знаний, в которых реализуется программы дополнительного профессионального образования, повышения профессиональной квалификации, а также педагогического, психологического и методологического мастерства

преподавателей и сотрудников КРСУ, других вузов Киргизии. Созданный в 2013 г. Центр дистанционных образовательных технологий обеспечивает внедрение в учебный процесс передовых информационных технологий и электронных средств обучения.

В вузе успешно работают 111 программ послевузовского профессионального образования: аспирантура по 64 научным специальностям, ординатура по 40 специальностям, интернатура по семи специальностям. Кроме того, в КРСУ созданы средняя образовательная школа, технологический колледж, где ведется подготовка специалистов со средним профессиональным образованием.

Уровень обучения в вузе прослеживается на примерах студенческих побед в ходе различных международных научных форумов. Так, студентка первого курса медицинского факультета Луиза Мурзахалова в мае 2018 г. приняла участие в IX Международной конференции «Science for Health», организованной РУДН, интерес к которой проявили представители 44 стран. По ее итогам первое место было присуждено венгерскому профессору, второе – врачу из Ганы, третье – студентке КРСУ.

Студент второго курса естественно-технического факультета Илларион Абдыкаимов, завоевав серебряную медаль и диплом второй степени в финале X открытой студенческой интернет-олимпиады по математике, состоявшейся в г. Йошкар-Оле, был приглашен для участия в суперфинале форума, который пройдет в октябре 2018 г. в Ариэльском университете Израиля.

В период с 2013 по 2017 г. более 300 раз отмечались медалями, грамотами, дипломами на различных конференциях и олимпиадах успехи студентов экономического факультета. На недавно состоявшейся Международной студенческой интернет-олимпиаде по дисциплине «Экономика» ими завоевано две золотых, 15 серебряных и девять бронзовых медалей.

Высокие показатели в учебе демонстрируют студенты юридического факультета, ставшие призерами в конкурсных программах Министерства юстиции РФ и Федеральной службы судебных приставов России, конкурсов по международному гуманитарному праву им. Жана Пикте и имени Ф.Ф.Мартенса в Астане, II Международного конкурса научных работ студентов и аспирантов в Москве, Международного конкурса социальной рекламы в Минске.

Еще одна горячая новость: Медицинский совет американского штата Калифорния признал, что

уровень подготовки на медицинском факультете КРСУ соответствует критериям, установленным законами штата, и включен в список признанных медицинских учреждений.

Все перечисленное лишь дополняет перечень побед, достигнутых студентами вуза за 25 лет его функционирования. Их число значительно и каждая из них способствовала укреплению авторитета университета.

Благодаря этому, например, на том же медицинском факультете в 2018 г. среди 3 тыс. студентов проходят обучение граждане Индии, Израиля, Афганистана, Пакистана, Турции, Сирии, Иордании, Непала и стран-членов СНГ – России, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Азербайджана. Конкурс на медицинские специальности в последние годы в КРСУ достигает 55 человек на одно российское бюджетное место

Высокий уровень обучения достигается благодаря связи обучения с практикой, а также привлечению студентов к научной деятельности.

Летом 2016 г. университет провел беспрецедентную акцию – осуществил медицинское обследование жителей высокогорной Сусамырской долины. В двух районах Киргизии, Жайылском и Таласском, было создано два пункта приема пациентов. В каждом из них работали терапевт, детский врач, акушер-гинеколог и хирург, функционировали кабинет УЗИ, лаборатория, процедурный кабинет. В медицинский десант вошли четыре доктора наук. И главное – студенты, получившие, может быть, самый важный для себя урок – урок внимания и заботы. В результате 961 пациент был принят, осмотрен и обследован. Выявленным больным в отдельных случаях была оказана медицинская помощь на месте и безвозмездно предоставлены лекарства, другим выданы направления в лечебные учреждения республики по профилю заболевания.

Подобная практика позволяет активизировать студентов в их походе за знаниями, получая их в ходе научного поиска. Согласно статистике, наукой в КРСУ увлечено 27% студентов, что вполне характерно для вуза, который стремится идти в ногу со временем, «в ногу» с тенденцией глобального формирования инновационного общества. В этом отношении университет опирается на научный потенциал, который подкрепляют научными изысканиями, имеющими практическое приложение, его сотрудники: четыре академика и два члена-корреспондента Национальной академии наук Киргизской Республики, 142 доктора и 436 кандидатов наук. Среди них 50 человек име-

ют почетные звания, более 25 являются действительными членами иностранных академий и научных сообществ.

Следует отметить, что на имя университета зарегистрировано более 160 объектов интеллектуальной собственности. Более 1000 инноваций в различных областях знаний нашло практическое применение как в учебном процессе, так и в производстве.

Немаловажный показатель научной деятельности вуза – три золотых медали Всемирной организации интеллектуальной собственности, полученных в последнее время учеными КРСУ.

На горных предприятиях России, Казахстана, Узбекистана, Киргизии эффективно работает созданный учеными университета программно-технический комплекс (ПТК) Blast Maker, представляющий собой систему автоматизированного проектирования буровзрывных работ на карьерах. В России, Казахстане, Таджикистане, Турции внедрен университетский проект из сферы «гидроимпульсной энергетики», связанный с техническим переоснащением объектов водопользования. Еще одно достижение – внедрение комплекса методик инструментального контроля устойчивости плотины ГЭС при сейсмических воздействиях.

На медицинском факультете КРСУ апробируется оригинальная модель подготовки врача, сочетающего медицинские знания с широкой общегуманитарной подготовкой, эстетическим образованием и ориентацией в области компьютерных технологий. В учебный план включен сквозной цикл медико-психологических дисциплин, призванный подготовить будущих докторов к диагностике и лечению психосоматических заболеваний. Этот шаг, подкрепленный изданием университетского учебника и практического руководства, был признан пионерским Всемирной психиатрической ассоциацией и организацией «Женевские инициативы в психиатрии».

Профессорско-преподавательский состав юридического факультета на протяжении многих лет активно участвует в законотворческой деятельности Киргизской Республики. Так, в 2017 г. завершена работа над новыми Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным, Гражданским процессуальным кодексами, а также другими законами, в числе которых Кодекс о проступках, Закон «О гарантированной государственной юридической помощи в Кыргызской Республике».

Помня о том, что человек всегда должен чувствовать себя внутренне богатым, ученые вуза

думают о научной проработке образовательного процесса, его совершенствовании – без него у науки нет будущего. Невозможно смотреть в будущее без углубления гуманитарных знаний обучающихся, ученых, преподавателей, без сохранения ими исторической памяти и потребности сверяться с прошлым.

Примером, достойным для подражания, может служить также нарабатанная в КРСУ практика укрепления духовного единства народов постсоветского пространства, являющегося основой интеграционных процессов. Университет предлагает собственный опыт работы по сохранению исторической памяти, стремясь представить научному сообществу и общественности региона объективный взгляд на исторические события, к которым в современных условиях все чаще обращаются общественные взоры. В процессе научного поиска ученые университета ставят перед собой задачу не просто представить объективную картину прошлого, а указать направления дальнейшего развития, исходя из уроков прошлого. Важным научным трудом в этом отношении стал документальный сборник «Великий Октябрь Кыргызстана», посвященный 100-летию Октябрьской революции 1917 г. и 25-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Киргизской Республикой.

Откликаясь на трагедию 100-летней давности, произошедшую в Туркестане в 1916 г., КРСУ подготовил и издал шеститомный сборник документов «Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах». Основу издания составили образы – точные копии – более 300 выявленных в архивах документов. Подобного рода издание вышло в свет впервые на постсоветском пространстве. Таким образом, создана уникальная документальная база, которая позволит ученым, а также всем интересующимся проблемой взглянуть на историю восстания 1916 г. и последующие события непредвзято и максимально объективно.

Не меньший интерес представляют наработки по истории Великой Отечественной войны. Работа над данной темой, с одной стороны, – это способ совершенствовать воспитательную работу с молодежью, подключая ее к научному поиску, давая возможность проникнуться гордостью за своих великих предков, победивших фашизм, а с другой – попытка дать отпор фальсификаторам итогов Второй мировой войны. Среди фундаментальных трудов, вышедших в свет за последние два года и ставших учебными посо-

биями для молодых, назовем лишь два историко-документальных сборника: «Единство, победившее фашизм» и «Сталинградский дневник Кыргызстана».

Особо следует отметить историко-биографическую монографию «Чингиз Айтматов. Человек-Вселенная», посвященную 90-летию со дня рождения великого писателя.

И это далеко не полный список научных работ, реализованных в промышленном производстве, медицине, гуманитарной сфере, которые дают экономический эффект, укрепляют духовные скрепы народов.

Идея сохранения единства на евразийском пространстве является главенствующей в деятельности КРСУ. Ее воплощение в жизнь осуществляется благодаря наращиванию усилий по сохранению позиций русского языка. Университет, используя для этого различные общеизвестные формы, предлагает и новые. Показательна, например, университетская акция «Кабинет русского языка школе». Ее суть в том, что вуз безвозмездно оборудует в наглядном и техническом отношении кабинеты русского языка и литературы в школах Киргизии. В основу их создания ученые университета заложили тезис: «С русским языком я открою мир».

Говоря о научно-инновационной деятельности университета, следует заметить, что все научные мысли, рождавшиеся на протяжении его 25-летней деятельности: зафиксированы в 931 монографии, более чем 2,5 тыс. учебниках и учебных пособиях. За 25 лет семь сотрудников университета были удостоены звания лауреата Государственной премии Киргизской Республики за вклад в развитие науки и техники.

Миссия, которая была уготована университету подписанным 9 сентября 1993 г. между правительствами двух стран Соглашением, оказалась весьма ответственной — организовать учебную, научную, воспитательную деятельность под государственными флагами России и Киргизии. В постсоветский период университет стал первопроходцем в сохранении и укреплении позиций российской образовательной системы в Центральной Азии. За четверть века он превратился в классическое учебное заведение, готовящее специалистов для различных сфер деятельности. Выпускники университета трудятся в медицине, в горной промышленности и машиностроении, отстаивают закон, защищают права людей, вносят вклад в культуру, управляют межгосударственными отношениями, укрепляют в Центрально-Азиатском регионе позиции русского языка.

Каждый, для кого КРСУ за 25 лет функционирования стал местом не только получения знаний и навыков, но и площадкой для реализации творческих замыслов, осуществления научных поисков, в славный юбилей невольно задаст себе вопрос: а какое будущее ждет вуз? С человечеством, кажется, все определилось — ему уготовлен процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, именуемый глобализацией. Последняя находится под прямым воздействием научно-технической революции, которая предполагает тотальное «вторжение» знания и воздействие на все сферы общественной жизни, в том числе на науку, образование и производство, что коренным образом повлияет на поведение людей, их мотивацию, образ мысли и чувств.

Никуда не деться — ближайшее будущее человечества связано с автоматизацией, цифровыми технологиями. Не избежать ему в пору глобальных преобразований выстраивания системной и надежной защиты окружающей среды, что превратит экологию в один из важнейших трендов новой эпохи. Человек неминуемо будет находиться в центре происходящих процессов, что вызовет потребность решать социальные проблемы общества и ответить на его главный запрос о долгой и активной человеческой жизни. И здесь не избежать рассмотрения проблем, связанных как со способностью человека контактировать с социумом, так и со здоровьем людей.

Тем самым университету предстоит решить задачу по совершенствованию замкнутой системы «наука — образование — производство — человек». Исходя из нее, выпускник КРСУ в недалеком будущем — человек, вооруженный несколькими специальностями, способный к безболезненной переориентации в своей профессиональной деятельности, ощущающий свое духовное богатство и который стремится трудиться во благо общественного прогресса. Поэтому развитие в вузе творческой обстановки — задача первостепенной важности.

В августе 2017 г. Указом Президента Киргизии КРСУ был награжден орденом «Достук» (в переводе на русский язык — «дружба»). Этой награды вуз был удостоен по случаю 25-й годовщины независимости Киргизской Республики за особый вклад в развитие социально-экономического, духовного и интеллектуального потенциала страны.

В 2004 г. Указом Президента Киргизской Республики университету было присвоено имя первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина как знак особой благодарности

и уважения к огромному личному вкладу в создание КРСУ, ставшему наиболее успешным проектом в постсоветский период.

Очевидно, создание 25 лет назад КРСУ стало поистине знаковым событием – Киргизия и Россия первыми продемонстрировали желание

сохранить и укрепить единое образовательное пространство. Опыт дал толчок для создания подобных вузов в Таджикистане, Армении, Белоруссии, Молдавии, Азербайджане. И в условиях расширяющейся интеграции этот опыт имеет огромное значение.

Литература

1. Кыргызско-Российский Славянский университет в системе образования и науки России и Кыргызстана. Кафедра истории и культурологии. Бишкек, 2003.

References (transliterated):

1. Kyrgyzsko-Rossiyskiy Slavyanskiy universitet v sisteme obrazovaniya i nauki Rossii i Kyrgyzstana [Kyrgyz-Russian Slavic University in the system of education and science of Russia and Kyrgyzstan]. Kafedra istorii i kul'turologii. Bishkek, 2003.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЦИДИВ: ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Тугельбаева Бермета Галиевна
Тыныбеков Ниязбек Тыныбекович

***Цель:** изучение личности преступника, повторно совершившего преступление, с целью определения ее типологии, а также и особенности формирования преступного поведения.*

***Методология:** статистико-криминологический, конкретно социологический, сравнительный методы.*

***Выводы.** По критериям устойчивости противоправного поведения и криминальной активности преступника можно выделить такие типы его личности, как аномальный, ситуативный и активно криминогенный; по мотивационной направленности выделяется корыстолюбивый тип личности преступника, включающий самоутверждающийся подтип. Характерными особенностями личности преступника, совершившего преступление повторно, являются определенный уровень отклонения от разумных потребностей, раннее начало преступной деятельности, ее выраженная профессионализация, высокая устойчивость антиобщественной установки, отсутствие раскаяния в содеянном и деморализации от факта неоднократного осуждения.*

***Научная и практическая значимость.** Научная новизна работы заключается в том, что впервые в Кыргызской Республике проведено криминологическое исследование личности преступника, повторно совершившего преступление. Его результаты позволили выявить не только типы личности указанных лиц по таким критериям, как мотивационная направленность, устойчивость преступного поведения и криминальная активность, но и характерные особенности их преступного поведения. Полученные результаты могут быть использованы при разработке комплексных программ профилактики и предупреждения профессиональной, рецидивной, организованной преступности и преступности несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** личность преступника, криминологический рецидив, специальный рецидив, рецидивная преступность, типология личности, социологические методы.*

Введение

Как известно, в 1897 г. на Гейдельбергском съезде Международного союза криминалистов была принята классификация, в которой наряду с упорными или профессиональными, а также случайными преступниками были выделены преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или неоднократно совершавшие преступления. Таким образом, уже тогда была выделена группа преступников, которые несколько раз совершали преступления и которых позже стали называть рецидивистами. Считалось, что именно многократные рецидивисты вместе с профессиональными преступниками составля-

ют ядро преступного мира, от которого зависит состояние преступности в стране [1, с. 10–15].

Степень их слияния такова, что долгое время разграничить профессиональную преступность и рецидивную с криминологических позиций было весьма затруднительно, поскольку практически большая часть лиц, повторно совершивших преступление, так или иначе вливалась в ряды профессиональных преступников. Их так и называли: профессиональные преступники-рецидивисты. Выделение же рецидивистов в особую группу преступников произошло в 1922–1924 гг., когда уголовный закон начал оперировать терминами «рецидивист», «опасный рецидивист». Лица,

подпадающие под это понятие, фактически положили начало формированию контингента преступников-рецидивистов.

Разграничению профессиональных преступников и рецидивистов способствовал А.И. Гуров, разработавший теорию профессионального преступника на основе обобщения различных классификационных признаков (возраст, образование, пол и др.), представленных в работах криминологов советского периода. Так, к типу преступников-профессионалов он относил личности, сознательно избравшие преступное занятие для получения средств к существованию (дохода) и отличающихся устойчивостью паразитических наклонностей. Отмечая ведущую роль криминального стажа в формировании профессионального преступника, т.е. совершение многоэпизодных преступлений без привлечения лица к уголовной ответственности, А.И. Гуров установил, что не все профессиональные преступники являются рецидивистами, и наоборот. В основном преступниками-профессионалами становятся лица, характеризующиеся наличием специального рецидива, т.е. совершившие однородные или тождественные преступления. Причем, как правило, это многократный специальный рецидив, когда преступник специализируется на одном-двух видах преступной деятельности, например кражах. Вместе с тем, по мнению А.И. Гурова, в современной рецидивной преступности обнаруживается устойчивая тенденция к преобладанию именно многократного специального рецидива, что отражает степень профессионализации преступников [2, с. 117–118].

Результаты конкретных социологических исследований личности профессиональных преступников, полученные Н.В. Шигиной [3, с. 54–55], также позволяют сделать вывод, что в первом приближении контингент лиц, повторно совершивших преступление (криминологический рецидив), среди профессиональных преступников составляет по меньшей мере не менее 60%.

Личность преступника-рецидивиста достаточно полно изучена в 1998–2003 гг. российскими исследователями, в числе которых Г.Н. Зарва, В.А. Иванов, В.В. Муравьев, А.К. Суменков, В.Ф. Шевченко и др., которые выделили особенности, присущие этой категории преступников, характерные для того времени. В указанный период, как известно, новеллой действующего уголовного законодательства практически во всех странах-членах СНГ явился отход от понятия «особо опасный рецидивист» и оперирование понятием «рецидив преступлений», что, по мнению многих авторов, было справедливым, поскольку отвечало

принципу равенства граждан перед уголовным законом, не допуская переноса тяжести уголовной ответственности на личность преступника. Тогда же оформилось и понятие криминологического рецидива преступлений, в основу которого был положен факт неоднократного совершения преступления лицом независимо от характера принятых мер [3, с. 728].

Учитывая, что исследования личности преступника-рецидивиста в Кыргызской Республике не проводились, как, впрочем, и вообще рецидивной преступности, авторами настоящей статьи была изучена личность преступника, повторно совершившего преступление, с целью установления ее типологий и особенностей формирования преступного поведения. Как известно, особенности преступного поведения находят отражение в уголовно-правовой, социально-демографической и социально-психологической характеристиках личности преступника. В данной статье представлены материалы только по двум последним характеристикам.

Описание исследования и его результаты

Для общей оценки состояния рецидивной преступности в Кыргызской Республике вначале были рассмотрены сведения о лицах, ранее совершивших преступления. Для репрезентативности проведенных исследований был выбран временной интервал в 15 лет (2003–2017 гг.). Согласно статистическим данным МВД Кыргызской Республики, в течение указанного периода наблюдалось устойчивое снижение удельного веса указанной категории лиц. По сравнению с 2003 г., который принят за базовый, их удельный вес к 2017 г. уменьшился в 3,6 раза (с 6,5 до 1,8%). Хотя в отдельные годы сокращение удельного веса было и более значительным, например, в 2013 г., когда он уменьшился в 3,9 раза.

В отношении контингента ранее судимых лиц Судебным департаментом Кыргызской Республики также фиксируется снижение их численности в составе осужденных. Так, если в 2010 г. на долю ранее судимых лиц приходилось 32,0% всех осужденных, то к 2014 г. их доля сократилась до 27,4% [5, с. 52–53].

В колониях №8 и №16 (Чуйская область), где отбывают наказание преступники-мужчины, значительную часть осужденных составляют ранее судимые лица, что и обусловило выбор данных пенитенциарных учреждений для исследования, направленного на раскрытие личностных характеристик преступника на основе изучения:

социально-демографических признаков: возраст, образование, сфера деятельности, семейное

положение, наличие детей, место проживания, этническая принадлежность;

социально-психологических свойств: психология семейно-бытовая, досуговая, правовая, трудовая, групповая, отношение к содеянному и к будущей жизни, самооценка.

Для этого были использованы адаптированные для пенитенциарных учреждений социологические методы криминологического анализа, в числе которых: метод анкетирования для первичного опроса контингента осужденных и метод углубленного интервью на основе стандартизированного вопросника, содержащего вопросы открытого, закрытого, полузакрытого типа [6, с. 9–25].

Анкетному опросу была подвергнута группа осужденных, отбывающих наказание за совершение преступлений против собственности, которые в Кыргызстане доминируют в структуре общей преступности. В целом было опрошено 245 человек, кроме того, 21% осужденных в индивидуальных интервью согласились дать более полные сведения о себе.

Полученные первичные данные были обработаны с помощью метода количественного и качественного анализа и имеют описательный характер. Они были статистически обработаны по программе SPSS (Statistical Package for Social Sciences) for Windows. Для выявления взаимосвязи между различными переменными применялся многомерный анализ социологической информации. Полученные количественные показатели логически интерпретированы в соответствии с поставленными задачами исследования.

Как известно, важным признаком, характеризующим преступника, является возраст. Многочисленными исследованиями доказано, что с возрастом изменяются физическое состояние человека, его жизненные цели, потребности и возможности для их реализации. В личностном плане происходит изменение ценностных ориентаций, социального статуса, что отражается на мотивации действий.

Исследуя личность преступника, ряд криминологов указывали, что пик активности при совершении преступлений приходится на возраст 25–29 лет, затем в порядке убывания – на 18–24 года, 14–17 лет и 30–40 лет. Наименьший удельный вес среди преступников имеют лица старше 50 лет, при этом для профессиональной и рецидивной преступности характерна высокая возрастная граница [4, с. 756]. Г.Н. Зарва также отмечает, что показатель рецидива обычно смещается в сторону старших возрастов. Он объясняет это тем, что рецидив преступлений характерен для

ситуации, когда лицо уже отбыло определенный срок наказания за предыдущее преступление. Таким образом, рецидив, образуемый двумя и более судимостями, увеличивает срок наказания, что и отражается на его возрастном смещении [7, с. 103].

В нашем случае практически во всех статистически выделенных возрастных категориях имеет место повторное совершение преступлений (криминологический рецидив). Но наиболее высокий количественный показатель рецидива наблюдается для возраста 30–40 лет (в среднем 36%). На втором месте возраст 25–29 лет (в среднем 32%), затем 40–49 лет (в среднем 19%). Возраст в 18–24 года характеризуется показателем рецидива 8%. Особо следует отметить категорию от 50 лет и старше – где лиц, совершивших повторные преступления, меньшинство (5%), впрочем, как и вообще осужденных.

Минимальный показатель – 5%, как и то, что максимальные показатели рецидива приходятся на возраст 25–40 лет, свидетельствуют о тенденции к омоложению рецидивной преступности. На наличие в последние 10–15 лет такой тенденции в России указывает А.К. Суменков. По данным его исследования, самый высокий показатель рецидива характерен для возраста 30–39 лет, причем для особо опасного рецидива в 32 года [8, с. 69–70]. Объяснение этому явлению автор видит в склонности преступников указанного возраста к самоутверждению в иерархии преступного мира, что толкает их на совершение тяжких и опасных преступлений.

По-видимому, следует согласиться с указанным автором в том, что становление преступника-рецидивиста не происходит спонтанно, совершение второго и последующих преступлений предполагает наличие определенного характера и продуманных действий. Если в возрасте 18–24 лет еще сказывается отсутствие опыта преступной деятельности, поэтому отмечается достаточно низкая латентность совершаемых преступлений, то к 25–29 годам преступные навыки уже сформированы, и физическая форма позволяет их реализовать. В результате к 30 годам преступник хорошо подготовлен к исполнению преступных замыслов, и чтобы повысить свой низкий статус в криминальной среде, он готов действовать преступным путем.

Как показывают результаты анкетирования осужденных лиц, процесс становления преступника-рецидивиста занимает определенное время. Так, около 12% респондентов совершили свое первое преступление в возрасте 14–16 лет,

к 18–24 годам повторно совершили преступление уже 18% респондентов, а к 25–29 годам этот показатель вырос до 32%. Несмотря на то, что часть респондентов выбрали свою преступную карьеру в молодом возрасте, большинство из них считают, что это был вынужденный вариант их поведения. Надо отметить, что повторное возвращение в пенитенциарные учреждения половиной респондентов воспринимается достаточно спокойно. Это часть их жизни, к которой они, по их мнению, уже приспособились. Однако примерно 27% респондентов выражают по этому поводу озлобленность, отрицают справедливость наказания, особенно, при опасном и особо опасном рецидиве.

В ходе исследования был выявлен достаточно однородный уровень образования для основной массы респондентов. Так, наиболее характерным для них является наличие общего среднего образования (50%), реже отмечается наличие среднего специального образования (28%) и крайне редко лица, совершающие рецидивные преступления, имеют высшее либо незаконченное высшее образование – соответственно 6% и 3%. Как правило, это лица, для которых характерен особо опасный рецидив. В этой связи А.К. Суменков отмечает, что квалифицированные рецидивисты более образованны, чем остальные лица, совершающие рецидивные преступления [8, с. 77].

Выявлено, что среди преступников в возрасте до 25 лет 13% составляет совокупная доля лиц, не имеющих законченного среднего общего образования, в том числе: имеющих неполное среднее (девять классов) либо начальное образование (четыре класса), а также неграмотных. В целом вырисовывается неутешительная картина, свидетельствующая о низком образовательном уровне преступников, повторно совершивших преступления, который особенно среди молодежных возрастов ниже, чем у всего населения республики в целом. Между тем образование всегда служило определенным условием формирования нравственного становления личности. Поэтому криминологов должно насторожить появление контингента неграмотных среди преступников. К сожалению, это наблюдается и в других странах-членах СНГ, например в России [9, с. 80], где всегда подчеркивалась роль образования как антикриминогенного фактора.

Анализ трудовых навыков лиц, повторно совершивших преступления, выявил, что рабочими специальностями владели 60%, инженерными – 5%, гуманитарными – 9%; не имели специальности 26% респондентов, т.е. их трудовой статус был весьма низким. Однако представляется уместным

заметить, что в сложившейся социально-экономической реальности наличие специальности или квалификации не всегда служит залогом обеспечения трудовой занятости.

Возможно, это является одним из факторов того, что большинство изучаемых лиц (67%) до осуждения нигде не работали и не учились, хотя имеются сведения, что для рецидивистов характерно раннее начало трудовой деятельности [9, с. 81]. Другой важный фактор заключается в том, что в настоящее время часто причина нетрудоустройства не зависит от их желания, поскольку даже с одной судимостью человеку, имеющему специальность, весьма трудно устроиться на работу, а о тех, у кого две и более судимости, говорить вообще не приходится. Это касается не только частных предприятий, но и государственных организаций. В этой связи следует отметить, что в советский период администрациям предприятий вменялось в обязанность трудоустроить судимых лиц, чтобы способствовать их реабилитации и реинтеграции в общество.

Вместе с тем необходимо учитывать, что чаще всего наличие нескольких судимостей характеризует лицо уже как профессионального преступника, которому присуще стремление к уклонению от общественно полезного труда. Опытные преступники-профессионалы стараются устроиться на такую работу, которая позволяет им отлучаться при необходимости для подготовки или совершения новых преступлений. Для таких лиц наряду с профессиональной преступной деятельностью источником доходов может служить индивидуальная трудовая и предпринимательская деятельность [10, с. 71–72], выступающая, в том числе, и как элемент маскировки для создания внешне благополучного образа человека, которому нечего скрывать. Хотя, как показывает проведенное исследование, о других возможных вариантах получения легального заработка задумывались немногие респонденты (9%).

Что касается семейного положения, то подавляющая часть респондентов (63%) не состояли в браке на момент исследования – были холосты, разведены и вдовцами. Холостые лица (20%) представлены преимущественно среди молодых возрастов 18–24 и 25–29 лет. Брак распался у 15% лиц после первого осуждения, у 21% – после второго, т.е. увеличение числа судимостей сопровождается более интенсивным распадом семей. Это общая тенденция, которая отмечена и в других исследованиях [11, с. 362]. Поддерживали отношения в зарегистрированном или гражданском браке 37%. При этом предпочтение отдавалось

гражданскому браку, который выгоден тем, что нажитое преступным путем совместное имущество остается вне уголовно-процессуальных процедур в случае привлечения лица к уголовной ответственности.

Не имели детей больше половины респондентов (58%), что закономерно при образе жизни, который ведут рецидивисты. Имели от одного до трех детей 42%, особенно старшего возраста, что объясняется менталитетом народов Центральной Азии, которые всегда стремились к многодетным семьям. Немаловажную роль играло и наличие постоянного места жительства, практически у 58% респондентов, что обеспечивало их территориальную привязку к определенному региону и создавало иллюзию стабильности семейных отношений. Лица, не имеющие своего жилья, проживали у родственников (16%) или снимали квартиры и комнаты (18%), а 8% использовали для проживания заброшенные дачи или подвалы. В числе лиц, не имеющих собственного жилья, значительный процент составляли внутренние мигранты.

В целом на момент совершения преступления 1/3 респондентов (31%) проживали в сельской местности, основная же масса изучаемых лиц (65%) – в городах. Среди осужденных имелись так называемые «гастролеры», которые предпочитали покидать периодически место жительства и свободно перемещаться по республике, даже выезжать за ее пределы. В летнее время они объединялись в небольшие группы и гастролеровали по курортным зонам (Иссык-Куль, Жалал-Абад и другие курорты).

Распределение респондентов по этническому признаку показывает, что самую большую группу (56%) составляют респонденты, принадлежащие к мусульманским народам, проживающим в республике. Вторую по численности группу (30%) образуют респонденты славянского происхождения. На долю представителей других этносов, таких как корейцы, цыгане и др., приходится 14%.

Изучение социально-демографических признаков лиц, повторно совершившие преступления, позволило получить среднестатистический социально-демографический портрет лица, характеризующего криминологическим рецидивом. Это мужчина в возрасте 25–40 лет с общим средним образованием, не имеющий постоянной работы, проживающий в городской местности, разведенный, имеющий детей и постоянное место жительства, совершающий преступления корыстной направленности, характеризующиеся специальным и многократным рецидивом.

Анализируя результаты изучения социально-психологических свойств личности преступника, необходимо заметить, что еще в советский период многие исследователи отмечали, что основы сознания человека, его моральные и волевые качества, а также мотивы будущего поведения закладываются именно в семье. Если с этой точки зрения посмотреть на семейное состояние респондентов, то для их значительного числа моральная обстановка родительской семьи и условия проживания в ней были специфическими. Имели только одного из родителей 33% респондентов, воспитывались в детском доме 23%. Даже при наличии обоих родителей часть детей воспитывалась у родственников. Причины были разными, в основном они связаны с выездом родителей на заработки (11%), с отказом от обязанностей по воспитанию детей из-за материальных трудностей в многодетных семьях (9%), либо плохим отношением к детям (5%). В последнем случае родители проявляли неуважение, грубость по отношению к детям, даже деспотизм. Воспитывались в семье с определенным достатком и имели обоих родителей только 20% респондентов. При этом на существование нормальных доверительных отношений в родительских семьях указало всего лишь 13% из них, а в собственных семьях – только 8%.

В ходе интервью с респондентами выявилось, что пережили физическое и моральное насилие в семье почти 45%. При этом со стороны родителей подвергалось насилию 34% респондентов, со стороны близких родственников – 25%, со стороны незнакомых людей – 14%. Часто это приводило к развитию у респондентов депрессивного состояния, нервных срывов, различных отклонений в поведении. В семьях многих из них (42%) были обиденным явлением драки и ссоры. Более 40% респондентов отметили, что их родители, а также ближайшие родственники, в основном мужчины, часто злоупотребляли спиртными напитками, что приводило к постановке их на учет, т.е. у части родителей и родственников наблюдался хронический алкоголизм, признанный в установленном порядке. Сами респонденты также имеют те или иные отрицательные привычки и наклонности. Например, употребление алкоголя является нормальным для 47% респондентов, пристрастие к употреблению наркотиков выказали почти 25%, к азартным играм – 20% респондентов. Причем алкоголь и наркотики 20% из них начали употреблять в несовершеннолетнем возрасте, а играть в азартные игры – еще малолетними подростками.

Более чем у 1/3 респондентов один или оба родителей были судимы (34%), а также другие

домочадцы (20%), а ближайшее окружение часто носило антиобщественный характер. Почти для 54% респондентов круг общения состоял в основном из друзей и подруг, среди которых были и ранее судимые. Постоянного круга общения не имели 29% и встречались со знакомыми либо нужными людьми лишь по необходимости. Понимание дружбы и преданности носит у респондентов сугубо ситуационный и меркантильный характер, часто оно построено на страхе и связано с преступной деятельностью. Что касается общественной деятельности, то она их не привлекает, ею занимаются в основном для маскировки преступных действий.

Различные культурные мероприятия значительное число респондентов (39%) посещали редко. Постоянно ходили в театры, музеи и на выставки 6–7%, изредка читали художественную литературу 4%, остальные затруднились с ответом. Развлекательные мероприятия (концерты, кино) посещались респондентами примерно в шесть раз чаще, дискотеки и клубы – в три раза чаще. Определенная часть респондентов (12%) посещала спортивные секции, примерно 95% респондентов постоянно смотрели телевизионные передачи. При этом интересы половины из них (51%) ограничивались современной музыкой, женщинами и автомобилями. Обучающие курсы, например языковые, компьютерные и др., респондентов практически не интересовали. Досуг они предпочитали проводить в кафе или дома за распитием спиртных напитков, игрой в азартные игры.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что ранняя потеря связи с родителями, воспитание в неполной семье или в семье родственников потенциально способствуют формированию антиобщественных установок у несовершеннолетних. Если к этому добавить перенесенное в детстве насилие в семье, которое могло вызвать психические отклонения, то это уже прямая репродукция криминального поведения личности. Следовательно, правы многие криминологи, полагающие, что тяжелые условия детства способствуют формированию у преступников-рецидивистов неправильных нравственных позиций, взглядов и представлений [12, с. 104–105]. Вследствие недостатка школьного образования в их сознании закладывается чувство неуважения к власти, к общественной деятельности. После первой судимости дальнейшее воспитание таких лиц происходит уже в камере по тюремным «понятиям».

Ближайшее окружение большей части респондентов не отличалось особыми интеллектуальными запросами, что ограничивало доступ

респондентов к достоверным знаниям и замещало их различной псевдоинформацией. Культурный досуг был весьма беден либо практически отсутствовал, что свидетельствует об их примитивных потребностях, в основном материального характера. При этом характерным является стремление к общению в своем замкнутом кругу с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. Среди них особую роль в формировании правового нигилизма и отклоняющегося поведения играет связь с ранее судимыми лицами. Как показывают другие исследования, именно ранее судимые лица, а также профессиональные преступники оказываются часто первыми «учителями» будущих рецидивистов, обучая их криминальным навыкам, традициям и «законам» преступного мира. Более того, существует закономерность: чем больше удельный вес влияния ранее судимых по сравнению с другими факторами, оказавшими отрицательное воздействие на формирование личности особо опасных рецидивистов до первого их осуждения, тем больше судимостей насчитывается в их преступной биографии [12, с. 105].

Для изученного контингента преступников характерно наличие групповой психологии. Они более комфортно чувствуют себя в группах, которые формируются среди осужденных чаще всего по принципу землячества, причем национальность не играет особой роли, либо по профессиональной специализации (например, воры-карманники, вымогатели и др.). Это объясняется тем, что в условиях изоляции от общества группа выполняет многие функции, обеспечивая защиту, досуг, а также обучение, например криминальным навыкам. По-видимому, способствует групповой психологии и то, что свыше половины респондентов (54%) совершали групповые преступления. Наиболее характерно это для молодежной среды. Как указывали респонденты, участники группы подбираются, как правило, из числа знакомых, которым можно доверять, или на основе землячества, и лишь в исключительных случаях в группу принимаются незнакомые лица. Однако большинство респондентов пытались создать мнение, что в преступном мире наиболее распространены случайные группы и организованный характер групповых преступлений – это редкость.

В ходе исследования выяснено, что преступления с небольшим материальным ущербом, в частности, кражи мелкого скота, мелкое воровство, уличное вымогательство совершаются преимущественно в группах с простой формой соучастия. Это чаще всего действительно случайные или ситуативные группы, распространенные больше

среди молодых возрастов, которые после совершения преступления распадаются [13, с. 166–167]. Практика показывает, что в других группах, где действуют жесткий контроль и система наказаний как физического, так и материального характера, преступления совершаются чаще всего по предварительному сговору. Эти группы имеют руководителя, могут быть сформированы по территориальному признаку, но с участием представителей других территорий, что указывает на наличие связи между преступными группировками, по меньшей мере, на уровне республики. Массив преступлений, совершаемых такими группами, включает прежде всего кражи, в том числе из квартир, мошенничество и вымогательство.

В этой связи В.А. Иванов отмечает, что в преступной группе рецидивистов может иметь место и коллективная форма руководства в виде организующего ядра [14, с. 77–78]. Лица, входящие в это ядро, имеют более выраженную антиобщественную направленность и большой криминальный стаж, но при этом характеризуются высокими организационными способностями и пользуются авторитетом в преступном мире. В основном это представители старшего поколения, сохранившие верность «воровским» традициям. Исследования профессиональной преступности в Кыргызстане [10, с. 82–83] подтверждают существование такого коллегиального управления преступными группами.

В качестве мотивов, толкнувших к совершению преступления, значительная часть респондентов (79%) указали желание выйти из материальных затруднений различного характера, а также стремление «разбогатеть», т.е. у них преобладала корыстная направленность преступного поведения. Только 9% назвали мотивы, связанные с улучшением жизни семьи, обеспечением достойной жизни для детей. Кроме того, для молодых возрастов (18–24 года) характерны мотивы, связанные с повышением статуса в криминальном мире, а для более зрелых преступников в возрасте 30–40 лет – с сохранением криминального престижа. В целом совершению преступления способствовала укоренившаяся специфическая материально-потребительская мотивация, сформированная на фоне постоянного употребления спиртных напитков (31%), а в ряде случаев наркотиков (18%). Таким образом, удовлетворение односторонних и узких потребностей, направленных на обогащение любым путем, доминирование личных, эгоистических интересов над интересами общества и грубое им противопоставление своего «Я», а также стремление к криминальной карьере

характеризуют достаточно высокую самооценку таких преступников.

Большинство респондентов продемонстрировали достаточно равнодушное отношение к тому, что ими нарушен закон. По-видимому, уголовное наказание не оказывает на них деморализующего влияния, и они не испытывают страха, неоднократно возвращаясь в места лишения свободы. Только примерно 12% респондентов отметили, что раскаиваются в содеянном, но многие из них предпочли не отвечать на этот вопрос. Вместе с тем больше половины респондентов (58%) сообщили, что если бы им представилась возможность начать жизнь заново, то они, не встали бы на преступный путь, т.е. в моральном плане они осознают сценарий своей жизни как криминальный, хотя не имеют каких-либо планов на будущее более 65% респондентов. Следовательно, для значительной части таких лиц криминальный образ жизни является весьма привычным, а криминальная психология нормальной.

Если проанализировать все указанные условия формирования личности преступника-рецидивиста, совершающего рецидивные преступления, то их можно условно разделить на объективные и субъективные. К объективным условиям следует отнести несложившиеся позитивные условия воспитания личности: отсутствие родительской семьи или одного из родителей, воспитание в других семьях или детских домах, плохой пример родителей, насилие, испытанное в семье в детском и подростковом возрасте, отрицательное влияние окружения и особенно ранее судимых лиц. Именно отсутствие семейных отношений усиливает асоциальность преступников, что в совокупности и накладывает существенный отпечаток на формирование у них пренебрежительного отношения к общественно полезному труду, позитивному и правомерному поведению.

К субъективным условиям прежде всего следует отнести незанятость личности в общественно полезной деятельности, поскольку труд им чужд, нежелание продолжить образование для получения хорошей специальности, а также повышать свой культурный и нравственный уровень. В результате рассматриваемый контингент не имеет интеллектуальных интересов, характеризуется неразвитостью познавательных процессов. Материальные потребности таких лиц преобладают над духовными, а духовные потребности в общении, творчестве, образовании крайне примитивны и упрощены, алкоголь и наркотики замещают многие жизненные ценности, в коммуникациях упор делается на воровскую дружбу и предан-

ность, которая по своей сути основывается на материальном интересе или на страхе.

Значительную роль в генезисе преступного поведения имеет антиобщественный характер ближайшего окружения, поскольку именно под его влиянием у личности складываются антиобщественные взгляды и привычки. При этом систематическая преступная деятельность в течение длительного периода времени придает указанным антиобщественным взглядам высокую устойчивость, способствуя их трансформации в антиобщественную установку, в основе которой лежит не столько характер сложившихся потребностей, сколько уровень отклонения от разумных потребностей.

Несомненно, этому также способствуют периоды отбывания наказания, когда на личность преступника наряду с позитивным воздействием со стороны работников пенитенциарных учреждений оказывают воздействие такие отрицательные факторы, как иерархия преступного сообщества, криминальный быт и тюремная субкультура. По мнению, прав В.В. Крюков, утверждающий, что для повышения результативности механизма исправления осужденных необходимо ограничить влияние на них указанных факторов [15, с. 12].

Вместе с тем, если цели наказания не достигаются, то, возможно, следует прислушаться к тем, кто предлагает «отказаться от доктрины исправления человека через применение наказания, сутью которого является кара. У осужденного не должно сформироваться ощущение того, что само по себе исполнение наказания приносит только вред процессу исправления» [16, с.72].

Все вышесказанное, позволяет утверждать, что формирование личности преступника, повторно совершившего преступление, — это многофакторный и нелинейный процесс, занимающий немало времени, который охватывает все сферы его жизнедеятельности, зачастую навсегда деформируя многие духовные ценности.

Выводы

Во-первых, на основании изучения типологий преступников-рецидивистов, выделенных по различным основаниям [10, с. 86–91; 15, с. 78–81], определены их типологические группы, по критериям устойчивости противоправного поведения и криминальной активности. Это следующие типы рецидивистов:

- 1) аномальный тип;
- 2) ситуативный тип;
- 3) активно криминогенный тип.

Аномальный тип близок к асоциальному типу. Для такого рецидивиста характерны примитивное мышление, низменные моральные ценно-

сти, стихийный мотивационный комплекс и совершение повторных преступлений в силу общей деградации личности, усугубленной выпадением из нормальной системы социальных связей и отношений в результате систематического употребления алкоголя, наркотиков, а также наличие других отрицательных привычек или психических аномалий. Чаще всего он не имеет постоянного места жительства, семьи и детей, практически постоянно находится под влиянием других преступников и является стихийным исполнителем чужих преступных замыслов, совершая примитивные корыстные преступления общеуголовного характера.

У рецидивиста *ситуативного типа* — положительные жизненные установки дефектны либо утрачены, отсутствует система твердых убеждений, нет прочных нравственных позиций, моральные нормы разрегулированы, социальные связи ослаблены, хотя могут наличествовать постоянное место жительства, трудовые и семейные отношения, дети. Вследствие слабости характера и импульсивности поведения он не способен устоять перед соблазном получения каких-либо криминальных выгод или преступного дохода. Более того, он сам может создавать такие ситуации, что обуславливает многократный рецидив чаще всего корыстной направленности в его преступной деятельности.

Активно криминогенный тип близок к выделяемому в литературе «злостному» и последовательно криминогенному типам. Для таких лиц характерны раннее начало преступной деятельности, грубое антиобщественное поведение, высокая криминальная активность в течение продолжительного времени, обуславливающая специальный рецидив корыстных или корыстно-насильственных преступлений на фоне многократного рецидива, что в перспективе может привести к их переходу в профессиональные преступники. Они отличаются хорошо осознаваемыми целями, мотивами и продуманностью преступных замыслов, их воплощением в реальность; часто выступают в роли ведущего звена в преступной группировке, организуют и направляют ее деятельность.

Исходя из мотивационной направленности личности можно выделить корыстолюбивый тип, к которому относится практически весь исследованный контингент осужденных, поскольку ими совершаются преступления из корыстных побуждений, жадности, переходящей в алчность. Вместе с тем внутри этого типа следует выделить самоутверждающийся подтип, к которому относятся лица, стремящиеся стать лидерами в среде осуж-

денных, достичь в криминальном мире особого, более высокого положения.

Во-вторых, выявлены характерные особенности личности преступника, совершившего повторное преступление, а именно: определенный уровень отклонения от разумных потребностей, раннее начало преступной деятельности, ее выраженной профессионализация, высокая устойчивость антиобщественной установки, отсут-

ствие раскаяния в содеянном и деморализации от факта неоднократного осуждения. Отсутствие позитивных тенденций в изменении личностных характеристик указанных лиц свидетельствуют о неэффективности существующего механизма предупреждения совершения ими новых преступлений, что заставляет задуматься о целесообразности присутствия института рецидива преступлений в уголовном законе.

Литература

1. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. – 301 с.
2. Гуров А.И. Профессиональная преступность // Наследники Ваньки Каина. М., 1994. – 203 с.
3. Шигина Н.В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: дисс...канд. юрид. наук. М., 2001. – 167 с.
4. Долгова А.И. Криминология: Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2010. – 784 с.
5. Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике. Статистический сборник. Бишкек, 2015. – 94 с.
6. Айдосов С.Б. Общественный мониторинг пенитенциарных учреждений: Практическое руководство для неправительственных организаций. Алматы: Раритет, 2004. – 164 с.
7. Зарва Г.Н. Рецидив преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс.... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. – 214 с.
8. Суменков А. К. Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы: дисс.... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. – 169 с.
9. Муравьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рецидивной преступности молодежи: дисс.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. – 181 с.
10. Береналиев Н.А. Криминологические аспекты противодействия профессиональной преступности в Кыргызской Республике: дисс.... канд. юрид. наук. Бишкек, 2014. – 169 с.
11. Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / под ред. А.С. Михлина. М.: Юриспруденция, 2001. – 464 с.
12. Шевченко В.Ф. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности (на материалах Санкт-Петербурга): дисс.... канд. юрид. наук. СПб., 1998. – 161 с.
13. Алауханов Е.О., Бисенова М.К., Бисенова М.К. Вымогательство: вопросы квалификации и профилактики: учеб. пособие. Алматы: Инжу-Маржан, 2012. – 196 с.
14. Иванов В.А. Рецидив преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс.... канд. юрид. наук. Омск, 2002. – 170 с.
15. Крюков В.В. Цели уголовного наказания: понятие виды, механизмы достижения: дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. – 251 с.
16. Чукмаитов Д.С., Ахметова С.А. Защита прав и законных интересов детей в сфере применения уголовного наказания и иных уголовно-правовых мер воздействия // Союз криминалистов и криминологов. 2016. № 1–4. С. 70–78.

References

1. Gurov A.I. Professional'naya prestupnost': proshloye i sovremennost' [Professional crime: the past and the present]. Moscow: *Yuridicheskaya literatura Publ.* [Legal literature], 1990. 301 p. (In Russian)
2. Gurov A.I. *Nasledniki Van'ki Kaina* [The heirs of Vanka Kain]. Moscow, 1994. 203 p. (In Russian)
3. Shigina N.V. *Kriminologicheskiye problemy bor'by s professional'noy prestupnost'yu na sovremennom etape* [Criminological problems of combating professional crime at the present stage] diss. Can. Jurid. Sci., Moscow, 2001. 167 p. (In Russian)
4. Dolgova A.I. *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov* [Criminology: a textbook for universities]. Moscow, Publishing House NORMA, 2010. 784 p. (In Russian)

5. Prestupnost' i pravoporyadok v Kyrgyzskoy Respublike: Statisticheskiy sbornik [Crime and the rule of law in the Kyrgyz Republic: Statistical collection]. Bishkek, 2015. 94 p. (In Russian)
6. Aydosov S.B. Obshchestvennyy monitoring penitentsiarnykh uchrezhdeniy: Prakticheskoye rukovodstvo dlya nepravitel'stvennykh organizatsiy [Public monitoring of penitentiary institutions: A practical guide for non-governmental organizations]. Almaty, Raritet, 2004. 164 p. (In Russian)
7. Zarva G.N. Retsidiv prestupleniy: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty: dis... kand. yurid. nauk [Relapse of crimes: criminal law and criminological aspects: dis....Cand. Jurid. Science]. Rostov-na-Donu, 2003. 214 p. (In Russian)
8. Sumenkov A. K. Retsidiv prestupleniy i problemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: dis... kand. yurid. nauk [Recidivism of crimes and problems of execution of punishment in the form of imprisonment: diss....Cand. Jurid. Science]. Ryazan, 2003. 169 p. (In Russian)
9. Murav'ev V.V. Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty retsidivnoy prestupnosti molodezhi: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminally-legal and criminological aspects of relapsing criminality of youth: diss.... Cand. Jurid. Science]. Nizhnii Novgorod, 2001. 181 p. (In Russian)
10. Berenaliyev N.A. Kriminologicheskiye aspekty protivodeystviya professional'noy prestupnosti v Kyrgyzskoy Respublike: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminological aspects of counteraction to professional crime in the Kyrgyz Republic: Dis... Cand. Jurid. Science]. Bishkek, 2014. 169 p. (In Russian)
11. Kharakteristiki zaklyuchennykh, prigovorenykh k lisheniyu svobody [Characteristics of prisoners sentenced to deprivation of liberty]. *Materials of the special census of 1999*/ Editing by A.S. Mikhlin. Moscow, Jurisprudence, 2001. 464 p. (In Russian)
12. Shevchenko V.F. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika retsidivnoy prestupnosti (na materialakh Sankt – Peterburga): diss... kand. yurid. nauk [Criminal and legal and criminological characteristic of relapsing criminality (on materials of St. Petersburg): Dis.... Cand. Jurid. Science]. St. Petersburg, 1998. 161 p. (In Russian)
13. Alaukhanov Ye. O., Bissenova M.K., Bissenova M.K. Vymogatel'stvo: voprosy kvalifikatsii i profilaktiki: Uchebnoe posobie [Extortion: issues of qualifications and prevention: Textbook]. Almaty, Inzhu-Marzhan, 2012. 196p. (In Russian)
14. Ivanov V.A. Retsidiv prestupleniy: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty: diss... kand. yurid. nauk [Recidivism of crimes: criminal and legal and criminological aspects: diss... Cand. Jurid. Science]. Omsk, 2002. 170 p. (In Russian)
15. Kryukov V.V. Tseli ugolovnogo nakazaniya: ponyatiye, vidy, mekhanizmy dostizheniya: diss...kand. yurid. nauk [The objectives of criminal punishment: the concept, types, mechanisms for achieving: dis....Cand. Jurid. Science]. Saratov, 2018. 251 p. (In Russian)
16. Chukmaitov D.S., Akhmetova S.A. Zashchita prav i zakonnykh interesov detey v sfere primeneniya ugolovnogo nakazaniya i inykh ugolovno-pravovykh mer vozdeystviya [Protection of rights and legitimate interests of children in the sphere of application of criminal punishment and other criminal law measures of influence] *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*, 2016, no. 1–4, pp. 70–78. (In Russian)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Зайцев Олег Александрович
Шамурзаев Таалайбек Турсунович

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта РФФИ, проект 16-03-00413*

Цель: на основе сравнительного анализа действующего законодательства РФ и Кыргызской Республики определить более эффективные правовые механизмы государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Значительные сложности в правоприменении вызывает обеспечение безопасности свидетелей, потерпевших, иных субъектов уголовно-процессуальных отношений и их близких в случае оказания противоправного воздействия на них с целью воспрепятствовать законной деятельности участников уголовного процесса либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность. Особая роль придается положениям уголовно-процессуального законодательства, в которых содержится системный подход к формированию мер личной безопасности участников уголовного судопроизводства, процедуре их применения в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела. На основе сравнительного анализа норм УПК РФ и УПК Кыргызской Республики разработаны предложения по совершенствованию действующего законодательства КР, направленные на повышение эффективности применения мер безопасности в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников процесса, содействующих уголовному судопроизводству. При этом обращается внимание на необходимость использования существующей системы международных норм в целях разработки механизма их реализации и действия в национальной правовой системе. Подчеркивается, что их имплементация должна осуществляться только с учетом приемлемых форм и методов, особенностей развития правовой системы страны.

Научная и практическая значимость. Научная значимость научной статьи заключается в проведении сравнительно-правового исследования механизмов государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных лиц в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и Кыргызской Республики. Положения, сформулированные авторами, могут оказаться полезными для дальнейших научных разработок, при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, подзаконных нормативных актов, при создании разъяснений по вопросам применения УПК РФ и УПК КР.

Ключевые слова: государственная защита, участники уголовного судопроизводства, меры личной безопасности, процессуальные гарантии.

Основные права и свободы человека признаются естественными и неотчуждаемыми, так как принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст.17 Конституции РФ, ст. 16 Конституции Кыргыз-

ской Республики). Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признаваемой и защищаемой на государственном уровне (ст. 2 Конституции РФ, ст. 16 Конституции Кыргызской Республики). Государство обеспечивает права и свободы человека согласно положениям самой Конституции и общепризнанным принципам и нормам международного права. Главной обязанностью государственной власти, всех органов государства и его агентов является признание, соблюдение и защита прав и свобод, чести и достоинства человека и гражданина [1, с. 293–294].

Права и свободы человека, закрепленные в основном законе, признаются основополагающими для правового статуса любого субъекта уголовно-процессуальных отношений, в каком бы качестве он не выступал в ходе судопроизводства. Конституционные положения служат, прежде всего, повышению роли уголовно-процессуальных норм и институтов в защите основ правового статуса лиц, вовлеченных в сферу производства по уголовному делу, от общественно опасных и противоправных действий [2, с. 20–23].

Особое значение имеют конституционные положения, закрепляющие обязанность государства защищать и обеспечивать права и свободы человека (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, ст. 16 Конституции Кыргызской Республики), гарантии судебной защиты его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, ст. 40 Конституции Кыргызской Республики). При всем разнообразии интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, основной закон предполагает равную для всех защиту прав и свобод, признаваемых и поддерживаемых уголовно-процессуальным правом [3, с. 77–81].

Приведенные конституционные положения позволяют сделать вывод, что наши страны берут на себя обязательства по защите любого субъекта уголовно-процессуальных отношений, добросовестно выполняющего свой гражданский долг в ходе производства по уголовному делу. В связи с этим уместно напомнить позицию профессора А.М. Ларина, который отмечал, что право на защиту должно быть обеспечено обвиняемому, но не только оспариваемому обвинение, но и сотрудничающему с обвинителем. Данное право распространяется и на таких участников процесса, как потерпевший, свидетель, защитник и другие лица, содействующие уголовному судопроизводству, которые должны быть надежно ограждены от угроз и насилия, направленных на то, чтобы повлиять на их показания или позицию [4, с. 16].

Вышеотмеченные и другие положения конституций наших стран, касающиеся государ-

ственной защиты прав и свобод человека, являются ключевыми для разработки новых подходов к проблемам обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства. Следует отметить, что в Российской Федерации и Кыргызской Республике на законодательном уровне имеются достаточно эффективные механизмы защиты различных субъектов уголовно-процессуальных отношений.

К примеру, в Российской Федерации было принято специальные нормативные акты, в которых впервые закреплены понятие государственной защиты участников уголовного судопроизводства, ее виды, меры безопасности. В них предусмотрены поводы и основания для применения мер государственной защиты, механизм принятия решения о введении их в действие, перечислен круг органов, на которые возложена реализация мер государственной защиты, а также ответственность за нарушение установленных законом требований (*Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 145⁵; Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 353⁴*).

Аналогичное законодательство, предусматривающее систему мер государственной защиты в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства, включающее меры безопасности и социальной защиты указанных лиц, а также определяющее основания и порядок их применения, было принято и в Кыргызской Республике. На его основе разработана и реализована Государственная программа обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2016 годы (*Закон Кыргызской Республики от 16 августа 2006 г. № 170 «О защите прав свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 10 ноября 2011 г. № 202) // Информационно-правовая система «ТОК-ТОМ Универсал», 2018*).

В рамках реализации вышеуказанной программы впервые в истории Кыргызстана образовано специализированное подразделение по осуществлению государственной защиты лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Основной задачей Управления государственной защиты (УГЗ) является обеспечение безопасности защищаемых лиц, которым в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной за-

щиты, а также выявление, пресечение и ликвидация угроз, исходящих в отношении них.

Не останавливаясь на подробном рассмотрении мер безопасности участников уголовного судопроизводства — они достаточно подробно освещены в специальной литературе [5, с. 26–38; 6, с. 53–58; 7, с. 225–230], следует отметить, что во многих государствах наметилась тенденция к разработке процессуальных гарантий личной безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Основная задача этих гарантий состоит, прежде всего, в том, чтобы защитить свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства от совершения в отношении их опасных противоправных деяний со стороны обвиняемых и иных лиц, заинтересованных в принятии по уголовному делу незаконных решений. Эффективная реализация данных процессуальных гарантий позволяет убедить защищаемых лиц принять активное участие в производстве по делу в той роли, которую им отводят правоохранительные органы [8, с. 159–160; 9, с. 261–269].

При этом необходимо творчески использовать существующую систему международных норм в целях разработки механизма их реализации и действия в национальной правовой системе. Значение общепризнанных принципов и стандартов нельзя недооценивать. Однако их имплементация в национальное законодательство должна осуществляться с учетом приемлемых форм и методов, особенностей развития правовой системы страны [10, с. 82; 11, с. 21–22].

Особое значение придается положениям уголовно-процессуального законодательства РФ и Кыргызской Республики, в которых отражается системный подход к формированию мер личной безопасности участников уголовного судопроизводства, процедуре их применения в ходе производства по уголовному делу.

В УПК РФ (ч. 3 ст. 11) составляющей частью одного из принципов процесса — охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве — является обеспечение безопасности потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного судопроизводства (их близких родственников, родственников и близких лиц). Основанием применения мер безопасности указанных лиц служит наличие достаточных данных, свидетельствующих о том, что кому-либо из них угрожают опасными противоправными деяниями (убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества и др.).

К числу основных уголовно-процессуальных мер безопасности участников уголовного судопроизводства законодатель относит:

обеспечение конфиденциальности данных о личности в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном разбирательстве (п. 4 ч. 2 ст. 241);

производство допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства без оглашения подлинных данных о личности свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Указанные меры безопасности отличаются от других мер по своей процедурной природе и характеризуются тем, что:

регулируются нормами УПК РФ;

имеют отношение к участникам уголовного процесса;

применяются только при производстве по уголовному делу;

решение об их применении выносится должностным лицом, в чьем производстве находится уголовное дело;

направлены на обеспечение процесса получения доказательств по уголовному делу [5, с. 56].

Следует отметить, что российское уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд иных нормативных предписаний, которые можно применять в целях обеспечения безопасности лиц, содействующих производству по делу. К ним, в частности, можно отнести:

заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ);

недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161 УПК РФ);

наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);

получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ);

допрос свидетеля путем использования систем видео-конференцсвязи (ст. 278.1 УПК РФ).

В Кыргызской Республики в ходе судебной реформы был принят новый уголовно-процессуальный закон, вступающий в действие с 1 января 2019 г. В нем содержатся существенные новеллы,

направленные на повышение эффективности государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

Прежде всего, в ст. 6 УПК КР «Задачи уголовного судопроизводства» включено положение о защите личности, общества и государства от преступлений и проступков. Кроме того, в числе одного из законодательно закрепленных принципов – охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве – содержится положение, согласно которому при наличии достаточных данных о том, что участнику процесса угрожают опасными противоправными деяниями, должны быть приняты предусмотренные законом меры жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества указанных лиц (ч. 5 ст. 13 УПК КР).

Следует отметить, что положения ч. 5 ст. 13 УПК КР распространяются только на близких родственников, супруга (супругу) субъектов уголовно-процессуальной деятельности, оказывающих содействие правосудию. На наш взгляд, более целесообразно поступил российский законодатель, расширив круг лиц, в отношении которых могут применяться меры безопасности, включив в их число не только на близких родственников таких субъектов, но и на других родственников, а также близких ему лиц. Судебно-следственной практике известны случаи, когда угрозы насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иными опасными противоправными действиями со стороны обвиняемых и других лиц, заинтересованных в принятии по уголовному делу незаконного решения, применялись в отношении весьма широкого круга лиц. Жизненные ситуации чрезвычайно разнообразны и, порой отдельные лица, не состоящие в близких родственных отношениях с участником процесса, могут находиться в более тесном общении с ним, в связи с чем он крайне заинтересован в их судьбе. Опасное противоправное воздействие может быть оказано, в частности, на обрученных (помолвленных), близких друзей свидетелей, потерпевших, других субъектов процесса с целью воспрепятствовать законной деятельности участников уголовного процесса либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность. На это обстоятельство указывают и результаты изучения правоприменительной практики. К примеру, 98% из 398 свидетелей понуждались к даче ложных показаний. Это выражалось в угрозе насилием как самому свидетелю в 75 случаях (19%), так и его близким – в 102 случаях (26%) [12, с. 86–87].

На наш взгляд, очень важно, чтобы для свидетеля, потерпевшего, иного лица, содействующего

уголовному судопроизводству, была безразлична судьба близкого ему человека. В подобных случаях, любое опасное противоправное воздействие на такого близкого будет особо значимым для участника судопроизводства и способным оказать влияние на его дальнейшее участие в процессе [13, с. 70–72].

Несомненным достоинством УПК КР является то, что в нем имеется гл. 9 «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства», в которой содержатся нормы, предусматривающие систему мер безопасности в отношении различных субъектов уголовного судопроизводства, в том числе лиц, участвующих в судебном разбирательстве.

В соответствии со ст. 80 Кодекса систему мер безопасности участников уголовного судопроизводства составляют:

- официальное предостережение лицу, от которого исходит угроза насилия или других запрещенных уголовным законом деяний, о возможном привлечении его к уголовной ответственности;

- ограничение доступа к сведениям о защищаемом лице;

- вынесение поручения об обеспечении личной безопасности;

- применение в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, исключающие возможность применения в отношении участников уголовного судопроизводства насилия или совершения иных преступных деяний;

- применение меры обеспечения уголовного судопроизводства в виде запрета на приближение.

Новый УПК КР также содержит отдельный разд. VIII, посвященный судебному контролю в досудебном производстве. Он важен с точки зрения защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства в рамках противодействия преступной деятельности. Судебный контроль охватывает сферу наиболее значимых и существенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, распространяется на действия (бездействие) органов дознания и следствия, субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, правомочных ограничивать личную неприкосновенность, тайну частной жизни, либо затруднить доступ к правосудию. В компетенцию следственного судьи входят и вопросы депонирования показаний свидетеля и потерпевшего. Основанием для депонирования показаний являются вопросы, связанные с обеспечением безопасности для жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства.

Государственная защита связана с большими финансовыми затратами, проведением организа-

ционных и иных мероприятий. В связи с этим, решение об осуществлении государственной защиты должен принимать следственный судья в досудебном производстве и судья, в производстве которого находится дело, с участием прокурора и защитника. Подобный порядок успешно действует во многих государствах Европы.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным внести изменения и дополнения в уже упоминавшийся выше закон Кыргызской Республики «О защите прав свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства», в частности, включить в ч. 2 ст. 4 понятие «судебный контроль», изложив его в следующей редакции: «Государственная защита осуществляется под прокурорским надзором, *судебным* и ведомственным *контролем*. При осуществлении государственной защиты используются гласные и негласные методы в соответствии с законом Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности»».

Одной из новелл УПК КР является институт процессуальных соглашений (разд. XV, где в гл. 59 предусмотрено процессуальное соглашение о сотрудничестве). При необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, а также его близких родственников, супруга (супруги) применяются меры безопасности. На подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников

уголовного судопроизводства, предусмотренные законодательством.

В заключение необходимо отметить, что следует признать недостаточными мероприятия по криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в отношении свидетелей, потерпевших и других лиц, добросовестно выполнявших свой гражданский и общественный долг, связанный с содействием правосудию. Как указывалось в Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы, «правоохранительные органы ... недостаточно эффективно противостоят криминалитету. Коррупция, дефицит профессионализма, недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение – это тот диагноз, который определяет нынешнее критическое состояние системы правоохранительных органов» (*Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы (в ред. Указа Президента Кыргызской Республики от 27 сентября 2013 г. УП № 194) // Информационно-правовая система «ТОКТОМ Универсал», 2018*).

Своевременное и обоснованное внесение поправок в законодательство, разработка научно обоснованных методик расследования, использование передовых достижений в области науки и техники несомненно позволит повысить эффективность государственной защиты участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) / год ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Юриспруденция, 2013. – 592 с.
2. Зайцев О.А. Конституция Казахстана как гарант прав и свобод человека и гражданина в ходе производства по уголовному делу (к 20-летию принятия Конституции Республики Казахстан) // Конституция: единство, стабильность, процветание: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Республики Казахстан: в 2 т. Т II. Астана, 2015. С. 20–23.
3. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 77–81.
4. Круглый стол «Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека» // Государство и право. 1994. № 10. С. 3–31.
5. Дмитриева А.А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2017. – 176 с.
6. Малышев С.Я., Табаков А.Р. Вопрос об обоснованности принятия решения об осуществлении государственной защиты органом, обеспечивающим государственную защиту в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях:

вопросы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 53–58.

7. Фасхутдинов Р.Ф. Реализация норм Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 225–230.

8. Шамурзаев Т.Т. Обеспечение безопасности участникам уголовного судопроизводства в Кыргызской Республике: проблемные вопросы законодательного регулирования // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 6. С. 159–160.

9. Зайцев О.А. Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 3–4. С. 261–269.

10. Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005. – 320 с.

11. Зайцев О.А. Механизмы обеспечения безопасности свидетелей в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 21–22.

12. Галактионов Е.А. Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. – 145 с.

13. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса: монография. М.: Экзамен, 2003. – 511 с.

References

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: ot obraza budushchego k real'nosti (k 20-letiyu Osnovnogo Zakona Rossii): monografiya [The Constitution of the Russian Federation: from the image of the future to reality (to the 20th anniversary of the Basic Law of Russia): monograph] Ed. T.Ya. Khabrieva. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ., Yurisprudentsiya Publ, 2013, 592 p. (In Russian)

2. Zaitsev O.A. Konstitutsiya Kazakhstana kak garant prav i svobod cheloveka i grazhdanina v khode proizvodstva po ugovolnomu delu (k 20-letiyu prinyatiya Konstitutsii Respubliki Kazakhstan) [The Constitution of Kazakhstan as a guarantor of the rights and freedoms of a person and citizen in the course of proceedings in a criminal case (towards the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of Kazakhstan)] In *Konstitutsiya: edinstvo, stabil'nost', protsvetanie: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Konstitutsii Respubliki Kazakhstan* [The Constitution: Unity, Stability, Prosperity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on the 20th Anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Astana, 2015, Vol II, pp. 20–23. (In Russian)

3. Zaitsev O.A. Kontsepsiya gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii [The Concept of State Protection of Participants in Criminal Proceedings in the Russian Federation]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2006, no. 3, pp. 77–81. (In Russian, abstract in English)

4. Kruglyi stol «Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i sovershenstvovanie yuridicheskikh mekhanizmov zashchity prav cheloveka» [Round table “the Constitution of the Russian Federation and improvement of legal mechanisms for the protection of human rights”]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1994, no. 10, pp. 3–31. (In Russian)

5. Dmitrieva A.A. Mekhanizmy obespecheniya bezopasnosti lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve: monografiya [Mechanisms for ensuring the security of the person in criminal proceedings: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 176 p. (In Russian)

6. Malyshev S.Ya., Tabakov A.R. Vopros ob obosnovannosti prinyatiya resheniya ob osushchestvlenii gosudarstvennoi zashchity organom, obespechivayushchim gosudarstvennyu zashchitu v sootvetstvie s Federal'nym zakonom ot 20 avgusta 2004 goda № 119-FZ «O gosudarstvennoi zashchite poterpevshikh, svidetelei i inykh uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva» [The question of the reasonableness of the adoption of a decision on the implementation of state protection by the body providing state protection in accordance with Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 “On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings”]. In *Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po obespecheniyu bezopasnosti lits, podlezhashchikh gosudarstvennoi zashchite v sovremennykh usloviyakh: voprosy teorii i praktiki*:

materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Activities of the Internal Affairs Authorities on Ensuring Security persons who are subject to state protection in modern conditions: theory and practice issues: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ufa, 2016, pp. 53–58. (In Russian)

7. Faskhutdinov R.F. Realizatsiya norm Federal'nogo zakona ot 20 avgusta 2004 g. No 119-FZ «O gosudarstvennoi zashchite poterpevshikh, svidetelei i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» [Implementation of the provisions of Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 “On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings”]. In *Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po obespecheniyu bezopasnosti lits, podlezhashchikh gosudarstvennoi zashchite v sovremennykh usloviyakh: voprosy teorii i praktiki: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [“ Activities of the Internal Affairs Authorities on Ensuring Security persons who are subject to state protection in modern conditions: theory and practice issues: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ufa, 2016, pp. 225–230. (In Russian)*

8. Shamurzaev T.T. Obespechenie bezopasnosti uchastnikam ugolovnogo sudoproizvodstva v Kyrgyzskoi Respublike: problemnye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Ensuring the safety of participants in criminal proceedings in the Kyrgyz Republic: problematic issues of legislative regulation]. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]*, 2016, no. 6, pp. 159–160. (In Russian, abstract in English)

9. Zaitsev O.A. Problemy gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Problems of state protection of participants in criminal proceedings]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminologists and Criminologists]*, 2014, no. 3–4, pp. 261–269. (In Russian, abstract in English)

10. Zaitsev O.A., Smirnov P.A. Podozrevaemyi v ugolovnom protsesse [Suspect in criminal proceedings]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005, 320 p. (In Russian)

11. Zaitsev O.A. Mekhanizmy obespecheniya bezopasnosti svidetelei v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Mechanisms of the safety of witnesses ensuring in the United States of America]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International Criminal Law and International Justice]*, 2012, no. 2, pp. 21–22. (In Russian, abstract in English)

12. Galaktionov E.A. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s organizovannoi prestupnost'yu: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminally-legal means of struggle against the organized crime: Dissertation theses for candidate of legal sciences]. Moscow, 1993, 145 p. (In Russian)

13. Zaitsev O.A. Gosudarstvennaya zashchita uchastnikov ugolovnogo protsessa: monografiya [State protection of participants in criminal proceedings: monograph]. Moscow, Ekzamen Publ., 2003, 511 p. (In Russian)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПОТСДАМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (17–20 декабря 2017 г.)

ПРЕВЕНТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Антонян Елена Александровна

***Цель:** рассмотреть институт превентивного заключения и проанализировать зарубежное законодательство отдельных стран по данному вопросу.*

***Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, сравнительно-правовой метод, формально-правовой метод, статистический метод.*

***Выводы.** Автор считает наиболее приемлемым для российской правоохранительной системы способом обеспечения той безопасности, которая входит в понятие «превентивное заключение», установление превентивного надзора и профилактического наблюдения за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и отбывшими наказание за особо опасные преступления. Представляется вполне обоснованным, что превентивный надзор и связанные с ним ограничения устанавливаются и прекращаются судом по месту отбывания наказания либо по месту жительства осужденного по представлению администрации исправительного учреждения или органа внутренних дел.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость проведенного исследования состоит в определении сущности превентивного заключения, его целей и условий назначения, а также в разработке рекомендаций по введению данного института в отечественную уголовно-исполнительную систему с целью предупреждения преступлений.*

***Ключевые слова:** превентивное заключение, предупреждение преступлений, рецидивная преступность, условно-досрочное освобождение, профилактическое наблюдение.*

Современное превентивное заключение выполняет предупредительную функцию в отношении лица, отбывшего уголовное наказание, но все еще представляющего некую потенциальную опасность для общества из-за повышенной общественной опасности совершенного преступления или в силу своей криминальной запущенности. Надо понимать, что всегда будет существовать категория преступников (те же рецидивисты), которых ни при каких обстоятельствах нельзя будет исправить. Они в течение не одного десятка лет противопоставляли себя обществу. Попытаться наладить работу с такой категорией преступников — задача пенитенциарной системы и в том числе превентивного заключения.

Превентивное заключение применяется во многих странах (США, Великобритании, Франции и др.), но более активно в Германии в отношении лиц, отбывших уголовное наказание за совершение сексуальных преступлений. Указанным лицам избирается так называемая мера безопасности, в содержание которой входит необходимость помещения их, после отбытия им назначенного судом уголовного наказания, в надзорное учреждение. При этом срок пребывания в таком учреждении строго не определен, установлен лишь максимальный предел — 10 лет. Причем максимальный срок пребывания в надзорном учреждении может быть больше срока отбывания уголовного наказания. Только специаль-

ная комиссия может ходатайствовать перед судом об освобождении лица из надзорного учреждения, а также о продлении срока его пребывания там. Законом срок пребывания лица в надзорном учреждении четко не определен, и это не вызывает вопроса о нарушении прав человека, поскольку речь идет о безопасности общества, что и подтвердил в одном из своих решений Конституционный суд Германии в 2004 г.

Превентивное заключение должно быть направлено на достижение двух основных целей: 1) защитить общество от наиболее опасных преступников, так как уголовное наказание является недостаточным для этого; 2) закрепить результаты исправления ли, после отбытия ими определённого срока лишения свободы. Именно надзорное учреждение может проводить постпенитенциарную работу на другом уровне: привлечение узких специалистов; широкое применение психотерапевтических программ и методик и т.д.

Превентивное заключение может быть назначено и до отбытия всего срока лишения свободы. В этом случае оставшаяся часть неотбытого наказания войдет в его срок. Так, в Норвегии примерно половина лиц, к которым было применено превентивное заключение, не отбыли назначенный судом весь срок лишения свободы. Как и в Германии, в Норвегии превентивное заключение применяется к лицам, совершившим самые опасные преступления: против жизни, здоровья и свобод граждан (в основном, сексуальные преступления).

При принятии решения о назначении превентивного заключения суд должен ответить на главный вопрос: насколько данное лицо представляет опасность для общества? Не случайно основная часть поднадзорных в указанных выше странах — лица, совершившие сексуальные преступления. Действительно, эта категория преступников представляет сложность при оценке степени их исправления. Вот только один пример. До 2009 г. в России около 75% осужденных за сексуальные преступления освобождались условно-досрочно (УДО) и более половины из них в течение от одного месяца до одного года вновь совершали аналогичные преступления. Изучение материалов дел, поступивших в суд об УДО этих лиц, показывает, что на всех них администрацией тех учреждений, где они отбывали наказание, были даны положительные характеристики, более того, именно администрация и подавала ходатайство об их УДО. В чем же дело? Халатность или коррупционная составляющая в деятельности администрации мест лишения свободы? Нет. Речь идет о сложной кате-

гории преступников, которые очень хорошо себя ведут и выполняют все законные требования администрации, но характер совершенных ими преступлений имеет настолько скрытый и интимный характер, что только профессиональный подход специалистов (сексопатологов, психотерапевтов) может оценить, совершат ли они преступление повторно. Но в условиях пенитенциарного учреждения эту категорию преступников не выделяют, с ними работают наравне со всеми. И в этом случае превентивное заключение является способом решения данной сложной проблемы.

В других странах предупредительная функция выполняется путем превентивного надзора. Преступников не помещают в специальные учреждения, поскольку это требует расходования большего объема бюджетных средств. Здесь весьма удачным представляется опыт Республики Беларусь. Ее законодатель пошел по пути предупреждения преступлений со стороны особо опасных преступников, предусмотрев превентивный надзор и профилактическое наблюдение за ними после отбывания наказания.

Согласно ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) превентивный надзор после освобождения из мест лишения свободы устанавливается за лицом:

- 1) допустившим особо опасный рецидив;
- 2) осужденным за преступление, совершенное в составе организованной группой или преступной организации;
- 3) достигшим 18-летнего возраста, судимым за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимым два и более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, если его поведение в период отбывания лишения свободы свидетельствует об упорном нежелании встать на путь исправления;
- 4) достигшим 18-летнего возраста, судимым за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимым два и более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, если оно после отбывания наказания систематически привлекалось к ответственности за административные правонарушения, за которые законом предусмотрено наказание в виде ареста.

В УК РБ установлен порядок назначения превентивного надзора и определены особенности правового положения поднадзорного. То, что превентивный надзор и связанные с ним ограничения устанавливаются и прекращаются судом по месту отбывания наказания либо по месту жительства осужденного по представлению администрации исправительного учреждения или органа внутрен-

них дел, представляется вполне обоснованным. В отношении указанных выше лиц превентивный надзор устанавливается на срок от шести месяцев до двух лет и может быть продлен судом в пределах срока судимости (ч. 4 ст. 80 УК РБ).

Что касается лиц, находящихся под превентивным надзором, то в их отношении могут быть установлены следующие обязанности: прибыть в установленный срок к избранному месту жительства и зарегистрироваться в органе внутренних дел, уведомлять этот орган о перемене места работы или жительства, выезжать за пределы района (города) по служебным и личным делам только с согласия органа, осуществляющего надзор. Суд может также обязать поднадзорного посещать определенные места, не покидать дом (квартиру) в определенное время суток, являться в орган внутренних дел для регистрации от одного до четырех раз в месяц (ч. 6 ст. 80 УК РБ).

Превентивный надзор за лицом, допустившим особо опасный рецидив, может быть прекращен судом до снятия судимости, отбывтия лишения свободы, если будет установлено, что поднадзорный своим поведением и образом жизни проявляет стойкое стремление к законопослушному поведению.

Согласно ч. 1 ст. 81 УК РБ в течение срока судимости осуществляется профилактическое на-

блюдение за лицами, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление, осужденными с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77), осужденными с условным неприменением наказания (ст. 78), за осужденными несовершеннолетними, в отношении которых назначены принудительные меры воспитательного характера (ст. 117).

Лицо, находящееся под профилактическим наблюдением, обязано предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства, выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни.

В отличие от УИК РФ, где аналогичные институты имеют весьма обтекаемый характер, в УИК РБ детально регламентируются вопросы профилактического наблюдения. Вместе с тем, именно установление превентивного надзора и профилактического наблюдения за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и отбывшими наказание за особо опасные преступления, является наиболее приемлемым для отечественной правоохранительной системы способом обеспечения той безопасности, которая входит в понятие «превентивное заключение».

PRÄVENTIVE FREIHEITSENTZIEHUNG UND MASSNAHMEN ZUR VERHINDERUNG ZUKÜNFTIGER STRAFTATEN

Präventive Freiheitsentziehung hat auch eine präventive Funktion in Bezug auf eine Person, die eine Strafe verbüßt hat, aber dennoch eine potentielle Gefahr für die Gesellschaft darstellt, die durch das begangene Verbrechen zum Ausdruck gekommen oder auf seine kriminellen Neigungen zurückzuführen ist. Es gibt Straftäter, die immer wieder rückfällig und auch durch die Verbüßung der Strafe nicht resozialisiert werden. Solche Personen weisen über lange Zeit verfestigte negative Einstellungen auf und widersetzen sich der Gesellschaft. Dennoch hat das Strafvollzugssystem die Aufgabe, mit diesen Personen zusammenzuarbeiten, insbesondere im Rahmen der Freiheitsentziehung.

In vielen Ländern (Vereinigte Staaten, Großbritannien, Frankreich usw.) wird ein Präventivgewahrsam eingesetzt, in Deutschland die Sicherungsverwah-

rung insbesondere gegen Personen, die wegen einer Sexualstraftat zu einer Strafe verurteilt wurden. Die Sicherungsverwahrung führt dazu, dass der Verurteilte nach Verbüßung der vom Gericht verhängten Freiheitsstrafe in eine besondere Einrichtung verbracht wird. Eine bestimmte Dauer der Unterbringung in der Sicherungsverwahrung wird nicht festgelegt, die Höchstgrenze liegt jedoch grundsätzlich bei zehn Jahren. Der Zeitraum der Unterbringung kann länger sein als die Dauer der verhängten Freiheitsstrafe. Nur das Gericht kann auf Antrag einer speziellen Kommission die Entlassung aus der Sicherungsverwahrung sowie Verlängerung der Frist entscheiden. Das Fehlen einer gesetzlichen Bestimmung über die zulässige Dauer der Sicherungsverwahrung verletzt die Menschenrechte des Betroffenen nicht, weil es sich um eine Maßnah-

me zur Sicherung der Gesellschaft handelt, wie das Bundesverfassungsgericht bestätigt hat.

Die präventive Freiheitsentziehung ist nur zur Erreichung von zwei Hauptzielen zulässig:

1. Sie muss notwendig sein, die Gesellschaft vor den gefährlichsten Straftätern zu schützen, wenn die Strafe dazu nicht ausreicht.

2. Sie muss darauf gerichtet sein, den Täter auch nach Verbüßung der Strafe weiter zu bessern. Dazu muss der Vollzug der Sicherungsverwahrung andere Grundsätze berücksichtigen als der Vollzug der Freiheitsstrafe. Einzubinden sind Spezialisten, die psychiatrische, psycho- oder sozialtherapeutische Behandlungsmethoden anwenden.

Präventive freiheitsentziehende Maßnahmen können bereits eingesetzt werden, bevor die Freiheitsstrafe vollständig verbüßt wurde. So wird z.B. in Norwegen etwa jeder zweite Verurteilte vor der vollständigen Verbüßung der Freiheitsstrafe in die Sicherungsverwahrung überstellt. Wie in Deutschland darf in Norwegen die Sicherungsverwahrung gegen Personen, die schwerste Straftaten gegen das Leben, die Gesundheit und die Freiheit der Opfer (jedenfalls bis 2014 handelt es sich in erster Linie um Sexualstraftaten) begangen haben, angeordnet werden.

Bei der Entscheidung über die Bestimmung einer präventiven Freiheitsentziehung muss das Gericht die Hauptfrage beantworten, inwieweit der Verurteilte eine Gefahr für die Gesellschaft darstellt. Es ist kein Zufall, dass ein großer Teil der in den oben genannten Ländern zur Unterbringung in der Sicherungsverwahrung verurteilten Personen Sexualstraftaten begangen haben. In der Praxis bereitet die Beurteilung der Gefährlichkeit bei diesen Straftätern besondere Schwierigkeiten. Das lässt sich am Beispiel der Situation in Russland zeigen: Bis 2009 wurden in Russland etwa 75% der wegen Sexualdelikten Verurteilten auf Bewährung freigelassen (UDO). In einem Zeitraum von einem Monat bis zu einem Jahr begingen mehr als die Hälfte der Entlassenen erneut ähnliche Straftaten. Die Prüfung der Unterlagen der Fälle, die dem Gericht zur Entscheidung über die Entlassung auf Bewährung vorgelegt wurden, zeigt, dass die Verwaltung der Strafvollzugsanstalten, in denen die Täter ihre Strafe verbüßten, ihnen sehr positive Eigenschaften bescheinigt hatte. Aufgrund dessen hatte die Verwaltung den Antrag auf Strafaussetzung zur Bewährung gestellt. Ist dies mit Nachlässigkeit oder Korruption der Mitarbeiter der Strafvollzugseinrichtungen zu erklären? Diese Frage ist mit nein zu beantworten. Zu erklären ist dies damit, dass es sich um eine Gruppe von Straftätern handelt, die sich in der Strafvollzugsanstalt sehr gut benimmt und die Regeln der Einrichtung einhält. Die Beurteilung der Neigung zur Begehung weiterer Taten

erfordert aber wegen der Art dieser Delikte und des intimen Charakters einen besonderen professionellen Ansatz (durch Sozialtherapeuten und Psychotherapeuten). Das Vollzugspersonal arbeitet dagegen überwiegend mit anderen Verurteilten, bei denen solche Probleme nicht bestehen. Die Behandlung während der präventiven Freiheitsentziehung ist ein Weg, dieses komplexe Problem zu lösen.

In anderen Ländern wird der Schutz vor gefährlichen Personen durch deren Überwachung gewährleistet, ohne Unterbringung in einer speziellen Anstalt. Die Überwachung erfordert allerdings einen erheblichen materiellen Aufwand.

In der Republik Belarus hat der Gesetzgeber ein anderes wirksames Verfahren geschaffen, um zukünftige Straftaten besonders gefährlicher Personen zu verhindern. Dort sind Aufsichtsmaßnahmen gegen Personen nach Verbüßung ihrer Strafe vorgesehen.

Nach Art. 80 des Strafgesetzbuches der Republik Belarus kann die Führungsaufsicht nach der Entlassung aus der Strafhaft angeordnet werden, wenn der Betroffene (1.) eine besonders gefährliche Rückfalltat begangen hatte (Abs. 2.1), (2.) wegen einer Straftat, die er als Mitglied einer Bande oder einer kriminellen Vereinigung begangen hatte, verurteilt wurde (Abs. 2.2); (3.) älter als achtzehn Jahre ist, bereits mindestens zweimal wegen einer vorsätzlichen schweren oder besonders schweren Straftat verurteilt wurde und sein Verhalten während des Strafvollzugs gezeigt hat, dass er sich hartnäckig weigert, in Zukunft ein Leben ohne Straftaten führen zu wollen (Art. 80 Abs. 3 Nr. 1 des Strafkodex der Republik Belarus) oder (4.) älter als achtzehn Jahre ist und wegen einer schweren oder besonders schweren Straftat oder mindestens zweimal zu einer Haftstrafe wegen einer vorsätzlichen Straftat verurteilt wurde und der Täter nach Verbüßung der Haftstrafe systematisch gegen das Verwaltungsstrafrecht (Ordnungswidrigkeitenrecht) für das die Verhängung des Arrests vorgeschrieben ist, verstößt (Art. 80 Abs. 2 Nr. 2, Abs. 3 des Strafkodex der Republik Belarus).

Das belarussische Strafrecht regelt das Verfahren für die Anordnung der Führungsaufsicht und die Besonderheiten der Rechtsstellung der überwachten Person. Das örtlich zuständige Gericht ordnet die Führungsaufsicht und die damit verbundenen Einschränkungen für den Betroffenen an bzw. hebt diese wieder auf. Zuständig ist das Gericht im Bezirk des Ortes der Strafverbüßung oder das Gericht am Wohnort des Verurteilten. Das Gericht ordnet die Führungsaufsicht auf Weisung der Justizvollzugsanstalt oder Weisung anderer Gefahrenabwehrbehörden an. Die Führungsaufsicht kann von dem Gericht für eine Dauer von sechs Monaten bis zu zwei Jahren angeordnet und innerhalb der festgelegten Frist verlängert werden (Art. 80 Abs. 4 des

Strafkodex). Nach der hier vertretenen Auffassung ist dies sowohl begründet, als auch modern geboten. Dem Betroffenen können die folgenden Auflagen erteilt werden: Aufenthalt und Registrierung an dem gewählten Wohnsitz, Mitteilung einer Änderung des Wohnsitzes oder der Arbeitsstelle, Einholung einer Genehmigung für private oder berufliche Reisen außerhalb des Bezirks (der Stadt). Das Gericht kann zudem bestimmen, dass der Betroffene bestimmte Orte nicht aufsuchen, seine Wohnung zu festgelegten Zeiten nicht verlassen darf oder sich bis zu viermal im Monat bei der für die Registrierung zuständigen Stelle melden muss (Art. 80 Abs. 6 des Strafkodex). Die Führungsaufsicht gegen eine Person, die eine besonders gefährliche Rückfalltat begangen hatte, kann von dem Gericht beendet werden, wenn das Verhalten und die Lebensweise des Betroffenen zeigen, dass ein Leben ohne Begehung weiterer Straftaten von ihm zu erwarten ist.

Gemäß Art. 81 Abs. 1 des Strafkodex der Republik Belarus kann das Gericht gegen Personen, die wegen

einer schweren oder sehr schweren Straftat oder zu einer erst später zu vollstreckender Strafe verurteilt (Art. 77) oder zu Bewährung ausgesetzten Freiheitsstrafe verurteilt wurden (Art. 78) sowie gegen verurteilte Minderjährige, gegen die Erziehungsmaßnahmen verhängt wurden (Art. 117), Führungsaufsicht anordnen. Die Betroffenen müssen im Voraus jede Änderung des Wohnsitzes und das Verlassen des Wohnortes für mehr als einen Monat mitteilen und – falls gefordert – Erklärungen zu ihrem Verhalten und ihren Lebensumständen abgeben. Im Gegensatz zu dem Strafvollzugsgesetz der Russischen Föderation, in dem ähnliche Maßnahmen sehr allgemein geregelt sind, enthalten die genannten Vorschriften des Strafkodex der Republik Belarus genauere Vorschriften über die Maßnahmen zur präventiven Überwachung von Personen, die wegen besonders gefährlicher Straftaten verurteilt worden sind. Sie sind – wie die Sicherungsverwahrung – geeignet, die Sicherheit der Bevölkerung zu gewährleisten.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Барышева Ксения Александровна

Цель: провести анализ отечественного и зарубежного законодательства по вопросу уголовно-правовой ответственности за насилие в семье.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, статистический метод.

Выводы. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости правового регулирования насилия в семье, причем не только физического. По мнению автора, следует большее внимание уделять проблеме защиты частной жизни, личной свободы человека с целью оградить его от преступных посягательств, опираясь на опыт и практику применения уголовного законодательства зарубежных стран, избегая механического заимствования, основываясь на социальных и правовых исследованиях феномена преследования и иного психического воздействия на личность, для выявления общественной опасности и необходимости регулирования отклоняющегося поведения в рамках сложившихся реалий применительно к особенностям нашей страны. При этом необходимо соблюсти баланс и установить разумные границы вмешательства права в частную жизнь и семью.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в анализе отечественного и зарубежного законодательства по вопросу ответственности за домашнее насилие, в результате которого выявлены недостатки в законодательных конструкциях рассматриваемых правовых норм и разработаны рекомендации по их улучшению.

Ключевые слова: насилие в семье, домашнее насилие, уголовно-правовая ответственность, зарубежный опыт, декриминализация побоев в семье.

Условия и возможность правовой охраны частной жизни во многом зависят от определения содержания указанного понятия, которое в настоящее время недостаточно разработано как в России, так и в зарубежных странах. Частная, личная жизнь человека – это и личная свобода, свобода выбора вариантов поведения (ограниченная законодательством), места пребывания и проживания, места работы и отдыха, круга общения, способов передвижения и проч. Время человека, которое он тратит на ту или иную деятельность, также является его выбором.

В марте 2015 г. в Великобритании были введены поправки в уголовное законодательство, направленные на предупреждение и защиту от преступлений, связанных с домашним насилием (*Serious Crime Act 2015 (c. 9), Section 76*). Так,

ст. 76 Акта о тяжких преступлениях предусматривает уголовную ответственность за контролирование и принуждение в семейных отношениях или между близкими людьми (controlling or coercive behaviour in an intimate or family relationship). Под принуждением понимаются систематические действия или комплекс различных действий, направленных на унижение и запугивание, жестокое обращение, которые предпринимаются, чтобы навредить жертве, наказать ее или обезвоить. Контролирование (контролирующее поведение) – это различные действия, направленные на то, чтобы подчинить человека, сделать его зависимым путем изоляции от общества, друзей, родных, ограничить в ресурсах (прежде всего финансовых) и возможностях, лишения средств и возможностей, необходимых для независимости, сопротивления,

а также контроль повседневного поведения жертвы. Перечень перечисленных в указанной статье действий, составляющих объективную сторону деяния, является открытым.

Рассматриваемое уголовно наказуемое поведение не связано с физическим насилием как таковым – речь идет о психическом воздействии. Для привлечения к уголовной ответственности за подобное преступное поведение необходимо доказать, что действия виновного носили систематический характер, т.е. повторялись изо дня в день, или таких действий было несколько. Состав преступления материальный, а это предполагает необходимость доказывания последствий. В данном случае они могут выражаться в значительном негативном влиянии на жертву (например, жертва вынуждена опасаться за свою жизнь и здоровье: совершенные действия вызвали у жертвы стресс и чувство страха, дискомфорта; действия виновного заставляют ее менять свой повседневный образ жизни). Субъектом преступления могут быть только близкие друг другу люди: члены семьи, проживающие совместно; лица, официально зарегистрировавшие свои отношения или находящиеся в фактическом брачном союзе; люди, которые больше не являются семьей, но вынужденные жить под одной крышей; родители ребенка; обрученные, собирающиеся вступить в брак. Подобные действия в отношении детей и лиц, не достигших 16 лет, не подпадают под действия анализируемой нормы.

Однако законодательные конструкции норм, связанных с контролированием и принуждением в семье, не свободны от недостатков, что активно обсуждается в науке уголовного права. Возможно, большинство опасений связано с тем, что статьи, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, являются законодательными новеллами. Так, аргументы в пользу закрепления правового запрета психического насилия в семье следующие: впервые поведение, которое представляет собой реальную основу домашнего насилия, определено и отграничено от преступного преследования, определен специальный субъект, что позволяет не расширять законодательные границы stalking (преследования), способствует правильной квалификации деяния [1]. Вопрос о защите жертв домашнего насилия стоит остро, поэтому принятие закона широко приветствовалось общественностью.

Вместе с тем нельзя не отметить, что с точки зрения практики применения норм о домашнем насилии могут возникнуть трудности при привлечении лица к уголовной ответственности за контролирование и принуждение, так как ст. 76 Акта о тяжких преступлениях не предусматривает на-

ступления последствий в виде физического вреда, а психические страдания жертвы (дискомфорт, стресс, снижение качества повседневной жизни). Порой бывает нелегко доказать в силу субъективной оценки последствий и восприятия негативного влияния каждой отдельной личности потерпевшего [2, 3]. Степень причиненного эмоционального вреда определить также сложно с точки зрения уголовного права. (*State v. McCarthy, 980 P.2d 629 (Mont. 1999)*; *State v. Ryan, 969 So. 2d 1268 (La. Ct. App. 2007) e.t.c.*). Ранее моральный вред был категорией только гражданско-правовой.

Еще одна особенность указанной нормы состоит в том, что она предусматривает необходимость выявления наличия систематичности или длительного характера действий, которые также являются необходимыми для квалификации деяния как уголовно наказуемого. Считать ли три случая отказа в денежных средствах супруге в течение шести месяцев способом контроля или унижения и ущемления ее достоинства?

Необходимо обратить внимание и на то, что высказываются опасения по поводу возможной неоднозначной оценки вмешательства уголовного закона (да и правовое регулирование в целом) в интимную, семейную жизнь граждан. А значит, надо искать компромиссные решения и продвигать законодательные инициативы, отвечающие реальным потребностям общества, опираясь на социологические исследования, что и было сделано в Великобритании.

Анализируя указанную норму об уголовном запрете контроля и принуждения в семье, введенную в этой стране, в сравнении с российским законодательством, следует заметить, что с точки зрения отечественного права подобные действия не подлежат уголовной ответственности.

В контексте принятых изменений в действующее уголовное законодательство РФ за последние несколько лет хотелось бы уделить внимание касающимся ответственности за семейное насилие. Летом 2016 г. была сделана попытка ввести в уголовное законодательство понятие специального субъекта и потерпевшего – близкого лица – в конструкцию состава преступления, предусматривающего ответственность за причинение не опасного для жизни и здоровья физического насилия. Понятие близкого лица согласно примечанию к ст. 116 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ было значительно шире, чем в ст. 76 Акта – им охватывались наряду с супругами и людьми, ведущими общее хозяйство, иные близкие родственники (дети, братья, сестры, лица, состоящие в свойстве, бабушки и дедушки,

внуки, опекуны и попечители). При этом определение данного понятия не совпадало с определением близкого лица, закрепленным в ст. 5 УПК РФ, и трактовалось шире, включая и близких родственников. Несмотря на то, что в обществе и средствах массовой информации данную норму окрестили «ответственность за насилие в семье», ее субъектный состав не коррелировал и с понятием членов семьи, закрепленным в ст. 2 Семейного кодекса РФ, поскольку, следуя семейному законодательству, сожительство не образует семейного союза. Кроме того, исчерпывающий перечень перечисленных в примечании к ст. 116 УПК РФ лиц породил ряд вопросов по поводу того, кого все же следует привлекать к уголовной ответственности за данное деяние (субъектный состав был размыт). И все же, на наш взгляд, обобщенное, собирательное понятие, которое было предусмотрено в этом примечании для российского законодательства удачнее, нежели ограниченный перечень субъектов насилия в семье, предусмотренный английским правом. В силу особенностей обычного права, позволяющего принимать ряд отдельных законов по различным вопросам правового регулирования, увеличение числа статей в уголовном законодательстве РФ не приведет к необходимому результату: нормы должны совершенствоваться, изменяться и дополняться, отвечая при этом потребностям общества и государства. Обилие норм закона, схожих по составу, вызовет ряд проблем при их применении. Однако выделение специального субъекта, а именно близкого лица, видится необходимым при должной доработке и исчерпывающем определении указанного понятия.

Норма ст. 116 УК РФ со специальным субъектом – близким лицом – просуществовала недолго, и декриминализация состава связана, прежде всего, с ее юридико-техническими недостатками, на

которые указывали авторы законодательной инициативы. Так, предусмотрена более строгая, по сравнению с не специальным субъектом, ответственность за побои, нанесенные потерпевшему близкими лицами. Хотя именно в этом, по словам британского премьер-министра, и заключается общественная опасность насилия, совершаемого в семье: преступник пользуется доверием жертвы, особыми между ними отношениями, а иногда и зависимостью как эмоциональной, так и материальной (*United Kingdom, Parliamentary Debates, House of Commons, Public Bill Committee, 20 January 2015, col 171–2 (Robert Buckland, Solicitor-General)*).

Как уже отмечалось выше понятие близкого лица из состава исключено. Между тем в январе-сентябре 2016 г. было зарегистрировано около 57 тыс. предусмотренных УК РФ преступлений, совершенных на бытовой почве, а в сфере семейно-бытовых отношений – 14,213 тыс., из них в отношении женщин – 9,213 тыс., в отношении несовершеннолетних – 4,947 тыс. ([URL: *http://newsnn.ru/news/society/09-02-2017/v-rossii-ot-semeynyh-poboev-chasche-stradayut-zhenschiny-chem-detimvd?slug_for_redirect=news%2F2017%2F02%2F09%2F166791*](http://newsnn.ru/news/society/09-02-2017/v-rossii-ot-semeynyh-poboev-chasche-stradayut-zhenschiny-chem-detimvd?slug_for_redirect=news%2F2017%2F02%2F09%2F166791) (дата обращения: 15 февраля 2017 г.)). Следовательно, правовая защита от насилия в семье, причем не только физического, необходима.

Представляется, что следует больше внимания уделять проблеме защиты частной жизни, личной свободы человека с целью оградить его от преступных посягательств. При этом следует учитывать опыт и практику применения уголовного законодательства зарубежных стран, избегая механического заимствования, основываясь на социальных и правовых исследованиях феномена преследования и иного психического воздействия на личность, и соблюдая разумные границы вмешательства права в частную жизнь и семью.

STRAFBARKEIT HÄUSLICHER GEWALT IN RUSSLAND UND IM AUSLAND

Die Bedingungen und Möglichkeiten des rechtlichen Schutzes des Privatlebens hängen weitgehend von der Definition dieses Begriffs ab, die sowohl in Russland als auch im Ausland nicht ausreichend entwickelt ist. Privatleben bezeichnet unter anderem die Freiheit

des Einzelnen, seine Verhaltensweisen (begrenzt durch das Gesetz), den Ort und die Umstände des Aufenthalts, den Arbeitsplatz, die Kommunikation mit anderen, das Transportmittel und die Freizeitgestaltung zu bestimmen.

Im März 2015 wurden Änderungen in die Strafgesetzbuch in Großbritannien eingeführt, die darauf abzielen, Straftaten im Zusammenhang mit häuslicher Gewalt zu verhindern. So stellt Art. 76 des Serious Crime Act die Ausübung von Kontrolle und die Anwendung von Zwang in familiären und anderen engen persönlichen Beziehungen (Kontrolle oder Zwangsverhalten in einer intimen oder familiären Beziehung) unter Strafe. Unter Anwendung von Zwang sind wiederkehrende Handlungen gemeint, die auf Demütigung und Einschüchterung gerichtet sind, oder das Opfer durch eine grausame Behandlung schädigen oder bestrafen sollen. Durch die Überwachung oder Verhaltenssteuerung muss der Täter die ihm nahestehenden Menschen von sich abhängig machen, indem sie von der Gesellschaft, Freunden und der Familie isoliert und ihrer (vor allem finanziellen) Mittel und Möglichkeiten, die sie für ihre Unabhängigkeit benötigen, beraubt werden. Der Katalog der Handlungen des Täters ist offen. Die Tat muss nicht mit körperlicher Gewalt verbunden sein, vielmehr es geht um die psychischen Auswirkungen. Erforderlich ist aber der Nachweis, dass die Handlungen des Täters systematisch erfolgten, also dieselbe Handlung ständig wiederholt oder mehrere solcher Handlungen vorgenommen wurden. Das Delikt setzt einen Erfolg voraus, der bewiesen werden muss. Die Folgen müssen in einem erheblichen negativen Einfluss auf das Opfer bestehen, z.B. indem es um sein Leben oder seine Gesundheit fürchtet, die Handlungen erheblichen Stress, Angstgefühle oder Unwohlsein verursachen oder das Opfer seine Lebensgewohnheiten ändert. Der Täter muss zu dem Opfer in einer Nähebeziehung stehen: Erfasst sind zusammenlebende Familienmitglieder, ungeachtet einer rechtlichen oder faktischen Beziehung, Menschen, die keine Familie mehr sind, müssen aber unter einem Dach leben, die Eltern eines Kindes, Verlobte. Handlungen gegen Kinder und Personen unter 16 Jahren fallen jedoch nicht in den Anwendungsbereich des Tatbestandes.

Straftatbestände gegen Kontrolle und Zwang im Rahmen der Familie begegnen Bedenken, die in der Strafrechtswissenschaft diskutiert werden. Die meisten Zweifel dürften auf die Befürchtung zurückzuführen sein, dass die kriminalisierten Handlungen aufgrund neu eingeführter Vorschriften strafbar sind. Als Argumente für ein strafrechtliches Verbot psychischer Gewalt in der Familie werden angeführt: Zum ersten Mal würde das Verhalten, das die eigentliche Grundlage der häuslichen Gewalt bildet, definiert und vom Sonderdelikt des Stalking abgegrenzt, sodass der Tatbestand des Letzteren nicht weiter auszudehnen sind und zur richtigen Qualifikation des Straftatbestandes beiträgt. Die Opfer häuslicher Gewalt bedürften des Schutzes und deshalb begrüße die Öffentlichkeit diese Regelungen.

Als Gegenargument wird auf der anderen Seite aus der Sicht der Praxis vorgebracht, dass die Anwendung solcher Straftatbestände gegen häusliche Gewalt schwierig sein könne. Das gelte insbesondere für den Nachweis des Taterfolges, da die Norm keinen Eintritt der physischen Schäden vorsieht und psychischen Leiden (Beschwerden, Stress, Minderung der Lebensqualität) aufgrund der subjektiven Bewertung der Konsequenzen und negativen Auswirkungen durch das konkrete Opfer schwer zu beweisen seien. Der Grad des verursachten emotionalen Schadens (als negative Folge, die ein ausreichendes Maß an Gefahr für die Gesellschaft darstellt, als ein konstruktives Merkmal des analysierten Straftatbestandes) könne aus der Sicht des Strafrechts kaum bestimmt werden. Früher sei der psychische Schaden nur eine zivilrechtliche Kategorie gewesen.

Eine weitere Besonderheit des Tatbestandes sei die Feststellung eines systematischen oder langfristigen Charakters der Handlungen, da erst dadurch das Verhalten zu einer Straftat werde. Sollen z.B. drei Fälle in sechs Monaten, in denen der eine Ehegatte dem anderen Geld verweigert, genügen, um eine Kontrolle, Demütigung oder Beeinträchtigung der Würde zu bejahen?

Zudem wird vorgebracht, dass es bedenklich sei, wenn das Strafrecht (und unklare gesetzliche Regelungen im Allgemeinen) in die privaten Beziehungen und das Familienleben der Bürger hineinwirke. Deshalb ist nach Kompromisslösungen zu suchen und gesetzliche Initiativen zu entwickeln, die den wahren Bedürfnissen der Gesellschaft gerecht werden und die soziologischen Forschungsergebnisse hinsichtlich der gesellschaftlichen Auswirkungen berücksichtigen, was in Großbritannien gemacht wurde.

Die Analyse des genannten Straftatbestandes gegen die verbotene Ausübung von Kontrolle und Zwang in der Familie, der im Vereinigten Königreich eingeführt wurde, und der Vergleich mit der Rechtslage in Russland führen zu folgendem Befund. Nach russischem Strafrecht erfüllen solche Handlungen nicht die Voraussetzungen eines Straftatbestandes.

Allerdings sind einige – im vergangenen Jahr verabschiedete – Änderungen zu beachten, die die Verantwortung für familiäre Gewalt beeinflusst haben. Im Sommer 2016 wurde ein Versuch unternommen, den Begriff des Sondersubjekts und des Opfers – dem Täter nahestehende Personen – in den Straftatbestand, der vor nachteiligen Handlungen, die keine Gefahren für Leben und Gesundheit durch körperlicher Gewalt herbeiführen, schützt, einzuführen. Der Begriff der nahestehenden Person in Art. 116 UK RF in der vom 3. Juli 2016 geänderten Fassung ging über den in Großbritannien verwendeten weit hinaus und umfasste Ehegatten, Personen, die einen gemeinsamen Haushalt unterhalten sowie andere in einer engen persön-

lichen Beziehung stehende Personen und Verwandte (Kinder, Geschwister, Personen, die in derselben Wohnung leben, Großeltern, Enkel, Vormund). Die Definition dieses Begriffs stimmte nicht mit derjenigen des Begriffs der nahen Person überein, der in Art. 5 der Strafprozessordnung der Russischen Föderation verwendet wird, und wurde weiter ausgelegt.

Der Straftatbestand wurde in der Gesellschaft und in den Medien als „Verantwortlichkeit für Gewalt in der Familie“ bezeichnet, obwohl der Personenkreis nicht mit der Familie, wie sie in Art. 2 Familienkodex der Russischen Föderation geregelt ist, übereinstimmt, weil nach dem Familienrecht durch das bloße Zusammenleben keine Familie entsteht. Da die abschließende Liste der genannten Personen jedoch eine Reihe von Fragen hinsichtlich des erfassten Personenkreises aufwarf, war der persönliche Anwendungsbereich des Tatbestandes unklar. Dennoch war das verallgemeinerte, kollektive Konzept, das Art. 116 UK RF für das russische Strafrecht verwendete, überzeugender als der begrenzte Katalog der Handlungen der häuslichen Gewalt nach englischem Recht. Das britische System des Gewohnheitsrechts ermöglicht es, die maßgeblichen Regelungen in getrennten Gesetzen zu treffen, für das Strafrecht der Russischen Föderation ist dieses Vorgehen dagegen nicht geeignet: Der konkrete Tatbestand muss so verbessert, geändert und ergänzt werden, dass er die Bedürfnisse der Gesellschaft und des Staates erfüllt. Eine Vielzahl gesetzlicher Regelungen, deren Inhalte sich ähneln, wird eine Reihe von Problemen und Verwirrung verursachen, wenn sie in der Praxis angewendet werden. Allerdings wird die Beschreibung eines speziellen Subjekts, nämlich einer nahestehenden Person, mit einer entsprechenden Verfeinerung und einer erschöpfenden Definition dieses Begriffs als notwendig erachtet.

Die Regelung in Art. 116 UK RF mit dem Bezug auf ein Sondersubjekt – eine nahestehende Person –

hatte nicht lange Bestand. Die Aufhebung wurde durch die Verfasser der Gesetzgebungsinitiative vor allem mit rechtlichen und technischen Mängeln der Vorschrift begründet. Es sei nicht überzeugend, das Schlagen von Verwandten mit höherer Strafe zu bedrohen als Schläge gegen andere Personen. Allerdings ist zu beachten, dass – mit den Worten des britischen Premierministers ausgedrückt – eine besondere soziale Gefahr für Gewalt innerhalb der Familie besteht: Der Täter enttäuscht das Vertrauen der Opfer, indem er eine besondere Beziehung und manchmal die sowohl emotionale als auch materielle Abhängigkeit ausnutzt.

Derzeit besteht nur eine verwaltungsstrafrechtliche Verantwortlichkeit für das Schlagen eines anderen Menschen, eine wiederholte Begehung sieht eine Strafbarkeit vor. Der Begriff einer nahestehenden Person ist verschwunden. Die Berechtigung des großen öffentlichen Interesses an dem Phänomen der häuslichen Gewalt bestätigt die Statistik, die von Januar bis September 2016 ca. 57.000 Straftaten nach Art. 116 UK RF erfasst hat. Darunter waren 14.213 Fälle häuslicher Gewalt im Bereich der Familienbeziehungen. Gegen Frauen waren 9.213, gegen Minderjährige 4.947 Taten gerichtet. Die Notwendigkeit einer gesetzlichen Regelung gegen häusliche Gewalt ist deshalb nicht zu bestreiten.

Es sollte größere Aufmerksamkeit auf das Problem des Schutzes der Privatsphäre und der persönlichen Freiheit gerichtet werden. Zur Erreichung des Ziels, einen größeren Schutz vor solchen Straftaten zu schaffen, sollten die Erfahrungen der Strafrechtspraxis anderer Länder berücksichtigt werden. Soziale und rechtliche Studien zu diesem Phänomen und den psychologischen Auswirkungen auf die Opfer sollten die Gefahren und die Notwendigkeit der Regelungen gegen abweichendes Verhalten offenlegen. Zu beachten ist jedoch, dass angemessene Grenzen für die Einmischung des Rechts in die Privatsphäre und Familie geschaffen werden müssen.

References

1. Bettinson V., Bishop C. Is the creation of a discrete offence of coercive control necessary to combat domestic violence? *Northern Ireland Legal Quarterly* 66 (2). 2015. Pp. 179–197.
2. Avlana K. Eisenberg, Criminal Infliction of Emotional Distress. *Michigan Law Review*. Vol. 113:607, March 2015. Pp. 607–661.
3. Leslie Y. Garfield, The Case for a Criminal Law Theory of Intentional Infliction of Emotional Distress, *5 Crim. L. Brief* 33 (2009), pp. 32–50.

АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ДЕЛАМ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Бодров Николай Филиппович

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
по соглашению № 16-33-01150.*

Цель: изучить практику рассмотрения жалоб Конституционным Судом РФ по делам о правонарушениях экстремистской направленности и проанализировать его позицию по данному вопросу.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический метод, статистический метод, анализ документов.

Выводы. Правоприменение по делам о правонарушениях экстремистской направленности еще не имеет единообразной практики и характеризуется наличием неоднозначных составов правонарушений и решений по ним. По поводу возможности использования некорректных оценочных терминов в тексте Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» Конституционный Суд РФ единого мнения еще не выработал, хотя его правовая позиция относительно конституционности антиэкстремистского законодательства сформирована и является достаточно жесткой (с точки зрения, например, уголовной политики), несмотря на неоднородность принимаемых решений и мотивировок.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в подробном анализе практики рассмотрения Конституционным Судом РФ жалоб по делам о правонарушениях экстремистской направленности и выявления ряда особенностей, позволяющих разделить такие жалобы на категории с целью обнаружения пробелов в отечественном законодательстве и несовершенства судебной системы при рассмотрении данной категории дел.

Ключевые слова: судебная экспертиза, Конституционный Суд РФ, правонарушения экстремистской направленности, противодействие экстремизму, судебная практика, экстремистские материалы.

В последние годы в России сложилась тенденция к активизации деятельности по противодействию экстремизму на уровне всех ветвей власти. В рамках законодательной деятельности разрабатываются нормы, направленные на выявление и противодействие экстремизму в средствах массовой информации (законопроект № 945340-6 о внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»), предусматривающие лишение гражданства осужденных за терроризм и экстремизм (Федеральный закон от 27 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской

Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»// СЗРФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4792) и др.

Правоприменение по делам данной категории еще не имеет единообразной практики и характеризуется наличием неоднозначных составов правонарушений и решений по ним. Например, практика привлечения к уголовной ответственности ст. 148 УК РФ «Оскорбление чувств верующих» неизменно вызывает значительный общественный резонанс. Имеются и другие проблемы, например, касающиеся применения Федерально-

го перечня экстремистских материалов (*определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2010 г. № 1701-0-0 по жалобе ООО «Издательство Белые Альвы»*), которые по своей природе не могут быть решены путем обращения в Конституционный Суд РФ.

В качестве примера следует привести правовую позицию законодателя. В соответствии с ч. 2 и п. 2 ч. 5 ст. 151 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «экстремистскими могут быть признаны не только отдельные информационные материалы, размещенные в сети «Интернет», страница сайта в сети «Интернет», но и весь сайт в целом» (*см. определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 3024 об отказе в принятии жалобы иностранной организации «Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc.»*).

Подобная позиция не отражает специфики сферы правового регулирования, так сами экстремистские материалы могут публиковаться на других страницах других электронных ресурсов, как и содержание одной страницы может быть в любое время изменено.

Включение тем самым в перечень экстремистских материалов адреса страницы в Интернете, а не ее содержания (контента), бесполезно. Что касается ограничений доступа к адресу, а не к содержимому сайта, то они неоднократно приводили к блокировке не экстремистских (или иных ограниченных к распространению) материалов, а крупных информационных сервисов таких, например, как Google (*URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/06/22/695589-google> (дата обращения: 10.09.2017)*), Wikipedia, YouTube, LiveJournal, Facebook (*URL: <https://ria.ru/spravka/20130524/939334412.html> (дата обращения: 10.09.2017)*) и др.

Помимо практики судов общей юрисдикции, проблематика которой является предметом отдельного изучения, весьма ценную информацию представляют результаты решений высших судебных органов по делам о преступлениях экстремистской направленности. При этом следует отметить, что если постановления Верховного Суда РФ довольно часто становятся предметом научного анализа, то правовая позиция Конституционного Суда РФ по данным вопросам ранее не подвергалась обобщению и анализу.

Изучение на основе анализа 46 дел практики рассмотрения Конституционным Судом РФ жалоб, поступивших в 1993–2017 гг., позволяет сделать следующие выводы:

обжалованию подверглись практически все основные положения антиэкстремистского законодательства (Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 20.3 КоАП РФ, ст. 280, 282 РФ и др.);

осуждение или даже обвинение в совершении преступления экстремисткой направленности приводит к ряду ограничений (*см. решения по жалобам Леонова В.Н. от 13 мая 2010 г., от 1 июня 2010 г., Подчасова А.В. от 10 июля 2016 г.*), которые иногда косвенно (например, отказ в открытии специального банковского счета, снятие денег со своего счета в банке) или напрямую (конфискация имущества) связаны с содеянным. Указанное обстоятельство зачастую становится одним из решающих при намерении осужденного оспорить конституционность положения.

результатом рассмотрения подавляющего большинства жалоб был отказ в принятии жалобы к рассмотрению. Основными причинами отказа являлись: 1) явные упущения сторон, а иногда и суда при рассмотрении дел в судах общей юрисдикции по существу; 2) низкое качество подготовки жалобы и приложений к ней; 3) подача жалобы без учета содержания обращений по аналогичным делам, ранее поданных другими заявителями; 4) политические и социальные противоречия, которые могут реализоваться после признания нормы антиэкстремистского законодательства неконституционной.

Внимание заявителей главным образом было сосредоточено на обжаловании неясности и неопределенности терминологии Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 280, 282 УК РФ. Но при их оспаривании в правовой доктрине Конституционного Суда РФ закрепились следующие практика:

Если в деле были применены положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», или упомянутых статей кодифицированного законодательства, то заявитель должен обосновать это в жалобе. Это условие, которое большинство заявителей до недавнего времени не могли обосновать в своих жалобах на том уровне аргументации, чтобы Конституционный Суд РФ не высказал одно из следующих суждений: а) Закон «О противодействии экстремистской деятельности» не был непосредственно применен в данном деле; б) жалоба связана с оценкой обстоятельств дела по существу, а такая оценка выходит за пределы полномочий Конституционного Суда РФ.

2. Неконкретность и оценочный характер формулировки, на которые ссылался заявитель законоположения, не является дефектом правовой нормы.

3. Положения Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 282 УК РФ направлены на обеспечение мира, согласия и не порождают неопределенности в вопросе об их соответствии Конституции РФ.

При этом вопрос о возможности использования некорректных оценочных терминов в тексте закона решается Конституционным Судом РФ неоднозначно.

В разные годы он указывал, что: 1) «выявление конкретного содержания оценочных понятий, содержащихся в оспариваемых им законоположениях, не относится к компетенции Конституционного Суда» (*определение по жалобе Путинцева С.А. от 25 января 2007 г.*); 2) оценочные понятия могут быть устранены путем разъяснений суда (*очевидно, речь идет об актах Верховного Суда РФ*), ссылаясь на позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную им в постановлениях от 15 ноября 1996 г. по делу «Кантони (Cantoni) против Франции», от 22 июня 2000 г. по делу «Коэм (Соете) и другие против Бельгии», от 29 марта 2006 г. по делу «Ашур (Achour) против Франции», от 6 марта 2012 г. по делу «Хухтамяки (Huhtamäki) против Финляндии» и др., и на то, что закон не может быть полностью свободен от терминов, в большей или меньшей степени нуждающихся в судебном толковании, разъяснении сомнительных моментов и адаптации к изменяющимся обстоятельствам (*определение по жалобе Кочемарова В.С. от 02 августа 2013 г.*).

Нередко Конституционный Суд РФ признавал положения законов неконституционными, указывая, например, что понятие «экстремистские элементы» следует признать не имеющим юридическое значение, поскольку оно «не имеет определенного юридического содержания, что может при применении Указа привести к нарушению конституционных прав граждан» (*см. постановление от 12 февраля 1993 г. по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации» // СЗРФ. 1993. № 9. Ст. 344*).

Подчеркивая решающее значение экспертизы, необходимо отметить, что при рассмотрении дела, связанных с установлением сходства идеологической атрибутики до степени смешения с нацистской (ч. 1 ст. 20.3 КоАП «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской

атрибутики или символики...»), Конституционный Суд РФ прямо указывал, что вид символики является первостепенным: «Само по себе использование нацистской атрибутики (символики), равно как и атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутикой (символикой) до степени смешения, — безотносительно к ее генезису — может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны, что также предполагает право законодателя принимать меры в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации» (*определение по жалобе Мурашова В.А. от 23 октября 2014 г.*).

Указанное обстоятельство послужило причиной того, что в судах общей юрисдикции сложилась практика привлечения к ответственности безотносительно к тому, имела ли место демонстрация, например, атрибутики буддизма (*URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2017/08/d37630/> (дата обращения: 10.09.2017)*), перечеркнутая свастика (*URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2012/03/d23937/> (дата обращения: 10.09.2017)*) и проч.

В определении от 23 октября 2014 г. № 2480-О Конституционный Суд РФ в поставил точку в обсуждении подобной позиции, указав, что «оспариваемые законоположения, направленные на обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, защиту прав и свобод других лиц, не порождают неопределенности в вопросе об их соответствии Конституции Российской Федерации и, следовательно, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя» (аналогично см. решения по жалобам Алехина С.Н. от 17 февраля 2015 г. и Сеницына М.В. от 17 февраля 2015 г.).

В делах, где оценка обстоятельств дела основывалась на проведенной ранее экспертизе (*определение по жалобе Петухова С.А. от 25 января 2007 г.*), Конституционный Суд РФ указывал, что «воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов».

В другой плоскости этот вопрос поставил А.Б. Носик, оспаривавший в Конституционном Суде РФ конституционность ст. 282 УК РФ, которая, по его мнению, «противоречит ст. 29 (ч. 1, 3 и 5), 44 (ч. 1) и 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой несоразмерно ограничивает права граждан, поскольку позволяет привлекать к уголовной ответственности за вы-

сказанное лицом мнение, используя неопределенные понятия «социальная группа» и «мотивы ненависти либо вражды», не содержит критериев разграничения предусмотренного ею преступления и деяния», запрещенного ст. 282 УК РФ.

Но Суд в определении от 27 июля 2017 г. № 1411-О указал, что «требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, однако, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций».

Учитывая, что такие термины, как «социальная группа», не являются общепринятыми и зачастую вызывают сложности даже при осмыслении в рамках научных юридических изысканий (см., например: Зайнитдинов Н.А. О конституционности статьи 282 Уголовного кодекса России // URL: <https://krasn.pravo.ru/analytic/view/34940/> (дата обращения: 10.09.2017)), можно с уверенностью сказать, что принятие решение по существу практически

полностью будет зависеть только от результатов судебной экспертизы по делу.

Таким образом, правовая позиция Конституционного Суда РФ по вопросам конституционности антиэкстремистского законодательства уже сформирована и является достаточно жесткой (с точки зрения, например, уголовной политики), несмотря на неоднозначность принимаемых решений и их мотивировок.

Общую претензию к качеству антиэкстремистского законодательства, которую граждане России, очевидно, пытаются обосновать, обращаясь с жалобами в Конституционный Суд РФ, пожалуй, наиболее точно сформулировала Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская Комиссия):

«In the Commission's view, the Extremism Law, on account of its broad and imprecise wording, particularly insofar as the "basic notions" defined by the Law – such as the definition of "extremism", "extremist actions", "extremist organisations" or "extremist materials" – are concerned, gives too wide discretion in its interpretation and application, thus leading to arbitrariness» (Opinion № 660 / 2011 CDL-AD(2012)016).

ANALYSE DER POSITION DES VERFASSUNGSGERICHTS DER RUSSISCHEN FÖDERATION ZU VERWALTUNGSSTRAFTATEN (ORDNUNGSWIDRIGKEITEN) EXTREMISTISCHER ART

In den letzten Jahren hat sich in Russland eine Tendenz entwickelt, die Aktivitäten gegen den Extremismus auf allen Machtebenen zu intensivieren.

Es werden vom Gesetzgeber immer neue Normen entwickelt, die darauf abzielen, Extremismus in den Massenmedien zu erkennen und zu bekämpfen (zum Beispiel Gesetzesentwurf Nr. 945340-60 über die Änderung des Gesetzes der Russischen Föderation „Über die Massenmedien“) sowie Strafgefangenen für Terrorismus und Extremismus die Staatsangehörigkeit zu entziehen (Föderales Gesetz über Änderungen des föderalen Gesetzes „Über Staatsangehörigkeit der Russischen Föderation“ und der Artikel 8 und 14 des Föderales Gesetzes „Über die Rechtsstellung ausländischer Staatsbürger in der Russischen Föderation“) usw.

Die Rechtsdurchsetzung für Fälle dieser Art hat noch keine einheitliche Anwendung und ist durch

das Vorhandensein von mehrdeutigen Straftaten und Entscheidungen über diese gekennzeichnet, wie zum Beispiel Art. 148 „Beleidigung der Gefühle von Gläubigen“, in dessen Rahmen die strafrechtliche Verantwortlichkeit unweigerlich zu einer bedeutenden öffentlichen Reaktion führt. Es gibt auch andere Probleme, wie zum Beispiel die Anwendung des föderales Verzeichnis der extremistischen Materialien (Beschluss der Beschwerde „Verlag Weisse Alva“ vom 25.11.2010) und andere Probleme, die von Natur aus nicht durch Berufung an das Verfassungsgericht der Russischen Föderation beseitigt werden können (im Folgenden: das Verfassungsgericht).

Als Beispiel ist die Rechtsposition des Gesetzgebers zu zitieren, wonach nicht nur bestimmte im Internet veröffentlichte Informationsmaterialien, sondern auch eine einzelne Seite der Website oder die gesamte Website als Ganzes als extremistisch erkannt werden

kann (siehe Beschluss in der Beschwerde „Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc.“ vom 22.12.2015.).

Eine solche Position spiegelt nicht die Besonderheiten der rechtlichen Regelung wider, da extremistische Materialien selbst wieder auf anderen Seiten anderer elektronischer Ressourcen veröffentlicht werden können, ebenso wie der Inhalt einer Seite jederzeit geändert werden kann.

Die Internetadresse der Seite anstelle ihres Inhalt in der Liste der extremistischen Materialien einzutragen, ist eine vergebliche Tätigkeit, und die Technologie des Blockierens des Zugangs zur Adresse anstelle deren Inhalts hat wiederholt zur Blockierung nicht-extremistischer (oder anderer auf die Verteilung beschränkter) Materialien sowie wichtiger Informationsdienste (Google, Wikipedia, YouTube, LiveJournal, Facebook usw.) geführt.

Was die Rechtsprechung bei extremistischen Straftaten angeht, sind neben der Rechtsprechung der ordentlichen Gerichtsbarkeit, deren Problematik Gegenstand einer gesonderten Studie ist, sind die Ergebnisse der Entscheidungen der höchsten gerichtlichen Instanzen eine sehr wertvolle Information. Gleichzeitig werden die Erläuterung des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation oft zum Gegenstand der wissenschaftlichen Analyse und die Rechtsauffassung des Verfassungsgerichts zu diesen Fragen wurde bisher nicht verallgemeinert und analysiert.

Nach der Analyse von 46 Fällen von 1993 bis 2017, in denen über Verfassungsbeschwerden entschieden wurde, kann man sofort mehrere Merkmale solcher Beschwerden identifizieren:

– Fast alle wesentlichen Bestimmungen der antiextremistischen Gesetzgebung wurden angefochten (darunter das Föderale Gesetz Nr. 114-FG vom 25. Juli 2002 „Über die Bekämpfung extremistischer Aktivitäten“, Artikel 20.3 des Kodex über Verwaltungsstraftaten, Artikel 280, 282 des Strafkodex der Russischen Föderation usw.);

– Die Verurteilung oder sogar bereits die Beschuldigung der Begehung einer extremistischen Straftat führt zu einer Reihe von Einschränkungen (siehe Entscheidungen über Beschwerden von Leonov V.N. vom 13.05.2010, vom 01.06.2010, Podchasov A.V. vom 10.07.2016), die manchmal indirekt (zum Beispiel die Verweigerung, ein spezielles Bankkonto eröffnen oder Geld vom Bankkonto abheben zu dürfen) oder direkt (Konfiszierung des Vermögens) mit dem Begangenen verbunden sind. Dieser Umstand wird oft zu einem entscheidenden Faktor für die Absicht des Verurteilten, die Verfassungsmäßigkeit der Norm in Frage zu stellen.

– Meistens wurden die Beschwerden zur Prüfung nicht angenommen. Die Hauptgründe für die Ablehnung sind gleichermaßen: 1) offensichtliche Nachlässigkeiten der Parteien und manchmal sogar der Gerichte bei der Prüfung von Fällen vor den Gerichten der ordentlichen Gerichtsbarkeit in der Sache; 2) schlechte Vorbereitung der Beschwerde und ihrer Anhänge; 3) Einreichung einer Beschwerde ohne Berücksichtigung des Inhalts von Beschwerden über ähnliche Fälle, die zuvor von anderen Antragstellern eingereicht wurden; 4) politische und soziale Widersprüche, die im Falle der Anerkennung der antiextremistischen Gesetzgebung als verfassungswidrig, auftreten können.

Die Aufmerksamkeit der Antragsteller ist hauptsächlich auf die Berufung gegen die Zweideutigkeit und Unsicherheit der Terminologie des Föderalgesetzes „Über die Bekämpfung extremistischer Aktivitäten“, Artikel 20.3. des Kodex über Verwaltungsstraftaten der Russischen Föderation und Artikel 280, 282 des Strafkodex der Russischen Föderation, gerichtet. Im Zuge der Infragestellung hat sich in der Praxis des Verfassungsgerichts eine Rechtstheorie etabliert, die schematisch wie folgt beschrieben werden kann:

1. Wenn die Bestimmungen des Föderalen Gesetzes „Über die Bekämpfung extremistischer Aktivitäten“ oder die Artikel der kodifizierten Gesetzgebung in dem Fall angewendet wurden, muss der Antragsteller dies in der Beschwerde begründen. Dies ist eine Bedingung, die die meisten Antragsteller bis vor kurzem in ihren Klagen auf dieser Argumentationsstufe nicht begründen konnten, ohne dass das Verfassungsgericht eines der folgenden Voraussetzungen anführte: a) Das FG „Über die Bekämpfung extremistischer Aktivitäten“ wurde im vorliegenden Fall nicht direkt angewendet; b) die Beschwerde ist mit einer Beurteilung der Umstände des Falles verbunden, und eine solche Beurteilung geht über die Befugnisse des Verfassungsgerichts hinaus.

2. Wenn der Antragsteller auf den nicht spezifischen Charakter und die unbestimmte Art des Wortlauts der Satzung verweist, ist dies kein Mangel der Rechtsnorm.

3. Die Bestimmungen des föderalen Gesetzes „Über Extremismus“ und der Artikel 282 des Strafkodex der Russischen Föderation stellen eine Fortsetzung des internationalen Rechts dar, gewähren Frieden und Harmonie und schaffen keine Unsicherheit hinsichtlich ihrer Verfassungsmäßigkeit.

Dabei wird die Frage einer möglichen Verwendung falscher Bewertungsbegriffe im Gesetzestext vom Verfassungsgericht nicht eindeutig entschieden.

Das Verfassungsgericht hat in verschiedenen Jahren festgestellt, dass 1) „die Offenlegung des

spezifischen Inhalts von Beurteilungsbegriffen, die in den Rechtsvorschriften enthalten sind, die gegen den Bestimmtheitsgrundsatz verstoßen, nicht in die Zuständigkeit des Verfassungsgerichts fällt“ (die Entscheidung über die Beschwerde von Putintsev S.A. vom 25.01.2007). 2) Bewertende Begriffe können durch Klärung des Gerichts (anscheinend geht es um die Akte des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation) beseitigt werden, unter Verweis auf die Position des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte, dass das Gesetz „nicht vollständig frei von Begriffen sein kann, die mehr oder weniger gerichtliche Auslegung, Klärung von Zweifelsfällen und Anpassung an veränderte Umstände bedürfen“, (Beschluss zur Beschwerde von V.S. Kochamarov vom 02.08.2013); 3) das Verfassungsgericht erkannte die Bestimmungen der Gesetze als verfassungswidrig an und wies beispielsweise darauf hin, dass der Begriff „extremistischer Elemente“ keine rechtliche Bedeutung haben sollte, da er keinen bestimmten rechtlichen Inhalt hat, der bei der Anwendung des Erlasses zu einer Verletzung der Verfassungsrechte der Bürger führen kann, (vgl. Erläuterung zu dem Fall zur Überprüfung der Verfassungsmäßigkeit des Erlasses des Präsidenten der Russischen Föderation vom 28 Oktober 1992 „Über Maßnahmen zum Schutz des Verfassungssystems der Russischen Föderation“ von 12. Februar 1993).

Unter Betonung der entscheidenden Bedeutung des Sachverständigengutachtens ist anzumerken, dass das Verfassungsgericht in Fällen, in denen Ähnlichkeit der ideologischen mit nationalistischer Symbolik bis zum Grad der Verwechslung besteht, deutet hin, (Artikel 20.3 Abs. 1 des Kodex über Verwaltungsstraftaten „Propaganda oder öffentliche Demonstration von Nazi-Attributen oder Symbolen ...“) dass die Art der Symbolik von größter Bedeutung ist und der Aussagegehalt an sich keine Bedeutung in diesen Fällen hat:

„An sich kann der Gebrauch von Nazi-Attributen (Symbolen) sowie Attributen (Symbolik), die den Nazi-Attributen (Symbolik) bis zum Grad der Verwechslung ähneln- unabhängig von ihrer Entstehung (hier und weiter hervorgehoben von NB) - Menschen, deren Angehörige während des Großen Vaterländischen Krieges starben, verletzen, was auch das Recht des Gesetzgebers voraussetzt, Maßnahmen gemäß Artikel 55 (Teil 3) der Verfassung der Russischen Föderation zu ergreifen, (Beschluss zu der Beschwerde von Murashov V.A. vom 23. Oktober 2014).

Dieser Umstand hat dazu geführt, dass es in den Gerichten der ordentlichen Gerichtsbarkeit eine Rechtsprechung gab, Personen zur Verantwortung zu

ziehen, unabhängig davon, ob es eine Demonstration gab, zum Beispiel die Symbole der Eigenschaften des Buddhismus, des gekreuzten Hakenkreuzes und so weiter.

Zur gleichen Zeit hat das Verfassungsgericht in der gleichen Entscheidung (Murashov V.A. 2014) die Diskussion und die Herausforderung einer solchen Position beendet:

„So können die umstrittenen Bestimmungen, die für internationalen Frieden und Harmonie, die Harmonisierung der zwischennationalen (ethnischen) Beziehungen, den Schutz der Rechte und Freiheiten anderer sorgen und keine Unsicherheit in Bezug auf die Verfassungsmäßigkeit erwecken daher nicht als Verfassungsrechte des Antragstellers verletzend angesehen werden“ (siehe auch die Entscheidungen zu den Beschwerden von Alekhin S.N. vom 17.02.2015 und Sinitsyna M.V. vom 17.02.2015).

In Rechtssachen, in denen die Beurteilung der Umstände des Falles auf dem früher ausgeführten Sachverstand beruhte (Feststellung durch die Petukhov S.A.-Beschwerde vom 25.01.2007), erklärte das Verfassungsgericht, dass es „von der Ermittlung und Untersuchung den tatsächlichen Umständen allen Fällen Abstand nimmt, wenn es die Zuständigkeit anderer Gerichte oder anderer Organen betrifft“.

Auf einer anderen Ebene wurde diese Frage in der Beschwerde von A.B. Nosik gestellt, der darauf hinwies, dass Art. 282 des Strafkodex der Russischen Föderation:

„den Artikeln 29 (Abs. 1, 3 und 5), 44 (Abs. 1) und 55 der Verfassung der Russischen Föderation in dem Maße widerspricht, dass er unverhältnismäßig die Rechte der Bürger beschränkt, da der Kodex für die strafrechtliche Verantwortlichkeit für die Äußerung einer Meinung von einer Person **die unbestimmten Begriffe „Soziale Gruppe“ und „Motive des Hasses oder der Feindschaft“** benutzt, und keine Kriterien für die Unterscheidung des Verbrechens und die von ihm beabsichtigte Tat enthält“.

Das Verfassungsgericht hat jedoch in seinem Beschluss zu dieser Beschwerde folgendes festgestellt: „Die Anforderungen an die Qualität des Strafrechts bedeuten jedoch nicht, dass bei der Formulierung ihrer Vorschriften, Bewertungen oder allgemein anerkannte Begriffe (Kategorien) nicht verwendet werden können, da nur so ermöglicht wird, im Rahmen einer wirksamen Anwendung des Strafrechts, die Normen auf eine unbegrenzte Anzahl von spezifischen Fällen anzuwenden.

Angesichts der Tatsache, dass Begriffe wie die „soziale Gruppe“ nicht allgemeingültig sind und auch im Rahmen der wissenschaftlichen Rechtsforschung häufig Schwierigkeiten bereiten, kann mit Sicherheit

gesagt werden, dass die Entscheidung in der Hauptsache von den Ergebnissen der forensischen Prüfung im Einzelfall abhängen wird.

So ist die Rechtsposition des Verfassungsgerichts zur Verfassungsmäßigkeit der antiextremistischen Gesetzgebung bereits gebildet worden und ist trotz ihrer Heterogenität (in Entscheidungen und ihren Gründen) ziemlich starr (beispielsweise im Hinblick auf die Kriminalpolitik).

Der allgemeine Anspruch auf die Qualität der antiextremistischen Gesetzgebung, den die Bürger Russlands offensichtlich in ihren Klagen vor dem

Verfassungsgericht zu begründen versuchen, wird vielleicht am präzisesten von der Europäischen Kommission für Demokratie durch Recht (Venedig-Kommission) formuliert:

«In the Commission's view, the Extremism Law, on account of its broad and imprecise wording, particularly insofar as the "basic notions" defined by the Law – such as the definition of "extremism", "extremist actions", "extremist organisations" or "extremist materials" – are concerned, gives too wide discretion in its interpretation and application, thus leading to arbitrariness» (Opinion № 660 / 2011 CDL-AD(2012)016).

НЕЗАКОННОЕ ВООРУЖЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ (СТ. 208 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ): СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ

Грачева Юлия Викторовна

Цель: изучить российское уголовное законодательство и судебную практику по вопросу об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования и участие в нем, выявить проблемы разграничения рассматриваемого преступления со смежными и конкурирующими составами.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-правовой метод, статистический метод, анализ документов.

Выводы. На основании судебной практики и теории уголовного права автором делается вывод, что УК РФ не в полной мере соответствует требованиям законодательной техники. Анализ опубликованных материалов судебной практики по рассматриваемому вопросу показал, что уголовные дела о привлечении лиц к уголовной ответственности за создание или участие в незаконном вооруженном формировании, преследующее преступные цели, не возбуждаются. Статья 208 УК РФ позволяет привлекать виновных лиц к уголовной ответственности за создание или участие в незаконном вооруженном формировании, когда нет судебного решения, признавшего организацию террористической или экстремистской, либо когда отсутствуют доказательства создания незаконного вооруженного формирования с целью осуществления террористической деятельности или совершения преступлений, перечисленных в ст. 2054 УК РФ.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования заключается в определении основных признаков, ограничивающих состав ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем) от смежных и конкурирующих составов.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, вооруженность, преступления террористической направленности, вооруженная группа, организованная группа.

В 2016 г. в России было зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера, что на 44,8 % больше по сравнению с предыдущим годом ([URL: http://crimestat.ru/analytics](http://crimestat.ru/analytics) (дата обращения: 07.07.2017)). Одним из средств противодействия совершению рассматриваемых деяний является уголовный закон, содержащий нормы, в которых сформулированы преступления террористического характера.

Анализ судебной практики и теории уголовного права свидетельствует о том, что УК РФ не в полной мере соответствует требованиям законодательной техники. Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

ской Федерации» (СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5641) УК РФ был дополнен ст. 2054, в ч. 1 которой предусмотрена уголовная ответственность за создание террористического сообщества, т.е. устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 2051, 2052, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями.

Таким образом, если виновный создает устойчивую группу для совершения террористического акта, насильственного захвата власти или насильственного ее удержания (ст. 278 УК РФ), вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ), то в силу прямого указания закона он должен подлежать ответственности по ст. 205⁴ УК РФ. Вместе с тем в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4) разъяснялось, что «под незаконным вооруженным формированием в статье 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя территориальной целостности Российской Федерации)».

Такие объяснения были актуальны до дополнения УК РФ ст. 205⁴ и соответствовали сложившейся в тот период теории уголовного права [1, с. 420; 2, с. 223] и судебной практике (*Кассационное определение Верховного Суда РФ от 2 апреля 2014 г. № 20-УД14-2 // СПС «КонсультантПлюс»*). Но, к сожалению, они сохранились в вышеназванном постановлении и до настоящего времени, несмотря на то, что в текст документа уже позднее, в 2016 г., вносились изменения.

Если рассматриваемая деятельность, согласно УК РФ, должна влечь ответственность по ст. 205⁴, то возникает вопрос: для каких целей создается незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ)? В теории уголовного права на него дают весьма расплывчатый ответ. Так, указывается, что «от организации террористического сообщества (ст. 205⁴ УК), бандитизма (ст. 209 УК), организации преступного сообщества (преступной ор-

ганизации) (ст. 210 УК), вооруженного мятежа (ст. 279 УК), организации экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК) рассматриваемый состав преступления отличается отсутствием конstitutивных целей, характеризующих данные составы преступлений» [3, с. 137]. Кроме того, высказывается справедливое замечание, что цели создания незаконного вооруженного формирования могут быть не преступными – «формирование обычно создаются для поддержания общественного порядка, охраны определенных социальных групп или каких-либо объектов...» [4, с. 673]. Однако анализ судебной практики свидетельствует о том, что уголовных дел о привлечения лиц к уголовной ответственности за создание или участие в незаконном вооруженном формировании, преследующее не преступные цели, не возбуждаются.

Следует отметить, что опубликованных обвинительных приговоров по ст. 208 УК РФ в новой редакции немного. Они выносятся в отношении граждан РФ, участвовавших на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (*См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017). Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс»*).

Таким образом, виновные лица могут привлекаться к ответственности ст. 208 УК РФ за создание или участие в незаконном вооруженном формировании, когда нет судебного решения, признавшего организацию террористической или экстремистской, либо когда отсутствуют доказательства создания незаконного вооруженного формирования с целью осуществления террористической деятельности или совершения преступлений, перечисленных в ст. 205⁴ УК РФ.

ILLEGALE BEWAFFNETE GRUPPIERUNGEN (ART. 208 DES STRAFKODEX DER RUSSISCHEN FÖDERATION): MODERNE PROBLEME DER AUSLEGUNG

Im Jahr 2016 wurden in Russland 2.227 Straftaten terroristischer Natur gemeldet – 44,8% mehr als im Vorjahr. Als Bekämpfungsmaßnahme gegen diese Taten dient der Strafkodex, welcher Rechtsnormen umfasst, die eine wirksame Kriminalitätsbekämpfung

ermöglichen und in denen terroristische Straftaten genau und vollständig formuliert sind.

Rechtsprechung und Strafrechtslehre vermitteln das Gefühl, dass der Strafkodex der Russischen Föderation (*weiter als RF*) den Anforderungen der Gesetzgebungs-

technik nicht in Gänze entspricht. So hat das föderale Gesetz vom 02.11.2013 Nr. 302-FG „Über die Eintragung der Änderungen in gesetzlichen Bestimmungen der RF“, den Strafkodex durch Art. 2054 ergänzt, in dessen Abs. 1 die Bildung und Führung einer terroristischen Vereinigung als Straftat normiert wurde. Unter einer terroristischer Vereinigung versteht man „eine feste Gruppe von Personen, welche sich von vornherein bewusst mit dem Ziel der Ausübung der terroristischen Tätigkeit oder für die Vorbereitung oder Begehung einer oder mehreren Straftaten, die in den Art. 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 Strafkodex der RF normiert sind, oder anderen Straftaten zwecks Propaganda, Rechtfertigung und Unterstützung des Terrorismus, sowie Leitung einer solchen Vereinigung, derer Teile oder Strukturteile, die zu einer solchen Vereinigung gehören, zusammengefügt haben“.

Aus dem Strafkodex der RF folgt eine gesetzliche Sanktionierung aus Art. 205 für die organisatorische Tätigkeit, sofern der Beschuldigte mit anderen eine feste Gruppe für die Begehung eines Terroraktes (ähnliche Tätigkeiten gehören gem. Art. 3 Nr. 2 des Föderalen Gesetzes vom 06.03.2006 № 35-ФЗ „Über die Terrorismusbekämpfung“ zur terroristischen Tätigkeit), die gewaltsame Machtergreifung bzw. gewaltsame Aufrechterhaltung der Macht (Artikel 278 des Strafkodexes der RF), oder bewaffnete Meuterei (Artikel 279 des Strafkodexes der RF) bildet.

Zugleich wird im № 3 der Erläuterung des Plenums des Obersten Gerichts der Russischen Föderation vom 09.02.2012 № 1 (Fassung von 03.11.2016) „Über einige Fragen der Rechtsprechung in Strafsachen über die Straftaten der terroristischer Ausrichtung“ erklärt, dass „man unter illegaler bewaffneter Gruppierung im Art. 208 Strafkodex der RF durch das föderale Gesetz nicht vorgesehene Vereinigungen, Truppen, Kader oder eine andere bewaffnete Gruppe, die zwecks Realisierung bestimmten Ziele gebildet wurden (z.B. Begehung von Terrorakten, gewaltsame Änderung der Verfassungsordnung der territorialen Integrität der RF), verstehen sollte“.

Solche Erläuterungen waren vor der Ergänzung des Strafkodexes der RF mit Art. 2054 relevant, aber auch wenn die Erläuterung des Plenums am 3. November 2016 dahingehend geändert wurde, stellte sich keine Problemlösung im Zusammenhang mit Art. 205 ein. Die Erläute-

rungen entsprachen der damals aktuellen Theorie (*Lehre*) des Strafrechts und der Rechtsprechung.

Die Frage ist, welches Ziel die Bildung einer illegalen bewaffneten Gruppierungen (Art. 208 des Gesetzbuches der RF) verfolgt, um eine Strafbarkeit gemäß Art. 205⁴ herbeizuführen.

In der Theorie des Strafrechts gibt es nur eine recht vage Antwort auf diese Frage.

So wird darauf hingedeutet, dass „sich der in diesem Vortrag betrachtete Straftatbestand von der Bildung einer terroristischen Vereinigung (Art. 2054 Strafkodex) von den Tatbeständen des organisierten Banditentums (Art. 209 Strafkodex), der Bildung einer kriminellen Vereinigung (Art. 210 Strafkodex), der bewaffneten Meuterei (Artikel 279 Strafkodex), extremistischer Vereinigungen (Art. 2821 Strafkodex) durch das Fehlen der konstitutiven Idee, durch die solche Straftatbestände gekennzeichnet werden, unterscheidet“.

Es gibt auch eine zutreffende Anmerkung, dass derartige „illegale bewaffnete Gruppierungen nicht immer der Verfolgung krimineller Ziele dienen: Sie werden in der Regel für die Aufrechterhaltung der öffentlichen Ordnung, Schutz bestimmter sozialer Gruppen oder irgendwelcher Objekte gegründet“. Die Analyse der veröffentlichten Materialien der Rechtsprechung hat gezeigt, dass es keine Strafverfahren gibt, in denen die Gründer oder Teilnehmer einer illegalen bewaffneten Gruppierung, die keine kriminelle Ziele verfolgten, zur strafrechtlichen Verantwortung gezogen wurden.

Es ist anzumerken, dass nicht viele Urteile gemäß Art. 208 des Strafkodexes der RF (neue Fassung) existieren. Diese Urteile werden gegen Bürger der RF verkündet, die im Ausland an einer illegalen bewaffneten Gruppierung für Zwecke, die den Interessen der Russischen Föderation widersprechen, teilgenommen haben.

In diesem Zusammenhang erlaubt der Art. 208 des Strafkodexes, die Bildung oder Teilnahme an einer illegalen bewaffneten Gruppierung strafbar zu machen, sogar wenn es keine Gerichtsentscheidung gibt, die die Organisation als terroristisch oder extremistisch anerkennt oder wenn es keine Beweise für die Bildung einer solchen illegalen bewaffneten Gruppierung mit dem Zweck der Ausübung terroristischer Tätigkeit oder Begehung der Straftaten, die in dem Art. 2054 des Strafkodexes der RF verankert sind, gibt.

Литература

1. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.П. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012. – 943 с.
2. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М., 2012. – 448 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е из., перераб. и доп. М., 2017. – 736 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В.В. Малиновский, науч. ред. А.И. Чучаев. М., 2015. – 1040 с.

References

1. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' [The Criminal Law of Russia. The special part] F.R. Sundurova, M.V. Talan Ed. Moscow, 2012. 943 p. (In Russian)
2. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' [The Criminal Law of Russia. The special part] A.I. Chuchaev Ed. Moscow, 2012. 448 p. (In Russian)
3. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) (7-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) (7th edition, revised and enlarged)] G.A. Esakov Ed. Moscow, 2017. 736 p. (In Russian)
4. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii dlya rabotnikov prokuratury (postateinyi) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation for the Prosecutor's Office (article-by-article)] V.V. Malinovskii, A.I. Chuchaev Ed. Moscow, 2015. 1040 p. (In Russian)

ВИДЫ УГРОЗ ОСНОВАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Дегтерев Андрей Александрович

Цель: провести комплексное исследование современных угроз основам политической системы и их систематизация.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, индукция, системный метод.

Выводы. Автор приходит к заключению, что политическая система представляет собой упорядоченную совокупность правовых норм, общественных и государственных институтов, всевозможных организаций, общей квинтэссенцией, смыслом существования которых является реализация политической власти. Все угрозы политической системе, закрепленные в Уголовном кодексе РФ, можно разделить на три вида: внешние угрозы, внутренние угрозы, смешанные угрозы. В реальной действительности все они реализуются если не одновременно, то, как правило, параллельно. Опасность этих угроз очевидна для любого политического режима и любого государства. Потакание лицам, от которых они исходят, со стороны других стран неминуемо приводит к дестабилизации политической обстановки во всем мире. Такие субъекты никогда не прекращают своей противоправной деятельности и в конечном итоге совершают тяжчайшие преступления.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в разработке авторского понятия политической системы. Предложена типология угроз основам политической системы, выявлены особенности каждого из этих видов.

Ключевые слова: политическая система государства, государственная власть, угроза политической системе, политическая стабильность, безопасность государства.

Политическая система представляет собой упорядоченную совокупность правовых норм, общественных и государственных институтов, всевозможных организаций, общей квинтэссенцией, смыслом существования которых является реализация политической власти. В ходе решения этой главной целеполагающей задачи происходит взаимодействие между этими, и многими другими организациями, общественными и государственными институтами, обмен и конфликт идей, столкновение различных интересов и проявление разнообразных отношений между людьми, а также между ними и представителями органов государственной власти.

Политическая система представляет собой, как говорит А.Г. Балыхин в статье «Соотношение принципов политической системы государства и принципов местного самоуправления», комплекс государственных и негосударственных институтов, осуществляющих политические

функции, т.е. деятельность, связанную с функционированием государственной власти. Главным здесь является государственная власть.

Следовательно, основу политической системы составляют органы государственной власти и люди, которые работают в этих органах. Соответственно они наделены особыми полномочиями и обладают определенным правовым статусом.

Таким образом, защита основ политической системы, с юридической точки зрения, означает защиту конкретных физических лиц, которые в силу своих должностных полномочий представляют интересы государственных институтов, а если более предметно — интересы конкретных государственных органов.

Эта логическая цепь тем более очевидна, что уголовный закон РФ не может быть применен к юридическим лицам. При этом в числе задач УК РФ — обеспечение защиты конституционного

стройка от преступных посягательств. Любое посягательство на основы политической системы — это посягательство на общественные отношения по поводу осуществления государственной власти. Поскольку государственную власть осуществляют ее конкретные представители, охрана политической системы — это, в конечном счете, охрана этих людей. Наиболее наглядно это подтверждается в ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», а также суровостью санкций за совершение данного деяния: от 12 лет лишения свободы до пожизненного лишения свободы либо смертной казни.

Угрозу политической системе могут представлять любые действия, направленные на разрушение институтов государственной власти и срыв работы любых ее элементов. Строго говоря, любое преступление направлено против основ политической системы. Например, хулиганство подрывает устои политической системы в той же степени, что и кража или разбой, поскольку сам факт их совершения свидетельствует о невозможности государственной власти в лице ее представителей контролировать правомерное поведение граждан.

В УК РФ имеется гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», в которой в концентрированном виде содержатся составы преступлений, наиболее рельефно представляющие угрозы для Российской Федерации. Почти все эти угрозы характерны для любой политической системы, независимо от общественной формации, главенствующих форм собственности и вида политического режима.

Среди угроз основам политической системы традиционными считаются: 1) мятеж; 2) организация беспорядков; 3) измена; 4) шпионаж; 5) государственный переворот. Все они представлены в уголовном законодательстве РФ.

Данные угрозы можно условно разделить на три вида: внешние, внутренние и смешанные.

К внешним угрозам можно отнести: 1) шпионаж; 2) диверсию; 3) осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о нежелательности ее деятельности в Российской Федерации.

К внутренним угрозам можно отнести: 1) государственную измену; 2) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; 3) организацию экстремистского сообщества; 4) организацию деятельности экстремистской организации; 5) разглашение государственной тайны; 6) незаконное получение сведений, со-

ставляющих государственную тайну; 7) утрату документов, содержащих государственную тайну.

К смешанным угрозам можно отнести: 1) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; 2) вооруженный мятеж; 3) насильственный захват власти или насильственное удержание власти; 4) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; 5) публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; 6) возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; 7) финансирование экстремистской деятельности.

Для политической системы все виды угроз в равной степени опасны. Все они реализуются если не одновременно, то, как правило, параллельно. За любой угрозой политической системе стоят внешние силы в лице представителей политического руководства соперничающих стран. Практика свидетельствует, что это либо страны, претендующие на роль мирового гегемона, либо соседние страны, стремящиеся подорвать и ослабить в собственных интересах экономику соседей, либо (чаще всего) страны, действующие заодно в своих узкокорыстных интересах. При этом нельзя не отметить, что более серьезную угрозу для страны представляют внутренние угрозы (как говорится, удара в спину не ожидает никто). Без реализации внутренних угроз внешние угрозы политической системе не страшны.

Но наибольшую опасность для политической системы представляют смешанные угрозы, когда против политической системы направлены как внутренние силы, так и внешние. Например, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля может быть подготовлено и осуществлено и как внутри государства, и за его пределами. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти, скорее всего, будет организовано внутри государства, но при этом не исключается участие в этом внешних политических сил в виде финансового и ресурсного обеспечения. То же касается вооруженного мятежа. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в современных условиях удобнее осуществлять за пределами государства, хотя не исключается насаждение экстремистской идеологии и организация подобных публичных призывов в внутри страны. На такие призывы, к сожалению, падки представители молодежи, психика которых еще не сложилась, и которыми удобно манипулировать, вызывая к их чувству добра и справедливости.

Наибольший интерес представляют посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ) и вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ).

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля состоит в покушении на его жизнь и здоровье и совершается в целях прекращения государственной или иной политической деятельности такого должностного лица либо из мести за такую деятельность. Санкции за данное преступление, как уже говорилось, очень жесткие.

Примечательно, что санкции за насильственный захват власти, включая ее насильственное удержание или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, значительно мягче, чем за посягательство на жизнь государственного деятеля. Это лишнее подтверждает тезис о том, что представители государственной власти прежде всего озабочены собственной безопасностью.

Вооруженный мятеж состоит в организации вооруженного выступления либо активном

участии в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности страны. За данное преступление, как и за насильственный захват власти или ее насильственное удержание, не предусмотрено максимальной санкции в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни.

Все три перечисленных выше состава преступления направлены против основ политической системы, а создаваемые ими угрозы относятся к смешанным.

Опасность рассмотренных уголовных деяний для любого политического режима и любого государства очевидна. Потакание их субъектам со стороны других стран неминуемо приводит к дестабилизации политической обстановки во всем мире. Такие лица никогда не прекращают своей противоправной деятельности и в конечном итоге совершают тягчайшие преступления, в том числе против тех, кто их изначально провоцировал на совершение преступлений.

WELCHE BEDROHUNGEN DER GRUNDLAGE DES POLITISCHEN SYSTEMS SICH GEGENÜBERSTEHEN UND WIE SICH DIES IN DER STRAFGESETZGEBUNG WIDERSPIEGELT

Als politisches System wird die Gesamtheit von Rechtsnormen der öffentlichen und staatlichen Institutionen und jeglicher Organisationen allgemeiner Quintessenz bezeichnet. Das Wesentliche dieses Systems ist die Ausführung der politischen Macht. Im Wege dieser Hauptaufgabe interagieren die oben genannten und viele andere Organisationen, öffentliche und staatliche Institute, miteinander; es kommt zum Austausch und Konflikt der Ideen, zu Auseinandersetzungen unterschiedlicher Interessen und Auslösung vielfältiger Beziehungen zwischen den Leuten, sowie zwischen den Leuten und Vertretern der Organe der staatlichen Gewalt.

In seinem Aufsatz „Das Verhältnis der Prinzipien des politischen Systems des Staates und der Prinzipien der lokalen Selbstverwaltung“, bezeichnet A.G. Balichin das politische System als ein Komplex von staatlichen und nichtstaatlichen Instituten, die politische Funktionen ausüben; das heißt Tätigkeiten, die

mit der Ausübung der staatlichen Macht verbunden sind. Dabei ist die staatliche Macht das Wesentliche.

Demzufolge besteht die Grundlage des politischen Systems aus den Organen der Staatsgewalt sowie den innerhalb dieser Organe arbeitenden Personen. Diese Leute genießen Sondervollmachten und einen speziellen Rechtsstatus.

So bedeutet – aus juristischer Sicht – der Schutz der Grundlagen des politischen Systems den Schutz konkreter natürlicher Personen, die aufgrund ihrer Amtsbefugnisse die Interessen konkreter staatlicher Institute vertreten oder, wenn man es sachnäher ausdrückt, den Schutz der Interessen konkreter Staatsorgane.

Diese logische Kette wird dadurch deutlich, dass dem derzeitigen Strafgesetz der Russischen Föderation eine Anwendbarkeit auf juristische Personen gesperret ist. Dabei gehört es zu den Aufgaben des Strafgesetzes der Russischen Föderation, die Verfassung vor

kriminellen Übergriffen zu schützen. Jeder Angriff gegen die Grundlagen des politischen Systems ist ein Angriff gegen die öffentlichen Beziehungen in Bezug auf die Ausübung der Staatsgewalt. Da die Staatsgewalt von ihren konkreten Vertretern ausgeübt wird, ist der Schutz des politischen Systems letztlich der Schutz der Staatsdiener. Dies ist in Art. 277 (Angriff auf das Leben eines Staatsfunktionärs oder einer öffentlichen Person) des Strafkodex der Russischen Föderation am deutlichsten dargestellt sowie durch das Strafmaß: Die Mindeststrafe beträgt 12 Jahre *Freiheitsstrafe* – die Höchststrafe lebenslange Freiheitsstrafe oder Todesstrafe.

Eine Bedrohung für das politische System kann durch jede Handlung dargestellt werden, die darauf abzielt, die Institute der Staatsgewalt zu zerstören und die Arbeit eines ihrer Elemente zu untergraben. Strenggenommen richtet sich jede Straftat gegen die Grundlagen des politischen Systems, da die Amtsträger versuchen, diejenigen Handlungen zu kriminalisieren, die diese Grundlagen zu untergraben versuchen. Zum Beispiel verstoßen Hooligans gegen die Prinzipien des politischen Systems in demselben Maße wie dies durch Diebstahl und Raub geschieht, da die Tatsache der Straffälligkeit selbst zeigt, dass die Staatsmacht unfähig ist, dieses Verhalten von Bürger zu verhindern bzw. zu kontrollieren.

Dabei gibt es im Strafkodex der Russischen Föderation Kapitel 29 mit der Überschrift: „Die Straftaten gegen die Grundlagen der verfassungsmäßigen Ordnung und die Sicherheit des Staates“. In diesem Kapitel werden sämtliche Tatbestände von Straftaten gesammelt, die vor allem Bedrohungen für das politische System eines Landes – in diesem Fall der Russischen Föderation – darstellen.

Man muss aber anmerken, dass fast all diese Bedrohungen für jedes politische System typisch sind, unabhängig von der Gesellschaftsform, den vorherrschenden Eigentumsformen und der Art des politischen Regimes.

Unter den Bedrohungen der Grundlagen des politischen Systems werden folgende als traditionell angesehen:

1. Aufstand
2. Organisation des Landesfriedensbruchs
3. Hochverrat
4. Landesverrat
5. Staatsstreich

Alle diese Bedrohungen sind in der Strafgesetzgebung Russlands dargestellt.

Alle Bedrohungen des politischen Systems, die der Strafkodex der Russischen Föderation regelt, können einem der drei übergeordneten Typen zugeordnet werden:

1. Externe Bedrohungen,
2. Interne Bedrohungen,
3. Gemischte Bedrohungen.

Zu den externen Bedrohungen gehören:

1. Landesverrat
2. Sabotage,
3. Tätigkeiten einer ausländischen oder internationalen Nichtregierungsorganisation auf dem Territorium der Russischen Föderation, in deren Bezug die Entscheidung getroffen wurde, diese und deren Tätigkeit auf dem Territorium der Russischen Föderation als unerwünscht anerkennen.

Die internen Bedrohungen sind:

1. Landesverrat,
2. Öffentliche Aufforderungen zur Durchführung extremistischer Aktivitäten,
3. Organisation einer extremistischen Gemeinschaft,
4. Organisation von Aktivitäten einer extremistischen Organisation,
5. Verrat eines Staatsgeheimnisses,
6. Illegale Informationsbeschaffung von Informationen, die als Staatsgeheimnis gelten,
7. Verlust von Dokumenten, die Staatsgeheimnisse beinhalten.

Zu den gemischten Bedrohungen gehören:

1. Angriff auf das Leben eines Staatsfunktionärs oder einer öffentlichen Person,
2. Bewaffneter Aufstand,
3. Gewaltsame Machtergreifung oder gewaltsame Aufrechterhaltung der Macht,
4. Öffentliche Aufforderungen zur Durchführung extremistischer Aktivitäten,
5. Öffentliche Aufforderungen zur Durchführung von Maßnahmen, die auf die Verletzung der territorialen Integrität der Russischen Föderation abzielen,
6. Anregung von Hass oder Feindschaft sowie Verletzung der Menschenwürde und
7. Finanzierung von extremistischen Aktivitäten.

Für ein politisches System sind alle Arten von Bedrohungen gleichermaßen gefährlich. In der Realität werden Bedrohungen aller Art, wenn nicht gleichzeitig, dann in der Regel parallel ausgeführt. Hinter jeder Bedrohung des politischen Systems stehen außen stehende Kräfte, d.h. die Vertreter der politischen Führung der konkurrierenden Länder. Erfahrungsgemäß handelt es sich dabei um Länder, die sich als Hegemon durchsetzen wollen, oder um Nachbarländer, die versuchen, die Wirtschaft des Nachbarstaats zu schwächen oder am häufigsten Staaten, die in ihrem eigennützigen Interesse handeln.

Dabei sollte angemerkt werden, dass interne Bedrohungen eine ernsthaftere Bedrohung für den Staat darstellt, da – sprichwörtlich – niemand mit einem

„*Stich in den Rücken*“ rechnet. Ohne Realisierung der internen Bedrohungen, sind externe Bedrohungen für das politische System nicht gefährlich.

Eine besonders ernsthafte Bedrohung für das politische System stellt eine gemischte Bedrohung dar. Dies ist der Fall, wenn sich sowohl innere als auch äußere Kräfte gegen das politische System richten. Beispielsweise kann ein Angriff auf das Leben eines Staatsfunktionärs oder einer öffentlichen Person sowohl im Inland als auch im Ausland vorbereitet und ausgeführt werden. Die gewaltsame Machtergreifung oder eine gewaltsame Aufrechterhaltung der Macht wird dabei wahrscheinlich innerhalb des Staates organisiert. Der Einfluss externer politischer Kräfte in Form von Finanz- und Ressourcenunterstützung wird nicht ausgeschlossen. Das gleiche gilt für einen bewaffneten Aufstand. Öffentliche Aufforderungen zur Durchführung extremistischer Aktivitäten sind heutzutage aus dem Ausland bequemer zu bewerkstelligen, obwohl dies die Einpflanzung einer extremistischen Ideologie innerhalb des Landes und die Organisation solcher öffentlichen Aufforderungen im Staat selbst nicht ausschließt.

Für solche Aufrufe sind Jugendliche besonders empfindlich, deren Psyche sich noch nicht herausgebildet hat und die sehr leicht zu manipulieren sind, wenn man an das Gefühl des Guten und der Gerechtigkeit appelliert.

Besonders interessant sind die Angriffe auf das Leben eines Staatsfunktionärs oder einer öffentlichen Person (Artikel 277 des Strafkodex der Russischen Föderation), die erzwungene Machtergreifung oder gewaltsame Machteinschränkung (Artikel 278 des Strafkodex der Russischen Föderation) und die bewaffnete Meuterei (Artikel 279 des Strafkodex der Russischen Föderation).

Der Angriff auf das Leben eines Staatsfunktionärs oder einer öffentlichen Person besteht darin, diese zu töten oder zumindest seine Gesundheit zu schädigen.

Das Angriffsziel ist die Störung bzw. Unterbrechung der amtlichen Tätigkeiten dieser Person oder die Rache für solche Tätigkeiten.

Die Sanktionen für solche Verbrechen sind, wie bereits erwähnt, sehr hart.

Die gewaltsame Machtergreifung oder gewaltsame Aufrechterhaltung der Macht besteht in Handlungen, die auf eine gewaltsame Machtergreifung oder gewaltsame Aufrechterhaltung der Macht abzielen sowie auf eine gewaltsame Änderung der verfassungsrechtlichen Ordnung der Russischen Föderation gerichtet sind.

Es ist hervorzuheben, dass die Strafen für solche Straftaten wesentlich milder sind als beispielsweise für Angriffe auf das Leben eines Staatsfunktionärs, was wiederum die oben aufgestellte Behauptung bestätigt, dass Vertreter der Staatsmacht in erster Linie mit ihrer eigenen Sicherheit beschäftigt sind.

Ein bewaffneter Aufstand besteht in der Organisation einer bewaffneten Aktion oder einer aktiven Teilnahme an einer solchen mit dem Ziel, die verfassungsmäßige Ordnung der Russischen Föderation zu stürzen oder gewaltsam zu verändern bzw. die territoriale Integrität der Russischen Föderation zu verletzen.

Für diese Straftat gibt es keine maximale Sanktion in Form von lebenslanger Freiheitsstrafe oder Todesstrafe.

Alle drei Straftatbestände richten sich gegen die Grundlagen des politischen Systems und gehören zu den gemischten Bedrohungen.

Die Gefahr dieser Straftaten ist für jedes politische Regime und jeden Staat offensichtlich. Die Unterstützung solcher Täter seitens anderer Ländern führt unvermeidlich zu einer Destabilisierung der politischen Situation in der ganzen Welt.

Solche Täter werden mit der Begehung oben genannter Straftaten nie aufhören. Letztendlich ist zu befürchten, dass irgendwann selbst Staaten, die die Täter einst unterstützt haben, selbst zum Opfer von solchen Angriffen werden.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ УГРОЗАМ ЭКОТЕРРОРИЗМА И ЭКОЭКСТРЕМИЗМА – АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА НАУКИ УГОЛОВНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Дубовик Ольга Леонидовна

Цель: рассмотреть современное состояние и перспективы противодействия экотерроризму и экоэкстремизму в современном обществе.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедуция.

Выводы. На основе проведенного анализа автор делает вывод, что отдельные аспекты научного обеспечения борьбы с терроризмом остаются «в тени». Угроза экологического терроризма наличествует, и с ней нельзя не считаться. Но можно и нужно ставить вопрос о том, не являются ли, например, главной целью акций фундаменталистов захват природных ресурсов, а все остальные их действия – лишь средством (способом) ее достижения. Экологический терроризм – новая разновидность опасных посягательств на окружающую среду и общественную безопасность. Он является крайней формой выражения эколого-правового конфликта и может быть его завершающей стадией, как и любое преступление – завершающей стадией криминального конфликта, а может быть причиной его возникновения или эскалации.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в том, что охарактеризована общественная опасность рассматриваемого криминального явления. Автором обосновывается необходимость обратить внимание исследователей на проблематику предупреждения экотерроризма и экоэкстремизма, грозящих масштабными и непредвиденными последствиями.

Ключевые слова: экотерроризм, экоэкстремизм, стратегия национальной безопасности, противодействие экотерроризму, окружающая среда.

Борьба с терроризмом и экстремизмом в наши дни является одной из главных задач отдельных государств, их объединений, правоохранительных органов, общественных организаций, мирового сообщества в целом. Как никакая другая, она объединяет усилия политиков, юристов, социологов, правозащитников.

В XXI в. человечество неожиданно столкнулось с угрозой терроризма в невиданных ранее масштабах. В террористических актах задействованы не только конкретные исполнители и их пособники, но и крупные социальные группы, характеризующиеся этническими, религиозными, политическими признаками, преследующие цели различного уровня – от глобальных: создание халифата и уничтожение христианского мира, представителей разных ветвей ислама (сунниты,

шииты) до «точечных», когда террористические действия совершаются в отношении конкретных людей или организаций, и даже до действий государства, приобретающего клеймо «террористическое». Угроза терроризма нарастает: не проходит и дня, чтобы в средствах массовой информации и Интернете не сообщалось о террористических акциях в Афганистане, Ираке, Сирии, Турции, в городах Западной Европы, в других странах. География терроризма расширяется, как и субъектный состав затронутых терроризмом людей тоже. К нему причастны уже десятки, если не сотни тысяч людей: лица, непосредственно осуществляющие террористические акты; те, кто снабжает их оружием, взрывчаткой, документами, транспортом и т.п.; те, кто их вовлекает в эту деятельность, обучает и разрабатывает стратегию

и планы конкретных акций; те, кто финансирует масштабные и «мелкие» операции, с одной стороны, и те, кто противодействует терроризму, проводя оперативно-розыскные и профилактические мероприятия, расследуя преступления террористического характера, создавая правовую базу для борьбы с терроризмом и наказания преступников, с другой стороны. Наконец — и это, возможно, самое главное — растет число жертв терроризма: лиц, непосредственно пострадавших в результате террористических актов, погибших или получивших увечья, переживших тяжелейший шок, их родственников, более того, всех, у кого из-за возможности оказаться на месте преступления возникает чувство страха, неуверенности, недоверия к властям, полиции, органам безопасности, меняющее привычный образ жизни.

Терроризму, его истокам, причинам, целям и мотивам посвящена обширная литература. Анализируются методы и способы подготовки к совершению террористических актов, особенности личности террористов, их установки и проч. Рассматривается содержание уголовно-правовых запретов в многочисленных комментариях к уголовным кодексам, проводятся научные конференции и совещания практиков — министров внутренних дел, работников различных служб и ведомств. Безусловно, что все это дает определенные результаты: уяснены природа терроризма, его формы, мотивация, осознана его опасность и необходимость предотвращения, разработаны различные меры борьбы с ним (другое дело, насколько они эффективны). В то же время отдельные аспекты научного обеспечения борьбы с терроризмом остаются «в тени». Это относится и к проблемам экологического терроризма. На сегодняшний день по данной тематике опубликована лишь одна монография (*Д.И. Тисленко «Экологический терроризм»*. М.: Юрлитинформ, 2013. — 208 с.) Вопросы ядерного, биологического (генетического) терроризма освещались в литературе, но тоже очень мало (*См.: Алисон Г.Т. Ядерный терроризм: самая страшная, но предотвратимая катастрофа*. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 296 с.; *Бобылов Ю.А. Генетическая бомба. Тайные сценарии наукоемкого биотерроризма*. 2-е изд. М.: Белые Альвы, 2008. — 384 с.; *Корецкий Д.А. Атомный поезд: в 2 т.* М.: АСТ: Астрель, 2008. Т. 1 — 381 с., Т. 2 — 317 с.; *Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии*. М.: Норма, 2005. — 192 с.; *Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А.Г. Арбатова*. М.: РОССПЭН, 2008. — 108 с.; *Симонова А.Е. Противодействие биотерроризму: международно-правовой аспект*.

М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 160 с.). Опубликован ряд статей, посвященных анализу отдельных аспектов экологического терроризма.

К счастью, пока что террористические акты, направленные против окружающей среды как базиса жизнедеятельности человека, немногочисленны. Можно говорить о поджоге нефтяных скважин Кувейта, об объявленной Басаевым цели рейда, завершившегося захватом заложников, но планируемого для уничтожения источников питьевого водоснабжения, о попытке чеченских террористов разместить цезий-137 в Измайловском парке Москвы, о рассылке писем с возбудителем сибирской язвы (США) и т.д. Показательной также является реакция немецких служб безопасности на прерванную связь с одним из самолетов в небе над Германией 10 марта 2017 г.: были эвакуированы работники пяти томных станций, расположенных в Шлезвиг-Гольштейне и Нижней Саксонии, подняты в воздух самолеты Люфтваффе в целях установления видеоконтакта. Вскоре, к счастью, ситуация оказалась снова под контролем (по сообщению министерства энергетики — через 22 минуты), но тем не менее сценарий предотвращения экотеррористического акта был разработан и частично реализован.

Все это свидетельствует о том, что угроза экологического терроризма наличествует, и с ней надо считаться, учитывая перспективу и исчерпанность традиционных методов и целей террористической деятельности. В равной мере нужно ставить вопрос о том, не являются ли, например, акции фундаменталистов направленными на захват природных ресурсов как главную цель, а все остальные их действия — лишь средства и способы ее достижения. Иными словами, захват власти, устрашение, давление предназначены для завладения природными ресурсами и природными объектами, будь это нефте- и газодобывающие промыслы, месторождения других полезных ископаемых, водные объекты, земли.

Экологический терроризм представляет собой новую разновидность опасных посягательств на окружающую среду и общественную безопасность. Это крайняя форма выражения эколого-правового конфликта и может быть и его завершающей стадией, как и любое преступление — завершающей стадией криминального конфликта, и причиной его возникновения или эскалации. Наконец, акт экологического терроризма может быть реакцией на иной по своей природе конфликт, например экономический, религиозный, межнациональный, и совершаться по мотивам мести, из желания подорвать экономическое благополу-

чие противника, т.е. служить способом разрешения иного конфликта.

В отличие от экологического терроризма экологический экстремизм имеет «больше заслуг». Это феномен, с которым приходится иметь дело на протяжении достаточно длительного времени (если ориентироваться на даты введения уголовной ответственности за экстремизм, на начало веганских движений, на факты совершения квалифицируемых таким образом деяний). История экологического экстремизма чрезвычайно интересна

Акты экологического экстремизма широко известны: нападения на научно-исследовательские центры с целью освобождения подопытных животных, угрозы и акты насилия в отношении научных работников, организация и проведение демонстраций, митингов, пикетов, информирование в СМИ и Интернете, иные действия. Нередко они сопровождаются насилием и совмещены с незаконным проникновением в помещения, угрозой убийством и другими противоправными действиями, преследуемыми в соответствии с уголовным законом. Экологический экстремизм –

своеобразный феномен экологической культуры, экологического сознания (и правосознания), экологического поведения многих индивидов и социальных – пусть даже небольших – групп, который очень жестко разделит позиции двух противоборствующих лагерей и очертил границу между адептами экологического экстремизма, его противниками и лицами, их поддерживающими по морально-этическим и прагматическим, но противоположным соображениям.

В России с проявлениями экологического экстремизма почти не сталкивались, хотя в ряде стран это повседневное явление. Может быть, оно свидетельствует о высоком уровне эколого-правового сознания, проявляющегося в крайних формах и позитивно оцениваемых частью общества. Тем не менее, как представляется, следует обратить внимание исследователей на предупреждения экотерроризма и экоэкстремизма, но рано или поздно общество, государство и международное сообщество будут вынуждены реагировать на данные феномены, влекущие масштабные и непредвиденные последствия.

DIE KONFRONTATION MIT DER BEDROHUNG VON ÖKOTERRORISMUS UND ÖKO-EXTREMISMUS IST EINE AKTUELLE HERAUSFORDERUNG DER WISSENSCHAFT DES KRIMINAL – UND UMWELTRECHTS

Der Kampf gegen Terrorismus und Extremismus ist heutzutage zusammen mit der Prävention und Bekämpfung von militärischen Konflikten eine der Hauptaufgaben der Weltgemeinschaft, einzelner Staaten und Staatenkoalitionen, der Strafverfolgungsbehörden und gesellschaftlicher Organisationen. Wie keine andere vereint diese Aufgabe die Bemühungen der Politiker, Rechtsanwälte, Soziologen und Menschenrechtler.

Im 21. Jahrhundert steht die Menschheit plötzlich vor der Bedrohung des Terrorismus in einem nie zuvor dagewesenen Maße. Bei terroristischen Anschlägen sind nicht nur die eigentlichen Täter und ihre Gehilfen beteiligt, sondern auch große soziale Gruppen, die durch ethnische, religiöse und politische Merkmale geprägt sind und unterschiedliche Ziele verfolgen. Dazu gehören einerseits globale Ziele, wie beispielsweise die Erschaffung eines Kalifats und die Vernichtung der christlichen Welt sowie die Vernichtung der

Vertreter der verschiedenen Ausrichtungen des Islams (beispielsweise der Sunniten und Schiiten), andererseits auch konkrete Ziele. Dies ist der Fall, wenn Anschläge gezielt gegen bestimmte Einzelpersonen oder Organisationen verübt werden. Darüber hinaus werden sogar Handlungen des Staates, der dann als „terroristischer Staat“ bezeichnet wird, dazugezählt. Die Bedrohung des Terrorismus wächst. Es vergeht kein Tag, an dem nicht in den Medien und im Internet über terroristische Attacken, wie zum Beispiel in Afghanistan, Irak, Syrien, Türkei, in den Städten Westeuropas oder auch in anderen Ländern, informiert wird. Die Geografie des Terrorismus verbreitet sich. Genauso verbreitet sich der Kreis der durch Terrorismus betroffenen Personen. Nicht nur dutzende von Menschen, sondern eher schon hunderttausende von Menschen sind bereits involviert. Auf einer Seite sind es diejenigen, die die Terrorakte unmittelbar begehen. Diejeni-

gen, die sie mit Waffen, Sprengstoffen, Unterlagen und Transporten unterstützen, diejenigen, die sie in solche Tätigkeit involvieren, ausbilden sowie Strategien und konkrete Abläufe entwickeln und die Finanzierungen organisieren. Auf der anderen Seite diejenigen, die dem Terrorismus entgegenstehen und operative und präventive Maßnahmen einleiten und durchführen, um Terroristen strafrechtlich zu verfolgen und eine Rechtsgrundlage für die Bekämpfung des Terrorismus zu schaffen. Am wichtigsten ist aber, dass die Zahl der Opfer des Terrorismus ständig steigt. Dazu gehören die Menschen, die unmittelbar von terroristischen Anschlägen betroffen sind, durch diese verstorben sind oder verletzt wurden, aber auch ihre Verwandten, die den schlimmsten Schock erleiden und darüber hinaus auch diejenigen, die aus Furcht vor neuen Anschlägen ängstlich, unsicher und misstrauisch gegenüber der Staatsgewalt, den Sicherheitsbehörden und der Polizei sind und deren Lebensstil sich aufgrund dieser Angst verändert hat.

Eine Vielzahl von Literatur in Russland ebenso wie in Deutschland und anderen Ländern beschäftigt sich mit dem Thema des Terrorismus, seinen Ursprüngen, Gründen, Zielen und Motivationen.

Es werden die Methoden und Vorbereitungsarten zur Begehung von Anschlägen sowie Besonderheiten der Personen von Terroristen und deren Einstellungen analysiert. In zahlreichen Kommentaren zum Strafkodex wird der Inhalt der strafrechtlichen Verbote behandelt, es werden dazu wissenschaftliche Konferenzen und Besprechungen unter Praktikern (Innenminister, Mitarbeiter von unterschiedlichen Ämtern und Behörden) durchgeführt. All diese Maßnahmen führen zu gewissen Ergebnissen: Man versteht heute die Natur des Terrorismus, seine Formen, Motivationen, wie gefährlich er ist und, dass Präventionsmaßnahmen zur Bekämpfung des Terrorismus notwendig sind. Es gibt bereits Abwehrmaßnahmen gegen den Terrorismus, wobei allerdings die Frage bleibt, ob diese Präventionsmaßnahmen eine hinreichende Effektivität aufweisen.

Gleichzeitig bleiben einige Aspekte der wissenschaftlichen Gewährleistung der Terrorismusbekämpfung „im Schatten“ stehen. Dies gilt ebenso für die Probleme des Ökoterrorismus. Dafür gibt es auch Gründe.

Zum Glück gibt es nur recht wenige Anschläge, die gezielt auf die Umwelt, welche als Grundlage menschlicher Aktivitäten gilt, Einfluss hatten. Dazu gehören u.a. die Brandstiftung der Ölquellen von Kuwait, der Plan von Bassajew, der mit der Geiselnahme endete, der aber ursprünglich für die Vernichtung des Trinkwasservorkommens geplant war, den Versuch tschetschenischer Terroristen Caesium 137 im Moskauer Park Izmailovskij zu verteilen, die versandten

Briefe mit Milzbrand-Sporen in den USA und einige andere mehr. Bezeichnend ist auch die Reaktion der deutschen Sicherheitsdienste auf die unterbrochene Kommunikation am 10. März 2017 mit einem Flugzeug, das sich im deutschen Luftraum befand. Es wurden nicht nur die Mitarbeiter von fünf Kernkraftwerken in Schleswig-Holstein und Niedersachsen evakuiert, sondern auch Flugzeuge der Luftwaffe aktiviert, um einen Video-Kontakt zu ermöglichen. In 22 Minuten war die Situation laut dem Energieministerium wieder unter Kontrolle. Trotzdem wurde das Szenario der Verhinderung der Öko-Terror-Tat entwickelt und teilweise umgesetzt. All dies zeigt, dass die Bedrohung des Ökoterrorismus aktuell bleibt und dass man jederzeit damit rechnen soll, unter Berücksichtigung auf die Perspektive und Erschöpfung der traditionellen Methoden und Zwecke der terroristischen Tätigkeit. Die wichtige Frage ist aber, ob das Handeln der Fundamentalisten als Hauptziel dient, die natürlichen Ressourcen zu besitzen – und alles andere nur als Mittel und Art für die Zielerreichung dient. Das heißt, Machtergreifung, Abschreckung und Druck dienen dazu, an die natürlichen Ressourcen und Objekte zu gelangen, sei es Öl, Gas, Erdölbetriebe, Lagerstätten anderer Rohstoffe, Wasserobjekte, Gelände.

Zusammenfassend ist Ökoterrorismus eine neue Art der Bedrohung für die Umwelt und die öffentliche Sicherheit. Es ist eine extreme Form des ökologisch-rechtlichen Konflikts und könnte sein Endstadium sein, genauso wie jede Straftat ein Endstadium eines kriminellen Konflikts oder auch ein Grund für seine Entstehung oder Eskalation sein könnte. Letztendlich kann der Akt des Ökoterrorismus auch eine Reaktion auf eine andere Art des Konflikts sein, sei es ein ökonomischer, religiöser oder zwischennationaler Konflikt, der aus Rache stattfindet oder mit dem Ziel, die Vernichtung wirtschaftliche Stabilität des Feindes; also das Mittel der Lösung eines anderen Konflikts sein.

Im Gegensatz zum Ökoterrorismus hat Ökoextremismus „mehr Verdienst“. Mit diesem Phänomen befasst man sich bereits seit langer Zeit (wenn man auf den Zeitpunkt der Einführung der Strafbarkeit für Extremismus, auf den Beginn der veganen Bewegung und auf die Fakten der Begehung in dieser Art und Weise qualifizierter Taten abstellt). Die Geschichte des Ökoextremismus ist sehr interessant und erkenntnisreich. Manchmal mehr, manchmal weniger präsent, ist er aber in vielen Ländern (nicht aber in Russland) heutzutage ein recht bedeutsames Phänomen. Angriffsakte des Ökoextremismus sind weit bekannt. Dazu gehören Überfälle auf Forschungszentren mit dem Ziel Versuchstiere zu befreien, Bedrohungen und Gewalt gegen Wissenschaftler, Organisationen und Durchführungen von Demonstrationen, Massenkundgebungen, Piktets,

Informationen durch Massenmedien und das Internet und andere Handlungen. Des Öfteren werden diese von Gewalt begleitet und werden durch Einbrüche in Wohnungen, Tötungsdrohungen und anderen rechtswidrigen Maßnahmen begleitet, die vom Strafgesetz verfolgt werden. Es handelt sich um ein sehr eigenartiges Phänomen der ökologischen Kultur, des Umweltbewusstseins (und Rechtsbewusstseins) und des Ökoverhaltens von vielen Individuen und Sozialgruppen – mag es auch eine kleine Gruppe sein: Die Meinungen der beiden entgegengesetzten Lager werden sehr streng geteilt und die klare Grenze zwischen den Anhängern des Umwelt-Extremismus, seinen Gegnern und denjenigen, die ihn aus moralischen, ethischen und pragmatischen, aber jedenfalls aufgrund entgegengesetzter Gründe unterstützten, gezogen.

In Russland ist Ökoextremismus nicht besonders präsent, aber in vielen (entwickelten) Ländern ist er ein alltägliches Ereignis. Vielleicht beweist das ein hohes Niveau an Öko-Rechtsbewusstsein, das sich auf diese Weise äußert und von einem Teil der Gesellschaft positiv bewertet wird (in Zusammenhang damit kann man auf den Fall Wera Sassulitsch hinweisen und die Reaktion der russischen Bildungselite darauf).

Nichtsdestotrotz sollten die Wissenschaftler meiner Meinung nach den neuen Herausforderungen Beachtung schenken bzw. der Problematik der Vorbeugung von Ökoterrorismus und Ökoextremismus, bevor die Gesellschaft, der Staat und die Internationale Gesellschaft gezwungen sind, auf diese Phänomene, die umfangreiche und unberechenbare Konsequenzen zur Folge haben, zu reagieren.

Литература

1. Ларин А.М. Процесс Веры Засулич // А.М. Ларин. Государственные преступления. Россия. XIX век (Взгляд через столетие). Тула: Автограф, 2000. С. 378–453.

Literature

1. Alexander M. Larin. The Process of Vera Zasulich // A.M. Larin. State crimes. Russia. XIX century (A glance through a century). Tula: Autograph, 2000. P. 378-453.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Есаков Геннадий Александрович
Филатова Мария Алексеевна

Цель. Изучить признаки состава преступления в экономическом уголовном праве и разработать новый подход к классификации рассматриваемых признаков.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Авторы приходят к выводу, что в составе преступления можно проследить и иные признаки, которые, будучи включены законодателем в его описание, с одной стороны, составляют неотъемлемую часть состава, но с другой — не могут быть охарактеризованы ни как объективные, ни как субъективные, поскольку существуют в объективной реальности вне деяния и психики субъекта или связаны с ней наименьшим образом. Рассматриваемые факты можно именовать юридическими признаками состава преступления, необходимыми для привлечения лица к уголовной ответственности, однако не нуждающимися в установлении субъективных признаков состава в связи с ними и доказываемыми по общему правилу в особом порядке, т.е. с помощью ранее принятых правоприменительных решений. Введение этого понятия не означает пересмотра устоявшегося взгляда на состав преступления как на единство четырех элементов, поскольку, во-первых, указанные признаки не могут быть однозначно соотнесены с одним из этих элементов, во-вторых, ввиду их исключительности должны рассматриваться скорее как дополнение к устоявшейся конструкции, релевантное лишь в малом числе случаев.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в определении основных юридических признаков состава преступления как криминообразующих признаков в составах экономического уголовного права. Авторами обосновывается необходимость их выделения в общей структуре состава преступления.

Ключевые слова: признаки состава преступления, юридические признаки, экономическое уголовное право, состав преступления, объективные условия наказуемости.

Постановка вопроса о «юридических» признаках состава преступления как криминообразующих в составах экономического уголовного права требует прежде всего определиться, что из себя представляют указанные признаки ввиду явной «неортодоксальности» понятия.

Начать следует с того, что привычное понимание состава преступления предполагает сочетание в нём объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для обоснования уголовной ответственности в силу ст. 8 УК РФ. Палитра указанных признаков сводится в основном к фактическим обстоятельствам совершенного преступления (внешнего или внутреннего,

субъективного плана) и так или иначе является продуктом деяния и психической деятельности лица.

Вместе с тем в составе преступления можно проследить и иные признаки, которые, будучи включены законодателем в его описание, с одной стороны составляют его неотъемлемую часть, а с другой — не могут быть охарактеризованы ни как объективные, ни как субъективные, поскольку объективно существуют вне деяния и психики субъекта или связаны с ней наименьшим образом.

Такие признаки можно именовать «юридическими» признаками состава преступления. К их числу относятся: административная преюдиция,

рецидив, предикатные преступления и правоприменительные решения, в связи с которыми возникает преступление. В экономическом уголовном праве используются все эти признаки, кроме рецидива.

Административная преюдиция на настоящий момент используется всего лишь в двух составах экономического уголовного права: ст. 158¹ и 171⁴ УК РФ (с 2009 по 2015 г. административная преюдиция также существовала применительно к ст. 178 УК РФ).

Конструкция предикатного преступления предполагает, что совершение иного преступления в прошлом (или планируемое в будущем – значительно реже) становится обязательной составляющей привлечения к уголовной ответственности за иное преступление. В составах экономического уголовного права этот признак используется в составах преступлений, связанных с отмытием преступно полученных доходов (ст. 174, 174¹ УК РФ) и незаконным оборотом имущества, добытого преступным путём (ст. 175 УК РФ), и с незаконными валютными операциями (ст. 193 и 193¹ УК РФ).

Указание на судебные решения, в связи с которыми возникает преступление, встречается в ст. 177 УК РФ; об ином правоприменительном решении речь идет в ст. 199² УК РФ, которая в соответствии с п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3*) предполагает направление требования об уплате налога, сбора, страховых взносов (ст. 69 НК РФ).

Корректное их именование представляет затруднительный вопрос. Скорее всего, эти факты можно было бы относить к обстановке совершения преступления, однако это будет очевидной натяжкой, так как некоторые из них (административная преюдиция, судимость) теснее связаны с личностью действующего, тогда как другие (предикатное преступление) могут характеризовать предмет преступления. Однако более существенное возражение против отнесения указанных фактов к объективным признакам состава преступления кроется в скорректированном действии принципа вины по отношению к ним: если обстановка совершения преступления должна входить в объём вины в силу ст. 5 УК РФ, то осознание или неосознание рассматриваемых фактов по общему правилу не имеет юридического значения, т.е. как таковые в объём вины они не входят.

Они либо существуют и имеют значение для привлечения к уголовной ответственности, либо нет. Поэтому, например, «забывчивость» лица в части привлечения его к административной ответственности, его несогласие с фактом привлечения не повлияют на установление административной преюдиции. Применительно к ст. 174, 174¹ и 175 УК РФ в судебной практике уже давно сформировалась точка зрения, согласно которой доказывать осведомлённость лица о том, какое преступление было в точности совершено, нет необходимости; соответственно его заблуждения на этот счет не имеют уголовно-правового значения.

Рассматриваемые факты можно именовать юридическими признаками состава преступления, необходимыми для привлечения лица к уголовной ответственности, однако не нуждающимися в установлении субъективных признаков состава в связи с ними и доказываемыми по общему правилу в особом порядке, т.е. с помощью ранее принятых правоприменительных решений. Однако, это не означает пересмотра устоявшегося взгляда на состав преступления как на единство четырёх элементов, поскольку, во-первых, указанные признаки не могут быть однозначно соотнесены с одним из этих элементов, во-вторых, ввиду исключительности они должны рассматриваться скорее как дополнение к существующей конструкции, релевантное лишь в малом числе случаев.

Юридические признаки состава преступления в предложенном понимании схожи с так называемыми «объективными условиями наказуемости» (*objektive Strafbarkeitsbedingungen*) в немецком уголовном праве. Данные условия определяют наказуемость поведения и не предполагают необходимость их охвата субъективными признаками состава [1, с. 51–52]. К примеру, банкротство как преступление наказуемо по немецкому праву (§ 283 (абз. 6) Уголовного Уложения Германии) лишь при условии, что исполнитель прекратил оплату по требованиям или в отношении его имущества открыто конкурсное производство или ходатайство об открытии конкурсного производства отклонено за отсутствием конкурсной массы. В определенной мере это схоже с указанием в ст. 195 УК РФ на наличие признаков банкротства. Однако если применительно к российскому закону наличие признаков банкротства следует рассматривать как обстановку совершения преступления, т.е. как признак, относящийся к объективной стороне состава, то по немецкому праву приведенное условие наказуемости не включается в состав и является объективным условием наказуемости. Соответственно, оно находится вне

противоправности и вины и не требует охвата умыслом или неосторожностью лица [2, с. 109].

В отличие от немецкого понимания предлагаемое наполнение юридических признаков состава намного уже и сводится в основном к юридическим событиям, фактам действительности. В литературе схожее с немецким пониманием мнение о существовании в уголовном праве «условий наказуемости» высказывал А. Н. Трайнин [3, с. 81–83], однако его подход предполагал определение перечня условий наказуемости *ad hoc*. В настоящее время схожей позиции придерживается П.С. Яни, выделяющий административную преюдицию из основания уголовной ответственности (т.е. из состава преступления) в самостоятельное условие

уголовной ответственности: «Осуждение лица за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП, и нахождение такого лица на момент совершения повторного мелкого хищения в “состоянии подвергнутости” административному наказанию за указанное правонарушение – это условие, а не основание уголовной ответственности, поскольку совершение названного административного правонарушения не входит в состав мелкого хищения как преступления» [3, с. 29].

Существование юридических признаков состава (в отношении которых, может быть, удачнее будет вернуться к понятию «условия наказуемости») – это исключительная уголовно-правовая конструкция.

Литература

1. Bernd Heinrich, Strafrecht – Allgemeiner Teil I (2. Auflage, W Kohlhammer 2010) 51–52.
2. Uwe Hellmann, Katharina Beckemper, Wirtschaftsstrafrecht (4. Auflage, W Kohlhammer 2013)
3. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 81–83.
4. Treinin A. N. General doctrine of the composition of the crime. М., 1957. P. 81–83.
5. Яни П. С. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за хищения // Законность. 2016. № 12.
6. Pavel S. Yani. Novels of criminal law on liability for theft / Legality. 2016. No. 12.

ОСОБЕННОСТИ РАЗЪЯСНЕНИЯ СВИДЕТЕЛЯМ ИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ПЕРЕД ПРОИЗВОДСТВОМ ДОПРОСА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Зайцев Олег Александрович

Цель: провести сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства РФ и Германии и выделить особенности разьяснения свидетелям их прав и обязанностей перед производством допроса.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, статистический метод.

Выводы. Автор приходит к выводу, что о уголовно-процессуальным законодательством РФ и Германии уделяется большое внимание соблюдению прав и обязанностей свидетелей при их допросе для исключения возможности злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Кроме того, на законодательном уровне достаточно подробно раскрыты условия, при которых данные субъекты уголовно-процессуальных отношений наделяются правом не давать показания (свидетельские привилегии).

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в определении основных особенностей разьяснения свидетелям их прав и обязанностей перед производством допроса в уголовно-процессуальных кодексах РФ и Германии. Автор указывает на отсутствие в УПК РФ в отличие от УПК ФРГ каких-либо конкретных положений о том, какой именно объем прав должен быть разьяснен свидетелю перед его допросом.

Ключевые слова: права и обязанности, свидетель, уголовно-процессуальные отношения, допрос, уголовное производство, зарубежный опыт.

В России и Германии достаточно распространенным действием, совершаемым в ходе производства по существу уголовного дела, является допрос свидетелей. В соответствии с правилом, сложившимся еще во времена становления общего права, круг лиц, которые могут и должны быть свидетелями, определяется довольно широко — ими могут быть любые лица, если иное не предусмотрено законом либо другими правовыми предписаниями. Свидетелем со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями может стать даже тот, кого привлекают к уголовной ответственности.

Свидетель, вступая в уголовно-процессуальные отношения, оказывается в условиях, которые допускают возможность определенного ограничения его прав и законных интересов. Поэтому разьяснение свидетелю его прав и обязанностей, а также создание необходимых условий для их ре-

ализации являются первейшими и необходимыми предпосылками соблюдения и обеспечения прав данного участника в уголовном процессе.

Зачастую свидетельствующие по делу лица испытывают трудности в реализации предоставленных им и без того многочисленных прав, так как не знают, каким образом они охраняются уголовно-процессуальным законодательством, не понимают их назначения. Это происходит потому, что свидетель уведомляется о своих правах и обязанностях скороговоркой, без учета его культурного уровня, без апелляции к его гражданским и нравственным чувствам, в обстановке, лишенной торжественности. К чему это приводит, показывают результаты проведенного нами опроса свидетелей, явившихся в суд для дачи показаний. Так, 84% из числа опрошенных граждан указали, что в ходе предварительного следствия права сви-

детеля им не разъяснились, поэтому назвать их они не могут. Лишь 8% свидетелей смогли частично назвать свои уголовно-процессуальные права.

Необходимо не только уведомлять свидетельствующее по делу лицо о наличии у него определенных прав и обязанностей, но и четко разъяснять их значение и суть, раскрывать их содержание применительно к конкретному процессуальному действию, учитывая способность свидетеля правильно воспринимать разъясняемые ему права и обязанности.

В УПК РФ не содержится каких-либо конкретных положений о том, какой именно объем прав должен быть разъяснен свидетелю перед его допросом. Например, в ст. 166 упоминается лишь о необходимости отражения в протоколе следственного действия факта разъяснения его участникам их прав «в соответствии с настоящим Кодексом».

В ч. 4 ст. 56 УПК РФ, специально посвященной свидетелю как участнику уголовного судопроизводства, перечислены следующие его основные права:

отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. При согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний;

давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;

пользоваться помощью переводчика бесплатно;

заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе;

заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда;

являться на допрос с адвокатом;

ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Согласно ч. 4 указанной статьи свидетель не вправе:

уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд;

давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний;

разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

Предупреждая свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, необходимо принимать во внимание, что некорректное разъяснение этих законоположений может привести к возникновению у него впечатления о том, что его самого подозревают в преднамеренном уклонении от дачи правдивых показаний. По данным проведенного исследования, из общего числа опрошенных свидетелей 17% заявили, что были неприятно удивлены строгим предупреждением об уголовной ответственности. В подобной ситуации допрашиваемый начинает думать прежде всего о том, как бы избежать принуждения, тягостного общения со следователем и побыстрее отделаться от проводимого процессуального действия.

По УПК Германии свидетелем признается лицо, которое обязано сообщить следствию и суду об известных ему фактах, имеющих значение для дела. Им может быть лицо, обладающее достаточной способностью сообщить осмысленно сведения о тех или иных фактах и сознавать, что оно должно говорить правду. Лицо, которое восприняло определенные факты на основе своих специальных познаний, то такое лицо принято называть сведущим свидетелем.

В УПК Германии, в отличие от УПК РФ, имеется специальная статья, посвященная разъяснению свидетелям их прав. В частности, в соответствии с § 57 УПК Германии перед допросом свидетели должны быть предупреждены о том, что они обязаны говорить правду, и им должны быть даны разъяснения об уголовно-правовых последствиях дачи ложных или неполных показаний (они предусмотрены в § 153, 154, 161, 257 и 258 Уголовного уложения Германии).

Свидетелям также должна быть предоставлена информация о возможности принятия присяги по правилам, предусмотренным § 59 УПК Германии. Законодатель предусматривает возможность приведения их к присяге на стадии предварительного расследования уголовного дела (§ 62 УПК Германии), а также вне судебного заседания (§ 63 УПК Германии). Для лиц, чьи религиозные или идеологические убеждения не позволяют принять присягу, закреплена их обязанность подтвердить, что показания являются правдивыми (§ 65 УПК Германии). Также предусмотрена процедура принятия присяги лицами, имеющими нарушение слуха или речи (§ 66 УПК Германии). В случае принятия свидетелями присяги им должны быть даны разъяснения относительно того, что присяга может приниматься с религиозной и без религиозной клятвы.

Анализ § 57 УПК Германии свидетельствует о том, что в данном параграфе речь идет не столько о правах, сколько об обязанностях свидетеля. Так, свидетель обязан явиться по вызову судьи, действующего по поручению или выполняющего отдельные следственные действия, а также прокурора. По вызову полиции свидетель вправе не являться. В случае неявки свидетеля, вызванного надлежащим образом, он обязан возместить расходы, обусловленные его отсутствием. Одновременно на него накладывается штраф за нарушение порядка, и если штраф не может быть взыскан, свидетель подлежит аресту за нарушение порядка. Допускается также принудительный привод свидетеля.

Если свидетель по незаконной причине отказывается от дачи показаний или принесения клятвы, на него налагаются расходы, обуслов-

ленные отказом, и штраф за нарушение порядка судопроизводства, а в случае невозможности его взимания производится арест за нарушение порядка. Распоряжение об аресте может быть отдано для принуждения к даче показаний, однако арест не должен выходить за временные рамки окончания данной стадии уголовного процесса и не превышать шести месяцев.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве РФ и Германии уделяется большое внимание соблюдению прав и обязанностей свидетелей при их допросе, дабы не допустить злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Кроме того, на законодательном уровне подробно определены условия, при которых данные субъекты уголовно-процессуальных отношений наделяются правом не давать показания (свидетельские привилегии).

BELEHRUNG DES ZEUGEN ÜBER SEINE RECHTE UND PFLICHTE VOR DER VERNEHMUNG LAUT DER RUSSISCHEN UND DER DEUTSCHEN GESETZGEBUNG

In Russland und Deutschland ist die Zeugenvernehmung eine ziemlich verbreitete Handlung im Rahmen eines Strafverfahrens. Gemäß einer gemeinsamen Regelung, die noch in den Zeiten der Bildung des Gewohnheitsrechts entstand, wird der Personenkreis, wer Zeuge sein kann und muss, ziemlich breit bestimmt. Als Zeugen können beliebige Personen auftreten, wenn sich etwas anderes nicht aus dem Gesetz oder anderen juristischen Vorschriften ergibt. Zeuge kann auch eine zur strafrechtlichen Verantwortung gezogene Person sein.

Der Zeuge ist im Strafverfahren bestimmten Beschränkungen seiner Rechte und berechtigten Interessen unterworfen. Deswegen sind die Belehrung des Zeugen über seine Rechte sowie die Schaffung der notwendigen Voraussetzungen für die Verwirklichung dieser Rechte notwendige Voraussetzungen für deren Einhaltung und für die effektive Wahrnehmung der Rechte durch den Zeugen in einem Strafverfahren.

Oft haben Zeugen Schwierigkeiten bei der Ausübung der ihnen zustehenden Rechte, weil sie nicht wissen, wie sie durch das Strafverfahrensrecht geschützt werden. Sie verstehen u.U. auch nicht den Zweck ihrer Rechte. Das kann daran liegen, dass dem Zeugen seine Rechte

und Pflichte zu schnell erklärt werden, ohne auf seinen Bildungsstand Rücksicht genommen wird und ohne auf den rechtlichen und moralischen Sinn ihrer Aussage hinzuweisen. Zu welchen Konsequenzen solche Belehrungen führen können, zeigen die Ergebnisse einer Befragung von Zeugen, die vor Gericht ausgesagt hatten. 84% der Befragten teilten mit, sie seien während des Verfahrens nicht nachvollziehbar über ihre Rechte belehrt worden, sodass sie diese Rechte nicht nennen konnten. Nur 8% der Zeugen waren in der Lage, ihre Rechte im Strafprozess teilweise mitzuteilen.

Es ist notwendig, die an einem Strafverfahren Beteiligten über ihre Rechte, Pflichte und Verantwortlichkeit nicht nur zu belehren, sondern auch deren Bedeutung in Bezug auf eine konkrete Verfahrenshandlung zu erklären, unter Berücksichtigung der geistigen Entwicklung des Zeugen und dessen Fähigkeit, die erklärten Rechte und Pflichte wahrzunehmen.

Die rStPO enthält keine näheren Bestimmungen über den Umfang der Belehrung des Zeugen vor seiner Vernehmung. Art. 166 rStPO schreibt lediglich vor, dass in das Protokoll des Untersuchungsverfahrens die Tatsache der Belehrung des Verfahrensbeteiligten über seine Rechte „nach diesem Kodex“ aufzunehmen ist.

Folgende Rechte eines Zeugen sind im Art. 56 Abs. 4 rStPO verankert. Der Zeuge hat das Recht:

Die Aussage gegen sich selbst, seinen Ehegatten und anderen engen Verwandten zu verweigern. Bei der Zustimmung, die Aussage abzugeben, soll der Zeuge belehrt werden, dass diese als seine Aussage als Beweismittel im Rahmen eines Strafverfahrens benutzt werden kann, auch wenn er im Nachhinein auf seine Aussage verzichtet;

das Zeugnis in seiner Muttersprache oder in der Sprache, die er beherrscht, abzugeben;

kostenlos die Hilfe eines Dolmetschers zu nutzen;

einen Dolmetscher, der an seiner Vernehmung teilnimmt, abzulehnen;

auf das Tun, Unterlassen oder Entscheidungen des Ermittlers, des Leiters der Ermittlungsbehörde, der Strafverfolgungsbehörde, des Staatsanwaltes und des Gerichts ein Ersuchen einzureichen bzw. Beschwerden einzulegen;

zu einer Vernehmung mit einem Rechtsanwalt zu erscheinen;

ein Ersuchen über die Anwendung der Sicherungsmaßnahmen einzureichen (Art. 11 Abs. 3 rStPO).

In diesem Artikel sind auch nachfolgende Pflichten eines Zeugen verankert. Der Zeuge darf nicht:

von dem Erscheinen im Gericht ausbleiben;

falsche oder unvollständige Aussagen geben oder auf Aussagen verzichten;

die Daten des Vorverfahrens verbreiten, dessen Kenntnis er aufgrund der Teilnahme an dem Strafverfahren erlangte, wenn er darüber gem. Art. 161 rStPO belehrt wurde.

Bei der Belehrung des Zeugen über die Strafbarkeit der Aussageverweigerung und des Meineids, ist zu berücksichtigen, dass eine falsche Belehrung darüber zur Entstehung eines Eindrucks des Zeugen führen kann, dass er absichtlich verweigert, wahre Aussagen zu machen. Eine Studie hat gezeigt, dass 17% der befragten Zeugen angaben, dass sie über die strenge Belehrung unangenehm überrascht waren. In solch einer Situation beginnen die zu vernehmenden Zeugen in erster Linie sich darum zu kümmern, wie sie dem Zwang, die belastende Unterhaltung mit einem Ermittler vermeiden können und schneller mit der Vernehmung abschließen können.

Gemäß dem dStPO wird als Zeuge eine natürliche Person bezeichnet, die zu einem aufzuklärenden Sachverhalt eigene Wahrnehmungen gegenüber dem Gericht bekunden muss. Das kann eine Person sein, die bestimmte Informationen über die Tatsachen mitteilen kann und versteht, dass sie die Wahrheit sagen muss. Hat die Person bestimmte Tatsachen aufgrund seines Spezialwissens wahrgenommen, so handelt es sich um einen sachverständigen Zeugen.

Im Gegensatz zum russischen Strafprozessrecht enthält die deutsche StPO Vorschriften über die Zeugenbelehrung, die auf der Grundlage des Art. 1 des Gesetzes vom 29. Juli 2009 eingetragen wurden. Nach § 57 Satz 1 dStPO muss der Zeuge vor dem Beginn der Vernehmung über seine Pflicht, wahrheitsgemäße Aussagen zu machen, und die strafrechtlichen Konsequenzen einer falschen oder unvollständigen Aussage belehrt werden. Die genannten Rechtsfolgen beinhalten § 153, 154, 161, 257 und 258 des deutschen StGB. Der Zeuge ist zudem gemäß § 57 Satz 2 dStPO auf die Möglichkeit der Vereidigung nach § 59 dStPO hinzuweisen. § 62 dStPO gestattet die Vereidigung im Ermittlungsverfahren, § 63 dStPO gestattet die Vereidigung bei Vernehmung.

Behauptet der Zeuge, aus Glaubens- oder Gewissensgründen keinen Eid leisten zu wollen, so muss er nach § 65 dStPO eine eidesgleiche Bekräftigung der Wahrheit seiner Aussage abgeben. Gemäß § 65 Abs. 1 Satz 2 dStPO ist der Zeuge darüber zu belehren, dass die Bekräftigung dem Eid gleichsteht. § 66 dStPO sieht eine Eidesleistung bei Hör- oder Sprachbehinderung vor. Die Belehrung nach § 57 Satz 3 dStPO soll gewährleisten, dass dem Zeugen die strafrechtliche Bedeutung des Eides bewusst wird.

Die Analyse § 57 dStPO zeigt, dass es sich bei dieser Norm weniger um die Rechte, sondern eher um die Pflichten eines Zeugen handelt.

Zeugen sind verpflichtet, zu dem zu ihrer Vernehmung bestimmten Termin vor dem Richter zu erscheinen. Einem ordnungsgemäß geladenen Zeugen, der nicht erscheint, werden die durch das Ausbleiben verursachten Kosten auferlegt. Zugleich wird gegen ihn ein Ordnungsgeld und für den Fall, dass dieses nicht geleistet werden kann, Ordnungshaft festgesetzt. Auch ist die zwangsweise Vorführung des Zeugen zulässig.

Wenn der Zeuge aus einem rechtswidrigen Grund die Aussage verweigert, werden auf ihn die dadurch verursachten Kosten auferlegt. Zugleich wird gegen ihn wegen des Verstoßes der Gerichtsordnung ein Ordnungsgeld festgesetzt. Für den Fall, dass dieses nicht erbracht werden kann, wird eine Ordnungshaft festgesetzt. Die Anordnung der Ordnungshaft kann dem Zweck der Erzwingung zur Abgabe der Aussage dienen, darf aber den Zeitraum der Beendigung dieses Strafverfahrens oder 6 Monaten nicht überschreiten.

Sowohl die russische als auch die deutsche Gesetzgebung schenkt der Einhaltung von Rechten und Pflichten der Zeugen bei deren Vernehmung viel Aufmerksamkeit, um die Möglichkeit eines Missbrauchs seitens der Strafverfolgungsbehörden auszuschließen. In der Gesetzgebung sind die präzisen Voraussetzungen beleuchtet, in welchen Fällen diese Subjekte ein Zeugnisverweigerungsrecht haben (Zeugenprivileg).

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кадников Николай Григорьевич

Цель: проанализировать российское уголовное законодательство и судебную практику по вопросу ответственности за мошенничество в сфере экономической деятельности.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, статистический метод.

Выводы. Автор делает вывод, что последнее решение законодателя о дополнении общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) частями 5, 6 и 7 не способствовало выработке единых подходов к уголовно-правовой оценке мошеннических действий в сфере экономической деятельности. При его принятии не учитывались теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против собственности. Кроме того, несмотря на то, что указанные деяния осуществляются в сфере экономической деятельности, оцениваются они по аналогии с преступлениями против собственности, что влияет как на квалификацию содеянного, так и на права лиц, осуществляющих легальную предпринимательскую деятельность.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства РФ, регламентирующего ответственность за мошенничество в сфере экономической деятельности. Автор предлагает дополнить категорию преступлений в сфере экономической деятельности, сконструированную с помощью административной преюдиции (злостное неисполнение договорных обязательств, совершенное после привлечения лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, к административной ответственности за подобное деяние). Такое решение отвечало бы принципу законности и судебному толкованию, а также условиям и основаниям освобождения от ответственности на основании по ч.2 ст. 761 УК РФ.

Ключевые слова: экономическая деятельность, мошенничество, предпринимательская деятельность, квалификация мошеннических действий, меры пресечения.

В УК РФ предусмотрена ответственность за общий состав мошенничества (ст. 159) и за специальные виды этого преступления в различных сферах (ст. 159¹–159⁶ УК РФ). Однако до настоящего времени судебно-следственные органы допускают ошибки при квалификации мошеннических действий в сфере экономической деятельности. В научной сфере высказываются также различные точки зрения по поводу квалификации подобных преступлений, тем более что специальная норма об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательства была отменена как не соответствующая Конституции РФ. Последнее решение законодателя о дополнении общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) частями

ми 5, 6 и 7 тоже не способствовало выработке единых подходов к уголовно-правовой оценке указанных действий. Уголовная ответственность в ч. 5–7 ст. 159 установлена за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в рассматриваемой сфере.

На наш взгляд, законодателем при принятии такого решения не учитывались теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против собственности. Само посягательство осуществляется в сфере экономической деятельности (договорные обязательства в сфере предпринимательской деятельности), но оценивают его аналогично преступлениям про-

тив собственности, что влияет как на точность квалификации деяний, так и на права лиц, осуществляющих легальную предпринимательскую деятельность.

Какие в этом случае возникают проблемы? Во-первых, подозреваемые в указанных преступлениях не могут быть привлечены к ответственности по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 761 УК РФ, т.к. в ней речь идет о преступлениях в сфере экономической деятельности (хотя сами субъекты и занимаются такой деятельностью). Во-вторых, в отношении субъектов этих преступлений практически «не работает» запрет на применение меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей. В соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 УК РФ, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности. По этому поводу неоднократно высказывались многие видные ученые и представители высших судебных инстанций. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 г. Москва «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2*) разъяснил, что указанные преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К числу таких лиц относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

Более категорично Пленум Верховного Суда РФ вынужден был об этом напомнить в постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности

за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1*). При этом особо указано, что требования, содержащиеся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и в других нормах, касающихся запрета на применения ареста как меры пресечения, требования должны неукоснительно соблюдаться как при осуществлении судом полномочий в досудебном производстве по уголовным делам названной категории, так и на всех стадиях их рассмотрения судами первой и вышестоящих инстанций.

На практике правоохранители часто пытаются обойти это правило, утверждая, что либо обвиняемый не предприниматель, либо преступление не такое уж экономическое.

В связи с этим можно привести трагичный пример. Бывший председатель правления банка «Огни Москвы» Денис Морозов, являясь одним из фигурантов уголовного дела по хищению на общую сумму в 7,5 млрд руб. (ч. 4 ст. 159 УК РФ), был взят под стражу и помещен в следственный изолятор, где провел полтора года, а после замены меры пресечения на домашний арест скончался через два месяца. Все другие соучастники были помещены под домашний арест (*URL: <http://www.oleglurie-new.livejournal.com/321280.html> (дата обращения: 17.09.2017)*).

По состоянию на начало апреля 2017 г. 6 тыс. предпринимателей в России содержатся в СИЗО. Для сравнения: по состоянию на апрель 2012 г. в России были заключены под стражу и помещены в следственные изоляторы 3 840 предпринимателей. Кроме того, 80% предпринимателей, подвергнутых заключению под стражу и аресту по подозрению или обвинению в мошенничестве, особенно в мошенничестве в крупном размере, вынуждены прекратить свою деятельность, закрыть фирму или сняться с учета в качестве индивидуального предпринимателя. Причины тому — невозможность свободного ведения бизнеса (предпринимательства) и потеря времени, испорченная репутация, необходимость решения проблем с правоохранительными органами (*URL: <http://www.ombudsmanbiz.ru> (дата обращения: 17.09.2017)*).

Бизнес-омбудсмен Б.Титов предлагает предоставить предпринимателям, обвиняемым по экономическим статьям УК РФ, право на безусловную защиту от пребывания в СИЗО до момента вынесения приговора. Условием для ее применения должно стать согласие бизнесмена внести залог в размере, равном или превышающем сумму инкриминируемого ущерба (*См.: Ведомости. 2017. 7 июня*).

Получается, что принятие новых норм не облегчило участь предпринимателей. Более того, возникает вопрос об их ответственности за приготовление или покушение на мошенничество, предусмотренное ч. 5, 6 и 7 ст. 159 УК РФ, при неоконченном преступлении, когда договор по тем или иным причинам не выполняется, и одна из сторон может обратиться с заявлением в правоохранительные органы. Ни один предприниматель не может быть уверен в том, что его действия по невыполнению контракта, договора в сфере предпринимательства могут быть объявлены преступными.

Учитывая вышесказанное, представляется целесообразным сначала передавать вопрос на рассмотрение арбитражного суда, который при наличии признаков преступного мошенничества

мог бы направить материалы в правоохранительные органы.

В специальной литературе высказывались иные предложения по поводу ответственности предпринимателей. Например, предлагалось перечень преступлений в сфере экономической деятельности дополнить деянием, сконструированным с помощью административной преюдиции (злостное неисполнение договорных обязательств, совершенное после привлечения лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, к административной ответственности за подобное деяние). Такое решение отвечало бы принципу законности и судебному толкованию, а также условиям и основаниям освобождения от ответственности по ч. 2 ст. 761 УК РФ [1, с. 159].

ZUR FRAGE DER VERANTWORTUNG FÜR DIE BEGEHUNG DES BETRUGS IM BEREICH DER WIRTSCHAFTSTÄTIGKEIT

Betrug und die besonderen Arten dieser Straftat in unterschiedlichen Bereichen sind gemäß Art. 159 und 159.1–159.6 des Strafkodex der RF strafbar. Selbst heutzutage machen die Vollzugsorgane Fehler bei der strafrechtlichen Einordnung von betrügerischen Aktivitäten im Finanzsektor. Auch Wissenschaftler haben keine gemeinsame Meinung zur rechtlichen Einordnung solcher Straftaten, vor allem dadurch, dass die Sondernorm zur Verantwortung für Betrug im Bereich unternehmensbezogener Tätigkeit abgeschafft wurde, weil sie nicht verfassungskonform war. Die letzte Entscheidung des Gesetzgebers über die Ergänzung der allgemeinen Norm des Betrugs (Art. 159 des Strafkodex der RF) mit den Absätzen 5, 6 und 7, hat nicht zur Vereinheitlichung der Vorgehensweisen zur strafrechtlichen Bewertung der betrügerischen Handlungen im Bereich der Wirtschaftstätigkeit beigetragen. In den obengenannten Absätzen des Art. 159 des Strafkodex der RF ist die strafrechtliche Verantwortung für Betrug festgelegt, der in Verbindung mit vorsätzlicher Nichterfüllung der vertraglichen Verpflichtungen im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit steht.

Eine solche Lösung berücksichtigt unserer Meinung nach die theoretischen und rechtlichen Grundlagen der Strafbarkeit für Eigentumsdelikte jedoch nicht. Die Tat selbst findet im Bereich der Wirtschaftstätig-

keit statt (vertragliche Verpflichtungen im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit), beurteilt wird sie aber nach den Bewertungsregeln der Straftaten gegen das Eigentum, was Auswirkungen sowohl auf die Genauigkeit der Qualifikationen solcher Delikte als auch auf die Rechte der Personen, die eine legale unternehmerische Tätigkeit ausüben, hat.

Zu welchen Problemen kommt es dann wirklich? Erstens können die Verdächtigten dieser Straftaten auf Grund des Abs. 2 Art. 76.1 des Strafkodex nicht befreit werden, da es sich in diesem Artikel um Straftaten im Bereich der Wirtschaftstätigkeit handelt (obwohl die Subjekte selbst eine solche Tätigkeit ausüben). Zweitens funktioniert bei den Subjekten solcher Straftaten praktisch keine freiheitsentziehende Maßnahme, die nicht mit einer Verhaftung verbunden ist. Laut Absatz 1.1 des Art. 108 des Strafprozesskodex der RF darf die Inhaftierung als Vorbeugungsmaßnahme nicht in Bezug auf den Verdächtigten oder Beschuldigten der Begehung solcher Straftaten angewendet werden, die in. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 des Strafkodex vorgesehen sind, wenn solche Straftaten im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit begangen werden.

Diesbezüglich haben sich mehrere prominente Wissenschaftler und Vertreter von obersten Gerichten mehrmals geäußert.

Das Plenum des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation erklärte, dass diese Straftaten als im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit begangene gelten, wenn sie von einer Person begangen wurden, die eine unternehmerische Tätigkeit selbst ausübt oder an unternehmerischen Tätigkeit einer juristischen Person beteiligt ist und diese Taten unmittelbar mit genannter Tätigkeit verbunden sind. Zu solchen Personen gehören die selbständigen Unternehmer, im Falle der Begehung der Straftaten in Verbindung mit der von ihnen ausübenden unternehmerischen Tätigkeit und/oder der Verwaltung des ihnen gehörenden Vermögens, das zwecks der unternehmerischen Tätigkeit benutzt wird sowie die Mitglieder der Verwaltungsorgane der gewerblichen Unternehmens/Organisation, wenn sie Geschäftsführungsbefugnisse haben oder wenn das gewerbliche Unternehmen/Organisation unternehmerische Tätigkeiten ausführt.

Das Plenum des obersten Gerichtshofs der RF wurde gezwungen, daran noch einmal im Erlass von 15.11.2016 Nr. 48 „Über die Praxis der gerichtlichen Anwendung der Gesetzgebung, die Besonderheiten von der strafrechtlichen Verantwortung für die Straftaten im Bereich der unternehmerischen und wirtschaftlichen Tätigkeit regeln“, zu erinnern bzw. dies nochmals anzusprechen. Unter anderem wurde erklärt, dass Abs. 1.1 des Art. 108 Strafprozesskodex der RF ein Verbot der Verhaftung als Vorbeugungsmaßnahme von denjenigen Personen vorsieht, die einer Tat gemäß Art. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 des Strafkodex der RF verdächtigt oder beschuldigt werden, mit der Bedingung, dass diese Tat im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit begangen wurde. Dabei ist ausdrücklich vorgegeben, dass die im Abs. 1.1. des Art. 108 Strafprozesskodex der RF und anderen Normen enthaltende Forderungen, die Anwendung des Arrests als Vorbeugungsmaßnahme zu verbieten, nicht nur im Vorverfahren der o. g. Fälle, sondern während des kompletten gerichtlichen Verfahrensablaufs von der ersten bis zur letzten und höchsten Instanz beachtet werden müssen.

In den praktischen Umsetzungen versuchen die Ermittlungsbehörden diese Regel zu umgehen, indem sie behaupten, dass der Beschuldigte entweder kein Unternehmer sei oder es sich nicht um eine Wirtschaftsstraftat handle.

Es gibt hierzu ein dramatisches Beispiel. Denis Morozov, der ehemalige Vorsitzende des Vorstandes der Bank „Ogni Moskvi“ und zugleich ein Beteiligter in einem Strafverfahren wegen Unterschlagung im Wert von insgesamt 7.5 Mrd. Rubel (Abs. 5 Art. 159 Strafkodex), wurde verhaftet, hat eineinhalb Jahre in Untersuchungshaft verbracht, wurde im Anschluss unter

Hausarrest gestellt und verstarb zwei Monate später. Andere Beteiligte wurden unter Hausarrest gestellt.

Nach dem Stand vom April 2017 sitzen ca. 6.000 Unternehmer in Russland in Untersuchungshaft. Um den Unterschied deutlich zu machen, sollte man einen Blick auf folgende Statistik werfen: Im April 2012 wurden in Russland 3.840 Unternehmer inhaftiert. Im April 2017 waren es bereits 6.138.

Darüber hinaus müssen 80% der Unternehmer, die als Verdächtige oder Beschuldigte wegen Betrugs bzw. wegen Betrugs in großem Umfang verhaftet wurden, ihre Tätigkeiten einstellen, ihre Unternehmen schließen oder sich als selbständiger Unternehmer abmelden. Der Grund dafür: Keine Möglichkeiten das Geschäft frei zu führen sowie Zeitverlust, geschädigter Ruf und die Notwendigkeit, die Probleme mit den Ermittlungsbehörden zu lösen.

Ombudsmann Boris Titow schlägt vor, den in Wirtschaftsstraftaten beschuldigten Unternehmern das Recht zum Schutz vor Aufenthalt im Untersuchungshaft zu garantieren bis das Urteil gesprochen wurde. Vorausgesetzt, dass der Unternehmer eine Kaution in Höhe des vermuteten Schadens oder höher bezahlt.

Es stellt sich heraus, dass neue Gesetze den Unternehmern nicht geholfen haben. Des Weiteren stellt sich die Frage über die Verantwortung der Unternehmer für die Vorbereitung oder den Versuch von Betrug, die in Abs. 5,6 und 7 von Art.159 des Strafkodex der RF normiert sind, im Fall einer unvollendeten Straftat, wenn der Vertrag aus dem einen oder anderen Grund nicht erfüllt worden ist und eine der Vertragsparteien vor der Ermittlungsbehörde Antrag auf Verfolgung stellen kann. Kein Unternehmer kann mit Sicherheit davon ausgehen, dass seine Nichterfüllung des Vertrages im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit als rechtswidrig und strafbar betrachtet werden kann. Richtiger wäre es, die Angelegenheit zunächst an das für Wirtschaftsstreitigkeiten zuständige Gericht zu verweisen, das bei Vorhandensein der Merkmale des kriminellen Betrugs den Fall an die Strafverfolgungsbehörden übergeben könnte.

In der Fachliteratur gab es auch andere Vorschläge zum Thema „Verantwortung von Unternehmern“.

Z.B. könnte man die Straftaten im Bereich der Wirtschaftstätigkeit im Strafkodex der RF mit der Heranziehung zur administrativen Verantwortlichkeit, die für ähnliche Taten stattfindet (z.B. böswillige Nichterfüllung der vertraglichen Verpflichtungen), verknüpfen. Eine solche Entscheidung würde dem Gesetzlichkeitsprinzip und der Auslegung der Rechtsprechung sowie den Voraussetzungen und Gründen für die Strafbefreiung nach Abs. 2 Art. 76.1 des Strafkodexes entsprechen.

Литература

1. Кадников Б.Н., Коробец Б.Н. К вопросу о действии уголовного закона в отношении лиц, виновных в совершении преступлений в сфере предпринимательства // Вестник Московского университета МВД России. № 7. 2015. С. 157–161.

References

1. Kadnikov B.N., Korobets B.N. K voprosu o deistvii ugovolnogo zakona v otnoshenii lits, vinovnykh v sovershenii prestuplenii v sfere predprinimatel'stva [On the issue of the operation of the criminal law in relation to persons guilty of committing crimes in the field of entrepreneurship] *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 7, p. 157–161.

О НОВЕЛЛАХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ В ЧАСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Кадников Федор Николаевич

Цель: выявить и проанализировать проблемы уголовной ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, статистический метод.

Выводы. Проведенный анализ позволяет говорить о наличии трудностей в определении признаков субъекта преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена в ст. 171³ УК РФ. Спорные вопросы возникают и по поводу состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 171⁴ УК РФ. Автор приходит к выводу о недостаточно четкой и точной формулировке признаков рассматриваемого преступления.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в том, что автором проведен комплексный анализ вопросов уголовной ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции. Предлагается дать судебное толкование особенностей предмета рассматриваемого преступления, критериев его отграничения от преступных деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 171³, 151¹ УК РФ, и от смежных административных правонарушений.

Ключевые слова: незаконный оборот алкоголя, фальсифицированная продукция, спиртосодержащая продукция, суррогат алкоголя, новеллы уголовного законодательства, алкогольная продукция.

Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ (СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 474²) УК РФ был дополнен статьями 171³ и 171⁴, предусматривающим ответственность за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции. Представляется, что это было реакцией законодателя на множество случаев гибели людей после употребления различных спиртовых суррогатов, а также на появление на рынке поддельной спиртосодержащей продукции, опасной для здоровья и жизни граждан. По данным Росстата, за период с января по октябрь 2016 г. из-за случайных отравлений алкоголем в России скончались 6902 человека. С января по сентябрь 2016 г. Роспотребнадзором зарегистрировано 36 тысяч острых алкогольных отравлений; 9 тысяч человек погибли ([URL: http://www.rb-sarai.uzrf.ru/infopac/alko-otravlenija/](http://www.rb-sarai.uzrf.ru/infopac/alko-otravlenija/) (дата обращения: 17.09.2017)). Одной из причин отравления алкоголем является

употребление спиртосодержащих жидкостей, заведомо не предназначенных для питья. Например, в декабре 2016 г. в Иркутске произошло массовое отравление спиртовым концентратом «Боярышник», которое предполагалось использовать как средство для принятия ванн, умерло 63 человека. На этикетке действительно было указано, что настойку нельзя употреблять внутрь и что она предназначена для приема ванн, но в составе не значились метанол и антифриз, которые позже были обнаружены при экспертизе.

Такие факты оборота спиртосодержащей продукции действительно свидетельствуют о повышенной опасности действий виновных, что и потребовало адекватной реакции законодателя.

Включение указанных статей в гл. 22 УК РФ позволяет сделать вывод, что основным непосредственным объектом этих преступлений являются общественные отношения в сфере

экономической деятельности, обеспечивающие законный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. В качестве дополнительного объекта может выступать здоровье граждан.

Диспозиции данных статей имеют бланкетный характер. Для правильного применения соответствующей нормы уголовного закона необходимо опираться на Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (*СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 455*). В его ст. 2 даны определения этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, которые являются предметом указанных преступлений.

Особенности объективной стороны состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 171³, состоят в том, что преступное деяние выражается в действиях по производству, закупке (в том числе импорт), поставке (в том числе экспорт), хранении, перевозке и (или) розничной продаже этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, в крупном размере. В соответствии с примечанием к данной статье крупным размером признается стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии, превышающая 100 тыс. руб. По сути, данный состав является специальным видом незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). Однако законодатель весьма широко определил пределы ответственности, не пояснив, в каком случае оборот указанной продукции считается незаконным. Например, если лицо перевозит алкогольную продукцию для какого-либо события (свадьбы, банкета и т.п.), то отсутствие лицензии позволяет вести речь о наличии в его действиях признаков данного состава преступления.

Состав преступления формальный, оно считается оконченным с момента совершения указанных в статье действий.

Особенность субъективной стороны состава преступления состоит в том, что необходимо доказать заранее возникший прямой умысел на осознание противоправности своих действий и желание их совершить.

Проблемы, возникающие при определении признаков субъекта этого преступления — ру-

ководителей юридического лица либо индивидуальных предпринимателей. Неясно также, например, может ли признаваться субъектом физическое лицо, действующее по доверенности юридических лиц.

Квалифицированный состав преступления предполагает ответственность за то же деяние, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере. Особо крупным размером признается стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии, превышающая 1 млн. руб.

Спорные вопросы возникают и по поводу состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 171⁴ УК «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции».

Во-первых, данная статья сконструирована с использованием правил административной преюдиции. В соответствии с примечанием к ней, под незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, совершенной неоднократно, понимается «продажа такой продукции лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутое административному наказанию».

Во-вторых, под незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции предлагается понимать розничную продажу такой продукции физическим лицом либо продажу алкогольной продукции (за исключением пива, напитков, изготавливаемых на основе пива, сидра, пуаре и медовухи) «лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, за исключением розничной продажи вина, игристого вина, осуществляемой сельскохозяйственными товаропроизводителями (индивидуальными предпринимателями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами), признаваемыми таковыми в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»».

Однако следует отметить, что не все признаки данного преступления сформулированы четко. Представляется, что потребуется судебное толкование об особенностях предмета этого преступления, о критериях его отграничения от преступных деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 171³, 151¹ УК РФ и от смежных административных правонарушений.

NOVELLE DES STRAFKODEX DER RF BEZÜGLICH DER VERANTWORTUNG FÜR DEN ILLEGALEN UMSATZ VON ALKOHOL UND ALKOHOLHALTIGEN PRODUKTEN

Das Föderale Gesetz Nr. 203-FG des Strafkodex der RF vom 26. Juli 2017 wurde mit den Artikeln 171.3 und 171.4 ergänzt, die eine Strafbarkeit für den illegalen Umsatz von Alkohol und alkoholhaltigen Produkten vorsehen. Möglicherweise war dies eine Antwort des Gesetzgebers auf die vielen Todesfälle nach der Verwendung verschiedener Alkoholversatzstoffe sowie auf den Vertrieb gefälschter alkoholhaltiger Produkte, was für die Gesundheit und das Leben der Bürger eine Gefahr darstellt. Laut Staatlichem Komitee für Statistik der RF sind in der Zeit von Januar 2016 bis Oktober 2016 6.902 Menschen aufgrund einer zufälligen Alkoholvergiftung in Russland gestorben; – 1.062 Menschen weniger als im gleichen Zeitraum des Jahres 2015. Mitursache für Alkoholvergiftung ist die Verwendung alkoholhaltiger Flüssigkeiten, die von vornherein nicht zum Trinken bestimmt sind. Im Dezember 2016 ereignete sich in Irkutsk eine Massenvergiftung mit 63 Todesfällen durch das Alkoholkonzentrat „Boyaryshnik“, das als Mittel zum Baden verwendet werden sollte. In der Zusammensetzung des gefälschten Produkts wurden Methanol und Frostschutzmittel gefunden.

Auf der Flasche ist tatsächlich vermerkt, dass dieses Produkt nicht zum Verzehr geeignet ist und dass es sich um ein Bademittel handelt. Die Zusammensetzung enthält jedoch keine Informationen auf Methanol oder Frostschutzmittel, die später während der Untersuchung entdeckt wurden. Von Januar bis September 2016 registrierte die russische Verbraucherschutzbehörde Rospotrebnadzor 36.000 akute Alkoholvergiftungen; 9.000 Menschen sind ums Leben gekommen. Diese Tatsachen zur Verbreitung der alkoholischen Produkte lassen die erhöhte Gefahr der Taten für die Bürger erkennen, was eine entsprechende Reaktion des Gesetzgebers erforderte.

Der Aufnahme dieses Kapitels in den Artikel 22 des Strafkodex der RF lässt sich entnehmen, dass die sozialen Verhältnisse im Bereich der Wirtschaftstätigkeit einen Grundfaktor bilden, der den legalen Umsatz von Ethylalkohol, Alkohol und alkoholhaltigen Produkten absichert. Zusätzliches Schutzgut ist auch die Gesundheit der Bürger.

Die o.g. Normen weisen einen ausfüllungsbedürftigen Blankettkarakter auf. Um die entsprechenden Rechtsnormen des Strafgesetzes korrekt anzuwenden, ist die Kenntnis der Rechtsnormen des Föderalen Gesetzes „Über die staatliche Regulierung der Produktion und des Umsatzes von Ethylalkohol, Alkohol und alkoholhaltigen Produkten und Begrenzung des

Konsums alkoholischer Getränke“ vom 22.11.1995 Nummer 171-FG erforderlich (mit Änderungen und Ergänzungen). In diesem Zusammenhang sind Ethylalkohol, alkoholische und alkoholhaltige Produkte als Tatgegenstand angegeben, deren Definitionen in Artikel 2 des o.g. Gesetzes vorgegeben werden.

Die Tatbestandshandlung ist die Produktion, der Kauf (einschließlich Import), Lieferung (einschließlich Export), Lagerung, Transport und (oder) der Einzelhandelsverkauf in großem Ausmaß von Ethylalkohol, alkoholischen und alkoholhaltigen Produkten ohne eine entsprechende Lizenz, sofern diese erforderlich ist und die oben genannten Handlungen in großem Ausmaß begangen sind. Die strafrechtliche Verantwortung ist im Art. 171.3 des Strafkodex der RF vorgesehen. Laut Anmerkung zu diesem Artikel versteht man unter einem großen Ausmaß die Kosten von Äthylalkohol, Alkohol und alkoholhaltigen Produkten, Produktion und (oder) Umsatz, die mehr als 100.000 Rubel umfassen, sofern keine entsprechende Lizenz vorliegt. Dieser Tatbestand ist eine besondere Art von illegalem Unternehmertum (Art. 171 des Strafkodex der RF). Der Gesetzgeber hat die Grenzen der Verantwortung sehr weit bestimmt, ohne jedoch konkret zu erklären, in welchem Fall der Umsatz dieser Produktion als illegal angesehen wird. Wenn zum Beispiel eine Person Alkoholprodukte zu einer Veranstaltung (Hochzeit, Bankett, etc.) transportiert, so kann eine fehlende Lizenz dazu führen, dass durch diese Handlungen Tatbestandsmerkmale der genannten Straftat erfüllt sind.

Der Straftatbestand ist rein formeller Natur, die Straftat gilt ab dem Zeitpunkt der Begehung der im Artikel angegebenen Tathandlung als beendet.

Im Rahmen des subjektiven Tatbestandes muss dem Täter ein direkter Vorsatz und die Kenntnis der Rechtswidrigkeit seiner Handlungen und der Wunsch diese zu begehen nachgewiesen werden.

Die Bestimmung der Merkmale des Subjektes dieser Straftaten erweist sich als kompliziert. Dies gilt vor allem für die Leiter einer juristischen Person oder selbstständige Unternehmer. Problematisch erscheint zum Beispiel, ob eine Person, die aufgrund der Vollmacht für juristische Personen handelt, als Tatsubjekt anerkannt werden kann. Es gibt keine klare gerichtliche Auslegung bezogen auf diese Fragen.

Ein qualifizierter Straftatbestand sieht die Verantwortung für dieselbe Straftat vor, die von einer organisierten Gruppe oder in besonders großem Ausmaß begangen wird. Unter einem besonders großen Aus-

maß versteht man die Kosten von Äthylalkohol, Alkohol und Alkoholhaltigen Produkten, Produktion und (oder) Umsatz über einen Wert von 1.000.000 Rubel hinaus, sofern keine entsprechende Lizenz vorhanden ist. Strittige Probleme gibt es auch bezüglich der Tat, dessen Verantwortung in Art. 171.4 des Strafkodex vorgesehen ist (illegaler Einzelhandel mit Alkohol und alkoholhaltigen Lebensmitteln).

Erstens ist diese Rechtsnorm nach den Regeln des administrativen Vorurteils (*erst nach wiederholter Begehung wird eine Tat (sog. Verwaltungsstraftat) zur Straftat*) aufgebaut. Gemäß Absatz 2 der Anmerkung zu dem Artikel 171.4 wird unter mehrmals ausgeübtem illegalem Einzelhandel mit alkoholischen und alkoholhaltigen Lebensmitteln, der Verkauf solcher Lebensmittel verstanden, der durch eine Person, die wegen einer ähnlichen Verwaltungsstraftat bestraft worden ist, für den Zeitraum in dem diese Person bereits verwaltungsstrafrechtlich bestraft worden ist, durchgeführt wird.

Zweitens versucht der Gesetzgeber den illegalen Einzelverkauf von Alkohol und alkoholhalti-

gen Lebensmitteln zu definieren. Darunter ist der Einzelhandel von genannten Produkten durch eine natürliche Person oder der Verkauf von Alkoholprodukten (ausgenommen Biere, Getränke, die auf der Basis von Bier produziert werden, Apfelwein, Poiret und Met) durch eine Person, die ein Unternehmer (aber keine juristische Person) ist. Dies gilt nicht für den Einzelhandel von schäumenden Weinen, die von landschaftlichen Produzenten stammen und als solche gemäß des Föderalen Gesetz Nr. 264-FG vom 29.12.2006 „Über die Entwicklung der Landwirtschaft“ klassifiziert werden.

Es sollte jedoch beachtet werden, dass nicht alle Tatbestandsmerkmale klar und präzise formuliert sind. Es ist eine detaillierte gerichtliche Auslegung der Merkmale des Straftatbestandes und der Kriterien für seine Abgrenzung von anderen Straftaten erforderlich, deren strafrechtliche Verantwortung in den Anwendungsbereich der Artikel 171.3, 151.1 des Strafkodex der RF und verwandten Verwaltungsstraftaten (Ordnungswidrigkeiten) fallen.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лаврентьева Мария Сергеевна
Туркин Михаил Михайлович

Цель: рассмотреть институт интеллектуальной собственности, проанализировать меры государственной защиты объектов интеллектуальной собственности.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, исторический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации существуют несколько видов ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, а именно гражданская, административная и уголовная. В первую очередь защита прав интеллектуальной собственности строится на инициативе правообладателей – физических и юридических лиц, которым законодательством РФ предоставлено право выбора обращения за защитой своих прав: в государственный (административный) орган, правоохранительные органы и в суд.

По мнению авторов, государство обязано (в определенных случаях) вмешиваться в регулирование отношений, складывающихся между правообладателями, авторами продуктов интеллектуальной собственности и их пользователями. Вместе с тем для правообладателей и авторов продуктов интеллектуальной собственности выгодно использовать механизм государственного принуждения, а именно меры административной и уголовной ответственности для выявления и пресечения незаконно используемой интеллектуальной собственности, что позволяет им экономить денежные средства, в том числе и на услугах адвокатов.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию отечественного законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объект интеллектуальной собственности, государственная защита, зарубежный опыт, авторское право.

Считается, что впервые определение понятия «интеллектуальная собственность» было в Стокгольмской конвенцией, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС (Российская Федерация присоединилась 13 марта 1995 г.)). Хотя еще в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. употреблялся термин «результаты интеллектуального творчества» в аналогичном значении.

Первые представления об интеллектуальной собственности сложились во времена великой французской революции 1789 г., когда широкое

распространение получили идеи естественного права. Сторонники этой теории считали, что все произведенное человеком, будь то материальные объекты или результаты творческого труда, имеет исключительное право распоряжаться ими.

В настоящее время в законодательстве РФ предусмотрена несколько видов ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности: административная, гражданская и уголовная.

Защита авторских, смежных, изобретательских и патентных прав при помощи административного права особенно значима для предотвращения

и пресечения их незаконного использования, учитывая, что тем самым причиняется вред не только собственнику авторского и смежного права, но и государству в целом.

Административная ответственность предусмотрена в ряде статей КоАП РФ, в частности, ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» и ст. 14.10 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)».

В соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных указанными, составляют должностные лица органов внутренних дел (полиции), должностные лица таможенных органов и др. При этом согласно ст. 23.1 КоАП РФ рассматривают названные правонарушения лишь судьи. Но в том случае, если субъектом состава правонарушения является несовершеннолетний в возрасте от 16–18 лет, дела об административных правонарушениях рассматривают комиссии по делам несовершеннолетних (*см. 23.2 КоАП РФ*).

В ст. 128 ГК РФ интеллектуальная собственность определяется как объект гражданского права. Механизм ее защиты строится в основном на системе частного права. В то же время эффективная охрана невозможна без применения публично-правовых методов, в том числе принуждения со стороны государства.

На наш взгляд, к основным статьям УК РФ, посредством которых осуществляется уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности, относятся ст. 146 – «Нарушение авторских и смежных прав», ст. 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав», ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)».

Защита прав интеллектуальной собственности основывается на инициативе правообладате-

лей – физических и юридических лиц, которым законодательством РФ предоставлено право выбора обращения за защитой своих прав: в государственный (административный) орган; правоохранительные органы; и в суд. Государство также в определенных случаях вправе применять по своей инициативе уголовное или административное законодательство в отношении нарушителей.

Названные уголовные преступления нередко связаны с прямым обманом потребителей, введением их в заблуждение относительно качества и происхождения товаров. Например, контрафактные товары (с незаконно использованным чужим товарным знаком), как правило, худшего качества и могут быть опасны для жизни и здоровья потребителей. Поэтому их продажа причинят вред не только законному правообладателю товарного знака, но и покупателю.

Учитывая изложенное, государство обязано (в определенных случаях) вмешиваться в регулирование отношений, складывающиеся между правообладателями, авторами продуктов интеллектуальной собственности и их пользователями.

Вместе с тем для правообладателей и авторов продуктов интеллектуальной собственности выгодно использовать механизм государственного принуждения, а именно меры административной и уголовной ответственности для выявления и пресечения незаконно используемой интеллектуальной собственности, что позволяет им экономить денежные средства, в том числе и на услугах адвокатов.

В то же время в мировой практике действия полицейских органов совершаются в ограниченном правовом поле, пересекающимся, но не заменяющим возможность действий правообладателей. Так, например, ни в странах Европы, ни в США – публичное обвинение по данным делам не заменяет частное обвинение.

FRAGEN DES STAATLICHEN SCHUTZES DES GEISTIGEN EIGENTUMS

Zum Teil wird angenommen, dass der Begriff des „geistigen Eigentums“ völkerrechtlich erstmals am 14. Juli 1967 durch das Stockholmer Übereinkommen zur Errichtung der Weltorganisation für geistiges Eigentum (World Intellectual Property Organization, WIPO) festgelegt wurde. Bereits die Berner Übereinkunft zum

Schutz von Werken der Literatur und Kunst vom 9. September 1886 verwendete aber den Begriff „geistige Schöpfungen“ im gleichen Sinne.

Die ersten Gedanken zum geistigen Eigentum wurden noch früher, nämlich in der französischen Revolution im XVIII. Jahrhundert, aus der Idee des

Naturgesetzes entwickelt. Vertreter dieser Theorie behaupteten, dass alle Produkte eines Menschen, sowohl materielle Gegenstände als auch die Ergebnisse der schöpferischen Arbeit, ausschließlich dem Menschen, der sie hergestellt hat, zustehen.

Die Russische Föderation trat erst am 13. März 1995 der WIPO bei.

Derzeit gibt es im Recht der Russischen Föderation mehrere Arten der Verantwortlichkeit für Verletzungen des geistigen Eigentums, und zwar die zivil- und die verwaltungsstrafrechtliche Haftung sowie die Strafbarkeit.

Die nähere Betrachtung des staatlichen Schutzes des geistigen Eigentums ergibt das folgende Bild:

Der Schutz der Urheberrechte, verwandter Rechte, Erfindungs- und Patentrechte durch das Verwaltungsrecht ist in bestimmten Fällen zur Prävention und Bekämpfung des unerlaubten Gebrauchs von Schutzrechten notwendig, da dadurch nicht nur der Inhaber des Urheberrechts bzw. des verwandten Schutzrechts verletzt wird, sondern auch der Staat als Ganzes.

Der Verwaltungsstrafkodex der Russischen Föderation enthält in unserem Zusammenhang mehrere Artikel, die wichtigsten sind Art. 7.12 des Verwaltungsstrafkodex „Verletzung des Urheberrechts und verwandter Schutzrechte und Patentrechte“ und Art. 14.10 des Verwaltungsstrafkodex „Illegale Verwendung der Mittel zur Individualisierung von Waren (Arbeiten und Dienstleistungen)“.

Gemäß Absatz 1 des Artikels 28.3 des Verwaltungsstrafkodex sind die Beamten der Innenverwaltung, also die Polizei- und Zollbeamten sowie andere Beamte für die Erstellung des Protokolls über Verwaltungsstraftaten, die in Art. 7.12 und 14.10 genannt sind, zuständig. Nur der Richter ist für die Verhandlung von genannten Verwaltungsstraftaten zuständig.

Art. 128 des Bürgerlichen Gesetzbuches der Russischen Föderation „Gegenstände der Bürgerrechte“ definiert das geistige Eigentum als Gegenstand des Zivilrechts. Der Mechanismus seines Schutzes beruht auf dem System des Privatrechts. Dadurch wird jedoch kein ausreichender Schutz des geistigen Eigentums gewährleistet, sondern es bedarf staatlicher Maßnahmen, einschließlich der Anwendung staatlichen Zwanges.

Die wichtigsten Straftatbestände des Strafkodexes der Russischen Föderation (UK RF) zum Schutz des

geistigen Eigentums sind in Art. 146 „Verletzung von Urheberrechten und verwandten Rechten“, Art. 147 „Verletzung von Erfindungs- und Patentrechten“ und Art. 180 „Illegale Verwendung von Mitteln zur Individualisierung von Waren (Arbeiten, Dienstleistungen)“ zu finden.

Die Verfolgung der Straftaten gegen die Verletzung der Rechte des geistigen Eigentums erfolgt grundsätzlich nur auf Initiative der Rechtsinhaber – Einzelpersonen und juristische Personen; sie haben das Recht, einen Strafantrag zur Verfolgung der Straftat bei der zuständigen staatlichen Stelle, der Strafverfolgungsbehörde oder dem Gericht, zu stellen. In bestimmten Fällen ist kein Strafantrag erforderlich, sondern der Staat kann die straf- oder verwaltungsstrafrechtlichen Vorschriften aus eigener Initiative gegen den Verletzer anwenden.

Die genannten Straftaten sind oft mit einer direkten Täuschung der Verbraucher verbunden, die über die Qualität oder den Ursprung der Waren irreführt werden. Das ist zum Beispiel bei dem Kauf gefälschter Waren (unter illegaler Verwendung einer geschützten Marke oder einer anderen Marke) der Fall. Der Verbraucher erwirbt dann u.U. ein Produkt von minderer Qualität, das möglicherweise gefährlich für das Leben und die Gesundheit ist, und die Tat schädigt zudem den rechtmäßigen Inhaber der Marke.

Bei Vorliegen solcher Umstände ist der Staat verpflichtet, sich in die Regulierung der Beziehungen zwischen den Rechtsinhabern, den Herstellern des geistigen Eigentums und ihren Nutzern einzumischen.

Den Inhabern des Urheberrechts und den Herstellern des geistigen Eigentums nützen diese Durchsetzungsmechanismen, also die administrativen und strafrechtlichen Maßnahmen zur Verfolgung solcher Verletzungen und zur Verhinderung zukünftiger Zuwiderhandlungen, indem sie sich die Kosten u.a. für Rechtsanwälte ersparen.

Gleichzeitig sind in zahlreichen anderen Staaten staatliche Maßnahmen in bestimmten Fällen vorgesehen, die Rechtsdurchsetzung durch den Rechtsinhaber also nicht generell ersetzen, sondern sich beide Arten lediglich zum Teil überschneiden. So ersetzt z. B. weder in europäischen Ländern noch in den USA die Verfolgung durch die Staatsanwaltschaft eine private Anklage.

ОХРАНА ЗЕМЕЛЬ В РОССИИ

Максимов Евгений Леонтьевич

Цель: рассмотреть систему мер, установленных государством и направленных на обеспечение соблюдения требований земельного законодательства по охране земель, и разработать рекомендации по совершенствованию рассматриваемой системы.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, статистический метод.

Выводы. Автор приходит к выводу, что требования земельного законодательства продолжают нарушаться, чем причиняется существенный вред земле и окружающей среде в целом. Наличие большого количества земельных правонарушений свидетельствует о том, что цели наказания за их совершения (в том числе в виде предупреждения правонарушений) не достигаются. По мнению автора, применительно к некоторым правонарушениям установленного законом размера санкций недостаточно.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию системы мер, направленных на обеспечение соблюдения требований земельного законодательства по охране земель. Автор предлагает увеличить штраф за самовольное занятие земельного участка. Кроме того, немало пользы может принести экологическое воспитание молодежи и просвещение населения.

Ключевые слова: охрана земель, земельные отношения, земельный надзор, земельные правонарушения, экологические преступления, нерациональное использование земель.

Россия обладает большими запасами природных ресурсов. Так, общая площадь земель составляет 17 125 191 кв. км — по этому показателю наша страна занимает первое место в мире.

В российской правовой системе земельные отношения, т.е. отношения по поводу использования и охраны земель, регулируются земельным правом.

Главным источником земельного права России является Земельный кодекс РФ, принятый в 2001 г. В соответствии с ним земля в России имеет приоритет в охране как важный компонент окружающей среды. Целями охраны земель являются предотвращение и ликвидация загрязнения, истощения, деградации, порчи земель, обеспечение их рационального использования.

Государство устанавливает ряд требований, предъявляемых ко всем пользователям земельных участков, в том числе к их собственникам. В частности, пользователи земельных участков обязаны использовать земельные участки в соответствии с целевым назначением способами, которые не

должны наносить вред окружающей среде; осуществлять мероприятия по охране земель; своевременно приступать к использованию земель; своевременно производить платежи за землю и соблюдать иные требования.

Система мер, направленных на обеспечение соблюдения требований земельного законодательства по охране земель, реализуется на двух уровнях — государственном и муниципальном (местном).

Государственный уровень обеспечивается путем создания механизма государственного земельного надзора.

Государственный земельный надзор — это деятельность государственных органов исполнительной власти, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований земельного законодательства РФ. Основным государственным органом исполнительной власти, осуществляющим земельный надзор, является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

Приходится констатировать, что в Российской Федерации ежегодно совершается большое количество правонарушений в области использования и охраны земель – земельных правонарушений. По данным Росреестра, в 2015 г. выявлено почти 150 тыс. земельных правонарушений, совершенных гражданами (124 тыс.), юридическими лицами (14 тыс.) и должностными лицами (9 тыс.).

Наиболее распространенными правонарушениями в этой сфере являются самовольное занятие земельных участков и использование их без правоустанавливающих документов и документов, разрешающих осуществление хозяйственной деятельности. Широко распространены также такие правонарушения, как использование земель не по целевому назначению и неиспользование земельных участков.

Законодательством РФ предусмотрены различные виды административных наказаний за совершение земельных правонарушений: административный штраф, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест, административное приостановление деятельности и др. Самое распространенное наказание за совершение административных правонарушений – административный штраф. В 2015 г. органами государственного земельного надзора на правонарушителей было наложено штрафов на 1 млрд руб. Всего же за совершение земельных правонарушений к административной ответственности было привлечено почти 87 тыс. человек.

Как известно, самым серьезным правонарушением, за которое предусмотрена уголовная ответственность, является преступление – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. В гл. 26 содержатся составы экологических преступлений. Так, ответственность за порчу земли предусмотрена в ст. 254, которая устанавливает следующие виды ответственности за совершение данного преступления: штраф (до 200 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (на срок до трех лет), обязательные работы (на срок до 480 часов), исправительные работы (на срок до двух лет), ограничение свободы (на срок до двух лет), принудительные работы (на срок до 5 лет), лишение свободы (на срок до 5 лет).

В Российской Федерации ведется учет преступлений. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 2 388 476 преступлений, из них более 23 тыс. (око-

ло 1%) экологических. Выявлено 13 748 лиц, совершивших экологические преступления. Таких преступлений, как порча земли, за данный период было зарегистрировано 85, что составляет 0,36% от всех экологических преступлений. Выявлено 10 лиц, совершивших порчу земли, т.е. 0,07% от всех лиц, совершивших экологические преступления.

Можно предположить, что нарушители не боятся ответственности, их не пугает наказание, несмотря на то, что размер штрафов составляет значительные суммы. Так, административные штрафы за земельные правонарушения составляют в ряде случаев для граждан – до 50 000 рублей, для юридических лиц – до 700 000 рублей, а максимальное наказание за порчу земли по УК РФ – лишение свободы на срок до 5 лет.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что несмотря на предусмотренную законодательством достаточно серьезную ответственность за совершение земельных правонарушений, цель наказания – их предупреждение – не достигается.

По нашему мнению, применительно к некоторым правонарушениям установленного законом размера санкций недостаточно. Так, за наиболее распространенное правонарушение – самовольное занятие земельного участка – для самой распространенной категории правонарушителей – граждан – установлена санкция в виде административного штрафа в размере от 5 тыс. до 10 тыс. рублей. Представляется, что его следует увеличить может быть в разы.

Государство должно принимать все необходимые меры, направленные на предотвращение нарушений в указанной сфере. При этом, помимо государственно-властного механизма, предусматривающего осуществление уполномоченными государственными органами власти земельного надзора, привлечение к ответственности виновных лиц, следует также применять меры, не связанные с реализацией властных (карательных) функций.

Такие меры известны, они представляют собой определенную деятельность, проводимую вне рамок государственного надзора. Так, по нашему мнению, достаточно действенной мерой может быть экологическое воспитание молодежи. Уже с самого раннего возраста, в игровой форме детям можно и нужно прививать чувство любви к природе, заботы о природных ресурсах нашей страны.

Целесообразно в учебных заведениях ввести преподавание учебных дисциплин, например экологии, основ права, земельного законодательства, в рамках которых учить молодежь относиться к природе бережно, прививать им хотя бы азы

знаний о том, что такое юридическая ответственность, за какие правонарушения она наступает, в том числе – в сфере охраны окружающей среды и природопользования, какие существуют виды наказаний.

Другой действенной мерой может стать экологическое просвещение населения (путем про-

паганды бережного отношения граждан к своим природным богатствам), а также стимулирование рационального использования и охраны земель с помощью механизма экономического стимулирования бережного отношения к окружающей среде (установление льгот при получении кредитов, при уплате налогов).

SCHUTZ DES BODENS IN RUSSLAND

Russland besitzt große Reserven an natürlichen Ressourcen, vor allem an Boden. Die Gesamtfläche der Russischen Föderation beträgt 17.125.191 Quadratkilometer; damit ist Russland der Fläche nach das größte Land der Welt.

In der russischen Rechtsordnung werden die Nutzung und der Schutz des Bodens durch einen eigenen Rechtsbereich – das Bodenrecht – geregelt.

Die Hauptquelle ist der Boden-Kodex, der 2001 verabschiedet wurde.

Nach diesem Gesetz genießt der Schutz des Bodens als wichtiger Bestandteil der Umwelt eine Priorität. Ziele des Bodenschutzes sind die Verhütung und Beseitigung von Verschmutzung, Erschöpfung, Umgestaltung und Beschädigung des Bodens sowie die Gewährleistung einer rationalen Bodennutzung.

Der Staat erlegt allen Landbesitzern und Nutzern von Grundstücken eine Reihe von Pflichten auf. Sie sind verpflichtet, Grundstücke entsprechend ihrem Verwendungszweck so zu nutzen, dass keine Umweltschäden verursacht werden, Maßnahmen zum Schutz des Bodens zu ergreifen, den Boden – dem Zweck entsprechend – zu nutzen, Abgaben rechtzeitig an den Staat zu zahlen und andere Anforderungen zu erfüllen. Der Staat hat ein Maßnahmen-system festgelegt, das darauf abzielt, die Einhaltung der rechtlichen Anforderungen an den Bodenschutz sicherzustellen. Dieses System ist auf zwei Ebenen implementiert – und zwar auf der staatlichen und der kommunalen (lokalen) Ebene.

Die staatliche Ebene ist durch die Schaffung eines Mechanismus zur Überwachung der Bodennutzung gekennzeichnet.

Diese staatliche Bodenaufsicht wird durch staatliche Verwaltungsorgane zur Verhinderung, Aufdeckung und Beseitigung von Verstößen gegen die Regelungen der Bodengesetzgebung der Russischen Föderation durchgeführt. Die wichtigste Einrichtung zur Ausübung der Bodenüberwachung ist der Föderale Dienst

für staatliche Registrierung, Kataster und Kartographie (Rosreestr).

Es ist festzustellen, dass – wegen des großen Territoriums Russlands und der erheblichen Anzahl von Grundstücken – in jedem Jahr zahlreiche Verwaltungsstraftaten gegen die Vorschriften zur erlaubten Nutzung und zum Schutz des Bodens begangen werden.

Rosreestr registrierte im Jahr 2015 fast 150.000 Verwaltungsstraftaten, davon wurden etwa 124.000 von Privatpersonen, ca. 14.000 von juristischen Personen und etwa 9.000 von Beamten begangen.

Die häufigsten Verstöße in diesem Bereich sind die unbefugte Inbesitznahme von Grundstücken, deren Nutzung ohne die gesetzlich vorgeschriebenen Dokumente und wirtschaftliche Nutzung ohne die erforderliche Erlaubnis. Auch Verwaltungsstraftaten durch Nutzung zu einem anderen als dem zulässigen Zweck und das Brachliegenlassen von Landparzellen kommen häufig vor.

Im Jahr 2015 wurden fast 87.000 Personen wegen Verstößen gegen die Bodenvorschriften verwaltungsrechtlich zur Verantwortung gezogen. Die Gesetzgebung der Russischen Föderation sieht verschiedene Arten von Verwaltungssanktionen vor – Verwaltungsstrafe (Geldbuße), Entzug eines Sonderrechts, das einem Einzelnen gewährt wird, Verwaltungsarrest, behördliches Verbot bestimmter Aktivitäten und andere. Die häufigste Strafe für die Begehung von Verwaltungsdelikten ist die Geldbuße. 2015 wurden die Täter von den Verwaltungsbehörden zu Geldbußen in Höhe von insgesamt einer Milliarde Rubel verurteilt.

Die schwerwiegendste Tat im russischen Rechtssystem, für die eine Strafe vorgesehen ist, ist eine Straftat – eine schuldhaft begangene Tat, die durch den Strafkodex der Russischen Föderation (UK RF) verboten ist. Der UK RF enthält in Kapitel 26 die Umweltstraftaten. Dazu gehören die Gewässerverunreinigung, die Luftverunreinigung und – im Bereich

der Bodennutzung – die Schädigung des Bodens. Als strafrechtliche Sanktionen sind Geldstrafen (bis zu 200.000 Rubel), Freiheitsbeschränkungen (für bis zu zwei Jahren), Arbeitsverpflichtung und Freiheitsstrafen (für bis zu 5 Jahren) vorgesehen.

Die Kriminalstatistik der Russischen Föderation registriert für das Jahr 2015 2.388.476 Straftaten, davon etwa 23.000 (ca. 1%) Umweltstraftaten. Die Zahl der Personen, die Umweltstraftaten begangen haben, beträgt 13.748 Personen.

Es wurden aber nur 85 Straftaten im Zusammenhang mit der Schädigung des Bodens registriert, das sind 0,36% aller Umweltstraftaten. Als Täter dieser Straftaten wurden lediglich 10 Personen ermittelt, das sind 0,07% aller Personen, die im Berichtsjahr Umweltstraftaten begangen haben. Es wurden also etwa 150.000 Umweldelikte als Verwaltungsstraftaten und 23.000 als Umwelt(kriminal)straftaten registriert. Es ist zu vermuten, dass die Täter keine große Angst davor haben, strafrechtlich zur Verantwortung gezogen zu werden, obwohl die Höhe der angedrohten Geldbußen nicht unbeträchtlich ist, für Bürger bis zu 50.000 Rubel, für juristische Personen bis zu 700.000 Rubel, und Freiheitsstrafen bis zu 5 Jahren möglich sind.

Fazit:

Die gesetzlichen Vorschriften zum Schutz des Bodens werden weiterhin in großer Zahl verletzt, was erhebliche Auswirkungen auf den Boden und die Umwelt insgesamt hat. Wenn so viele Zuwiderhandlungen begangen werden, obwohl es die genannten Sanktionen gibt, kann daraus gefolgert werden, dass der Zweck der Bestrafung – also die Prävention dieser Verwaltungsstraftaten – nicht erreicht wird.

Das spricht dafür, dass bei bestimmten Delikten die Höhe der gesetzlich angedrohten Sanktionen nicht

ausreicht. Für die häufigste Straftat – die unerlaubte Inbesitznahme eines Grundstücks, die überwiegend von Privatpersonen begangen wird, ist eine Geldbuße in Höhe von 5.000 bis 10.000 Rubel festgelegt. Dieser Strafrahmen sollte erhöht werden, um Landnutzer von der Begehung solcher Straftaten abzuhalten.

Der Staat muss zudem alle notwendigen Maßnahmen ergreifen, um Verstöße in diesem Bereich zu reduzieren. Diese Maßnahmen sollten sowohl einen staatlich verbindlichen Mechanismus, der die Durchführung der Bodenaufsicht durch die zuständigen staatlichen Behörden und die Strafverfolgung vorsieht, als auch andere Maßnahmen, die nicht mit solchen Befugnissen zusammenhängen.

Dazu gehört insbesondere die ökologische Erziehung der Jugend. Bereits im Kindergarten kann und sollte kleinen Kindern in spielerischer Form die Liebe zur Natur und zu den natürlichen Ressourcen des Landes vermittelt werden. Darüber hinaus sollten – Jugendliche und junge Erwachsene – in Bildungseinrichtungen der Schul- und Hochschulbildung in einem Fach, z.B. Ökologie, unterrichtet werden, um sie zu einem sorgfältigen Umgang mit der Natur anzuhalten. Darüber hinaus sollte die Voraussetzungen geschaffen werden, junge Menschen über die Regelungen zur rechtlichen Verantwortlichkeit, einschließlich der Straftatbestände im Bereich des Umweltschutzes und des Naturmanagements aufzuklären. Weitere wirksame Maßnahmen bestehen in einer Umwelterziehung der Bevölkerung insgesamt zur Bewahrung der natürlichen Ressourcen und einem nachhaltigen Umgang mit ihnen, sowie in der Schaffung von finanziellen Anreizen für die Erhaltung der Umwelt, z.B. durch Vergünstigungen bei der Kreditaufnahme und Steuererleichterungen.

ПРЕСТУПНОСТЬ ТИНЕЙДЖЕРОВ: СТРАТЕГИЯ XXI В.

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: проанализировать российское законодательство по вопросу о возрасте, с которого наступает уголовная и административная ответственность, выявить особенности преступности тинейджеров для дальнейшей ее профилактики.

Методология: диалектика, анализ, синтез, индукция, дедуция, формально-юридический метод.

Выводы. Автор приходит к выводу, что преступность тинейджеров только складывается. Предположительно это будет своеобразный симбиоз интеллектуального корыстного преступного поведения с элементами чаще всего психологического насилия, не исключая физического принуждение. В основе преступности тинейджеров будет лежать экономика, точно так же, как сегодня экономика лежит в основе движения антиглобалистов. Поэтому преступность тинейджеров станет оказывать прямое воздействие на всю мировую экономику, это будет расчетливая и жестокая преступность.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в определении возрастных границ тинейджеров и особенностей, предопределяющих изменение в их поведении, включая криминогенное поведение. Автор предлагает снизить возраст административной ответственности до 14 лет. В статье также рассматривается такое явление, как буллинг.

Ключевые слова: преступность тинейджеров, преступность несовершеннолетних, возраст уголовной ответственности, возраст административной ответственности, буллинг.

Тинейджер – от англ. *teenager* – подросток, юноша или девушка, в возрасте 13–19 лет. В российском уголовном законе понятию «тинейджер» соответствует понятие «несовершеннолетний человек». В буквальном смысле это означает, что человек уже вполне самостоятелен, но некоторые его поступки с юридической точки зрения не могут быть совершены. Иными словами, этот человек не достиг совершенного возраста, когда его действия в полной мере могут считаться юридически значимыми. Причем в российском уголовном законе слово «несовершеннолетний» употребляется в качестве существительного, хотя по правилам русского языка оно должно считаться прилагательным. Так, в ч. 3 ст. 20 УК РФ говорится, что если несовершеннолетний достиг определенного возраста, но вследствие определенного развития не мог понимать опасный характер своих действий, он подлежит освобождению от уголовной ответственности. Впрочем, в ч. 2 ст. 54 УК РФ говорится о лице, не достигшем к моменту вы-

несения приговора 18-летнего возраста. При этом в российском уголовном законе прослеживается возрастная градация несовершеннолетних – от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет.

Возрастные границы между тинейджером и несовершеннолетним, на первый взгляд, отличаются несущественно: в УК РФ несовершеннолетними считаются лица в возрасте от 14 до 18 лет. Между тем в подростковом возрасте разница в один год может иметь решающее значение в межличностных отношениях и при возникновении и решении тех или иных конфликтов.

Представляется, что определение возрастных границ тинейджеров выгладит более предпочтительно. Кстати, возраст наступления административной ответственности за правонарушения, например, за мелкое хулиганство, пропаганду нацистской атрибутики, нарушение правового режима контртеррористической операции по законодательству РФ наступает с 16 лет, в то время как уголовная ответственность за некоторые

тяжкие уголовные преступления, например, за убийство, изнасилование, террористический акт и др. – с 14 лет, что нелогично. Давно пора снизить возраст административной ответственности до 14 лет.

Современные тинейджеры или несовершеннолетние (подростки, т.е. подрастающие люди, люди, находящиеся в стадии роста) всегда представляли особый интерес для юристов. Они – будущее человечества. Их поведение проецируется на то, что будет в будущем, и как они в будущем будут себя вести. Они эмоционально неустойчивы и одновременно необыкновенно искренни. Механизм формирования их личности настолько же индивидуален, насколько типичен для того или иного возраста. Они настолько же добры, насколько и жестоки, являются движущей силой своего времени, подвержены манипуляциям, не могут осознавать (просчитывать) всех последствий своих действий, не владеют юридическими знаниями, в то время как на них распространяется действие большого числа нормативных правовых актов. Являясь продуктом социума, они предпочитают противопоставление обществу собственных мнимых, якобы новых идей, вместо анализа, обобщения и критического осмысления предшествующего человеческого опыта и действительности.

Сегодня тинейджеры изменились. Всегда склонные к смене быта, рода деятельности, места жительства, неожиданно они получили практически неограниченную возможность осуществить едва ли не любое, даже самое безумное свое желание. Если раньше этому мешало отсутствие денег, материальные, временные или иные ограничения, то сегодня цифровые технологии и глобальные коммуникационные сети позволяют реализовать идеи при минимальных расходах и за очень короткое время.

Но изменился и окружающий мир. Он стал менее стабильным, но более информационным и открытым. Технологические изменения происходят настолько стремительно, что даже фантасты не успевают придумать футуристический мир, как он уже становится реальностью.

Наиболее быстро приспосабливаются к таким изменениям тинейджеры.

Однако изменения, которые происходят в мире, к сожалению, сопровождаются массовым насилием и глобальной несправедливостью. Несправедливость в одинаково высокой степени проявляется на уровне как одного человека (финансовое расслоение, трудности, связанные с трудоустройством, с получением качественного медицинского обслуживания), так и целых

народов и стран (войны, давление сильных государств на экономику более слабых государств, экстерриториальность права одних государств без учета мнения остальных стран).

Подростки входят во взрослую жизнь на мере насилия и несправедливости. При этом известна их патологическая неприемлемость абсолютного большинства любой формы несправедливости. Следовательно, современные тинейджеры взрослеют в условиях ненависти и несправедливости. Такая ситуация опасна не только для будущего социума, но и для психического здоровья самих подростков. Рискну предположить рост психических заболеваний лиц в возрасте от 20 до 30 лет в ближайшие 10 лет по всему миру.

По сравнению с подростками предыдущих поколений современные тинейджеры другие. Не только политики и социологи этого до сих пор не поняли. Этого не поняли криминологи и представители других правовых наук. Как известно, тинейджеры определяют ближайшую криминогенную ситуацию. Более того, в самом скором времени они будут оказывать непосредственное влияние на всю правовую среду. В этой связи следует обратить внимание на следующие особенности, которые предопределяют изменение в поведении тинейджеров, включая их криминогенное поведение.

1. Глобальная организованность тинейджеров в глобальном мире. Коммуникационные системы позволили им быстро и концентрированно совершать массовые противоправные акции.

2. Рост самых радикальных взглядов и настроений как протест на несправедливый мировой общественный порядок. Отсутствует единственный враг, зато появилось много разных врагов – глобализм, финансовый монополизм, политическая элита, религиозный экстремизм, мировая миграция и др.

3. Рождение нового мирового вида преступности – преступности ненависти. Преступность ненависти – прерогатива тинейджеров. В свою очередь, она складывается из следующих видов преступлений:

3.1. расовые преступления;

3.2. преступления против уязвимых социальных групп (инвалидов, больных, представителей сексуальных меньшинств);

3.3. преступления против мигрантов и любых других не коренных жителей;

3.4. преступления против представителей неприемлемых, с точки зрения преступника, религий, равно как антирелигиозные преступления;

3.5. буллинг (от англ. *bully* – хулиган, драчун, насильник).

О буллинге необходимо сказать отдельно. Под этим термином понимается агрессивное преследование, физический и психологический террор, как правило, одного человека, со стороны остальных тинейджеров. В последнее время данное явление — а оно отнюдь не новое — приобрело масштабы социальной эпидемии. Буллинг сопровождается травлей, избиением жертвы, распространением в коммуникационных сетях компрометирующей информации о ней (вымышленной или подлинной, но всегда крайне интимного свойства). Все чаще он заканчивается гибелью жертвы в результате избиений либо самоубийства из-за распространения порочащих сведений. Нередко в результате буллинга причиняются тяжелые психологические и психические травмы, излечение которых растягивается на годы, а бывает, что их излечение невозможно. Буллинг в равной степени опасен для исполнителей. Они получают не менее серьезные психологические и психические травмы и превращаются в неисправимых садистов. Для некоторых из них издевательства над другими людьми становятся неотъемлемой частью их жизни. Нередко буллинг приводит к смерти самого буллингиста, когда отчаявшаяся жертва совершает расправу над своим мучителем.

Опасность буллинга заключается в убеждении тинейджеров, что с самого юного возраста они должны делить окружающих на противоборствующие стороны, в необходимости антагонизма, в искусственном насаждении антагонизма даже там, где его нет.

4. Манипулирование манипулянтами. Те, кто обычно стоял за преступлениями тинейджеров

(как правило, взрослые люди, имевшие криминальный опыт), возможно, и сегодня полагают, что они ими управляют. В действительности тинейджер, обладая более полной информацией, чем те, кто пытается ими руководить, «подставляясь под вербовку», преследуют собственные цели, о которых взрослые преступники не имеют никакого понятия.

5. Новые корыстные интересы:

5.1. экономические (сюда следует включить движение антиглобалистов и движение «зеленых») — передел экономических сфер влияния;

5.2. идеологические (идеология честной свободы и гармонии в противовес несправедливости и навязыванию мировых стандартов);

5.3. интеллектуальное пиратство;

5.4. биткоины и другие виды альтернативной электронной валюты.

Таким образом, сегодня преступность тинейджеров только складывается. Нам не известна ни ее структура, ни ее характер. Предположительно это будет своеобразный симбиоз интеллектуального корыстного преступного поведения с элементами чаще всего психологического насилия, не исключая физического принуждения.

В основе преступности тинейджеров будет лежать экономика, так же, как сегодня экономика лежит в основе движения антиглобалистов. Поэтому преступность тинейджеров станет оказывать прямое воздействие на всю мировую экономику.

Это будет преступность расчетливая и жесткая. Лишней крови не будет, но та, что должна пролиться, обязательно прольется.

VERBRECHEN DER JUGENDLICHEN: DIE STRATEGIE DES 21. JAHRHUNDERTS

Das russische Strafrecht verwendet nicht den Begriff Teenager, der üblicherweise Personen im Alter von 13 bis 19 Jahren bezeichnet, sondern den Begriff Minderjähriger. Im wörtlichen Sinn der russischen Sprache ist darunter eine Person, die bereits eine gewisse Selbstständigkeit besitzt, aber aus rechtlicher Sicht noch nicht für alle Handlungen verantwortlich gemacht werden kann, zu verstehen.

Interessanterweise benutzt das russische Strafrecht das Wort, das nach den Regeln der russischen Sprache

als Adjektiv verwendet werden sollte, als Substantiv. Art. 20 Abs.3 UK RF besagt lediglich, dass ein Minderjähriger, der zwar ein bestimmtes Alter, aber noch die Entwicklung, die Gefährlichkeit seiner Handlungen zu erkennen, erreicht hat, von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit befreit werden soll. Art. 54 Abs. 2 UK RF bezieht sich auf eine Person, die zur Zeit der Verurteilung noch nicht das Alter von 18 Jahren erreicht hat. Das russische Strafrecht unterscheidet aber die Altersstufen von 14 bis 16 Jahren und von 16

bis 18 Jahren. Die Altersgrenzen, die im allgemeinen Sprachgebrauch einen Teenager und im Verständnis des russischen Strafrechts jugendliche Straftäter bezeichnen, unterscheiden sich also auf den ersten Blick nicht signifikant.

Im UK RF sind Personen im Alter von 14 bis 18 Jahren Minderjährige. Der Unterschied von einem Jahr zwischen einer minderjährigen Person und einem Teenager kann unter Umständen jedoch in zwischenmenschlichen Beziehungen und für die Fähigkeit, Konflikte zu lösen, von entscheidender Bedeutung sein.

Dennoch erscheinen die Altersgrenzen der Teenager vorzugswürdiger. So wird das Mindestalter der – verwaltungsstrafrechtlichen – Verantwortlichkeit für ordnungswidriges Verhalten, wie z.B. Propaganda unter Verwendung von NS-Gegenständen oder Verletzung der rechtlichen Regelungen für Anti-Terror-Operationen, auf 16 Jahre festgelegt, während die strafrechtliche Verantwortlichkeit für bestimmte schwere Straftaten, z.B. Mord, Vergewaltigung oder Terrorakte schon mit 14 Jahren möglich ist. Diese nicht nachvollziehbare Ungleichbehandlung sollte durch eine generelle Reduzierung des Mindestalters für die verwaltungsstrafrechtliche Verantwortlichkeit auf 14 Jahre beseitigt werden.

Jugendliche sind aus zahlreichen Gründen von besonderer Bedeutung für die Rechtsordnung:

1. Sie sind die Zukunft der Menschheit.
2. Ihr Verhalten wird auf das, was in der Zukunft geschehen könnte, also wie sie sich in der Zukunft verhalten werden, projiziert.
3. Sie sind emotional instabil und zugleich ungewöhnlich aufrichtig.
4. Der Mechanismus der Bildung ihrer Persönlichkeit ist zwar individuell, aber auch typisch für ein bestimmtes Alter.
5. Sie sind einerseits gütig, andererseits können sie aber auch grausam sein.
6. Sie sind die treibende Kraft ihrer Zeit.
7. Sie sind empfänglich für Manipulation.
8. Sie können nicht alle Konsequenzen ihres Handelns erkennen und bedenken.
9. Sie verfügen nicht über die erforderlichen juristischen Kenntnisse, obwohl sie einer Vielzahl von normativen Rechtsakten unterliegen.
10. Sie sind ein Produkt der Gesellschaft, stehen aber in Opposition zu dieser Gesellschaft; statt Analyse, Synthese und kritische Überprüfung der bisherigen menschlichen Erfahrung und Wirklichkeit, steht bei ihnen die Verwirklichung angeblich neuer Ideen im Vordergrund.

Heute haben sich Jugendliche verändert. Sie neigten immer dazu, ihr Leben, ihren Beruf und ihren Wohnort

zu ändern. Ihnen standen unerwartet nahezu unbegrenzte Möglichkeiten offen, sich fast alle - selbst ausgefallene - Wünsche zu erfüllen. Während dies früher durch einen Mangel an Geld, Material oder Zeit bzw. durch andere Einschränkungen behindert wurde, lassen sich heutzutage viele Ideen durch die digitale Technologie und globale Kommunikationsnetze mit minimalen Kosten und in sehr kurzer Zeit realisieren. Gleichzeitig hat sich die Welt um die Jugendlichen herum verändert. Sie ist weniger stabil geworden, aber informativer und offener. Technologische Veränderungen treten so schnell ein, dass futuristische Entwicklungen – kaum erdacht – bereits Realität geworden sind. Jugendliche passen sich am schnellsten solchen Veränderungen an. Aber diese Veränderungen, die in der Welt auftreten, sind leider nicht selten von massiver Gewalt und globaler Ungerechtigkeit begleitet. Große Ungerechtigkeiten treten sowohl auf der individuellen Ebene (finanzielle Ungleichheit, Unmöglichkeit, eine gute Arbeit oder eine hochwertige Gesundheitsversorgung zu erhalten) als auch auf der Ebene ganzer Völker und Länder (Krieg, Druck mächtiger Staaten auf die Wirtschaft schwächerer Staaten, Einwirkung auf die Rechte einiger Staaten ohne Berücksichtigung der Meinung anderer Staaten) auf. Die Jugendlichen erfahren bei dem Übergang in das Erwachsenenalter Gewalt und Ungerechtigkeit. Die daraus resultierende Ablehnung jeglicher Form von Ungerechtigkeit durch die große Mehrheit der Jugendlichen ist bekannt. Folglich wachsen sie unter dem Eindruck von Hass und Ungerechtigkeit auf. Diese Situation ist nicht nur für die Zukunft der Gesellschaft gefährlich, sondern auch für die psychische Gesundheit bestimmter Jugendlicher. Es ist zu befürchten, dass psychische Erkrankungen von Menschen von 20 bis 30 Jahren in den nächsten 10 Jahren auf der ganzen Welt zunehmen werden.

Moderne Jugendliche sind anders. Nicht nur Politiker und Soziologen, sondern auch Kriminologen und Vertreter anderer Rechtswissenschaften haben das noch nicht verstanden. Es ist aber bekannt, dass Jugendliche die zukünftige Kriminalitätswirklichkeit bestimmen. Darüber hinaus haben moderne Jugendliche auf das gesamte rechtliche Umfeld in naher Zukunft direkten Einfluss. Deshalb ist es notwendig, die Umstände zu berücksichtigen, die eine Veränderung des Verhaltens von Jugendlichen, einschließlich ihres kriminogenen Verhaltens bewirken können:

1. Die globale Organisation von Jugendlichen in der globalen Welt.

Kommunikationssysteme erlaubten ihnen, schnell und konzentriert massive illegale Handlungen zu begehen.

2. Wachstum der radikalsten Ansichten und Gefühle als Protest gegen die ungerechte Weltöffentlichkeit.

Es gibt keinen einzigen Feind, aber es existieren viele verschiedene Feinde.

Globalisierung, Finanzmonopole, politische Eliten, religiöser Extremismus, weltweite Migration und andere.

3. Die Entstehung neuer Arten von Kriminalität - Kriminalität aus Hass

Kriminalität aus Hass ist Prerogative der Jugendlichen. Kriminalität aus Hass umfasst die folgenden Arten:

3.1. Straftaten gegen Angehörige einer anderen Volksgruppe

3.2 Straftaten gegen bestimmte soziale Gruppen (Menschen mit Behinderungen, Patienten, Vertreter von sexuellen Minderheiten);

3.3. Straftaten gegen Migranten;

3.4. Straftaten gegen Angehörige einer anderen Religionsgruppe;

3.5. Mobbing.

Mobbing ist von besonderer Bedeutung. Das Phänomen Mobbing – Ausübung physischen und psychischen Terrors, in der Regel durch mehrere Jugendliche gegen einen einzelnen anderen – ist nicht neu, es hat aber inzwischen das Ausmaß einer „sozialen Epidemie“ angenommen. Mobbing wird von Belästigungen, körperlichen Misshandlungen des Opfers und Verbreitung kompromittierender (fiktiver oder wahrer, aber immer sehr intimer) Informationen in den Kommunikationsnetzen begleitet. Zunehmend endet das Mobbing mit dem Tod des Opfers als Folge von Schlägen oder durch Selbstmord des Opfers aufgrund der Verbreitung von diskreditierenden Informationen. Oft werden durch Mobbing schwere psychische und mentale Traumata verursacht, deren Heilung eine jahrelange Behandlung erfordert oder deren Heilung sogar unmöglich ist. Mobbing ist für die „Täter“ ebenfalls gefährlich. Sie erleiden ein nicht weniger ernstes psychologisches und geistiges Trauma und verwandeln sich unter Umständen in unverbesserliche Sadisten. Einige von ihnen machen die Verspottung anderer Menschen zu ihrem Lebensstil. Das Mobbing kann zum Tode des Täters selbst führen, wenn ein verzweifelter Opfer seinen Peiniger angreift.

Die Grausamkeit des Mobbings liegt in der Überzeugung der Teenager, dass seit frühem Alter darauf abgezielt wird, Personen in entgegengesetzte Kategorien einzuteilen. Die Überzeugung liegt in der Notwendigkeit des Antagonismus. Selbst dort, wo er nicht existiert, wird er künstlich eingepflanzt.

4. Manipulieren der Manipulatoren.

Diejenigen, die hinter den Straftaten der Teenager standen (in der Regel waren das die Erwachsenen, die kriminelle Erfahrung hatten), denken vielleicht auch heutzutage, dass sie die Jugendlichen lenken. In Wirklichkeit verfügen die Teenager über vollständigere Informationen als diese. Die Teenager lassen sich somit absichtlich anwerben, um eigene Ziele zu verfolgen, wovon die erwachsenen Straftäter keine Ahnung haben.

5. Neue Interessen des Einzelnen, die in die folgenden Unterarten unterteilt werden können:

5.1. Ökonomische Interessen, die auf eine Umverteilung der ökonomischen Einflussphären gerichtet sind (z.B. die Anti-Globalisierungsbewegung und die „grüne“ Bewegung);

5.2. Ideologische Interessen (Freiheit und Harmonie im Gegensatz zu Ungerechtigkeit und Auferlegung von Weltstandards);

5.3. Intellektuelle Piraterie;

5.4. Bitcoins und andere Arten alternativer elektronischer Währungen.

Zusammenfassend kann man sagen, dass sich heute die Kriminalität von Jugendlichen noch entwickelt. Wir kennen deren Struktur oder ihren Charakter nicht. Vermutlich wird eine Art Symbiose intellektuellen kriminellen Verhaltens mit Elementen der psychischen Gewalt am häufigsten sein, ohne den physischen Zwang auszuschließen.

Die Grundlage der Teenagerkriminalität wird die Wirtschaft sein. Genauso, wie die Wirtschaft heutzutage der Anti-Globalisierungsbewegung zugrunde liegt. Deswegen wird die Teenagerkriminalität eine direkte Wirkung auf die ganze Weltwirtschaft ausüben.

Das wird eine berechenbare und grausame Kriminalität. Es wird kein zusätzliches Blut fließen, aber das Blut, was fließen soll, wird unbedingt fließen.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

Понятовская Татьяна Григорьевна

Цель. Провести сравнительную характеристику советского и современного российского законодательства в области ответственности медицинских работников за неоказание помощи больному, обратить внимание на проблемы недостаточного законодательного регулирования данной сферы.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-правовой метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Автор делает вывод, что законодательной базой СССР более предметно регулировалась ответственность врачей за недобросовестное выполнение ими своих профессиональных функций, указывает на необходимость принятия новых норм.

Научная и практическая значимость. Важность научной статьи заключается в акцентировании внимания на беспомощности пациентов от некомпетентных действий врачей, и, практически, их полную вседозволенность в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, профессиональная деятельность, медицинский работник, ответственность, жизнь, здоровье.

Ранее в отечественном законодательстве неоказание помощи больному трактовалось как преступление, ставящее жизнь и здоровье в опасность. Тексты уголовных законов имели схожие конструкции. Основные составы были сформулированы как формальные: неявка без уважительной причины по вызову больного (ст. 1522 Уложения о наказаниях, далее – Уложения), неоказание помощи больному без уважительных причин (ст. 157 УК РСФСР 1926 г.; ч. 1 ст. 128 УК РСФСР 1960 г.). Квалифицированные составы этих преступлений имели конструкцию состава реальной опасности: знание субъекта об опасности своего бездействия для больного (ч. 2 ст. 1522 Уложения); отказ лица, занимающегося медицинской практикой, от оказания медицинской помощи, если таковой заведомо мог иметь опасные для больного последствия (ч. 2 ст. 157 УК РСФСР 1926 г.); если это деяние повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие для него последствия (ч. 2 ст. 128 УК РСФСР 1960 г.).

Уложение различало значение и правовые последствия предусмотренных в нем проступков и преступлений. Нормы об ответственности за

проступки против врачебных уставов и за преступления против жизни и здоровья частных лиц были связаны между собой. В уголовно-политическом контексте важно отметить, что оставшийся без медицинской помощи человек все-таки находился под вниманием государства, его правовой гарантией, независимо от последствий указанного проступка или преступления медицинского работника.

УК РСФСР не отличались тщательностью правовой регламентации охраны здоровья граждан, но уголовно-правовую гарантию этой охраны все-таки давали. Конструкции составов неоказания помощи больному обеспечивали охрану здоровья как от поставления его в опасность, так и от причинения вреда лицом, обязанным оказывать медицинскую помощь по закону.

По УК РФ для наказуемости неоказания помощи больному требуется наступление последствий – причинение вреда здоровью средней тяжести, в худшем случае – смерти или тяжкого вреда здоровью. Это служит поводом задуматься, не повысил ли УК РФ порог наказуемости недобросовестного отношения медицинских работ-

ников к своим обязанностям по охране здоровья человека? По существу, это вопрос о наличии пробела в государственном гарантировании человеку охраны его здоровья и, следовательно, пробела в его уголовно-правовой охране. Об отсутствии такого пробела может свидетельствовать нормативное регулирование ответственности медицинских работников за неоказание помощи больному, не повлекшее указанных в ст. 124 УК РФ последствий. Но так ли это?

Согласно ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016 г. // СЗ РФ. 2011. № 48, Ст. 672⁴) за нарушение требований недопустимости отказа в оказании медицинской помощи медицинские организации и медицинские работники несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. Однако адрес этой ответственности — ст. 124 УК РФ. Круг замкнулся на последствиях неоказания помощи больному (как минимум, средней тяжести вреда здоровью). В гл. 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» отсутствуют нормы об ответственности медицинского работника (или медицинской организации) за неоказание помощи больному. Декларированная в ст. 11 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обязанность медицинских организаций и медицинских работников по оказанию помощи лицу, нуждающемуся в ней, на практике не подкреплена никакой юридической ответственностью (кроме ст. 124 УК РФ).

Предположим, что в административном контексте мерами государственного реагирования на такое неисполнение предусмотренной регулятивным законом обязанности могли бы быть, например, предупреждение, административный штраф, дисквалификация медицинского работника. Однако в действующем КоАП РФ не упоминается правонарушение, за которое могло бы быть предусмотрено любое из перечисленных административных наказаний.

Формальный состав неоказания помощи больному трактовался в Уложении как проступок, состав реальной опасности — как преступление, а наступление опасных последствий (причинения смерти или вреда здоровью) — как виновное их причинение. По уголовным кодексам РСФСР неоказание помощи больному без последствий для его здоровья расценивалось законодателем как преступление, ставящее жизнь и здоровье человека в опасность (не представляющее большой общественной опасности). Санкции за то же преступление, но повлекшее последствия или реальную опасность их наступления, были более строгими. Во всех перечисленных случаях законодатель дифференцировал уголовно-правовое значение неоказания помощи больному, обращая уголовную ответственность на все случаи неисполнения медицинским работником своей обязанности по оказанию помощи больному.

По действующему УК РФ, для получения государственной защиты своего права на жизнь и здоровье человек, заведомо оставленный без медицинской помощи, должен дожидаться только реального вреда своему здоровью (как минимум средней тяжести), а то и смерти.

STRAFBARKEIT DER VERWEIGERUNG MEDIZINISCHER HILFE GEGENÜBER EINEM PATIENTEN

Die Verweigerung medizinischer Hilfe gegenüber einem Patienten war in den Vorläufergesetzen des Strafkodexes der Russischen Föderation mit Strafe bedroht, unabhängig davon, ob dadurch das Leben oder die Gesundheit des Patienten gefährdet wurde. Diese Gesetzestexte waren ähnlich ausgestaltet. Die Grunddelikte enthielten bestimmte objektive Voraussetzungen: Fehlende Hilfeleistung (Nichterscheinen) ohne trifti-

gen Grund, obwohl der Patient den Arzt gerufen hatte (Art. 1522 Ulozhenie) bzw. Verweigerung der medizinischen Hilfe ohne Grund (Art. 157 UK RSFSR von 1926, Art. 128 Abs. 1 UK RSFSR vom 1960). Qualifikationen dieser Straftatbestände bestanden, wenn eine konkrete Gefahr für den Patienten hinzutrat: der Täter hatte Kenntnis von der aus seiner Untätigkeit resultierenden Gefahr für den Patienten (Art. 1522 Abs.

2 Ulozhenie), eine Person, die eine medizinische Praxis ausübte, dem Patienten medizinische Hilfe in Kenntnis der Gefahren für den Patienten verweigerte (Art. 157 Abs. 2 UK RSFSR von 1926) bzw. wenn diese Handlung den Tod des Patienten oder andere schwerwiegende Folgen für ihn nach sich zog oder der Täter mit dem Wissen handelte, dass eine solche Folge eintreten kann (Art. 128 Abs. 2 UK RSFSR von 1960).

Ulozhenie enthielt also differenzierte Regelungen über die Strafen nach der Bedeutung und den Rechtsfolgen der Tat. Die Straftatbestände gegen die Verletzung medizinischer Vorschriften und die Tatbestände zum Schutz von Leben und Gesundheit wurden miteinander verknüpft. Aus kriminalpolitischer Sicht ist anzumerken, dass die Person, der die medizinische Hilfe verweigert wurde, durch das Strafrecht auch dann geschützt wurde, wenn keine Beeinträchtigungen der Gesundheit oder des Lebens des Patienten eintraten.

Die Strafkodexe der RSFSR zeichneten sich zwar nicht durch eine besondere Sorgfalt bei der gesetzlichen Ausgestaltung des Schutzes der öffentlichen Gesundheit aus, der Schutz vor einer Verweigerung medizinischer Hilfe war aber gewährleistet. Durch die Strafandrohung wegen der Verweigerung medizinischer Hilfe wurde der Patient vor Gefahren für seine Gesundheit bzw. deren Verletzung geschützt.

Der geltende Strafkodex erfordert für die Strafbarkeit der Verweigerung medizinischer Hilfe gegenüber einem Patienten entweder die fahrlässige Herbeiführung einer Gesundheitsschädigung von durchschnittlicher Schwere (Abs. 1 Art. 124 UK RF) oder die fahrlässige Herbeiführung einer schweren Gesundheitsschädigung oder Todes. *Das scheint dafür zu sprechen, dass der UK RF die Schwelle für die Bestrafung von Pflichtverletzungen durch medizinisches Personal gegenüber den Patienten angehoben hat.* Es könnte sich um eine Lücke in dem strafrechtlichen Schutz der Gesundheit handeln.

Für das Fehlen einer solchen Lücke kann eine normative Regelung der Verantwortlichkeit von medizinischem Personal, das den Patienten nicht die erforderliche Hilfe leistet, ohne dass die Voraussetzungen des Art. 124 UK RF gegeben sind, sprechen.

Gemäß Art. 11 Abs. 3 des Föderalen Gesetzes „Über die Grundlagen des Schutzes der öffentlichen Gesundheit in der Russischen Föderation“ (*Bundesgesetz Nr. 323-FZ vom 21.11.2011 (in der Fassung vom 03.07.1.2016)* „Über die Grundlagen des Schutzes der Gesundheit der Bürger in der Russischen Föderation“ // *Gesammelte Gesetzgebung der Russischen Föderation. 2011. Nr. 48, S. 6724*) sind die medizinischen Organisationen und das medizinische Personal für die unzulässige Verweigerung medizinischer Hilfe nach Maßgabe der gesetzlichen Regelungen verantwortlich.

Als einzige einschlägige gesetzliche Regelung ist in unserem Zusammenhang Art. 124 UK RF zu nennen. Der Tatbestand setzt aber – wie dargelegt – voraus, dass die Verweigerung der medizinischen Hilfe eine der dort genannten Folgen (zumindest einen durchschnittlich schweren Gesundheitsschaden) herbeiführt. Kapitel 6 des Verwaltungsstrafgesetzes (Ordnungswidrigkeitengesetz) (Schutz der Gesundheit, der Hygiene, vor Verbreitung von Krankheiten, des Wohlergehens der Bevölkerung und der öffentlichen Moral) enthält keine Bestimmungen über die verwaltungsstrafrechtliche (ordnungswidrigkeitenrechtliche) Verantwortlichkeit für die Fälle der Verweigerung der medizinischen Hilfe gegenüber Patienten. Art. 11 des Gesetzes „Über die Grundlage des Schutzes der öffentlichen Gesundheit in der Russischen Föderation“ erklärt ausdrücklich, dass *die Pflicht der medizinischen Einrichtungen und des medizinischen Personals, einer Person medizinische Hilfe zu gewähren, durch keine gesetzliche Haftung gesichert wird (mit Ausnahme von Art. 124 UK RF).*

Im Rahmen eines Verwaltungskontextes könnte als staatliche Reaktion auf diese Unterlassung vorgesehener Verpflichtungen eine „Abmahnung“, Geldbuße, Tätigkeitsverbot verankert werden. In der derzeitigen Fassung des Verwaltungsstrafgesetzes (Ordnungswidrigkeitengesetz) der Russischen Föderation gibt es keine vergleichbare Regelung, nach der eine der oben genannten Verwaltungsstrafen angeordnet werden kann.

Die Verweigerung der medizinischen Hilfe gegenüber einem Patienten wurde im Ulozhenie als Vergehen behandelt. Trat die konkrete Gefahr schwerer Folgen hinzu (Tod oder Gesundheitsschädigung), wurde der Täter, der sie herbeiführte, wegen eines Verbrechens bestraft. Nach dem Strafgesetzbuch der RSFSR wurde die Verweigerung medizinischer Hilfe gegenüber einem Patienten ohne Folgen für seine Gesundheit als ein Verbrechen eingestuft, das keine große gesellschaftliche Gefährlichkeit darstellte. Das gleiche Verbrechen, das Folgen für die Gesundheit oder eine konkrete Gesundheitsgefahr herbeiführte, war ebenfalls als Verbrechen mit geringerer gesellschaftliche Gefährlichkeit ausgestaltet, jedoch mit schwererer Strafe bedroht. In all diesen Fällen differenzierte *der Gesetzgeber nach der strafrechtlichen Bedeutung der Verweigerung der medizinischen Hilfe gegenüber dem Patienten, kriminalisierte aber alle Fälle der Verweigerung der Hilfe durch medizinisches Personal.*

Nach dem derzeit geltenden UK RF wird das Recht auf Schutz des Lebens und der Gesundheit einer Person, der wissentlich die ärztliche Hilfe vorenthalten wird, dagegen erst durch das Strafrecht gewährt, wenn ein Schaden für ihre Gesundheit (zumindest von durchschnittlicher Schwere) oder sogar ihr Tod eingetreten ist.

РАЗВИТИЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В РОССИИ

Рарог Алексей Иванович

Цель. Проследить развитие уголовно-правовых норм в области фармацевтического права, дать характеристику содержащимся в УК РФ нормам.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-правовой метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Существующие в гл. 25 УК РФ нормы расцениваются автором как основы фармацевтического права в действующем УК РФ и должны быть помещены в самостоятельный раздел данной главы «Нарушение медицинских запретов».

Научная и практическая значимость. Важность научной статьи заключается в формировании единого научного взгляда на основы фармацевтического права РФ, обобщения разрозненных, содержащихся в УК РФ, норм.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное фармацевтика, медицина, антидопинговое законодательство, производство.

В советских уголовных кодексах не было норм об ответственности за некачественное медицинское, в том числе за фармацевтическое обслуживание населения. Впервые такие нормы появились только в УК РФ 1996 г. Зачатками российского фармацевтического уголовного права первоначально служили ст. 235 УК РФ «Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью» и в определенной степени ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности».

Однако названные нормы страдали целым рядом недостатков. Отмечая их, автор этих строк предлагал их новые редакции (См.: Рарог А., Хельманн У., Головенков П. *Ответственность врачей за профессиональную недобросовестность по уголовному законодательству России и фармацевтическое уголовное право Германии // The sixth session of the international forum of crime and criminal law in the global era. Paper Collection. 2014. 10.25–28. Beijing, 2014.*) и 238 УК РФ (Рарог А.И., Хельманн У., Головенков П.В. *Фармацевтическое уголовное право*

Германии и России // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1 (9). С. 156–177.

31 декабря 2014 г. УК РФ был дополнен ст. 235¹, 238¹ и 327².

В ст. 235¹ законодатель установил уголовную ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (наказание — до пяти лет лишения свободы). В соответствии с этой нормой уголовно наказуемым признается производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) является обязательным (обязательной).

Новым элементом основ российского фармацевтического уголовного права стала также ст. 238¹, криминализировавшая незаконное обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, а также оборот фальсифицированных биологически активных добавок. За это деяние предусмотрено наказание от трех до пяти лет, а при отягчающих обстоятельствах (совершение группой лиц либо причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти человека) — до восьми

лет лишения свободы. А если деянием по неосторожности причинена смерть двух и более лиц, наказание усиливается до 12 лет лишения свободы.

К элементам фундамента фармацевтического уголовного права можно отнести и ст. 327², в которой установлена ответственность за подделку документов на лекарственные средства или медицинские изделия. Предметом этого преступления могут выступать: 1) документы на лекарственные средства или на медицинские изделия (регистрационные удостоверения, сертификаты или декларации о соответствии, инструкции по применению лекарственного препарата; нормативная, техническая или эксплуатационная документация производителя (изготовителя) медицинского изделия; 2) первичная упаковка и (или) вторичная (потребительская) упаковка лекарственного препарата.

22 ноября 2016 г. УК РФ полнился двумя «антидопинговыми» нормами. Так, ст. 230¹ установлена уголовная ответственность тренеров, специалистов по спортивной медицине и других специалистов в области физической культуры и спорта за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (перечень таких субстанций и методов готовится Министерством здравоохранения РФ и утверждается Правительством РФ).

Под склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, понимаются любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов (примечание 1 к ст. 230¹).

За данное деяние (при условии, что допинги не относятся к наркотическим средствам или психотропным веществам) предусмотрено наказание

в виде ограничения свободы на срок до одного года с лишением права заниматься соответствующей деятельностью на срок до трех лет.

При отягчающих обстоятельствах — совершение деяния группой лиц, в отношении двух или более спортсменов или в отношении несовершеннолетнего, либо с применением шантажа, насилия или угрозы его применения — наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок до одного года с лишением права заниматься соответствующей деятельностью на срок до четырех лет. Если же деяние повлекло по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия, то за его совершение может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением права заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

В соответствии со ст. 230² уголовно наказуемым является использование теми же, что и в ст. 230¹, специалистами в отношении спортсмена независимо от его согласия соответствующих субстанций и (или) методов, за исключением случаев, когда в соответствии с законодательством РФ их использование не является нарушением антидопингового правила. В данной норме в отличие от ст. 230¹ речь идет о применении допингов (или методов спортивной подготовки) не самим спортсменом, а его тренером, врачом, массажистом и т.д. либо с согласия спортсмена, либо без его согласия и даже введомо. Наказание за данное преступление — до одного года лишения свободы, а если оно повлекло по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия, — до трех лет лишения свободы с лишением права заниматься соответствующей деятельностью на срок до пяти лет.

Представляется, что ст. 230¹, 230², 235, 235¹, 238, 238¹ и 327² УК РФ могут характеризоваться как основы фармацевтического уголовного права России. Их следовало бы поместить в самостоятельный раздел главы о преступлениях против здоровья населения и назвать его «Нарушение медицинских запретов».

ENTWICKLUNG DES ARZNEIMITTELSTRAFRECHTS IN RUSSLAND

Im sowjetischen Strafrecht existierten keine Straftatbestände wegen der Verletzung der Anforderungen an medizinische, einschließlich pharmazeutische Dienst-

leistungen für die Bevölkerung. Erste Regelungen führte der Strafkodex der Russischen Föderation (UK RF) im Jahr 1996 ein. Ausgangspunkte des russischen Arznei-

mittelstrafrechts waren ursprünglich Art. 235 UK RF – „illegale Ausübung einer privaten medizinischen Praxis oder privater pharmazeutischer Tätigkeiten“ – und in gewissem Maße auch Art. 238 UK RF – „Produktion, Lagerung, Transport oder Verkauf von Waren und Produkten, Ausführung von Arbeiten und Erbringung von Dienstleistungen, die nicht die Sicherheitsanforderungen erfüllen“ –, weil der Tatbestand Arzneimittel umfasst. Diese Straftatbestände weisen jedoch eine Reihe von Mängeln und Lücken auf. Um diese zu beseitigen, schlug der Autor dieses Beitrags neue Formulierungen der Art. 235, 238 UK RF vor.

Am 31. Dezember 2014 wurde der UK RF durch die Art. 235.1, 238.1 und 327.2 ergänzt. Art. 235.1 bedroht die illegale Herstellung von Arzneimitteln und Medizinprodukten mit einer Freiheitsstrafe von bis zu fünf Jahren. Strafbar ist danach die Herstellung von Arzneimitteln oder Medizinprodukten ohne die erforderliche Genehmigung (Lizenz), wenn eine solche Genehmigung (Lizenz) verpflichtend vorgeschrieben ist. Eine weitere Neuregelung der Grundlagen des russischen Arzneimittelstrafrechts ist in Art. 238.1 UK RF zu finden, der die illegale Verbreitung gefälschter, minderwertiger und nicht registrierter Arzneimittel und Medizinprodukte sowie die Verbreitung gefälschter Nahrungsergänzungsmittel unter Strafe stellt. Diese Handlungen sind mit Freiheitsstrafe von bis zu zwei Jahren bedroht. Unter erschwerenden Umständen (Begehung durch eine Gruppe von Personen oder fahrlässige Verursachung einer schweren Körperverletzung oder des Todes) ist Freiheitsstrafe bis zu sechs Jahren möglich; wird der Tod von zwei oder mehr Personen durch Fahrlässigkeit verursacht, ist die Obergrenze des Strafrahmens auf zehn Jahre Freiheitsstrafe erhöht.

Zum Arzneimittelstrafrecht gehört auch Art. 327.2 UK RF, der die Strafbarkeit der Fälschung von Dokumenten über Arzneimittel oder Medizinprodukte anordnet. Der Tatbestand erfasst 1) Dokumente über Arzneimittel oder Medizinprodukte (Zulassungsbescheinigungen, Bescheinigungen oder Konformitätserklärungen über die Einhaltung der Arzneimittelvorschriften) sowie die regulatorische, technische oder betriebliche Dokumentation des Herstellers eines Medizinprodukts, und 2) die Primärverpackung und die sekundäre (Verbraucher-) Verpackung des Arzneimittels.

Am 22. November 2016 wurden in den UK RF zwei „Anti-Doping“-Tatbestände eingefügt. Art. 230.1 betrifft die Strafbarkeit von Trainern, Sportmedizinern und anderen Fachleuten auf dem Gebiet der körperlichen Ertüchtigung und des Sports wegen der Veranlassung der Verwendung von Substanzen und (oder) Methoden, die in dem Katalog der verbotenen Stoffe und Verfahren, der von dem Ministerium für Gesundheit unter Zustimmung der Regierung der Russischen Föderation erlassen

worden ist, aufgeführt sind. Unter der Veranlassung der Verwendung von Substanzen und (oder) Methoden, deren Benutzung im Sport verboten sind, versteht man beliebige vorsätzliche Handlungen, die dazu beitragen, dass ein Sportler verbotene Substanzen und (oder) verbotene Methoden benutzt. Dies umfasst die Förderung des Einsatzes verbotener Substanzen durch Täuschung, Überzeugung, Anleitung, Vorschläge, Bereitstellung von Informationen oder verbotenen Substanzen und (oder) verbotener Methoden, Beseitigung von Hindernissen, die der Benutzung verbotener Substanzen oder Methoden (Anmerkung 1 zu Art. 230.1 UK RF) entgegenstehen. Der Straftatbestand (unter Bedingung, dass Doping nicht zu Betäubungsmitteln oder psychotropen Substanzen gehört) ist mit einer Freiheitsbegrenzung bis zu einem Jahr und mit dem Entzug des Rechts auf Ausübung einer Tätigkeit als Trainer, Sportmediziner oder Sportfachmann für bis zu 3 Jahren bedroht. Unter erschwerenden Umständen (Begehung der Tat durch eine Gruppe von Personen, in Bezug auf zwei oder mehr Personen oder gegen einen Minderjährigen oder unter Verwendung von Nötigung, Gewalt oder Drohung ihrer Anwendung) können eine Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr und Entzug des Rechts auf Ausübung einer entsprechenden Tätigkeit für bis zu 4 Jahren verhängt werden. Bei fahrlässiger Herbeiführung des Todes des Athleten oder einer anderen schwerwiegenden Folge beträgt die Strafe Freiheitsstrafe bis zu drei Jahre und Entzug des Rechts auf Tätigkeit im sportlichen Bereich für bis zu fünf Jahre.

Nach Art. 230.2 UK RF ist die Verabreichung der entsprechenden Substanzen oder die Anwendung von Methoden vom gleichen wie in Art. 230.1 erfassten Personenkreis in Bezug auf Sportler unabhängig von dessen Zustimmung strafbar, es sei denn, die Verwendung verstößt nicht gegen Anti-Doping-Regeln. Im Gegensatz zu Art. 230.1 UK RF erfasst der Tatbestand die Fälle, in denen nicht der Athlet selbst, sondern sein Trainer, Arzt, Masseur usw. das Dopingmittel oder die verbotene Methode des Sporttrainings anwendet, und zwar unabhängig davon, ob dies mit oder ohne Kenntnis oder Zustimmung des Athleten erfolgt. Die Tat ist mit Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr bedroht. Im Falle der fahrlässigen Herbeiführung des Todes des Sportlers oder einer anderen schweren Folge können eine Freiheitsstrafe bis zu drei Jahren und der Entzug des Rechts auf Ausübung einer entsprechenden Tätigkeit bis zu fünf Jahren verhängt werden.

Da die Art. 230.1, 230.2, 235, 238, 238.1 und 327.2 UK RF die Grundlagen des Arzneimittelstrafrechts der Russischen Föderation bilden, sollten sie in einen eigenen Abschnitt des Kapitels über Straftaten gegen die Gesundheit der Bevölkerung unter der Bezeichnung „Verletzung medizinischer Verbote“ eingestellt werden.

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Редникова Татьяна Владимировна

Цель: провести сравнительно-правовой анализ административного и уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконную охоту.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Отграничение незаконной охоты как уголовного преступления от административного правонарушения в данной сфере представляет наибольшую сложность на практике, поскольку нередко грань между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением размыта. Это порождает определенные трудности при квалификации действий виновного лица. На применение административной либо уголовной ответственности влияют, в первую очередь, признаки объективной стороны, такие как место, время, способы, орудия и средства совершения правонарушения. Отмечается также, что критерии определения крупного ущерба для целей ст. 258 УК РФ действующим законодательством РФ не установлены, что существенно затрудняет применение норм данной статьи. Кроме того, отсутствуют четкие законодательно закрепленные критерии оценки экологической ценности незаконно добытой особи определенного вида, а также ее значимости для конкретного места обитания.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию отечественного законодательства в сфере уголовной и административной ответственности за незаконную охоту. Автор предлагает на законодательном уровне закрепить методику исчисления крупного ущерба, исходя из стоимости и значимости незаконно добытых охотничьих ресурсов. Это будет способствовать вынесению объективных решений по указанной категории дел, а также повышению превентивной роли как административного, так и уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: незаконная охота, природопользование, экологические преступления, охотничьи ресурсы, охрана окружающей среды.

Уголовно-правовые и административно-правовые запреты являются одним из действенных инструментов, используемых для охраны окружающей среды в целом и животного мира как одного из ее компонентов от незаконных посягательств. Эффективное их применение служит целям сохранения биологического разнообразия для будущих поколений граждан нашей страны. При этом охотничье природопользование должно осуществляться рационально с соблюдением установленного законом порядка эксплуатации ресурсов и проведения мероприятий по их охране и воспроизводству.

Основным нормативным актом, регламентирующим порядок осуществления охоты в Российской Федерации, является Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 37–35), согласно которому к охотничьим ресурсам в России отнесены 80 видов млекопитающих и 148 видов птиц.

В соответствии со ст. 1 данного Закона под охотой понимается поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка.

Незаконной является охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе охота без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков ее осуществления и др. За незаконную охоту предусмотрена как административно-правовая (ст. 8.37 КоАП РФ), так и уголовная ответственность за наиболее общественно опасные ее формы (ст. 258 УК РФ).

Незаконная охота стабильно занимает третье место среди всех экологических преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ (после незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260) и незаконной добычи водных биологических ресурсов (ст. 256)). Так, согласно данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году» (к сожалению, раздел, посвященный статистике экологических преступлений, исключен из аналогичного доклада за 2016 г.), в 2015 г. зарегистрировано 1928 преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ – 19,4% больше по сравнению с 2014 г. При этом удельный вес незаконной охоты в общем числе зарегистрированных в 2015 г. экологических преступлений составил 7,8% (преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, – 57,1%, ст. 256 УК РФ – 25,3 %). Согласно данным Доклада, количество протоколов об административных правонарушениях по ст. 8.37 КоАП РФ, направленных для рассмотрения в соответствии с компетенцией по территории, в 2015 г. составило 5739. Такие довольно низкие показатели объясняются высокой латентностью незаконной охоты в первую очередь в связи с низкой численностью сотрудников региональных подразделений Госохотнадзора.

Вопросы, связанные с отграничением незаконной охоты как преступления от административного проступка, в судебно-следственной практике приходится решать постоянно. Разграничение незаконной охоты как административного правонарушения и как уголовно наказуемого деяния вызывает наибольшую сложность, так как на практике нередко грань между ними размыта, чем обусловлены трудности при квалификации действий виновного лица.

При решении вопроса о применении административной или уголовной ответственности в первую очередь должны учитываться признаки объективной стороны, такие как место, время, способы, орудия и средства совершения правонарушения.

В абз. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственно-

сти за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12*) указывается, что незаконной является охота с нарушением требований законодательства об охоте, в том числе без соответствующего разрешения на добычу охотничьих ресурсов, вне отведенных мест, вне сроков осуществления охоты и др. Такие действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ, если не содержат признаков преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ. Согласно п. 14 указанного постановления, разграничение незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ) осуществляется по таким признакам, как причинение крупного ущерба, применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, совершение деяния в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, либо на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. В п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконную охоту, если это деяние совершено с причинением крупного ущерба. Причиненный ущерб считается крупным, исходя не только из количества и стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных, но и иных обстоятельств содеянного, в частности экологической ценности, значимости для конкретного места обитания, численности популяции этих животных. Например, крупным является ущерб, причиненный отстрелом лося, благородного оленя (марала, изюбря), овцебыка, бурого и белогрудого (гималайского) медведя.

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ указывает на необходимость комплексной оценки причиненного ущерба, включающей различные факторы (экологическая ценность, значимость для конкретного места обитания, численность популяции), а не только стоимостный и количественный показатели.

Отметим, что критерии определения крупного ущерба для целей ст. 258 УК РФ действующим законодательством РФ не установлены. Данный пробел существенно затрудняет применение норм статьи на практике.

Другим обстоятельством, затрудняющим вынесение решения о разграничении административной и уголовной ответственности, является отсутствие четких законодательно закрепленных критериев оценки экологической ценности незаконно добытой особи определенного вида, а так-

же ее значимости для конкретного места обитания. Это вызывает необходимость привлечения для проведения такой оценки соответствующих экспертов в области охраны окружающей среды, работа которых также затруднена из-за отсутствия четких законодательно закрепленных критериев.

В заключение необходимо сказать, что отсутствие единого подхода к определению размера крупного ущерба для целей ст. 258 УК РФ является

нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Учитывая это, необходимо на законодательном уровне закрепить конкретную исчисления крупного ущерба исходя из стоимости и значимости незаконно добытых охотничьих ресурсов, что будет способствовать вынесению объективных судебных решений по указанной категории повышению превентивной роли как административного, так и уголовного законодательства в данной сфере.

ABGRENZUNG DER STRAFRECHTLICHEN UND VERWALTUNGSSTRAFRECHTLICHEN VERANTWORTUNG FÜR UNRECHTMÄSSIGE JAGD

Die Jagd ist eine der traditionellen Aktivitäten der Bevölkerung der Russischen Föderation, die sowohl der Freizeit als auch zur Gewinnung von materiellen Gütern dient. Gleichzeitig war und bleibt die Jagd das einzige Mittel, um die Zahl der Wildtiere zu regulieren. Es soll beachtet werden, dass, um die biologische Vielfalt im Ganzen und ausgeglichenen Wildbestand zu bewahren, der jagdliche Naturverbrauch im Rahmen des nachhaltigen Naturverbrauchs durchgeführt werden sollte, vorausgesetzt die natürliche Ressourcennutzung entspricht der Rechtsordnung, den Maßnahmen für ihren Schutz und Fortpflanzung.

Die wichtigste Rechtsvorschrift, die das Jagdwesen in der RF regelt, ist das Föderale Gesetz vom 24. Juli 2009 Nr. 209-FG „Über die Jagd und die Bewahrung des Wildbestandes und über die Änderung bestimmter Gesetzgebungsakte der Russischen Föderation“ (im Folgenden: Jagdgesetz), nach diesem werden 80 Arten von Säugetieren und 148 Vogelarten in Russland als Jagdwild klassifiziert.

Unter Jagd versteht man laut den Bestimmungen des Artikels 1 des Jagdgesetzes die Suche, das Aufspüren, das Verfolgen des Jagdwildes, ihre Gewinnung, die primäre Verarbeitung und den Transport.

Unter unrechtmäßiger Jagd versteht man jene Jagd, die gegen die Jagdgesetze verstößt bzw. die Jagd ohne entsprechende Erlaubnis, außerhalb der ausgewiesenen Gebiete, außerhalb der Jagdzeiten usw. In der aktuellen Gesetzgebung der RF ist für diese Straftat sowohl die verwaltungsstrafrechtliche (Artikel 8.37 Verwaltungskodex der RF) als auch strafrechtliche Verantwortung für die gefährlichsten Formen

der illegalen Jagd (Artikel 258 des Strafkodex der RF) vorgesehen.

Illegale Jagd steht dauerhaft auf dem dritten Rang unter Öko-Straftaten, die im Kapitel 26 des Strafkodex (nach illegaler Abholzung nach Waldplantag (Art. 260 des Strafkodex) und der illegalen Entnahme von Wasser biologischer Ressourcen (Art. 256 des Strafkodex)) vorgesehen sind. Gemäß des Staatsberichts „Über den Zustand und den Schutz der Umgebung der Russischen Föderation im Jahre 2015“ wurden für den Berichtszeitraum 1.928 Straftaten registriert, 19,4% mehr als im Jahr 2014. So im Jahr 2015: 7,8% der festgestellten Öko-Straftaten sind unrechtmäßige Jagden Artikel 258 des Strafkodex; (82,4% der Öko-Straftaten entfielen auf die in Art. 256 und 260 des Strafkodex der RF geregelten Straftatbestände). Nach Angaben der Staatsanwaltschaft sind im Jahr 2015 5.739 Protokolle über Verwaltungsstraftaten nach Art. 8.37 für die Prüfung in Übereinstimmung mit der Gesetzgebung des Gebiets weitergeleitet worden. Diese geringe Anzahl liegt an der hohen Latenz dieser Art von Straftaten und Verwaltungsstraftaten (Ordnungswidrigkeiten), die ihrerseits in erster Linie auf der geringeren Zahl der Mitarbeiter des regionalen Büros des Komitees für Schutz, Benutzung und Reproduktion der Objekte der tierischen Welt (Gosohotnadzor) beruhen.

In der Ermittlungspraxis setzt man sich ständig mit den Fragen der Abgrenzung einer Straftat von einer Verwaltungsstraftat (Ordnungswidrigkeit) auseinander. Die Abgrenzung der unrechtmäßigen Jagd von einer Verwaltungsstraftat (Ordnungswidrigkeit) in diesem Bereich ist am schwierigsten, weil in der praktischen

Umsetzung oft die Grenze zwischen einer Straftat und einer Verwaltungsstraftat (Ordnungswidrigkeit) verschwimmt, was zu bestimmten Schwierigkeiten bei der Qualifizierung der Handlungen des Beschuldigten führt. Die Abgrenzung von verwaltungsstrafrechtlicher und strafrechtlicher Verantwortlichkeit wird in erster Linie anhand objektiver Merkmale vorgenommen, wie Ort, Zeit, Methode, Art und Weise der Begehung der Straftat.

Die Erläuterung des Plenums des Obersten Gerichts vom 18. Oktober 2012 № 21 „Über die Anwendung von Gerichten der Gesetzgebung im Bereich des Umwelt- und Naturverbrauchsschutzes“ in Abs. 2, Punkt 8 bestimmt, dass unter unrechtmäßiger Jagd eine gesetzeswidrige Jagd ohne die entsprechende Erlaubnis für die Gewinnung von Jagdwild, außerhalb ausgewiesener Gebiete, außerhalb der Jagdzeit und andere Handlungen verstanden wird. Solche Handlungen werden der Art. 8.37 Abs. 1 des Verwaltungsstrafkodex der RF zugeordnet, für den Fall, dass sie keine Tatbestandmerkmale einer Straftat gemäß Art. 258 des Strafkodex enthalten. Laut Punkt 14 der vorhergenannten Erläuterung des Obersten Gerichts der RF, wird die Abgrenzung zwischen rechtswidriger Jagd (Art. 258 Strafkodex der RF) und Verstoß gegen Jagdvorschriften (Art. 8.37 Abs. 1 Verwaltungsstrafkodex) anhand solcher Merkmale durchgeführt, wie beispielsweise die Größe der Schadenzufügung, Benutzung eines mechanischen Kraftfahrzeugs oder Flugzeuges, von Sprengstoff, Gas oder anderen Mitteln zur/der Massenvernichtung von Vögeln und anderen Tieren, auf die die Jagd an sich verboten ist, oder auf Naturschutzgebiete, in Umweltkatastrophengebieten oder in einer ökologischen Notsituation. Punkt „a“ in Art. 258.1 des Strafkodex sieht eine Verantwortung für die rechtswidrige Jagd vor, wenn diese Handlung einen großen Schaden verursacht.

Gemäß Punkt 9 der o. g. Erläuterung des Plenums des Obersten Gerichts der RF, ist eine Verantwortung für die rechtswidrige Jagd nach Punkt „a“ des Art. 258.1 des Strafkodex nur bei der Verursachung großen Schadens vorgesehen. Ein durch rechtswidrige Jagd verursachter Schaden ist nicht allein wegen der Anzahl und des Werts der gejagten, verletzten und ver-

nichteten Tiere als groß anzusehen, sondern kann auch aufgrund der Umstände der Straftat, insbesondere des ökologischen Werts, der Relevanz für ein bestimmtes Naturgebiet oder die Populationsanzahl als solcher qualifiziert werden. Zu einem großen Schaden gehören z.B. Eich-, Edelhirsch- (Maral, Isubrahirsch), Bismochs-, Braunbär-, oder Kragenbärabschuss.

So weist das Plenum des Obersten Gerichts der RF auf die Notwendigkeit einer komplexen Bewertung des verursachten Schadens hin, einschließlich verschiedener Faktoren wie Umweltwert, Bedeutung für ein bestimmtes Naturgebiet, Populationsanzahl. Eine Einordnung anhand rein preis- und mengenbasierter Werte reicht danach nicht aus.

Es sollte insbesondere darauf hingewiesen werden, dass die Kriterien für die Bestimmung von Großschäden im Sinne von Art. 258 des Strafkodex durch die aktuelle Gesetzgebung der RF nicht vorgegeben sind. Diese Lücke in der Gesetzgebung verkompliziert die praktische Anwendung des Gesetzes erheblich.

Eine weitere Tatsache, die die Entscheidung über die Abgrenzung der verwaltungsstrafrechtlichen und strafrechtlichen Verantwortung erschwert, ist ein Mangel an klaren gesetzlichen Kriterien für die Bewertung des ökologischen Wertes von illegal geschossenen Tieren bestimmter Art sowie ihre Relevanz für ein bestimmtes Naturgebiet. Dies erfordert, dass die Strafverfolgungsbehörden eine solche Prüfung von entsprechenden Experten auf dem Gebiet des Umweltschutzes durchführen lassen, diese wiederum benötigen gesetzlich festgelegte und klare Kriterien.

Abschließend ist anzumerken, dass das Fehlen eines einheitlichen Vorgehens zur Bestimmung der Größe eines Großschadens im Sinne von Art. 258 des Strafkodex den verfassungsmäßigen Grundsatz der Gleichheit von allen vor dem Gesetz und vor Gericht verletzt. Es ist auf der legislativen Ebene notwendig, eine spezifische Methode zur Berechnung von einem großen Schaden basierend auf dem Wert und der Bedeutung von illegal gefangenem Jagdwild zu entwickeln, die objektivere Entscheidungen erlauben würde, sowie die präventive Rolle verwaltungsstrafrechtlicher und strafrechtlicher Rechtsvorschriften in diesem Bereich zu verbessern.

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК НАКАЗАНИЕ ЗА ОПАСНЫЙ СТРИТРЕЙСИНГ: ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Серебренникова Анна Валерьевна

Цель: проанализировать правовые нормы отечественного и зарубежного законодательства, предусматривающего ответственность за стритрейсинг, разработать рекомендации по совершенствованию российского законодательства в рассматриваемой сфере.

Методология: диалектика, анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. На примере специальной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за опасные гонки на автомобилях, в результате которых причиняется смерть человеку, автор обосновывает целесообразность использования опыта ФРГ по вопросу об ужесточении ответственности за опасный стритрейсинг для реформирования российского законодательства. По примеру немецкого законодательства предлагается наказывать лишением свободы на срок до двух лет и лишением водительских прав лиц, принимающих участие в незаконном стритрейсинге; в том случае, если иные лица подвергаются опасности причинения вреда, включая вред средней тяжести, то виновных лиц предлагается наказывать лишением свободы на срок до пяти лет. Если в результате совершения таких действий причиняется тяжкий вред здоровью или смерть человеку, наказанием должно явиться лишение свободы на срок до десяти лет.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в проведении подробно-сравнительно-правового анализа вопроса об ответственности за опасный стритрейсинг. Опыт Германии в этой сфере может оказаться весьма полезным для реформирования отечественного законодательства.

Ключевые слова: стритрейсинг, опасное вождение, лишение водительских прав, зарубежный опыт, конфискация транспортного средства, ужесточение ответственности.

После серии скандальных дорожно-транспортных происшествий и автогонок с сотрудниками дорожно-патрульной службы, происшедших в 2016–2017 гг. все чаще и громче звучат призывы о необходимости ввести уголовную ответственность для стритрейсеров.

Самой известной российской стритрейсершей является Мара Багдасарян, которая с 13 лет занимается картингом. По ночам девушка устраивает опасные ралли по дорогам Москвы. Любимые ее машины – немецкие автомобили марки «Мерседес». Их она предпочитает всем остальным иномаркам. На дорогах опытные водители ее знают под именем «Мара 049», по номеру машины, на которой она катается. По словам девушки, друзья называют ее «Кальмар – гроза района». Образ жизни девушки достаточно однообразен: весь

день она спит, а ночью выезжает на дороги, чтобы поймать драйв. Многие заметили, что Мараживает только тогда, когда садится за руль. В остальное время она находится в апатичном состоянии. Специалисты начали подозревать, что стритрейсерша страдает каким-то расстройством психики, которое таким образом отражается на ее поведении. Мара, любительница дрифта, участница многих гонок по улицам Москвы, неоднократно попадала в различные по тяжести ДТП.

Опасное поведение на дороге уже давно окрестили стритрейсингом. У данного увлечения с каждым годом растет число поклонников, в основном среди «золотой молодежи». И это неспроста, ведь за такое удовольствие приходится дорого платить. Последствия дорожно-транспортных происшествий, участницей которых не раз была

Мара, крайне трагичны. В результате одного из них погибли люди. Машина неслась на большой скорости и сбила человека. Самое страшное дорожно-транспортное происшествие произошло в начале 2015 г. на Кутузовском проспекте. BMW, на котором ехала Мара вместе со своими друзьями, выехал на встречную полосу машина врезался на полной скорости в Range Rover, вдобавок получив сзади мощный удар от Porsche Cayenne. В результате происшествия на месте погиб владелец BMW, Марк Гальперин, а позднее еще два участника умерли в реанимации: водитель Range Rover и пассажир BMW. После выписки Мары Багдасарян из больницы произошло ее первое задержание. Сама она перенесла 20-ти часовую операцию и трехнедельную кому. Друзья даже думали, что девушка не выживет, и этого не произошло благодаря стараниям реаниматологов и хирургов. Поговаривают, что Мара сама находилась за рулем BMW. Однако правосудие тогда сняло с нее – она проходила по делу как свидетель и пострадавшая. После этого случая Мара долго находилась на реабилитации и до сих пор занимается восстановлением своего здоровья.

Поводом для вновь оживившихся дискуссий правоприменителей нашей страны стало решение Земельного суда Берлина от 27 февраля 2017 г., на основании которого два стритрейсера были приговорены к пожизненному лишению свободы за совершение тяжкого убийства. Как следует из материалов дела, в ночь на 1 февраля 2016 г. двое мужчин, 25 и 28 лет, устроили гонки на дороге. Недалеко от берлинского универмага KaDeWe один из участников гонки протаранил джип, в результате чего его 69-летний водитель погиб (*URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-02/berlin-illegales-autorennen-fahrer-urteil> (дата обращения: 11.09.2017)*). Информационное агентство DPA отмечает, что столь суровый приговор по делу о стритрейсерах выносится в Германии впервые. По словам психолога, давшего заключение для суда, один из водителей обладает «чрезвычайно завышенной самооценкой», гонка была нужна ему «для удовлетворения своего эго» и он «не осознает своей вины».

Какими же признаками должно обладать тяжкое убийство (Mord) по уголовному закону Германии?

Состав тяжкого убийства предусмотрен в § 211 Уголовного уложения и является квалифицированным. Деление составов на убийство (Totschlag) и тяжкое убийство (Mord) является традиционным для немецкого уголовного права. Признаки тяжкого убийства в его доктрине делятся на три группы. Признаки первой и третьей групп харак-

теризуют субъективную сторону преступления (психическое отношение субъекта преступления к совершаемому деянию, его «особо предосудительные» мотивы и цели), а признаки второй группы характеризуют способ и средства совершения преступления. К ним относятся:

1) убийство из садистских побуждений, для удовлетворения полового влечения; из корыстных или иных низменных побуждений;

2) убийство, совершенное коварным, жестоким способом или с помощью общеопасных средств;

3) убийство, совершенное с целью скрыть другое преступное деяние или облегчить его совершение.

Убийство, совершенное жестоким способом (по терминологии УК РФ – убийство с особой жестокостью) и с использованием общеопасных средств, трактуется германской судебной практикой традиционно: совершая его, виновный осознает, что причиняет своей жертве особые физические или душевные страдания или мучения (к примеру, применяет пытки, оставляет без воды или пищи).

При этом судебная практика Германии связывает понятие особой жестокости как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами дела, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. Убийство, совершенное с использованием общеопасных средств, характеризуется таким способом умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но и хотя бы еще одного лица (например, взрыв, поджог и др.).

Профессор Кельнского университета Андре Бресгес (André Bresges) занимается изучением явления стритрейсинга (от англ. *street racing* – уличные гонки) в Германии. Он беседовал со многими райсерами лично. «Никто из них не боится погибнуть. Главное – быть самым быстрым», – отмечает исследователь в интервью Агентству DPA. Чаще всего любители опасных гонок – это молодые мужчины, которые хотят что-то доказать себе и другим, но не смогли сделать этого в других сферах жизни.

Стритрейсинг – занятие нелегальное. В Германии гонки на автомобилях по улицам запрещены законом. В случае его нарушения стритрейсеру грозят денежный штраф, запрет на вождение автомобиля сроком на один месяц и два балла в картотеке Федерального ведомства автомобильного транспорта (при наличии восьми баллов водитель лишается прав).

Что предлагает немецкий законодатель для решения проблемы привлечения к ответственности стритрейсеров? В сентябре 2016 г. ряд федеральных земель, среди них Северная Рейн-Вестфалия и Гессен, обратились в Бундестаг с законодатель-

ной инициативой об ужесточении ответственности за незаконное стритрейсерство и перевод его из разряда нарушений общественного порядка (Ordnungswidrigkeit) в разряд уголовных деяний. До недавнего времени стритрейсерам грозил штраф в размере 400 Евро (Bußgeld) и запрет управлять транспортным средством в течение одного месяца (Fahrverbot). Согласно законодательному проекту лица, принимающие участие в незаконном стритрейсинге, наказываются лишением свободы на срок до двух лет и водительских прав. В том случае, если иные лица подвергаются опасности, в том числе могущей повлечь причинение вреда средней тяжести, виновные наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Если в ре-

зультате совершения таких действий причиняется тяжкий вред здоровью или смерть человеку, то виновному грозит лишение свободы на срок до 10 лет. При этом транспортное средство может быть конфисковано на длительный срок.

Изучение опыта Германии в этой сфере представляется нам не только интересным, но и целесообразным, и может оказаться полезным для реформирования отечественного уголовного законодательства. При этом вопрос о том, пойдет ли российский законодатель по пути введения специальной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за опасные гонки на автомобилях, в результате которых причиняется смерть человеку, пока остается открытым.

LEBENS-LANGE FREIHEITSSTRAFE ALS SANKTION WEGEN ILLEGALER STRASSENRENNEN: RECHTSWIRKLICHKEIT

Nach einer Reihe Aufsehen erregender schwerer Straßenverkehrsunfälle im Zusammenhang mit „Straßenrennen“ und Verfolgungsfahrten mit Beamten der Verkehrspolizei in den Jahren 2016 und 2017 ist die russische Öffentlichkeit wegen dieser Vorfälle in großer Besorgnis und fordert die Verschärfung der Strafen gegen Personen, die an solchen Straßenrennen teilnehmen.

Die bekannteste Teilnehmerin an illegalen Straßenrennen in Russland ist Mara Bagdasaryan, die seitdem sie 13 Jahre alt ist Karting betreibt. In der Nacht arrangiert die Frau gefährliche Rallyes auf den halb leeren Straßen von Moskau. Maras Lieblingswagen sind seit langem deutsche Autos der Marke Mercedes. Sie zieht sie allen anderen Autos vor. Und auf den Straßen kennen erfahrene Fahrer sie unter dem Namen „Mara 049“, nach dem Kennzeichen ihres Autos. Ihre Freunde nennen sie „Kalmar - das Gewitter des Bezirks“. Das Leben der jungen Frau läuft gleichförmig ab: Sie schläft den ganzen Tag und nachts fährt sie los. Viele sind der Meinung, dass Mara nur dann zum Leben erwacht, wenn sie hinter dem Lenkrad sitzt. Den Rest der Zeit wirkt sie eher apathisch. Psychologen haben die Vermutung geäußert, dass sie unter psychischen Störungen leidet, die ihr Verhalten beeinflussen. Mara nimmt an vielen Rennen durch die Straßen von Moskau teil. Sie hat immer wieder schwere Verkehrsunfälle miterlebt. Das gefährliche Phänomen ist seit langem als Straßenrennen bekannt. Die Begeisterung dafür wächst

seit Jahren wie die Anzahl der „Fans“, vor allem unter den „goldenen Jugendlichen“. Dies ist kein Zufall, weil viele für ein solches „Vergnügen“ teuer bezahlen müssen. Die Folgen der Unfälle, an denen Mara beteiligt war, waren äußerst schwerwiegend und tragisch. Bei einigen dieser Unfälle starben mehrere Menschen. In einem Fall erfasste das Auto mit hoher Geschwindigkeit einen Mann, der dadurch getötet wurde. Der schrecklichste Verkehrsunfall, an dem Maria beteiligt war, ereignete sich der Kutuzov-Straße Anfang 2015. Mara befand sich mit ihren Freunden in einem BMW, der auf die entgegengesetzte Spur gelenkt wurde und dort in voller Geschwindigkeit mit einem Range Rover zusammenprallte, auf den von hinten ein Porsche Cayenne auffuhr. Der Besitzer des BMW, Mark Galperin, starb noch an der Unfallstelle, auf der Intensivstation starben der Fahrer des Range Rover und ein weiterer Insasse des BMW. Nach ihrer Entlassung aus dem Krankenhaus wurde Mara Bagdasaryan das erste Mal verhaftet. Mara war ins Krankenhaus eingeliefert und dort 20 Stunden operiert worden, erst nach drei Wochen war sie aus dem Koma erwacht. Freunde dachten sogar, das Mädchen sei gestorben. Aber Dank der Bemühungen der Ärzte hatte sie den Unfall überlebt. Es wird zwar vermutet, dass Mara selbst hinter dem Steuer des BMW saß, die Rechtsprechung hat sie aber vom Verdacht befreit, sodass sie als Zeugin und Verletzte behandelt wurde. Nach diesem Unfall befand sich Mara für eine lange

Zeit in einer Rehabilitationsbehandlung und wird weiter medizinisch behandelt. Sie hat sich einer plastischen Operation unterzogen, um ihr Aussehen zu verändern

Die heftigen Diskussionen wurden durch das Urteil des Landgerichts Berlin vom 27. Februar 2017 unterstützt, das zwei Straßenrennfahrer zu lebenslanger Freiheitsstrafe wegen Mordes verurteilt hatte. Das Urteil erging gegen zwei Männer im Alter von 25 und 28 Jahren, die sich in der Nacht vom 1. Februar 2016 unweit des berühmten Berliner Kaufhauses KaDeWe ein Rennen geliefert hatten, bei dem einer der Teilnehmer des Rennens mit seinem SUV das Auto eines 69-jährigen Mannes gerammt hatte; der Mann erlag den dabei erlittenen Verletzungen. Es handelt sich um die erste Verurteilung wegen Mordes wegen der Beteiligung an einem illegalen Straßenrennen. Der vom Gericht als Gutachter bestellte Psychologe stellte fest, dass einer der Fahrer „ein extrem hohes Selbstwertgefühl“ habe, er habe das Rennen benutzt, „um sein Ego zu befriedigen“ und er „erkennt seine eigene Schuld nicht“. Ähnlich äußerten sich auch die Angeklagten in ihren Einlassungen gegenüber dem Gericht. Fraglich ist, ob ihr Verhalten die Voraussetzungen des Mordtatbestands erfüllt.

Der Straftatbestand des Mordes ist in § 211 dStGB geregelt. Nach deutschem Strafrecht ist der Totschlag (§ 212 dStGB) die vorsätzliche Tötung eines Menschen, zum Mord wird die Tat, wenn bestimmte Umstände hinzutreten. Das Gesetz nennt drei Gruppen von Mordmerkmalen, bei der ersten und der dritten Gruppe handelt es sich um subjektive Voraussetzungen („besonders verwerfliche“ Motive und Ziele), die zweite Gruppe beschreibt objektive Umstände, die bestimmte Begehungsweisen kennzeichnen.

Mord ist:

- 1) die Tötung aus Mordlust, zur Befriedigung des Geschlechtstriebes, aus Habgier oder aus anderen niedrigen Beweggründen;
- 2) die heimtückische oder grausame Tötung oder die Tötung mit gemeingefährlichen Mitteln;
- 3) die Tötung, um eine andere Straftat zu ermöglichen oder zu verdecken.

Das Landgericht Berlin hat die Mordmerkmale Grausamkeit und Verwendung eines gemeingefährlichen Mittels angenommen. Der Begriff grausam (nach der Terminologie des russischen Strafkodex Mord mit besonderer Grausamkeit) setzt voraus, dass der Täter dem Opfer aus unbarmherziger Gesinnung besondere körperliche oder seelische Schmerzen oder Leiden zufügt (z.B. durch Anwendung von Folter, Verhungern- oder Verdurstenlassen des Opfers).

Das Gericht bejahte nicht nur das Mordmerkmal grausam, sondern auch das der Verwendung eines ge-

meingefährlichen Mittels. Mord mit gemeingefährlichen Mitteln liegt vor, wenn der Täter die Auswirkungen seines Tötungsmittels nicht kontrollieren, er durch seine Handlung also mehrere Menschen töten kann (typische Beispiele sind die Verwendung einer Bombe, das Inbrandsetzen eines Gebäudes o.ä.).

Prof. André Bresges (Universität zu Köln) hat das Phänomen der illegalen Straßenrennen in Deutschland erforscht. Er sprach mit vielen Rennfahrer persönlich. „Keiner von ihnen hat Angst zu sterben, die Hauptsache ist, am schnellsten zu sein“, stellte in seinen Befragungen fest. Meistens handele es bei den Teilnehmern an illegalen Straßenrennen um junge Männer, die sich selbst und anderen etwas beweisen wollen, dazu in anderen Lebensbereichen aber keine Gelegenheit haben.

Straßenrennen sind illegal, weil die Teilnehmer zahlreiche Vorschriften der Straßenverkehrsordnung verletzen. Diese Straßenverkehrsverstöße können mit Geldbußen, einem Fahrverbot von einem Monat und der Eintragung von Punkten in das Fahreignisregister des Kraftfahrt-Bundesamts (sind acht Punkte erreicht, kann die Fahrerlaubnis entzogen werden) geahndet werden.

Diese ordnungswidrigkeitsrechtlichen Folgen wurden jedoch nicht mehr als hinreichend angesehen. Im September 2016 forderten deshalb mehrere Bundesländer, darunter Nordrhein-Westfalen und Hessen, die Schaffung von Kriminalstrafatbeständen gegen die Beteiligung an illegalen Straßenrennen und ergriffen eine Gesetzgebungsinitiative. Bis dahin war die bloße Teilnahme an solchen Rennen – wie dargelegt – lediglich eine Ordnungswidrigkeit, die mit einem Bußgeld in Höhe von 400 Euro und einem Fahrverbot für einen Monat bedroht war. Der neue Straftatbestand des § 315d dStGB (verbotene Kraftfahrzeugrennen) bedroht die bloße Teilnahme an einem solchen Rennen mit Freiheitsstrafe bis zu zwei Jahren oder mit Geldstrafe. Führt das Rennen zu einer Gefährdung für Leib oder Leben eines anderen Menschen oder von Sachen von bedeutendem Wert, so ist die Strafe Freiheitsstrafe bis zu fünf Jahren oder Geldstrafe. Wird durch die Tat der Tod oder eine schwere Gesundheitsschädigung eines anderen Menschen oder eine Gesundheitsschädigung einer großen Zahl von Menschen verursacht, so ist die Strafe Freiheitsstrafe von einem Jahr bis zu zehn Jahren, in minder schweren Fällen Freiheitsstrafe von sechs Monaten bis zu fünf Jahren. Möglich ist zudem die Einziehung des Fahrzeugs als Mittel zur Tatbegehung (§ 74 dStGB).

Die Erfahrungen des deutschen Gesetzgebers sollten bei der Reform des russischen Strafrechts berücksichtigt werden. Bisher ist die Antwort auf die Frage, ob es eines solchen besonderen Straftatbestandes bedarf, offengeblieben.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Халилов Рафик Нуруллович

Цель: изучить институт социальной реабилитации осужденных к лишению свободы и разработать рекомендации по его совершенствованию.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Социальная реабилитация в уголовно-исполнительной системе позволяет осуществить ресоциализацию бывших осужденных и включить их в активную социальную жизнь, что является одной из важнейших задач уголовно-исполнительной системы. Процесс социальной реабилитации осужденных к лишению свободы можно представить как комплекс правовых, организационных педагогических, медицинских, социально-психологических мер, направленных на предупреждение социальных отклонений бывших осужденных и осуществляемых исходя из научно определенных потребностей.

Научная и практическая значимость. Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию деятельности пенитенциарной системы по реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Ключевые слова: социальная реабилитация, ресоциализация осужденных, уголовно-исполнительная система, социальная адаптация, региональная программа, предупреждение рецидивной преступности.

Социальная реабилитация в уголовно-исполнительной политике является перспективным и социально значимым направлением, так как позволяет решить одну из важнейших задач уголовно-исполнительной системы — ресоциализацию бывших осужденных и включение их в активную социальную жизнь.

В пенитенциарной науке и практике накоплен определенный опыт работы по социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы, по их подготовке к непростому процессу освобождения. Это является задачей и специалистов по социальной работе. Вместе с тем проблема дальнейшей реабилитации и ресоциализации в настоящее время остро стоит перед уголовно-исполнительной системой, государством и обществом в целом, о чем свидетельствует высокий процент рецидива преступлений и пристальное внимание общественных, религиозных организа-

ций к постпенитенциарным проблемам бывших осужденных.

Отбывание наказания в виде лишения свободы связано с негативными факторами, которые затрудняют ресоциализацию лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, а именно: с ослаблением семейных, родственных связей, потерей навыков рационального использования денежных средств и материальных ресурсов, принятия адекватных решений в различных жизненных ситуациях. И, чтобы облегчить осужденному переход из специфической среды в исправительном учреждении к жизни на свободе, его необходимо постепенно физически, организационно, экономически и психологически готовить как к самому факту освобождения, так и к решению тех вопросов, с которыми ему придется встречаться на воле.

Нравственная подготовка включает работу сотрудников исправительного учреждения по

активизации тех нравственных качеств осужденного, которые необходимы ему для жизни в семье и в трудовом коллективе. Она должна быть направлена на «приведение в готовность» положительных нравственных убеждений, чувств и привычек освобождаемого.

Профессиональная подготовка должна предусматривать приобретение осужденным профессиональных знаний, практических навыков, умений в определенной специальности. Успешность социальной адаптации лица после освобождения непосредственно связана с возможностью включения его в трудовые отношения, с возможностью обучения по востребованным на рынке труда специальностям, с перспективой восстановления либо создания здоровых семейных отношений, с включением его в правопослушную социальную среду.

Социальная поддержка осужденных в местах лишения свободы сочетает целый ряд мероприятий, к числу которых относятся: трудовая занятость осужденных; медицинское обеспечение, в том числе профилактическое; обязательное и добровольное страхование; возможность получения общего среднего и среднего профессионального образования; психологическая поддержка.

В настоящее время возникла необходимость разработки комплексной региональной программы, направленной на совершенствование деятельности пенитенциарной системы по реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Такие лица, не имеющие средств к существованию, испытывающие трудности в поиске работы, не имеющие жизненных перспектив, представляют собой неконтролируемый потенциал рецидивной преступности, поэтому им необходима социальная реабилитация и адаптация.

Социальная реабилитация представляет собой комплекс правовых, организационных педагогических, медицинских, социально-психологических мер, направленных на предупреждение социальных отклонений бывших осужденных и осуществляемых исходя из научно определенных потребностей, одновременно ориентированных на:

- 1) нейтрализацию неблагоприятного социального влияния, способного детерминировать антиобщественное формирование личности;
- 2) устранение прямого и косвенного аморального и криминального воздействия на осужденного;
- 3) переориентацию антиобщественно сформировавшейся личности.

Социальная реабилитация — это сложный многоуровневый процесс, включающий ряд ме-

роприятий. Прежде всего необходимо подготовить программу, в которой должны быть предусмотрены:

разработка методологии междисциплинарного подхода к исследованию процесса социальной реабилитации как системы предупреждения социальных отклонений в исправительных учреждениях;

разработка, обоснование, экспериментальная проверка и внедрение в практику предложений по организации системы социальной реабилитации осужденных к лишению свободы;

выявление основных факторов, определяющих эффективность процесса социальной реабилитации;

систематизация основных аспектов (криминологических, правовых, социально-психологических, социально-демографических, управленческих) проблемы социальной реабилитации;

теоретическая разработка структуры и содержания процесса адаптации осужденных к условиям жизни на свободе;

проведение анализа существующей нормативной правовой базы организации профессиональной подготовки осужденных к лишению свободы и разработку проектов нормативных актов, обеспечивающих трудовую адаптацию осужденных к лишению свободы применительно к потребностям региона;

проведение научно-исследовательских работ по проблемам общего и профессионального образования лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, обеспечение методологического и психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса в общеобразовательных школах, профессиональных училищах с учетом специфики названных учреждений, внедрения новых организационных форм обучения.

Кроме того, подлежат определению, во-первых, основные принципы профессионально-технического обучения с учетом специфики его осуществления в центрах трудовой адаптации осужденных, в производственных мастерских и воспитательных колониях, на федеральных промышленных предприятиях, а также при использовании возможных современных форм трудоустройства осужденных применительно к потребностям региона в рабочих специальностях, во-вторых, правовой статус и механизм функционирования органов, занятых процессом трудовой адаптации осужденных, в-третьих, степень профессиональной готовности кадров исправительных учреждений к работе в новых условиях.

RESOZIALISIERUNG VON STRAFGEFANGENEN ALS EINES DER VORRANGIGEN ZIELE DER STRAFVOLLZUGSPOLITIK DES MODERNEN RUSSLANDS

Die Resozialisierung – die Wiedereingliederung ehemaliger Strafgefangener und ihre Aufnahme in ein aktives soziales Leben – gehört zu den vordringlichsten und gesellschaftlich wichtigsten Aufgaben der Politik und des Strafvollzugs.

Wissenschaft und Praxis verfügen inzwischen über einige Erfahrungen, wie die Verurteilten im Gefängnis darauf vorbereitet werden können, sich nach ihrer Entlassung in das soziale Leben einzufügen. Dies ist nicht nur eine Aufgabe der Sozialwissenschaften, sondern an der Lösung der Probleme im Zusammenhang mit der Resozialisierung müssen auch das Strafvollzugssystem, der Staat und die Gesellschaft als Ganzes mitwirken. Die Notwendigkeit zeigt sich in dem hohen Prozentsatz von Verurteilten, die rückfällig werden und der großen Aufmerksamkeit der öffentlichen und religiösen Organisationen für die Probleme ehemaliger Strafgefangener.

Einige negative Faktoren erschweren die Resozialisierung entlassener Strafgefangener: Dazu gehören die Schwächung der Bindungen innerhalb der Familie und Verwandtschaft, der Verlust der Fähigkeit mit den finanziellen Mitteln rational umzugehen, sowie adäquate Entscheidungen in unterschiedlichen Lebenssituationen zu treffen. Um dem Verurteilten den Übergang von den spezifischen Bedingungen der Haftanstalt in das Leben in Freiheit zu erleichtern, ist es notwendig, ihn organisatorisch, wirtschaftlich und psychologisch auf die Entlassung vorzubereiten und ihn bei der Lösung dieser Probleme zu unterstützen.

Dazu gehört auch die Vermittlung eines gesellschaftlichen Wertesystems durch das Strafvollzugspersonal, das dem Verurteilten den Weg zu einer erfolgreichen Wiedereingliederung in die Familie und das Arbeitsleben ebnen soll. Es sollte darauf ausgerichtet sein, positive moralische Überzeugungen, Gefühle und Gewohnheiten zu entwickeln.

Die berufliche Vorbereitung soll die Aneignung der beruflichen Kenntnisse durch den Verurteilten, sowie die Erlangung praktischer Erfahrungen in einem bestimmten Beruf umfassen. Wie erfolgreich die Resozialisierung nach der Entlassung wird, ist auch von der Möglichkeit des Entlassenen, in gesicherte Arbeitsverhältnisse einzutreten, abhängig. Zudem spielt die Möglichkeit, einen auf dem Arbeitsmarkt gefragten Beruf zu erlernen, eine entscheidende Rolle. Wichtig ist auch die Aussicht, eine neue Familienbeziehung aufzubauen oder wiederherzustellen.

Soziale Unterstützung der Verurteilten im Gefängnis umfasst eine Reihe von Maßnahmen, insbesondere

Arbeitsbeschäftigung der Verurteilten, Gewährleistung der medizinischen Versorgung, einschließlich der Gesundheitsvorsorge, durch eine obligatorische oder freiwillige Versicherung, die Möglichkeit, eine Berufsausbildung oder -fortbildung zu erhalten und die allgemeine psychologische Unterstützung.

Derzeit ergab sich die Notwendigkeit integrierte Regionalprogramme zu entwickeln, die auf die Verbesserung der Haftbedingungen mit dem Ziel der sozialen Wiedereingliederung der entlassenen Strafgefangenen gerichtet sind. Personen, die aus der Haft entlassen werden und weder über ausreichende finanzielle Mittel für ihren Lebensunterhalt verfügen, noch die Aussicht auf einen Arbeitsplatz haben, fehlt die Lebensperspektive und sie sind deshalb besonders gefährdet, erneut Straftaten zu begehen, sodass diese Personen bei der sozialen Rehabilitation und Anpassung Unterstützung erhalten müssen.

Der Prozess der Resozialisierung von Strafgefangenen kann auf drei Hauptbereiche konzentriert werden, die der Verhinderung eines zukünftigen sozial abweichenden Verhaltens ehemaliger Strafgefangener dienen. Erforderlich sind zahlreiche rechtliche, organisatorische, pädagogische, medizinische, soziale und psychologische Maßnahmen, die auf Grundlage wissenschaftlicher Erkenntnisse durchzuführen sind. Die Bereiche sind:

- 1) die Neutralisierung ungünstiger sozialer Einflüsse, die eine antisoziale Persönlichkeitsentwicklung bewirken;
- 2) die Beseitigung direkter und indirekter Einwirkungen auf den Verurteilten durch Dritte, die ihn zu gesellschaftswidrigem oder kriminellem Verhalten bewegen können;
- 3) die Umsetzung einer Reihe von Maßnahmen zur Umorientierung der antisozial gebildeten Persönlichkeit.

Der Prozess der sozialen Rehabilitation erfordert eine Vielzahl von Aktivitäten auf verschiedenen Ebenen. Es ist vor allem notwendig, ein Programm zu entwickeln, das die folgenden Aspekte umfassen sollte: Die Entwicklung eines methodischen interdisziplinären Ansatzes zur Erforschung des Prozesses der sozialen Rehabilitation und der Entwicklung eines Systems zur Erkennung von Anzeichen für sozial abweichendes Verhalten in der Strafvollzugsanstalt, die Entwicklung, Begründung, experimentelle Überprüfung und Umsetzung von Vorschlägen zur Organisation eines Systems der sozialen Rehabilitation von Strafgefan-

genen, die Identifizierung der Hauptfaktoren für die Effektivität des sozialen Rehabilitationsprozesses und die Systematisierung der (kriminologischen, rechtlichen, sozialpsychologischen, soziodemographischen und verwaltungstechnischen) Hauptprobleme für eine erfolgreiche soziale Rehabilitation. Die theoretische Entwicklung der Struktur und des Inhalts des Anpassungsprozesses von Sträflingen an die Lebensbedingungen insgesamt. Die Definition der Leitprinzipien für die Fach- und Berufsausbildung unter Berücksichtigung der Besonderheiten ihrer Umsetzung in den Werkstätten der Strafvollzugsanstalten und für junge Straftäter in staatlichen Industrieunternehmen sowie die Ausbildung der Strafgefangenen in modernen Formen der Arbeit nach den Bedürfnissen der jeweiligen Region. Eine klare Definition des Rechtsstatus und der

Aufgaben der Stellen, die sich an der Aus- und Weiterbildung der Strafgefangenen beteiligen. Eine Analyse des bestehenden Rechtsrahmens für die Ausbildung von Inhaftierten und die Entwicklung von Vorschlägen der Regelungen für die Abstimmung der Aus- und Weiterbildung auf die Bedürfnisse in der Region. Die Ausbildung des Justizvollzugspersonals zur Vorbereitung auf die Arbeit unter den neuen Bedingungen. Die Erforschung der Probleme der allgemeinen und beruflichen Bildung von Menschen im Strafvollzug und der Anforderungen, die an die methodische und sozialpädagogische Unterstützung des Bildungsprozesses an weiterführenden Schulen, Berufsschulen unter Berücksichtigung der besonderen Bedingungen zu stellen sind und der Einführung neuer Organisationsformen des Lernens dienen.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Харламов Даниил Дмитриевич

Цель: провести сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства, предусматривающего ответственность за имущественные преступления.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Автором делается вывод, что преступные деяния, предусмотренные в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности», соотносятся с понятием «имущественные преступные деяния» в немецкой уголовно-правовой доктрине. Вместе с тем в нее включены не все деяния, рассматриваемые немецкими правоведом как имущественные, включаются в главу «преступления против собственности» в УК РФ. В Германии понятие «имущественные преступные деяния» трактуется шире, чем в России понятие «преступления против собственности». Однако содержание своеобразного «ядра» имущественных преступных деяний в России и Германии совпадает.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в подробном сравнительно-правовом анализе отечественного и зарубежного законодательства в части имущественных преступлений. По мнению автора, актуальной является проблема возвращения к традиционной модели имущественных преступлений, которая наряду с преступлениями против собственности предполагает выделение преступлений против имущества лица как целого. Возврат к классической модели имущественных преступных деяний предполагает выделение двух групп преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ: против собственности и против имущества как целого.

Ключевые слова: имущественные преступные деяния, преступления против собственности, преступления в экономике, зарубежное законодательство, уголовно-правовая доктрина.

В уголовном праве Германии понятие «имущественные преступные деяния» является родовым для видовых понятий «преступления против собственности» и «преступления против имущества как целого». Однако имущественные преступные деяния в Уголовном Уложении ФРГ не сгруппированы в одном разделе.

В УК РФ имущественные преступления сгруппированы в гл. 21 «Преступления против собственности», включенную в разд. VIII «Преступления в сфере экономики».

Многие преступления, которые в немецком праве относятся к категории имущественных, например, утаивание и растрата заработной платы (§ 266а), укрывательство имущества, добытого преступным путем (§ 259), отмывание денег (§ 261,

291), неразрешенные азартные игры (§ 284–287), в УК РФ и в российской уголовно-правовой доктрине рассматриваются как деяния, посягающие на иные, чем собственность, объекты: конституционные права граждан, интересы правосудия, экономическую деятельность. Что касается соотношения российского понятия «преступления против собственности» и немецкого «имущественные преступные деяния», то с точки зрения формальной логики первое понятие полностью охватывается вторым (См.: Ивлев Ю.В. *Логика для юристов: учебник*. М., 2010. С. 126), однако этим объем подчиняющего понятия не исчерпывается. Иными словами, все преступные деяния, предусмотренные в гл. 21 УК РФ, соотносятся с понятием «имущественные преступные дея-

ния» в германской уголовно-правовой доктрине, но не все деяния, которые германские правоведы рассматривают как имущественные, включены в указанную главу. Немецкое понятие «имущественные преступные деяния» шире по объему, чем российское «преступления против собственности». Вместе с тем содержание своеобразного «ядра» имущественных преступных деяний в России и Германии совпадает.

Для дореволюционная российской уголовно-правовой доктрины был характерен более широкий подход к определению «имущественных преступлений»: этим понятием охватывались деяния, которые сегодня рассматриваются как преступления, посягающие на иные блага и интересы (экология, конституционные права граждан и др.). Такой подход имеет сходство с современным пониманием «имущественных преступных деяний» в Германии.

В советский период заимствованная в Германии классическая модель имущественных преступлений была частично пересмотрена: произошел отказ от преступлений против имущества как целого. Мошенничество и вымогательство стали рассматриваться как деяния, посягающие лишь на «телесные вещи».

В связи с переходом к рыночной экономике актуализировалась проблема возвращения к традиционной модели имущественных преступлений, которая наряду с преступлениями против собственности предполагает выделение преступлений против имущества лица как целого.

Возврат к классической модели имущественных преступных деяний предполагает выделение двух групп преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ:

1) преступления против собственности, к которым относятся: кража (ст. 158); мелкое хищение в форме кражи, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹); грабеж (ст. 161); разбой (ст. 162); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164); неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166); умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167, 168). Указанные преступления посягают лишь на «телесные вещи»;

2) преступления против имущества как целого, к которым, по нашему мнению, относятся следующие деяния: мошенничество (ст. 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶); присвоение и растрата (ст. 160); мелкое хищение в форме мошенничества или присвоения и растраты, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹); вымогательство (ст. 163); причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165).

В качестве предмета указанных преступлений могут выступать не только вещи, но и иные объекты гражданских прав: имущественные права, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, т.е. имущество как целое.

VERMÖGENSSTRAFTATEN IM STRAFRECHT IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND

Im deutschen Strafrecht ist der Begriff „Vermögensstraftaten“ in zwei Gruppen geteilt: „Straftaten gegen das Eigentum“ und „Straftaten gegen das Vermögen als Ganzes“. Vermögensstraftaten im Strafgesetzbuch der BRD werden jedoch nicht in einem allgemeinen Abschnitt behandelt.

Im Strafkodex der RF sind Vermögensstraftaten in Kapitel 21 „Straftaten gegen das Eigentum“, unter dem Abschnitt VIII „Straftaten im Finanzbereich“, zusammengefasst. Alle modernen russischen Lehrtheorien der Vermögensstraftaten nehmen auf die Liste der Vermögensstraftaten in Kapitel 21 des Strafkodex der RF Rücksicht.

Viele Straftaten, die nach deutschem Recht zur Kategorie der Vermögensdelikte gehören (zum Beispiel: Vorenthalten und Veruntreuen von Arbeitsentgelt (§ 266a), Hehlerei (§ 259), Geldwäsche (§§ 261), unerlaubtes Glücksspiel (§§ 284–287)), gelten im Strafkodex der RF und in der russischen strafrechtlichen Theorie als Taten, die andere Schutzgüter als Eigentum verletzen, wie verfassungsmäßige Rechte der Bürger, die Interessen der Justiz oder die normale wirtschaftliche Tätigkeit. Das Verhältnis zwischen den Begriffen „Straftaten gegen das Eigentum“ in Russland und „Vermögensstraftaten“ in Deutschland kann bei rein logischer Betrachtungsweise als ein Verhältnis

der Subordination bezeichnet werden. Der Begriff der „Vermögensstraftaten“ schließt den Anwendungsbereich des untergeordneten Begriffs „Straftaten gegen das Eigentum“ völlig ein, der Umfang des untergeordneten Begriffs ist jedoch nicht erschöpft. Mit anderen Worten, alle Straftaten aus Kapitel 21 des Strafkodex beziehen sich auf das Konzept der „Vermögensstraftaten“ in der deutschen Strafrechtstheorie, aber nicht alle Straftaten, die deutsche Juristen als Vermögensdelikte betrachten, sind im Kapitel über „Straftaten gegen das Eigentum“ im Strafkodex enthalten. Das deutsche Konzept der „Vermögensstraftaten“ ist breiter gefasst als das russische Konzept der „Straftaten gegen das Eigentum“. Zugleich ist der inhaltliche „Kern“ der Vermögensstraftaten (im Kapitel 21 des Strafkodex enthaltene Straftaten) in Russland und Deutschland derselbe.

Die vorrevolutionäre russische Strafrechtstheorie hat eine breitere Definition des Begriffs „Eigentumsdelikte“ angewendet. Diese erfasste auch Taten, die andere Güter und Interessen (Ökologie, Verfassungsrechte der Bürger usw.) beeinträchtigen und heute als Straftaten gelten. Dieser Ansatz ähnelt dem modernen deutschen Verständnis von „Vermögensstraftaten“.

In der Sowjetzeit wurde das klassische Modell der Vermögensstraftaten, das von Deutschland übernommen wurde, teilweise revidiert: Die Betrachtung der Straftaten gegen das Eigentum als Ganzes wurde zurückgewiesen. Betrug und Erpressung wurden als Taten angesehen, die nur auf „körperliche Dinge“ einwirken.

Im Zusammenhang mit dem Übergang zur Marktwirtschaft ist das Problem der Rückkehr zum traditi-

onellen Modell der Vermögensstraftaten, das neben den Straftaten gegen das Eigentum die Zuweisung von Straftaten gegen das Eigentum der Person als Ganzes impliziert, aktuell.

Die Rückkehr zum klassischen Modell der Vermögensstraftaten setzt voraus, dass zwei Gruppen von Straftaten, die im Kapitel 21 des Strafkodex der RF vorgesehen sind, herausgebildet werden:

1. Straftaten gegen das Eigentum, darunter: Diebstahl (Artikel); Diebstahl geringwertiger Sachen, der bei erstmaliger Begehung als Ordnungswidrigkeit gehandelt und erst bei wiederholter Begehung als Straftat behandelt wird (Art. 1581); Raub (Artikel 162); Diebstahl von Gegenständen von besonderem Wert (Artikel 164); widerrechtlicher Besitz eines Autos oder eines anderen Verkehrsmittels ohne Diebstahlszweck (Artikel 166); vorsätzliche und fahrlässige Zerstörung oder Beschädigung von fremdem Eigentum (Art. 167, 168). Diese Straftatbestände greifen nur „körperliche Gegenstände“ auf.

2. Straftaten gegen das Vermögen als Ganzes, die unserer Meinung nach die folgenden Taten umfassen: Betrug (Artikel 159, 1591, 1592, 1593, 1595, 1596); Aneignung und Unterschlagung (Artikel 160); kleiner Diebstahl in Form von Betrug oder Unterschlagung durch eine Person, die verwaltungsrechtlich bestraft wird (Art. 1581); Erpressung (Artikel 166); Verursachung von Sachschäden durch Täuschung oder Vertrauensmissbrauch (Artikel 165).

Als Subjekt der o.g. Straftaten können nicht nur Dinge, sondern auch andere Objekte der Bürgerrechte handeln: Eigentumsrechte, Sachmittel, nicht zertifizierte Wertpapiere, also Eigentum als Ganzes.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ШТРАФА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Шевелева Светлана Викторовна

Цель: проанализировать отечественное и зарубежное уголовное законодательство в части ответственности за уклонение от уплаты штрафа и разработать рекомендации по совершенствованию российского законодательства.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, индукция формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, статистический метод.

Выводы. Автор приходит к выводу об отсутствии в России эффективных способов реагирования на уклонение осужденного от своевременной выплаты штрафа. В целом в отношении государства к уклоняющимся от уплаты штрафа в зарубежных правовых системах можно проследить два подхода — довольно жесткое и лояльное в зависимости от того, как уклонение понимается: либо как желание освободиться от принуждения (Испания), либо как вызов государству и обществу (США, Франция, Германия). По мнению автора, необходимы законодательные изменения, касающиеся усиления средств уголовно-правового реагирования на злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в качестве как основного, так и дополнительного наказания.

Научная и практическая значимость. Значимость научного исследования состоит в подробном анализе отечественного и зарубежного уголовного законодательства в части ответственности за уклонение от уплаты штрафа и разработке рекомендаций по совершенствованию российского законодательства. Автор предлагает предусмотреть в отечественном законодательстве возможность замены штрафа, назначенного в качестве основного наказания, любым видом наказания, в том числе и лишением свободы, а также ввести обязательное трудоустройство осужденного, не выплатившего штраф, в качестве дополнительного наказания после освобождения от основного наказания.

Ключевые слова: штраф, уголовное наказание, лишение свободы, замена наказания, обязательное трудоустройство, зарубежный опыт.

Штраф как вид уголовного наказания регламентирован в ст. 46 УК РФ, ст. 31, 32 УИК РФ, а также в Федеральном законе 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (СР РФ. 2007. № 41. Ст. 484⁹). В соответствии с ч. 1 ст. 16 УИК РФ наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами-исполнителями по месту жительства (работы) осужденного. В 2016 г. к штрафу были осуждены 89 432 человек (Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.08.2017)). Но несмотря на то, что в настоящее время штраф занимает второе место «по популярности» на-

значаемых наказаний после лишения свободы, исполняемость этого вида уголовного наказания крайне низкая. Как видится, проблема заключается не только в менталитете населения, но и в отсутствии эффективных способов реагирования на уклонение осужденного от своевременной выплаты штрафа.

На сегодняшний день почти во всех государствах (Австралия, Испания, Польша, США, Франция, Германия, Чехия, Япония и др.) штраф является одним из основных назначаемых видов наказаний (от 40 до 90% осужденных) [1, с. 312–313; 2; 3]. По уголовному законодательству Англии неуплата штрафа в установленный срок

влечет ужесточение наказания (тюремное заключение, не более чем на 12 месяцев) [4, с. 150–151]. В США за уклонение от уплаты штрафа тоже происходит замена на тюремное заключение, причем соотношение срока тюремного заключения и суммы штрафа впечатляет: один день тюремного заключения либо вынесение нового приговора с максимальной санкцией, предусмотренной за то деяние, которое совершил осужденный, за один невыплаченный доллар (*р. 18 Свода законов США, 3614, 3615*). Согласно УК Германии, одна дневная ставка неуплаченного штрафа приравнивается к одному дню лишения свободы [5, с. 58]. По данным О.Г. Демидова, около 45% осужденных к штрафу в США впоследствии водворяются в тюрьму за его неуплату, тогда как в Германии – только 6 % [6, с. 12]. Во Франции уклонение от уплаты штрафа карается заключением под стражу. При этом соотношение количества дней пребывания в заключении зависит от суммы штрафа, но его срок не может быть более четырех месяцев (ст. 753 УПК Франции). В целом отношение государства к уклоняющимся от уплаты штрафа в зарубежных правовых системах можно дифференцировать как довольно жесткое и лояльное в зависимости от того, как уклонение понимается: либо как желание освободиться от принуждения (Испания), либо как вызов государству и обществу (США, Франция, Германия).

Российское законодательство не предусматривает возможность замены неисполненного штрафа лишением свободы (исключение составляют случаи, когда штраф был назначен за отдельные коррупционные преступления). По представлению судебного пристава суд может заменить штраф на любой другой вид наказания, если осужденный в установленный законом срок не выплатит штраф.

До недавнего времени служба судебных приставов, обращаясь в суд с представлением о замене штрафа более строгим наказанием ввиду злого уклонения осужденного от его штрафа, вынуждена была доказывать тот факт, что у осужденного имелась реальная возможность заплатить штраф. После принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2*) ситуация кардинальным образом изменилась. В соответствии с этим постановлением для признания лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа достаточно того обстоятельства, что штраф не был выплачен в установленный законом

срок. Более того, сам факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной (*Кассационное определение Верховного Суда РФ. Дело № 44-О11-71 // [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id> (дата обращения: 10.09.2017)*). С этого момента в решениях судов нередко можно встретить следующие формулировки: «Ссылка осужденного на отсутствие в его действиях злостности в уклонении от уплаты штрафа по объективным причинам, которые он приводит в жалобе (отсутствие имущества и доходов, достаточных для уплаты штрафа, невозможность получения высокооплачиваемой работы и кредитов в банках, наличие на иждивении детей и т.п.), не свидетельствует об ошибочности выводов суда» (*Апелляционное постановление Верховного Суда РФ. Дело 46-АПУ14-30 // [Электронный ресурс] URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id> (дата обращения: 10.09.2017)*).

Однако вышеназванное постановление Верховного Суда РФ лишь отчасти улучшило ситуацию по исполняемости рассматриваемого вида наказания. Анализ законодательства, научной литературы и практики показывает, что проблема исполнения штрафа, назначенного в качестве дополнительного вида наказания, все еще не потеряла своей остроты. Опрос судебных приставов подтверждает, что необходимы законодательные изменения, касающиеся усиления средств уголовно-правового реагирования на злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в качестве как основного, так и дополнительного наказания.

Представляется, что в отечественном законодательстве следовало бы предусмотреть возможность замены штрафа, назначенного в качестве основного наказания, любым видом наказания, в том числе и лишением свободы.

Учитывая, что аналогичный подход невозможно применить к осужденному, уклоняющемуся от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, в силу конституционного запрета двойной ответственности за одно правонарушение, можно предположить, что государство, имея право требовать выплатить штраф, одновременно обязано создать условия, обеспечив фактическую возможность совершить требуемое. Данную проблему можно решить посредством обязательного трудоустройства осужденного, не выплатившего штраф, назначенный в качестве дополнительного наказания, после освобождения от основного наказания.

Любое государственное требование должно подкрепляться угрозой государственного принуждения в случае неисполнения такого требования. Подобно тому, как законодатель предусмотрел уголовную ответственность за уклонение от административного надзора, по нашему мнению, допустимо предусмотреть уголовную от-

ветственность за уклонение от обязательного трудоустройства.

В заключение следует сказать, что обязательное трудоустройство осужденных позволит решить еще одну крайне важную задачу – задачу социальной адаптации лиц, освободившихся от наказания.

STRAFRECHTLICHE KONSEQUENZEN DER NICHTZAHLUNG EINER GELDSTRAFE IN RUSSLAND

Regelungen zur Geldstrafe als kriminalstrafrechtliche Sanktion sind in Art. 46 des Strafkodex der Russischen Föderation (UK RF), Art. 31, 32 Strafvollzugskodex sowie in dem Föderalen Gesetz über das Vollstreckungsverfahren zu finden. Laut Art. 16 Abs. 1 Strafvollzugskodex wird die Geldstrafe durch den Gerichtsvollzieher am Wohn- oder Arbeitsort des Verurteilten vollstreckt. Im Jahr 2016 wurden in Russland 89.432 Personen zu einer Geldstrafe verurteilt; damit ist die Geldstrafe die nach der Freiheitsstrafe am zweithäufigsten verhängte Straftat. Tatsächlich vollstreckt werden Geldstrafen in Russland allerdings nur relativ selten. Verantwortlich dafür ist nicht nur die Mentalität der Bevölkerung, sondern auch das Fehlen wirksamer Maßnahmen im Falle der nicht rechtzeitigen Zahlung der Geldstrafe durch den Verurteilten.

Heute ist die Geldstrafe in fast allen Staaten (z.B. Australien, Spanien, Polen, USA, Frankreich, Deutschland, Tschechien, Japan etc.) die in der Praxis wichtigste Straftat (sie wird gegen 40 bis 90% der Verurteilten verhängt). Nach englischem Strafrecht führt die nicht rechtzeitige Zahlung der Geldstrafe zu einer Erhöhung der Geldstrafe oder zur Anordnung einer Ersatzfreiheitsstrafe, die allerdings 12 Monate nicht überschreiten darf. In den USA hat die Nichtzahlung der Geldstrafe die wahrscheinlich härtesten Konsequenzen: Für einen nicht bezahlten Dollar Geldstrafe wird eine Ersatzfreiheitsstrafe von einem Tag festgesetzt, und zwar unabhängig von der in dem Strafgesetz vorgesehenen Höchststrafe. Nach deutschem Strafrecht wird die Geldstrafe in Tagessätzen verhängt und im Falle der Nichtzahlung muss grundsätzlich eine Freiheitsstrafe in Höhe der festgesetzten Tagessatzzahl verbüßt werden. Nach O.G. Demidov, werden in den USA etwa 45% der zu einer Geldstrafe Verurteilten wegen Nichtzahlung inhaftiert, während in Deutschland nur 6% der Verurteilten eine Ersatzfreiheitsstrafe ver-

büßen müssen. In Frankreich wird im Falle der Nichtzahlung der Geldstrafe eine Freiheitsstrafe festgesetzt, deren Höhe von der Höhe der Geldstrafe abhängt und vier Monate nicht überschreiten darf. Im Wesentlichen lassen sich zwei Arten der staatlichen Reaktion auf die Nichtzahlung einer Geldstrafe unterscheiden, und zwar – abhängig von dem jeweiligen System – eine eher starre und eine flexiblere: Entweder besteht ein Wunsch von Zwang zu befreien (Spanien), oder eine Herausforderung für den Staat und Gesellschaft (USA, Frankreich, Deutschland).

Das russische Strafrecht lässt die Anordnung einer Ersatzfreiheitsstrafe, anders als in den meisten ausländischen Strafrechtsordnungen vorgesehen, grundsätzlich nicht ohne weiteres zu. Auf Vorschlag des Gerichtsvollziehers kann das Gericht zwar die Geldstrafe durch eine andere Strafe ersetzen, wenn der Verurteilte die Geldstrafe nicht innerhalb der gesetzlich festgelegten Frist zahlt. Der Gerichtsvollzieher musste aber dem Gericht beweisen, dass der Verurteilte „böswillig“ ist, also die Möglichkeit der Zahlung hatte. Seit Dezember 2015 hat sich diese Rechtslage allerdings dadurch geändert, dass das Plenum des Obersten Gerichts entschieden hat, für den Nachweis der Absicht, sich der Zahlung zu entziehen, genüge die Nichtzahlung innerhalb der gesetzlichen Frist. Der Umstand, dass die verurteilte Person nicht über die finanziellen Mittel zur Zahlung verfügte, stehe der Ersetzung durch eine andere Strafe nicht entgegen. Diesen Grundsatz könnte man wie folgt formulieren: „Es ist nicht rechtsfehlerhaft, wenn das Gericht die Vorwerfbarkeit der Nichtzahlung der Geldstrafe aus objektiven Umständen folgert und für die Nichtzahlung vorgebrachte Gründe (Unfähigkeit zur Zahlung mangels Vermögens und Einkommens oder wegen der fehlenden Möglichkeit, eine gut bezahlte Arbeit zu finden oder ein Darlehen in der Bank zu nehmen oder von Unterhaltspflichten gegenüber Kin-

dem usw.) nicht berücksichtigt.“ Diese Erläuterung des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation hat die Situation der Vollstreckung der Geldstrafe dennoch nur teilweise verbessert. Die Analyse der gesetzlichen Vorschriften, der wissenschaftlichen Literatur und der Praxis zeigt, dass die Probleme der Vollstreckung einer Geldstrafe, die als zusätzliche Strafe verhängt wurde, dringend einer Lösung bedürfen. Die Erfahrungen der Gerichtsvollzieher bestätigen die Notwendigkeit von Gesetzesänderungen, um zu verhindern, dass sich die Verurteilten der Vollstreckung der Geldstrafe, die sowohl als Haupt- als auch als Zusatzstrafe verhängt wurde, entziehen.

Erforderlich erscheint es, einen tauglichen Ersatz für die Vollstreckung einer Geldstrafe als Hauptstrafe, der nicht in der Freiheitsstrafe besteht, zu ermöglichen.

Eine analoge Vorgehensweise kann nicht an einen Verurteilten, der sich weigert, eine Strafe, die als Zu-

satzstrafe angeordnet wurde, zu bezahlen, angewendet werden. Dies folgt aus dem verfassungsrechtlichen Verbot der Mehrfachbestrafung. Man kann vermuten, dass der Staat, der ein Recht hat, die Zahlung der Strafe zu fordern, gleichzeitig verpflichtet ist, die Bedingungen dafür zu gestalten. Dieses Problem kann durch die Verpflichtung des Verurteilten, der die Geldstrafe nach der Befreiung von Hauptstrafe als Zusatzstrafe nicht bezahlt hat, zur Erlangung einer Erwerbstätigkeit gelöst werden. Die Durchsetzung erfordert entsprechende Zwangsmittel. So wie der Gesetzgeber die Verweigerung von behördlicher Aufsicht unter Strafe gestellt hat, erscheint es akzeptabel, die Strafbarkeit der Verurteilten wegen der Entziehung von der Arbeitsverpflichtung vorzusehen. Abschließend ist zu sagen, dass die Verpflichtung zur Erbringung von Arbeitsleistungen eine weitere sehr wichtige Aufgabe erfüllen würde, nämlich die Resozialisierung des Straftäters.

Литература

1. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. — 560 с.
2. Галинский В.А. Штраф как мера наказания в уголовном праве России и ФРГ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. — 22 с.
3. Уткин С.С. Уголовное наказание в виде штрафа. Томск, 2004. — 194 с.
4. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 1998. — 192 с.
5. Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996 — 202 с.
6. Демидов О.Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. — 24 с.

References

1. Zhalinskij A.Je. *Sovremennoe nemeckoe ugovolnoe pravo* [Modern German Criminal Law]. Moscow, 2004. — 560 p. (In Russian)
2. Galinskij V.A. *Shtraf kak mera nakazaniya v ugovolnom prave Rossii i FRG: avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk* [Fine as a penalty in the criminal law of Russia and the Federal Republic of Germany: the author's abstract. diss. ... cand. legal sciences.]. Moscow, 2007. — 22 p. (In Russian)
3. Utkin S.S. *Ugovolnoe nakazanie v vide shtrafa* [Penal punishment in the form of a fine]. Tomsk, 2004. — 194 p. (In Russian)
4. Krylova N.E., Serebrennikova A.V. *Ugovolnoe pravo zarubezhnyh stran* [Criminal law of the foreign countries]. Moscow, 1998. — 192 p. (In Russian)
5. *Ugovolnyj kodeks FRG* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. Moscow, 1996. — 202 p. (In Russian)
6. Demidov O.G. *Uklonenie ot nakazaniya: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. diss. ... kand. jurid. Nauk* [Evasion from punishment: criminally-legal and criminological aspects: the author's abstract. diss. ... cand. legal. sciences.]. Rjazan', 2004. — 24 p. (In Russian)

УНИФИКАЦИЯ ПРАВА В СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПОСРЕДСТВОМ ИЗДАНИЯ ДИРЕКТИВ НА ПРИМЕРЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ВТОРОЙ ДИРЕКТИВЫ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ НА РЫНКЕ (КРИМ-МАД) В ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ И ИРЛАНДИИ

Штаге Диана
Сторей Джессика

Цель: выявить особенности имплементации директив в национальное законодательство в разных государствах-членах ЕС. Пример второй Директивы о злоупотреблениях на рынке (CRIM-MAD) показывает различные способы ее реализации на основе уголовного законодательства, регулирующего манипулирование рынком, совершенное физическим лицом в трех государствах-членах ЕС Германии, Австрии и Ирландии.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-правовой, сравнительно-правовой методы.

Выводы. Авторами делается вывод, что Германия, Австрия и Ирландия внедрили CRIM-MAD по-разному. Несмотря на то, что CRIM-MAD действительно может иметь определенное юридическое сходство в области манипулирования рынком, есть также некоторые существенные различия. Отмечается, что Австрия, в отличие от Германии и Ирландии, не криминализовала все формы манипулирования рынком; также отличаются размеры штрафов.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в изучении сближения законов в области манипулирования криминальным рынком в трех государствах-членах ЕС (Германии, Австрии и Ирландии) CRIM-MAD.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство на рынке капитала, уголовное законодательство, европейское уголовное право, правовой акт, манипулирование рынком.

Со вступлением в силу Лиссабонского договора от 1 декабря 2009 г. Европейский союз получил возможность оказывать влияние на национальное уголовное право стран-членов ЕС и гармонизировать его посредством издания регламентов и директив [1, § 1 Rn. 21 ff.]. Регламенты подлежат непосредственному применению в странах-членах ЕС (ст. 288 абз. 2 ДФЕС), а директивы должны быть имплементированы в национальное право [2, § 7 Rn. 4; § 9 Rn. 59]. Таким образом, Регламенты служат правотворчеству, Директивы – унификации права. [1, § 1 Rn. 21 f.; 2, § 7 Rn. 8.]

При унификации уголовного права посредством директив Евросоюз не самостоятельно формирует состав преступления, а указывает,

что предусмотренной директивой результат законодателем государств-членов может достигаться посредством выбранной им формы и способа достижения цели [2, § 7 Rn. 8]. До какой степени различной может быть имплементация директив в отдельных государствах-членах, будет показано на примере второй Директивы о злоупотреблениях на рынке (Richtlinie 2014/57/EU des Europäischen Parlaments und des Rates vom 16. April 2014 über strafrechtliche Sanktionen bei Marktmanipulation (Marktmissbrauchsrichtlinie), ABl. L 173 vom 12.6.2014, S. 179 ff. В английской версии Директива о злоупотреблениях на рынке называется „Criminal sanctions for market abuse (market abuse directive)“, поэтому в сокращенном варианте

использована аббревиатура «КРИМ-МАД»). Речь пойдет об уголовно-правовом регулировании совершенного физическим лицом злоупотребления на рынке. На примере Германии, Австрии и Ирландии будет показано, насколько разными могут быть пути имплементации рассматриваемой Директивы. В фокусе наблюдений находится не содержательная часть (отвечающая на вопрос «что»), а способ (отвечающий на вопрос «как») ее имплементации. Но прежде для лучшего понимания следует охарактеризовать этот акт.

КРИМ-МАД вместе и Регламент о манипуляциях рынком (*Verordnung (EU) Nr. 596/2014 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 16. April 2014 über Marktmissbrauch (Marktmissbrauchsverordnung) und zur Aufhebung der Richtlinie 2003/6/EG des Europäischen Parlaments und des Rates und der Richtlinien 2003/124/EG, 2003/125/EG und 2004/72/EG der Kommission, ABl. L 173 vom 12.6.2014, S. 1ff.* В английской версии регламент о злоупотреблениях на рынке называется „*market abuse regulation*“, поэтому в сокращенном варианте использована аббревиатура **МАР**) входят в объемный пакет мер по улучшению регулирования финансовых рынков [3, 41]. Директива обязала государства-члены до 3 июля 2016 г. наказывать в уголовном порядке определенные, расцениваемые как злоупотребления на рынке, подстрекательства и пособничества к нему, а также покушения на него. Параллельно европейский законодатель принял административно-правовые нормы по манипуляции рынком. С 3 июля 2018 г. эти нормы (почти) во всех государствах-членах ЕС имеют прямое действие.

В настоящее время почти все государства-члены ЕС приняли национальные меры для имплементации КРИМ-МАД. Причем, Германия, имплементировала КРИМ-МАД в одном акте законодательства, Португалия – в 46-ти. (*О состоянии мер по имплементации в отдельных государствах-членах см. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/NIM/?uri=CELEX:32014L0057> (дата обращения: 11.12.2017).*)

Немецкий законодатель своевременно имплементировал предписания КРИМ-МАД в рамках Первого закона «О внесении изменений в закон «О финансовом рынке» и заново отрегулировал составы преступления манипуляцией рынком в Законе «О ценных бумагах». (*С 3 января 2018 г. цепочка норм выглядит следующим образом: § 119 абз. 1, 120 абз. 15 № 2 Закона «О ценных бумагах» в связи со ст. 15 МАР (в особенности финансовые инструменты)/ §§ 119 абз. 1, 120 абз. 2 № 3, 25 Закона «О ценных бумагах» в связи со ст. 15 МАР (в отношении товаров и иностранных средств пла-*

тежа). Составы указанного преступления являются бланкетными: уголовно-правовая норма закона «О торговле ценными бумагами» отсылает к нормам закона «О торговле ценными бумагами», закрепляющим наложение административного денежного взыскания, который отсылает к ст. 15 МАР. Эта статья создает впечатление запретительной нормы. Но отсылка к ст. 15 МАР является «бессодержательной» [4, 966, 968], поскольку эта статья запрещает исключительно манипуляцию рынком и покушение на нее. Формулируя превентивно, состав преступления манипуляции рынком звучит следующим образом: «За манипуляцию рынком наказывается тот, кто ее совершает». Чтобы иметь возможность отграничить запрещенное поведение, нужно применить ст. 12 МАР, которая содержит определение понятия «манипуляция рынком».

В Австрии в отличие от Германии была осуществлена не к 3 июля 2016 г., как это было предусмотрено, а с небольшим опозданием ко 2 августа 2016 г. [3, 41, 46], когда Пленум Национального Совета принял дополнения к закону «О биржах» [3, 41, 46], (*С 3 января 2018 г. в Австрии вступает в силу новый закон «О биржах». Определение наказания судом в случаях манипуляции рынком закреплены не в § 48n закона «О биржах» 2016, а в § 164 закона «О биржах» 2018*). С момента внесения этих дополнений прежнее разграничение между инсайдерской торговлей и манипуляцией рынком было отменено [3, 41, 47]. Если раньше инсайдерская торговля была исключительно уголовно наказуемой и нарушения запрета манипуляцией рынком наказывались только в административном порядке, то теперь разграничение и тем самым разделение обязанностей между органами юстиции и административными органами упразднено [3, 41, 47]. В соответствии с КРИМ-МАД «тяжкие» или «злостные» случаи манипуляции рынком (и инсайдерской торговли) были санкционированы судебными наказаниями (*см. 5 абз. 1 КРИМ-МАД, декларативная часть КРИМ-МАД п. 6, 8, 10 и 12*).

Австрийский Закон «О биржах» предусматривает судебную уголовную наказуемость манипуляции рынком (*сравн. § 164 закона «О биржах» 2018*); если предельная величина размера сделки не достигнута, то виновный подлежит административной ответственности. (*§ 154 закона «О биржах» 2018*). В качестве предельной величины выступает размер сделки или торгового поручения, превышающей **1 млн евро**, то дело подпадает под компетенцию суда для принятия решения о применении мер уголовной ответственности (*сравн. § 164 абз. 1 и 2 закона «О биржах» 2018*), в против-

ном случае имеет место «лишь» административное правонарушение [3, 41, 47]. Иначе, чем в Германии, не каждая форма манипуляции рынком может преследоваться в уголовном порядке; есть случаи манипуляции рынком, которые представляют собой «лишь» административное правонарушение [3, 41, 47]. Судебные составы преступления в отличие от Германии не являются бланкетными составами, отсылающими к ст. 15 КРИМ-МАД, а полностью закреплены в уголовно-правовой норме (§ 164 закона «О биржах» 2018) [3, 41, 47]. При этом их формулировка соответствует КРИМ-МАД (*Art. 5 Abs. 2a u b КРИМ-МАД*).

Что касается Ирландии, то в связи с тем, что она наряду с Данией и Великобританией относится к государствам-членам, которые имеют особое положение при правотворчестве в сфере пространства свободы, безопасности и правосудия в соответствии с Протоколами № 21 и 22 к Лиссабонскому договору (*декларативная часть пп. 29–31 КРИМ-МАД*), [3, 41, 47], то эта страна, в отличие от Германии и Австрии, не была обязана имплементировать КРИМ-МАД. Однако Ирландия объявила, что будет применять Директиву (*декларативная часть КРИМ-МАД п. 30*), и своевременно имплементировала ее к 3 июля 2016 г. так называемой „*European Union (Market Abuse) Regulations 2016*“. Нормы закреплены в так называемом „*statutory instrument*“, при этом в названном правоприменительном инструменте речь идет об обычном праве (*common law*).

Рассмотрим, что представляют собой так называемые «*statutory instruments*». Право Ирландии предусматривает в законодательстве как первичное, так и вторичное право. Первичным правом являются все «формально» принятые законы (так называемые „*Acts*“). Они зачитываются и дискутируются в парламенте, где затем проводится голосование по поводу их принятия. *Statutory instruments* относятся ко вторичному праву (делегированное законодательство) и регулируются в Ирландии „*Statutory Instrument Act 1947*“. Обычно они издаются в форме предписаний (*Regulation*) или положений (*Order*).

Министры и ведомства, которые обладают соответствующими полномочиями, уполномочены издавать законы в отношении общих вопросов, которые также вытекают из первичного права. В случае „*European Union (Market Abuse) Regulations 2016*“ в абз. 3 „*European Communities Act 1972 (No. 27 of 1972)*“ государственный министр уполномочен на издавать „*statutory instrument*“.

Издание „*statutory instruments*“ позволяет законодательству стать быстрее и эффективнее,

если вопросы, которые должны быть урегулированы, четко распознаваемы. Поэтому эти акты используются преимущественно для имплементации европейского права. В абз. 4(1) „*European Communities Act 1972 (No. 27 of 1972)*“ регулируется соответствие „*statutory instruments*“ в отношении европейского права в Ирландии требованиям Конституции. Соответственно, все нормы, которые были изданы согласно *European Communities Act 1972 (No. 27 of 1972)*, имеют характер закона первичного права (*Подтверждено в O’Connell v EPA [2003 SC] 1 IR 532*).

В Ирландии составы манипуляции рынком — аналогично Германии — сконструированы как бланкетные. Вместе с тем в отличие от Германии, ст. 10 „*European Union (Market Abuse) Regulations 2016*“, отсылает не к МАР, а к параграфу 7 „*European Union (Market Abuse) Regulations 2016*“, в соответствии с которым регламентируется манипуляция рынком. Формулировка параграфа практически дублирует ст. 5 КРИМ-МАД. Она содержит лишь незначительные изменения формулировок или дополнения, которые как минимум на первый взгляд не влияют на толкование нормы.

Размеры наказания за запрещенную манипуляцию рынком в Германии, Австрии и Ирландии. В соответствии с КРИМ-МАД страны-члены ЕС должны гарантировать, что манипуляция рынком как минимум в тяжких умышленных случаях представляет собой преступное деяние (ст. 5 абз. 1) и «предусматривает действенные соразмерные и оказывающие устрашающее воздействие уголовно-правовые санкции» (ст. 7 абз. 1); за манипуляцию рынком предусматривается наказание в виде лишения свободы «с верхним пределом наказания на срок минимум четыре года» (ст. 7 абз. 2).

В Германии уголовно наказуемая умышленная манипуляция рынком наказывается денежным штрафом или лишением свободы на срок до пяти лет (§ 119 Abs. 1 WpHG.), квалифицированная манипуляция рынком — лишением свободы на срок от одного года до 10 лет (§ 119 Abs. 5 WpHG.).

В Австрии при наличии судебного состава преступления манипуляции рынком применяется наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет (§ 164 Abs. 1, 2 BörseG 2018.).

В Ирландии в легких случаях манипуляции рынком виновный наказывается денежным штрафом в размере до 5 тыс. евро и(или) лишением свободы на срок до 12 месяцев (§ 10 (1) *European Union (Market Abuse) (Amendment) Regulations 2017*). В тяжких случаях манипуляции рынком исполнитель наказывается денежным штрафом

до 10.000.000 евро и/или лишением свободы на срок до десяти лет (*Paragraph 10 (2) European Union (Market Abuse) (Amendment) Regulations 2017*). В случае манипуляции рынком, совершаемой на постоянной основе, исполнитель может быть подвергнут денежному штрафу за каждый следующий день, в течение которого имеет место манипуляция рынком (после первого приговора), в размере 5 тыс. евро и(или) приговорен к лишению свободы на срок до 12 месяцев, в течение периода, в котором продолжается нарушение вышеназванных норм (*Paragraph 12 European Union (Market Abuse) Regulations 2016*).

Таким образом, в каждой из этих стран был избран свой путь имплементации. Наиболее «дружелюбным» по отношению к исполнителю манипуляции рынком является австрийское законодательство. Так, в этой стране, в отличие от Германии и Ирландии, не все формы манипуляцией рынком уголовно наказуемы. Кроме того, размеры наказания в этих странах различны. В итоге можно сделать вывод, что несмотря на существенные различия в результатах имплементации норм, определенная унификация посредством КРИМ-МАД в области манипуляции рынком и имеет место.

RECHTSANGLEICHUNG IN DEN EU-MITGLIEDSTAATEN DURCH DEN ERLASS VON RICHTLINIEN – AM BEISPIEL DER UMSETZUNG DER ZWEITEN MARKTMISSBRAUCHSRICHTLINIE (CRIM-MAD) IN DEUTSCHLAND, ÖSTERREICH UND IRLAND

A. Einleitung

Seit dem Inkrafttreten des Vertrags von Lissabon am 1. Dezember 2009 hat die Europäische Union im Bereich des Strafrechts die Möglichkeit, durch den Erlass von Verordnungen und Richtlinien das nationale Recht der Mitgliedstaaten zu beeinflussen und zu harmonisieren [1, § 1 Rn. 21 ff.]. Verordnungen wirken unmittelbar in den Mitgliedstaaten (Art. 288 Abs. 2 AEUV); Richtlinien entfalten eine solche unmittelbare Wirkung hingegen nicht, sondern müssen zunächst von dem einzelnen EU-Mitgliedstaat in nationales Recht umgesetzt werden, um Verbindlichkeit für den Einzelnen zu erlangen (vgl. Art. 288 Abs. 3 AEUV); [2, § 7 Rn. 4; § 9 Rn. 59] Verordnungen dienen also der Rechtsetzung, Richtlinien der Rechtsangleichung [1, § 1 Rn. 21 f.; 2, § 7 Rn. 8]. Bei der Strafrechtsangleichung durch Richtlinien schafft die EU somit nicht selbst einen in den Mitgliedstaaten anwendbaren Straftatbestand, sondern weist die Strafgesetzgeber der Mitgliedstaaten an, das in der Richtlinie vorgegebene Ziel mit den Mitteln ihrer Wahl zu erreichen [2, § 7 Rn. 8]. Wie unterschiedlich solch eine Richtlinienumsetzung in den einzelnen Mitgliedstaaten erfolgen kann, soll anhand der Umsetzung der zweiten Marktmissbrauchsrichtlinie (*Richtlinie 2014/57/EU vom 16.04.2014 über strafrechtliche Sanktionen bei Marktmanipulation (Marktmissbrauchsrichtlinie)*, ABl. L 173 vom 12.06.2014, 179. Da

die Überschrift der Richtlinie in der englischen Fassung „*criminal sanctions for market abuse (market abuse directive)*“ lautet, wird die Richtlinie zumeist **CRIM-MAD** abgekürzt). – und zwar am Beispiel der strafrechtlichen Regelung der von einer natürlichen Person begangenen Marktmanipulation – gezeigt werden. Um den Rahmen des Vortrags nicht zu sprengen, haben wir unsere Untersuchung auf die drei EU-Mitgliedstaaten Deutschland, Österreich und Irland beschränkt. Allein ein Blick auf diese drei Länder genügt, um zu zeigen, wie verschieden die Wege einer Richtlinienumsetzung sein können. Im Fokus unserer Betrachtung steht hierbei nicht die inhaltliche (das „Was“), sondern die Art und Weise (das „Wie“) der Richtlinienumsetzung. Bevor wir jedoch zeigen, auf welcher unterschiedlichen Art und Weise die drei Länder die CRIM-MAD umgesetzt haben, soll – zum besseren Verständnis – ein kurzer Überblick über diese Richtlinie gegeben werden.

B. Die CRIM-MAD

Die CRIM-MAD gehört zusammen mit der Marktmissbrauchsverordnung (*Verordnung (EU) Nr. 596/2014 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 16.04.2014 über Marktmissbrauch (Marktmissbrauchsverordnung) und zur Aufhebung der Richtlinie 2003/6/EG des Europäischen Parlaments und des Rates und der Richtlinien 2003/124/EG, 2003/125/EG und 2004/72/EG der Kommission*, ABl. L 173, 1; berichtigt 2016 durch ABl. L 287, 320 und ABl. L 348, 83 (für die

deutsche Fassung der MAR); geändert durch Verordnung (EU) 2016/1011, ABl. L 171, 1 und Verordnung (EU) 2016/1033, ABl. L 175, 1; ergänzt durch Delegierte Verordnung (EU) Nr. 2016/1052, ABl. 173, 34. Aufgrund der englischen Bezeichnung „market abuse regulation“ wird die VO üblicherweise **MAR** abgekürzt.) zu einem umfassenden Maßnahmenpaket, das die Finanzmärkte besser regulieren soll [1, 41]. Die Richtlinie hat die Mitgliedstaaten ausdrücklich verpflichtet, bis zum 3. Juli 2016 bestimmte Handlungen als Marktmanipulation, die Anstiftung und Beihilfe dazu sowie den Versuch unter Kriminalstrafandrohung zu stellen. Korrespondierend zur CRIM-MAD hat der europäische Gesetzgeber die verwaltungsrechtlichen Regelungen zur Marktmanipulation in der Marktmissbrauchsverordnung (kurz: MAR) getroffen. Seit dem 3. Juli 2016 gelten diese Vorschriften in (fast) allen EU-Mitgliedstaaten unmittelbar.

C. Die Umsetzung der CRIM-MAD

Mittlerweile haben fast alle EU-Mitgliedstaaten nationale Maßnahmen zur Umsetzung der CRIM-MAD getroffen. Die Anzahl der (bisherigen) Umsetzungsmaßnahmen ist dabei unterschiedlich; einige Mitgliedstaaten – z. B. Deutschland – haben die CRIM-MAD innerhalb eines Gesetzgebungsakts umgesetzt, Portugal hat 46 Maßnahmen zur Umsetzung vorgenommen (Zum Stand der Umsetzungsmaßnahmen in den einzelnen Mitgliedstaaten siehe <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/NIM/?uri=CELEX:32014L0057> (zuletzt abgerufen am 11.12.2017))

I. Regelung der strafbaren Marktmanipulation in Deutschland

In Deutschland setzte der deutsche Gesetzgeber die Vorgaben der CRIM-MAD im Rahmen des Ersten Finanzmarktnovellierungsgesetzes (kurz: 1. FiMaNoG) fristgerecht in deutsches Recht um und regelte die Straftatbestände der Marktmanipulation im Wertpapierhandelsgesetz (WpHG) neu (Ab 3. Januar 2018 lautet die Normenkette: § 119 Abs. 1, 120 Abs. 15 Nr. 2 WpHG i.V.m. Art. 15 MAR (insb. Finanzinstrumente)/ § 119 Abs. 1, 120 Abs. 2 Nr. 3, 25 WpHG i.V.m. Art. 15 MAR (bzgl. Waren und ausländischer Zahlungsmittel)) Die Marktmanipulationstatbestände sind dabei als Blanketttatbestände konstruiert: Die nationale Strafvorschrift im WpHG verweist auf die nationale Bußgeldvorschrift im WpHG und diese wiederum auf die unmittelbar geltende europäische Marktmissbrauchsverordnung, namentlich auf Art. 15 MAR. Jener scheint die eigentliche Verbotsnorm zu sein. Allerdings ist der Verweis auf Art. 15 MAR „inhaltlos“ (4, 966, 968), denn dieser verbietet lediglich die Marktmanipulation und den Versuch dazu. Überspitzt formuliert lautet also der deutsche Straftatbestand der Marktmanipulation: „Wegen einer Marktmanipulation

wird bestraft, wer eine Marktmanipulation begeht.“ Um das verbotene Verhalten umgrenzen zu können, muss man letztlich Art. 12 MAR einbeziehen, der den Begriff Marktmanipulation definiert.

II. Regelung der strafbaren Marktmanipulation in Österreich

In Österreich erfolgte – anders als Deutschland – die Umsetzung der CRIM-MAD nicht fristgerecht zum 3. Juli 2016, sondern – mit leichter Verspätung – erst zum 2. August 2016 [3, 41, 46]. Hierzu hatte das Plenum des Nationalrates eine Novelle des Börsegesetz (kurz BörseG) beschlossen (Zum Ablauf des Gesetzgebungsverfahrens in Österreich Zeder, NZWiSt 2917, 41, 46. Ab 3. Januar 2018 tritt in Österreich das BörseG 2018 in Kraft. Die gerichtliche Strafbestimmung gegen Marktmanipulation ist dann nicht mehr in § 48n BörseG 2016, sondern in § 164 BörseG 2018 geregelt). Seit dieser Novelle ist die alte Abgrenzung zwischen Insiderhandel und Marktmanipulation aufgehoben [3, 41, 47]. War früher der Insiderhandel ausschließlich gerichtlich strafbar und wurden Verstöße gegen das Verbot der Marktmanipulation hingegen „nur“ verwaltungsrechtlich geahndet, musste diese Abgrenzung – und somit die Aufgabenverteilung zwischen Justiz und Verwaltungsbehörde – aufgegeben werden [3, 41, 47] Nach der CRIM-MAD müssen nämlich „schwere“ bzw. „schwerwiegende“ Fälle von Marktmanipulation (und Insiderhandel) mit gerichtlichen Strafen sanktioniert werden (Art 5 Abs. 1 CRIM-MAD, Erwägungsgründe 6, 8, 10 und 12 CRIM-MAD). So sieht nunmehr das Börsegesetz in Österreich bei Überschreiten eines bestimmten Schwellenwertes eine gerichtliche Strafbarkeit der Marktmanipulation vor (vgl. § 164 BörseG 2018); wird der Schwellenwert nicht erreicht, droht eine Verwaltungssanktion (§ 154 BörseG 2018). Als Schwellenwert gilt bei der Marktmanipulation der Wert eines Geschäfts oder Handelauftrags; übersteigt dieser Wert **eine Million Euro**, ist das Gericht zuständig (vgl. § 164 Abs. 1 und 2 BörseG 2018), ansonsten liegt „nur“ eine Verwaltungsübertretung vor [3, 41, 47]. Anders als in Deutschland kann allerdings nicht jede Form der Marktmanipulation strafrechtlich verfolgt werden; es gibt Fälle der Marktmanipulation, die „nur“ eine Verwaltungsübertretung darstellen [3, 41, 47]. Die gerichtlichen Straftatbestände sind nicht wie in Deutschland als Blanketttatbestände mit einem Verweis auf Art. 15 MAR ausgestaltet, sondern vollständig in der strafrechtlichen Vorschrift (§ 164 BörseG 2018) geregelt [3, 41, 47]. Die Formulierung entspricht der der CRIM-MAD (Art. 5 Abs. 2a und b CRIM-MAD.).

III. Regelung der strafbaren Marktmanipulation in Irland

Aufgrund einer Sonderstellung (Irland gehört neben Dänemark und dem Vereinigten Königreich zu den drei Mitgliedstaaten, die eine Sonderstellung bei der Rechtset-

zung im Bereich des Raums der Freiheit, der Sicherheit und des Rechts nach den Protokollen Nr. 21 und 22 zum Vertrag von Lissabon haben (Erwägungsgrund 29 bis 31 CRIM-MAD); [3, 41, 44] war Irland zwar – anders als Deutschland und Österreich – nicht verpflichtet, die CRIM-MAD umzusetzen. Irland hat aber erklärt, die Richtlinie anzuwenden (Erwägungsgrund 30 CRIM-MAD). Es hat die CRIM-MAD fristgerecht zum 3. Juli 2016 mit den sogenannten „European Union (Market Abuse) Regulations 2016“ umgesetzt. Die Regelungen sind in einem „statutory instrument“ verankert, wobei es sich bei diesem Rechtssetzungsinstrument um eine Besonderheit des common law handelt. Bevor wir die Umsetzung der CRIM-MAD in Irland näher betrachten, sollen daher die sog. statutory instruments kurz dargestellt werden.

1. Statutory Instruments

Irisches Recht sieht sowohl Primär- als auch Sekundärrecht in der Gesetzgebung vor. Primärrecht sind alle förmlichen Gesetze (sogenannte „Acts“); diese werden im irischen Parlament gelesen und diskutiert, sodann wird im Parlament darüber abgestimmt. Statutory instruments gehören zum Sekundärrecht (delegierte Gesetzgebung) und sind in Irland durch den „Statutory Instrument Act 1947“ geregelt. Sie werden üblicherweise in Form einer Vorschrift (Regulation) oder Ordnung (Order) erlassen.

Der „Statutory Instrument Act 1947“ ermächtigt u.a. alle Minister und Behörden, denen eine Befugnis vom relevanten Primärrecht übertragen worden ist, Gesetze in Bezug auf alltägliche Angelegenheiten, die sich ebenfalls aus dem Primärrecht ergeben, zu erlassen. Im Falle der „European Union (Market Abuse) Regulations 2016“ ist im Absatz 3 des „European Communities Act 1972 (No. 27 of 1972)“ dem Staatsminister die Befugnis, ein „statutory instrument“ zu erlassen, übertragen. Das Erlassen von „statutory instruments“ ermöglicht eine schnelle, effiziente Gesetzgebung, wenn die zu regelnden Angelegenheiten genau erkennbar sind. Daher werden „statutory instruments“ überwiegend für die Umsetzung von europäischem Recht verwendet. Absatz 4(1) des „European Communities Act 1972 (No. 27 of 1972)“ regelt die Verfassungskonformität von „statutory instruments“ bzgl. europäischen Rechts in Irland. Demnach haben alle Vorschriften, die gemäß dem *European Communities Act 1972 (No. 27 of 1972)* erlassen worden sind, den Charakter eines Gesetzes gemäß Primärrecht (*Bestätigt auch in O’Connell v EPA [2003 SC] 1 IR 532*).

2. Strafbare Marktmanipulation

In Irland sind die Marktmanipulationstatbestände – ähnlich wie in Deutschland – als Blanketttatbestände ausgestaltet: Anders als in Deutschland verweist die Strafvorschrift im „European Union (Market Abuse) Regulations 2016“ (Art. 10) allerdings nicht auf die eu-

ropäische Marktmissbrauchsverordnung (MAR); es wird vielmehr innerhalb des „statutory instrument“ verwiesen, indem auf Paragraph 7 der „European Union (Market Abuse) Regulations 2016“ Bezug genommen wird. Paragraph 7 ist also die Ausfüllungsnorm, in der die Marktmanipulation geregelt ist. Die Formulierung des Paragraphen wurde überwiegend aus Art. 5 der CRIM-MAD wortwörtlich übernommen; sie enthält nur vereinzelte Umformulierungen bzw. Ergänzungen, die – zumindest auf dem ersten Blick – keinen Einfluss auf die Auslegung der Regelungen haben.

IV. Strafrahmen der strafbaren Marktmanipulation in Deutschland, Österreich und Irland

Nach der CRIM-MAD haben die Mitgliedstaaten jeweils sicherzustellen, dass Marktmanipulationen zumindest in schweren vorsätzlichen Fällen eine Straftat darstellen (Art. 5 Abs. 1) und „mit wirksamen, verhältnismäßigen und abschreckenden strafrechtlichen Sanktionen bewehrt sind“ (Art. 7 Abs. 1); die Marktmanipulation muss mit einer Freiheitsstrafe „im Höchstmaß von mindestens vier Jahren“ bewehrt sein (Art. 7 Abs. 2).

In **Deutschland** ist die strafbare vorsätzliche Marktmanipulation mit einer Freiheitsstrafe von bis zu fünf Jahren bedroht; es kann auch eine Geldstrafe verhängt werden (§ 119 Abs. 1 WpHG.). Liegt eine qualifizierte Marktmanipulation vor, ist diese mit einer Freiheitsstrafe von einem Jahr bis zu zehn Jahren zu bestrafen (§ 119 Abs. 5 WpHG.).

In **Österreich** beträgt der Strafrahmen bei Vorliegen eines gerichtlichen Straftatbestandes der Marktmanipulation Freiheitsstrafe von sechs Monaten bis zu fünf Jahren (§ 164 Abs. 1, 2 BörseG 2018).

In **Irland** wird der Täter in leichten Fällen der Marktmanipulation mit einer Geldstrafe von bis zu 5.000 Euro und/oder einer Freiheitsstrafe von bis zu 12 Monaten bestraft (Paragraph 10 (1) European Union (Market Abuse) (Amendment) Regulations 2017). In schweren Fällen der Marktmanipulation ist der Täter mit einer Geldstrafe von bis zu 10.000.000 Euro und/oder mit einer Freiheitsstrafe von bis zu zehn Jahren zu bestrafen (Paragraph 10 (2) European Union (Market Abuse) (Amendment) Regulations 2017). Bei einer beharrlich begangenen Marktmanipulation kann gegen den Täter für jeden Tag, an dem er einen weiteren Verstoß gegen Marktmanipulation (nach der ersten Verurteilung) begeht, eine Geldstrafe von bis zu 5.000 Euro, und/oder eine Freiheitsstrafe von bis zu zwölf Monaten verhängt werden, solange die Beharrlichkeit andauert (Paragraph 12 European Union (Market Abuse) Regulations 2016).

C. Fazit

Die Untersuchung zeigt: Drei Länder, drei Wege der Umsetzung. Es mag zwar durchaus zu einer (gewissen) Rechtsangleichung durch die CRIM-MAD

im Bereich der Marktmanipulation kommen, es bestehen aber teilweise auch recht große Unterschiede. So hat z. B. Österreich – anders als Deutschland und Irland – nicht alle Formen der Marktmanipulation unter Kriminalstrafe gestellt; zudem ist der Strafrahmen in den einzelnen Ländern unterschiedlich. Am „täterfreundlichsten“ ist insoweit jedenfalls die österreichische Marktmanipulationsregelung

Literaturverzeichnis

1. Esser, Europäisches und Internationales Strafrecht, 2014.
2. Satzger, Internationales und Europäisches Strafrecht, 7. Auflage, 2016.
3. Zeder, NZWiSt 2017.
4. BGH, NJW 2017.

References

1. Esser, Europäisches und Internationales Strafrecht [European and International Criminal law], 2014.
2. Satzger, Internationales und Europäisches Strafrecht, [International and European Criminal law]. 7 Auflage, 2016.
3. Zeder, NZWiSt 2017.
4. BGH, NJW 2017.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ § 238 УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»

Штайнберг Георг

Цель: рассмотреть состав преступления «Преследование», введенный в Уголовное уложение Германии в 2007 г., разработать рекомендации по совершенствованию законодательства в части уголовной ответственности за преследование. При этом особое внимание уделяется анализу необходимости внесения поправки в данную законодательную норму, а также оценить ее пригодность для ликвидации законодательных пробелов. Согласно действовавшей редакции нормы, в тех случаях, когда жертва не меняла своего образа жизни, ее преследователям не мог быть вынесен обвинительный приговор.

Методология: анализ, сравнение, синтез.

Выводы. Формулировка исходной нормы «значительное ухудшение качества жизни» также охватывала причинение ущерба психике жертвы. В соответствии с внесенными изменениями для уголовного преследования достаточным является факт объективной пригодности поведения исполнителя для ухудшения качества жизни жертвы. Таким образом, произошло смещение акцента с наличия фактического психического расстройства и страданий жертвы на проведение оценки поведения ее преследователя. Риск возникновения значительных негативных последствий, связанных с преобразованием действующей нормы в деликт пригодности, признается автором статьи крайне высоким.

Научное и практическое значение: автор приходит к выводу, что законодатель ошибается в своем решении не включать психологический ущерб жертвы в качестве объективного критерия преступления. Подробные исследования судебной практики показали, что на самом деле существует немало трудностей с предоставлением необходимых доказательств и установлением причинно-следственных связей, которые могут быть получены путем проведения соответствующей психолого-психиатрической экспертизы

Ключевые слова: уголовное право, преследование, законодательная поправка, защита психического здоровья

Уголовное уложение ФРГ (далее – Уложение) в 2007 г. было дополнено новым составом, а именно § 238 «Преследование», согласно которому уголовному наказанию подлежали такие проявления систематического преследования как слежение, звонки или угрозы в том случае, если их последствием становилось «значительное ухудшение качества жизни». Согласно судебной практике подобное значительное ухудшение (как необходимый результат преступления) имеет место только в тех случаях, когда оно проявляется в изменении потерпевшим своего поведения – например, изменение им места жительства, номера телефона, смена места работы, или то обстоятельство, что потерпевший выходит из дома реже, чем делал

это ранее, а также прекращение определенных социальных контактов. Только психическое воздействие, т.е. запугивание жертвы, не образует состав преступления. До принятия поправок к § 238 Уложения это привело бы к тому, что исполнители, запугавшие своих жертв до такой степени, что они нередко становились психически больными, не привлекались к уголовной ответственности, поскольку их жертва не меняла свой уклад жизни.

С целью ликвидации этого пробела в законодательстве в действующую редакцию § 238 Уложения были внесены изменения, согласно которым значительное ухудшение качества жизни как результат преступного деяния теперь не является необходимым, достаточно лишь того обстоятель-

ства, что поведение исполнителя является *объективно пригодным* для значительного ухудшения качества жизни. Таким образом, § 238 Уложения является так называемым «деликтом пригодности» (в качестве определенного типа деликтов опасности).

Такое изменение закона представляется неудачным по двум причинам.

Во-первых, оно излишнее. Исходя из формулировки закона — «значительное ухудшение качества жизни» — неприемлемо требовать от жертвы изменения ее поведения. Напротив, такая формулировка предполагает достаточность массивного психического влияния на жертву. Состояние страха, бессонница и депрессия, которые были зафиксированы в соответствующих случаях, бесспорно, массивно влияют на жертву в отношении ее качества жизни.

Во-вторых, преобразование нормы в так называемый «деликт пригодности» приводит к тому, что внимание переносится с жертвы на поведение исполнителя. Предполагается оценить определенное поведение исполнителя в отношении его пригодности для значительного ухудшения качества жизни среднестатистической жертвы stalkingа. Это нелепо, поскольку исполнитель использует определенную психическую неуверенность жертвы, т.е. все зависит от личной конституции и определенных «слабых мест» жертвы. А они в соответствии с новой редакцией состава преступления не играют никакой роли. И в итоге жертве, психике которой нанесен вред, судом мо-

жет быть объяснено, что действия исполнителя не являются объективно причиной причинения такого вреда психике, т.е. жертва попросту является гипервосприимчивой. Это граничит с цинизмом.

Что же стоит за таким неудачным изменением закона? А стоит за этим то, что законодатель хочет предотвратить ситуацию, в которой нарушения психики потерпевшего становятся признаком состава уголовного преступления. Законодатель (как и большая часть представителей уголовно-правовой науки) полагает, что это приведет к неопределенности, поскольку ущерб психике потерпевшего, а также причинно-следственная связь не могут быть доказаны с достаточной степенью уверенности.

Это, однако, не соответствует действительности. Я исследовал все опубликованные судебные решения по данному вопросу, и пришел к выводу, что у судов не возникает особых сложностей в выявлении психических травм жертвы и установлении причинно-следственных связей. Психопатология сегодня настолько развита, что судья, прибегнув к заключению соответствующего эксперта, может достаточно точно оценить психические взаимосвязи для принятия объективного решения. Желательно, чтобы уголовно-правовая наука и законодатель пришли к тому же выводу.

В заключении хотелось бы задать российским коллегам вопрос: защищает ли российское уголовное право психическое здоровье? И если да, то каким образом это осуществляется с точки зрения законодательной техники?

NEUFASSUNG DES § 238 STBG («VERFOLGUNG»)

Ich spreche über die kürzlich ergangene Änderung eines jungen Straftatbestandes im deutschen Strafrecht, des § 238 StGB — Nachstellung. 2007 wurde dieser Straftatbestand eingeführt. Er stellte bisher beharrliche Nachstellungen wie Verfolgungen, Anrufe oder Drohungen unter Strafe, wenn sie beim Opfer eine „schwerwiegende Beeinträchtigung der Lebensgestaltung“ zur Folge hatten.

Nach der Rechtsprechung ist eine solche schwerwiegende Beeinträchtigung, als erforderlicher Tatbestandserfolg, nur dann gegeben, wenn sie sich äußerlich niederschlägt, indem das Opfer sein Verhalten ändert. Erforderlich ist also beispielsweise, dass

das Opfer seine Wohnadresse oder seinen Arbeitsplatz oder seine Telefonnummer ändert oder deutlich seltener als zuvor das Haus verlässt oder bestimmte soziale Kontakte abbricht usw. Die psychische Beeinträchtigung, also die Verängstigung des Opfers, soll hingegen für sich genommen den Tatbestand nicht erfüllen. Das hat in der Vergangenheit dazu geführt, dass Täter, die das Opfer massiv verängstigten, so dass dieses psychisch krank wurde, nicht verurteilt wurden, weil das verängstigte Opfer seine Lebensgewohnheiten nicht änderte.

Um diese Strafbarkeitslücke zu schließen, hat der Gesetzgeber die Strafvorschrift nun geändert. Der Tat-

bestandserfolg der schwerwiegenden Beeinträchtigung der Lebensgestaltung ist aufgegeben, stattdessen reicht es aus, dass das Täterverhalten für die schwerwiegende Beeinträchtigung der Lebensgestaltung des Opfers *objektiv geeignet* ist. § 238 StGB ist also jetzt ein sogenanntes Eignungsdelikt (als ein bestimmter Typ von Gefährdungsdelikt).

Ich halte diese Gesetzesänderung für verfehlt, und zwar aus zwei Gründen:

Erstens: Sie war überflüssig. Es ist nämlich nach dem Wortlaut „schwerwiegende Lebensbeeinträchtigung“ nicht plausibel, eine äußerliche Verhaltensänderung des Opfers zu fordern. Ganz im Gegenteil erzwingt der Wortlaut, massive psychische Beeinträchtigungen des Opfers bereits für sich ausreichen zu lassen. Angstzustände, Schlaflosigkeit und Depression, wie sie in den betreffenden Fällen festgestellt wurden, beeinträchtigen nämlich fraglos das Opfer bereits für sich genommen massiv in der Lebensgestaltung.

Zweitens: Die Umformung in ein Eignungsdelikt hat zur Folge, dass man den Blick vom Opfer wendet hin zum Täterverhalten. Man glaubt, für ein bestimmtes Täterverhalten beurteilen zu können, ob dieses zur Beeinträchtigung der Lebensgestaltung eines durchschnittlichen Stalkingopfers geeignet ist. Das ist Unsinn, da in den betreffenden Fällen der Täter typischerweise die spezielle psychische Unsicherheit des Opfers ausnutzt, es also auf die individuelle Konstitution und die speziellen Schwachstellen des Opfers ankommt. Diese sind aber nach der neuen Tatbestandsfassung irrelevant. Das hat die inakzeptable Folge, dass einem Opfer, das psychische Beeinträchtigungen

erleidet, gerichtlicherseits erklärt werden kann, die Tathandlungen seien objektiv zu deren Verursachung nicht geeignet, das Opfer sei also schlicht überempfindlich. Das grenzt an Zynismus.

Was steht hinter dieser verfehlten Gesetzesänderung? Dahinter steht, dass der Gesetzgeber es vermeiden will, dass die psychische Verletzung eines Opfers Tatbestandsmerkmal eines Strafgesetzes wird. Der Gesetzgeber – wie auch der Großteil der Strafrechtswissenschaft – glaubt nämlich, dass dies zu Unsicherheiten führe, weil sich die psychische Beeinträchtigung des Opfers sowie die betreffenden Kausal- und Zurechnungszusammenhänge strafprozessual nicht hinreichend sicher belegen ließen.

Das trifft aber nicht zu. Ich habe in einer umfangreichen Untersuchung alle veröffentlichten Gerichtsentscheidungen zu dieser Frage durchgesehen. Ergebnis ist, dass die Gerichte keine besonderen Schwierigkeiten bei der Feststellung psychischer Verletzungen sowie der Kausal- und Zurechnungszusammenhänge haben. Die Psychopathologie ist heute so weit entwickelt, dass der Richter unter Rückgriff auf die Begutachtung durch betreffende Sachverständige zu einer hinreichend sicheren Einschätzung der psychischen Zusammenhänge im zu entscheidenden Fall gelangen kann. Es wäre wünschenswert, dass diese Erkenntnis sich beim Gesetzgeber und in der Strafrechtswissenschaft durchsetzt.

Die Frage, die ich an die russischen Kolleginnen und Kollegen richten möchte, lautet: Schützt das russische Strafrecht die psychische Gesundheit? Und, falls ja: Wie wird dies gesetzestechnisch bewerkstelligt?

НОВЫЙ СОСТАВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ САМОУБИЙСТВУ

Штам Фабиан

***Цель:** критический анализ изменений, внесенных в норму уголовного кодекса, предусматривающую ответственность за «профессиональное содействие самоубийству», принятых около двух лет назад немецким Бундестагом. Будет рассмотрено, в какой степени новая реакция нормы способствует достижению цели противодействия признания профессионального содействия самоубийству нормой правомерного поведения.*

***Методология:** классификация, анализ, критерий пропорциональности.*

***Выводы.** Серьезные сомнения в эффективности нормы хорошо обоснованы. С одной стороны, критерий «профессиональности» приводит к более широкой трактовке сферы действия указанной нормы, с другой стороны, она защищает только от определенных рисков, оставив другие (на самом деле более опасные) безнаказанными. В этой связи показано, что более эффективная защита права на жизнь могла быть достигнута другими средствами, такими как меры дополнительной поддержки лиц, рассматривающих возможность совершения суицида, либо путем применения соответствующих запретов, имеющихся в полицейском законодательстве.*

***Научное и практическое значение:** В статье выражаются обоснованные сомнения в реальных целях и необходимости наличия в уголовном законодательстве данной нормы, даже в случае, если Федеральный конституционный суд признает данную норму конституционной, ссылаясь на широкую свободу законодательного усмотрения.*

***Ключевые слова:** уголовное право, самоубийство, профессиональная помощь правовая норма, изменение закона.*

Около двух лет назад Бундестаг ввел в уголовное законодательство Германии новый состав преступления — «Профессиональное содействие самоубийству», в соответствии с которым уголовной ответственности подлежит лицо, которое на профессиональной основе оказывает содействие другому лицу в совершении самоубийства. Для наступления уголовной ответственности не имеет значения, дойдет ли фактически дело до суицида. Если исполнитель действует не на профессиональной основе и является членом семьи лица, которое хочет умереть, или же его близким родственником либо другом, то уголовной ответственности он не несет.

Для лучшего понимания новой нормы необходимо отметить следующее: самоубийство, в отличие от убийства, не является уголовно наказуемым. Подстрекательство или пособничество к не

наказуемому в уголовном порядке деянию также не являются уголовно наказуемыми, т.е. участие в совершении суицида другого лица до сих пор не было уголовно наказуемым. Иным было положение, когда лицо, совершившее самоубийство, не было в полной мере ответственно за свой поступок. В подобных случаях было возможным наступление уголовной ответственности посредственного исполнителя, хотя отдельные детали и здесь были спорны. Но очень обобщенно можно сказать, что участие в совершении суицида другого лица не влекло за собой наступления для него уголовной ответственности.

В последние годы это привело к росту ассистированных самоубийств как при помощи частных лиц (например врачей), так и объединений, которые предоставляли в распоряжение своим членам медикаменты для осуществления суицида. Как

указывали разработчики законопроекта, он был подготовлен с целью воспрепятствовать становящейся нормой пособничеству в совершении самоубийства. Его целью также являлась защита престарелых и больных людей от принуждения к совершению суицида. Тем самым защищается самоопределение и право на жизнь. Помощь при совершении суицида, которая «в отдельном случае предоставляется в сложной ситуации конфликта интересов», тем не менее не должна быть наказуема.

После этих предварительных замечаний возникает вопрос: как расценивать такую норму? Можно усомниться уже в том, преследует ли она легитимную цель, которая оправдывала бы вмешательство в права граждан.

Аргументом против служит прежде всего следующее: если решение совершить суицид было принято самим лицом, то нет необходимости и соответствующих полномочий защищать это лицо от себя самого. Существуют более эффективные способы (например, лучшие методы лечения или социального обслуживания), способные защищать людей от принятия ими решения совершить самоубийство. Стабилизация табу на самоубийство и тем самым моральное представление не могут оправдать предписание, особенно потому, что утверждение, что легализация профессионального содействия самоубийству толкает людей на совершение суицида, ничем не подтверждается.

Это убедительные доводы, однако можно предположить, Федеральный Конституционный суд (ФКС) укажет на широкую свободу действия законодателя и подтвердит, что закон не противоречит Основному закону ФРГ, точно так же, как он делал это в прошлом. Во всяком случае, первое поспешное решение ФКС от декабря 2017 г. уже принято в этом ключе.

Даже если исходить из того, что законодатель преследует легитимную цель, нельзя не задаться вопросом: защищает ли анализируемая норма жизнь и самоопределение в оправданной мере?

Законодатель исходит из того, что профессиональное содействие самоубийству представляет особую опасность для названных правовых благ. Профессиональность имеет место, если исполнитель делает или хочет сделать повторение аналогичных деяний предметом своей деятельности. Не охвачены, однако, «действия, которые в отдельном случае основаны на альтруистических мотивах».

Если бы имело место желание введения уголовной ответственности исключительно за альтруистические действия по пособничеству,

то уголовная ответственность была бы введена за пособничество к совершению суицида с личной выгодой, т.е. профессиональное пособничество, при совершении которого исполнитель хочет получить выгоду. Однако сторонникам новой нормы этого было мало, поскольку они опасались, что так называемые «объединения помощи умереть» смогут легко скрыть намерение получить выгоду. Поэтому были выбраны понятие «профессиональность» и привязка к критерию повторного совершения. Вопрос, по какой причине повторное совершение должно сделать из не наказуемого в уголовном порядке деяние уголовно наказуемое, остается при этом открытым.

Представляется более целесообразным, не опираться на критерий профессиональности, а наказывать за фактический личный корыстный интерес при содействии самоубийству. Однако, с учетом действующих законодательных норм в случаях, когда содействие в совершении самоубийства основывается на корыстных интересах, может иметь место безнаказанность. Так, например, не подлежит наказанию тот, кто отвозит свою бабушку к месту, где будет совершено профессиональное содействие самоубийству, если он сам при этом не действует на профессиональной основе. Это объяснимо, если внук находится в сложном конфликте со своей совестью, и поэтому в уголовно-правовом смысле его нельзя «упрекнуть». Вместе с тем не поддается объяснению ситуация, в которой внук также останется безнаказанным, если мотивацией его действий являлось желание получить наследство бабушки.

Если задуматься о том, что близкие родственники имеют большое влияние на лицо, которое желает умереть, и сами при этом могут быть заинтересованы в его самоубийстве, будь то финансовый интерес или то обстоятельство, что уход за ним очень трудоемок, то такую норму с точки зрения защиты самоопределения следует критически переосмыслить. Обнаруживается следующее: состав преступления защищает потенциальное лицо, желающее умереть, исключительно от определенной и лишь предположительной опасности (а именно ослабление табу на самоубийство), в то время как иные, действительно опасные виды влияния на принятие им соответствующего решения, не являются наказуемыми.

Тем самым такое правовое благо, как жизнь, защищается весьма посредственно. Достаточно ли этого для криминализации соответствующих видов поведения? В этом можно серьезно усомниться. В этой связи законодателю следует задать себе вопрос, имелась ли вообще необходимость

задействования уголовного права, «самой тяжелой артиллерии» государства, для достижения очень спорной цели?

Ведь можно было просто запретить организованную форму содействия совершению суицида и подходить к нарушениям на основании полицейского права. Также можно было запретить рекламу суицида, чтобы побороть впечатление,

что при его совершении речь идет об «обычной услуге». Этого, однако, законодатель до сих пор не сделал. Как, впрочем, и не разработал разумную концепцию действий, которые могли бы удержать тяжелобольного человека от совершения суицида. Вместо этого законодатель ввел новый состав преступления, действенность которого может быть поставлена под сомнение.

DER NEUE STRAFTATBESTAND DER GESCHÄFTSMÄSSIGEN FÖRDERUNG DER SELBSTTÖTUNG

Vor ungefähr zwei Jahren führte der Deutsche Bundestag den Straftatbestand der „Geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung“ ein. Danach wird bestraft, wer in der Absicht, die Selbsttötung eines anderen zu fördern, diesem hierzu geschäftsmäßig die Gelegenheit gewährt, verschafft oder vermittelt. Ob es tatsächlich zum Suizid kommt, ist für die Strafbarkeit also irrelevant. Handelt der Täter selbst nicht geschäftsmäßig und ist er ein Angehöriger des Sterbewilligen oder steht er ihm nah, wird er nicht bestraft.

Um diese Regelung einordnen zu können, skizziere ich kurz die Rechtslage ohne den neuen Straftatbestand: Die *Selbsttötung* ist nicht strafbar, sondern nur die Tötung eines *anderen* Menschen. Anstiftung oder Beihilfe zu einer strafflosen Tat sind aber nicht strafbar, sodass die Teilnahme an einer fremden Selbsttötung bislang straflos war. Anders war dies nur, wenn der sich selbst Tötende nicht eigenverantwortlich handelte, dann sollte eine Strafbarkeit als mittelbarer Täter möglich sein – wobei die Einzelheiten hierzu umstritten waren. Aber ganz grundsätzlich kann man sagen: Die Teilnahme an einer fremden Selbsttötung war straflos.

Das führte in den vergangenen Jahren zu einem Anstieg assistierter Selbsttötungen, sowohl mit Hilfe Privater (z.B. Ärzten) als auch mit Hilfe von Vereinen, die ihren Mitgliedern z.B. Medikamente zur Ermöglichung der Selbsttötung zur Verfügung stellten. Das neue Gesetz soll nach der Entwurfsbegründung einer Normalisierung der Beihilfe zum Suizid entgegenwirken, um alte oder kranke Menschen davor zu schützen, sich zum Suizid gedrängt zu fühlen. Damit würden die Selbstbestimmung und das Grundrecht auf Leben geschützt. Die Suizidhilfe, die – ich zitiere– „im Einzelfall in einer schwierigen Konfliktsituation gewährt“ werde, sollte jedoch nicht unter Strafe gestellt werden.

Nach diesen Vorbemerkungen stellt sich die Frage: Wie ist die Vorschrift zu beurteilen?

Man kann schon daran zweifeln, ob sie einen legitimen Zweck verfolgt, der den Eingriff in die Rechte der Bürger rechtfertigt.

Dagegen wird vor allem Folgendes eingewandt: Wenn der Entschluss des Sterbewilligen freiverantwortlich gefasst sei, bestehe kein Bedarf und damit keine Legitimation, ihn vor sich selbst zu schützen. Es sei besser, Menschen auf andere Weise, also vor allem durch bessere Behandlungs- und Betreuungsangebote, vor dem Entschluss zu schützen, sich selbst zu töten. Die Stabilisierung eines Tabus der Selbsttötung und damit letztlich eine *moralische* Vorstellung könne die Vorschrift nicht rechtfertigen, besonders weil die Behauptung, dass das Erlauben geschäftsmäßiger Suizidförderung Menschen zum Suizid verleite, durch nichts belegt sei.

Das sind gewichtige Einwände, doch wird das Bundesverfassungsgericht auf den breiten Beurteilungsspielraum des Gesetzgebers hinweisen und das Gesetz für mit dem Grundgesetz vereinbar erklären – wie es dies in der Vergangenheit stets getan hat. Eine erste Eilentscheidung des Bundesverfassungsgerichts Dezember weist jedenfalls in diese Richtung.

Selbst wenn man aber davon ausgeht, dass der Gesetzgeber einen legitimen Zweck verfolgt, stellt sich die nächste Frage: Schützt die Vorschrift das Leben und die Selbstbestimmung überhaupt in sinnvollem Maß?

Das Gesetz geht davon aus, dass von der geschäftsmäßigen Suizidförderung besondere Gefahren für diese Rechtsgüter ausgehen. Geschäftsmäßigkeit liegt vor, wenn der Täter die Wiederholung gleichartiger Taten zum Gegenstand seiner Beschäftigung macht oder machen will. Nicht erfasst sein sollen dagegen „Handlungen, die im Einzelfall und aus altruistischen Motiven [...] erfolgen.“

Wollte man lediglich nicht-altruistische Beihilfehandlungen unter Strafe stellen, läge es nah, nur eine Suizidbeihilfe zum eigenen Vorteil, also etwa die *gewerbsmäßige*, mit der der Täter einen Gewinn erzielen will, unter Strafe zu stellen. Das ging den Befürwortern der neuen Regelung jedoch nicht weit genug, weil sie befürchteten, dass sogenannte „Sterbehilfevereine“ die Gewinnerzielungsabsicht allzu leicht verschleiern könnten. Deshalb wählte man den weiteren Begriff der Geschäftsmäßigkeit und knüpft also an das Kriterium der wiederholten Begehung an. Weshalb die mehrfache Begehung aus einer straflosen in eine strafbare Handlung machen soll, ist dabei eine offene Frage.

Sinnvoller als auf die Geschäftsmäßigkeit abzustellen, wäre es, nur *tatsächlich* von eigenen Interessen geleitete Förderung des Suizids zu bestrafen. Nach der geltenden Vorschrift kann es aber auch zur Straffreiheit kommen, wenn die Selbsttötung aus eigennützigen Motiven gefördert wird. So wird z.B. nicht bestraft, wer seine Großmutter zu dem Ort des geschäftsmäßig geförderten Suizids fährt, wenn er selbst nicht geschäftsmäßig handelt. Das ist nachvollziehbar, wenn sich der Enkel in einem schweren Gewissenskonflikt befindet und man ihm deshalb keinen strafrechtlichen Vorwurf machen will. Dass der Enkel aber auch dann nicht bestraft wird, wenn er handelt, um an das Erbe seiner Großmutter zu kommen, ist nicht nachvollziehbar.

Bedenkt man aber, dass nahe Angehörige in der Regel einen großen Einfluss auf den Sterbewilligen haben und ein eigenes Interesse an der Selbsttötung

haben können – sei es ein finanzielles, sei es wegen des großen Pflegeaufwands –, ist diese Regelung vor dem Hintergrund des Schutzes der Selbstbestimmung kritisch zu hinterfragen. Es zeigt sich: Der Straftatbestand schützt potentiell Sterbewillige lediglich vor bestimmten und bloß vermuteten Gefahren (nämlich der Aufweichung des Tabus der Selbsttötung), während andere, tatsächlich gefährliche Arten der Beeinträchtigung der Selbstbestimmung nicht strafbar sind.

Damit wird das Rechtsgut Leben allenfalls sehr mittelbar geschützt. Ob dies für die Kriminalisierung entsprechender Verhaltensweisen genügen kann – daran kann man ernsthaft zweifeln. Insoweit muss sich der Gesetzgeber auch fragen lassen, ob es zum Erreichen dieses höchst fragwürdigen Ziels überhaupt notwendig war, zum Strafrecht, dem „schärfsten Schwert“ des Staates zu greifen.

Ebenso wäre es möglich gewesen, die organisierte Form der Suizidförderung schlicht zu verbieten und gegen Verstöße auf Grundlage des Polizeirechts vorzugehen. Es wäre auch möglich, Werbung für den Suizid zu verbieten, um dem Eindruck entgegenzuwirken, bei der Selbsttötung handele es sich um ein „normales Dienstleistungsangebot“ – dies hat der Gesetzgeber bislang aber nicht getan. Ebenso wenig hat er ein sinnvolles Konzept vorgelegt, mit dem Schwerkranken von der Entscheidung, sich selbst zu töten, abgehalten werden könnten. Anstatt dessen hat der Gesetzgeber einen Straftatbestand geschaffen, dessen Wirksamkeit ernsthaft in Zweifel gezogen werden muss.

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

НОВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОПРОСЕ ПРИЗНАНИЯ ОБВИНЯЕМЫМ СВОЕЙ ВИНЫ ПО СОГЛАШЕНИЮ СТОРОН НА ОСНОВЕ ПОЛОЖЕНИЙ НОВОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ МАКЕДОНИЯ

Мисоски Бобан
Илич Дивна

Цель: проанализировать согласительную процедуру урегулирования уголовного наказания как законодательную новеллу Республики Македония и разработать рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Методология: индукция, дедукция, анализ, синтез, формально-юридический метод.

Выводы. Авторы указывают на необходимость придания большей значимости в сравнении с другими доказательствами положений нового УПК Республики Македония, содержащего уголовно-правовые нормы о бремени доказывания и доказательственной характеристике признания.

Научная и практическая значимость. Рекомендации, предложенные авторами, могут быть использованы для совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Македонии в вопросах доказательственной процедуры.

Ключевые слова: уголовное правосудие, признание вины, процедура доказывания, Уголовно-процессуальный кодекс, уголовное судопроизводство, добровольное признание вины.

1. Введение

С вступлением в силу нового Уголовно-процессуального закона Республики Македония (РМ) в 2010 г. (*Официальный бюллетень Республики Македония. 2010. № 150*) и проведенной в декабре 2013 г. реформы законодательства Республика Македония стала одной из стран с развитой законодательной системой уголовного правосудия [1]. Новый закон Республики об уголовном судопроизводстве может восприниматься как системообразующее законодательство, имеющее крен в сторону усиления обвинения, но именно через введение согласительной процедуры определения вины и пересмотр системы расследования на ос-

новании англосаксонской модели правосудия основной целью будет являться повышение эффективности уголовного процесса, а также усиление гарантий реализации права на справедливое судебное разбирательство обвиняемого.

Несомненно, наиболее интересной законодательной новеллой является введение согласительной процедуры урегулирования уголовного наказания [1]. На введение в македонскую систему уголовного правосудия этого традиционного англосаксонского института законодателя вдохновил опыт европейских стран, где указанная процедура функционирует в национальных правовых системах уголовного правосудия в каче-

стве чрезвычайно эффективного и действенного метода по ускорению и упрощению уголовного судопроизводства. Эти особенности процедуры урегулирования были также признаны Советом Европы, который своими Рекомендациями (См. *Рекомендацию № R (87) 18 от 17 сентября 1987 г., принятую на 410-м заседании министров и их заместителей от государств-членов Совета Европы // [Электронный ресурс] URL: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=608011&SecMode=1&DocId=694270&Usage=2> (дата обращения: 20.07.2017)) открыл двери для применения данной процедуры в системах уголовного правосудия континентальной Европы. Следовательно, можно предположить, что в этих странах создан механизм для повышения эффективности национальных уголовных процедур. Таким образом, почти всем европейским странам в ходе реформирования национальных законов был предоставлен своего рода образец по ускорению и упрощению рассмотрения уголовного дела [2, с. 205].*

Все эти вновь введенные институты, регулируемые новым УПК РМ, оказывают специфическое влияние на уже сложившуюся в стране систему уголовного правосудия. Поэтому необходимо творчески подойти к их рассмотрению с тем, чтобы не создать эффекта двоякого толкования. В этой связи, представляется, что признание обвиняемого во время уголовной процедуры следует рассматривать как признание, сделанное в порядке договоренности со следствием.

Общая характеристика согласительной процедуры урегулирования по УПК РМ

Согласительная процедура урегулирования в соответствии с ее оригинальной концепцией, существующей в США, условно может быть разделена на два режима. Первый режим представляет собой признание обвиняемым своей вины по предъявленному составу правонарушения стороной обвинения в ходе уголовной процедуры, в которой он участвует вместе со своим адвокатом, а второй — состоит в непосредственном достижении указанными субъектами уголовного процесса соглашения относительно вида и размера уголовного наказания [3, с. 21; 4, с. 550; 5, с. 1084; 6].

Выстраивание модели разделения согласительной процедуры на два режима регулирования теоретически оправданно, поскольку при решении вопроса о признании вины договоренность о виде и степени наказания не рассматривается. Вид и уровень уголовного наказания зависит от исхода процедуры признания обвиняемым своей вины. Поэтому справедливо говорить о двух раз-

ных режимах, поскольку по условиям соглашения о виде и степени наказания сторона обвинения, обвиняемый и его адвокат не касаются состава правонарушения, они лишь согласовывают взаимоприемлемые для сторон уголовного процесса вид и размер уголовного наказания, но, конечно, в пределах санкций, предусмотренных законом для состава уголовного преступления, указанного в обвинительном заключении. Что касается модальности процедуры ведения переговоров, то в оригинальной модели существует другая форма признания виновности, когда обвиняемый признает содеянное, но не последствия этого. Учитывая, что в федеральной системе уголовного правосудия в США эта форма признания считается реликвией и сложной концепцией, она не находит более широкого обоснования в странах, которые в своих системах уголовного правосудия вводят процедуру для торга, поэтому по этому поводу мы не уделяем особого внимания этой форме.

Так как, с точки зрения соблюдения принципа законности согласно новому УПК РМ, обвинение обязано расследовать дело, невзирая на его целесообразность [7, с. 71–72]. Не вызывает сомнения, что первый режим урегулирования — признание обвиняемым своей вины — законодательной системой уже предусмотрен. Таким образом, речь может идти о новых вводимых в законодательную систему страны уголовно-правовых нормах, которые будут касаться только согласительной процедуры по урегулированию вида и уровня уголовного наказания как способа ускорения и завершения уголовного дела [8, с. 3].

Предусмотренный в УПК РМ порядок согласительной процедуры урегулирования по нескольким аспектам принципиально очень близок к оригинальной модели.

Первый аспект связан с тем, что в УПК РМ рассматривается согласительная процедура признания обвиняемым своей вины применительно ко всем видам преступлений, а не только к тем, за которые предполагаются более мягкие наказания [9]. Это усматривается из ст. 483 Кодекса. В УПК РМ также предусмотрено предоставление судом равных гарантий при защите прав подсудимого от необоснованных обвинений или мести со стороны обвинения. (См.: *Замечания Верховного суда США в деле Борденкирхер против Хейса в целях защиты обвиняемого от мести против прокурора в отсутствие сделки с признанием вины. (Bordenkircher v. Hise, 1978. 434 U.S. 357, 98 S. Ct. 663, 54 L.Ed.2d 604 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp> (дата обращения: 20.07.2017)).* Эти гарантии предус-

мотрены в статьях, где сказано, что подсудимый перед судом берет на себя обязательство о заключении соглашения, а суд оценивает способность подсудимого осознать заключено ли оно добровольно, а также последствия заключения данного соглашения (п. 2 ст. 488).

Наконец, несмотря на то, что УПК РМ признает только регулирование вида и уровня уголовного наказания, македонская модель является более последовательной по сравнению с оригинальной моделью соглашения о признании вины, поскольку суд остается при своем мнении и не связан условиями компенсации за сотрудничество по соглашению между обвиняемым и стороной обвинения. Это можно проиллюстрировать на примере ст. 483 УПК 2010 г., согласно которой после осуществления процедуры соглашения между стороной обвинения и обвиняемым возможно обращение в суд с заявлением о смягчении наказания, предусмотренного в достигнутом соглашении.

Кроме того, применение этой процедуры возможно на нескольких стадиях уголовного процесса, как на стадии расследования и возбуждения уголовного дела, так и на стадии, когда остается только одна часть процедуры урегулирования – признание обвиняемым своей вины.

Эта процедура отличается рядом особенностей в зависимости от этапов уголовного судопроизводства и в первую очередь связана с уголовно-правовым статусом лица (является ли оно подозреваемым или обвиняемым). Иными словами различия касаются лишь формального предположения о необходимости применения согласительной процедуры.

Учитывая официальное признание вины, ответственность за начало процедуры урегулирования, по смыслу ст. 334 УПК РМ, устанавливается с момента возбуждения уголовного дела. Это означает, что на стадии расследования данное официальное признание не является обязательным условием начала данной процедуры – достаточно лишь готовности обвиняемого к сотрудничеству с обвинением, которая, в свою очередь, должна быть истолкована как косвенное признание.

Признание, сделанное во время подготовки к судебному заседанию, не предполагает автоматическую реализацию соглашения между стороной обвинения и обвиняемым. На первом слушании судом делается акцент на справедливости оценки положений соглашения о виде и размере уголовного наказания, по которым проводились переговоры, а затем в ходе основного заседания суд предлагает сторонам представить доказатель-

ства, которые лягут в основу приговора (ст. 380 и 381 УПК РМ 2010 г.).

Таким образом, можно утверждать, что УПК РМ содержит нормы, регулирующие порядок в случаях явного или косвенного признания вины, что придает дополнительный импульс развитию этого традиционного института македонской правовой системы.

Признание подсудимого и его доказательная ценность в согласительной процедуре

Концептуальное определение признания и его характеристики в процессе урегулирования. Уголовным судопроизводством определяется, при каких условиях признание обвиняемого может быть опровергнуто или принято обвинением при подготовке обвинительного заключения. При этом признание трактуют как особый вид заявления в узком смысле (обвиняемый признает, что совершил преступление), и в более широком (обвиняемый признает, что совершено преступление).

В момент окончательного признания у стороны обвинения все же остаются сомнения относительно того, на какой период времени распространяются признательные показания обвиняемого, в какой степени они отражают уровень его ответственности и при каких условиях могут служить для него отягчающим либо смягчающим обстоятельством.

Учитывая, что исходя из смысла согласительной процедуры урегулирования вины, представляется необходимым включить в понятие “признательные показания” даже само намерение пойти на сделку со следствием, поскольку все последующие процессуальные действия, т.е. применение процедуры урегулирования, будут зависеть от сделанного признания. Это означает, что даже на ранних стадиях уголовного судопроизводства, когда от обвиняемого не требуется формального признания, тот факт, что он согласился на сотрудничество с обвинением, подписав соглашение о виде и уровне уголовного наказания за совершенное преступление, свидетельствует о его готовности признать свою вину и представленные обвинением доказательства о степени тяжести совершенного преступления. Иными словами, согласительная процедура, проводимая даже на этапе расследования, направлена на принятие обвиняемым предложения со стороны обвинения, но сам факт признания обвиняемым своей вины на первоначальном этапе расследования обвинению не требуется.

Таким образом, в соответствии с положениями нового УПК РМ, признание зависит от органа, в котором оно сделано – в суде (или во внесудебном порядке (в полиции или ином официальном

органа либо частному лицу по иным основаниям). При этом все договоренности признаются утраченными в силу, но учитываются судом при вынесении приговора.

Процедура добровольного признания урегулирования. Некоторые авторы определяют добровольное признание как заявление обвиняемого о содеянном преступлении с вредными последствиями [10, с. 192]. Хотя добровольность признания является критерием, от которого может зависеть решение вопроса о совершенном деянии и формирование реальной доказательственной базы, вряд ли этот признак можно считать важным и все проясняющим элементом. В противном случае следует говорить о случайных или вынужденных показаниях. В этом смысле признание, например в английском праве, определяется как “любое заявление, полностью или частично наносящее ущерб личности, независимо от того, дано оно лицом, совершившим преступление, или нет, дано устно или иным способом” [11, с. 627]. В американской литературе признание определяется также как заявление лица, в котором оно утверждает, что совершило преступление, или подтверждает некоторые уличающие его факты без указания приблизительных сроков совершения [12, с. 394].

В процедуре соглашения о признании вины как и в обычном порядке, приемлемой должна быть необходимость добровольного признания. Обвиняемый должен на этапе предварительного расследования, на предварительном слушании в суде или на этапе расследования подтвердить добровольное согласие принять участие в процессе переговоров со стороной обвинения. Это гарантирует ему право на справедливое судебное разбирательство. Но отказ обвиняемого от принудительного участия в процессе урегулирования, также гарантируемый ему, может быть расценен правоохранительными органами как отказ человека, которого как “козла отпущения” можно будет в любом случае привлечь к уголовной ответственности за преступления в рамках необходимости достижения правоохранительными органами видимых положительных результатов в борьбе с преступностью [13, с. 570].

Добровольность признания вины усиливает значение, которое придается понятию субъективного отношения к обвиняемому, исходя из оценки наступивших последствий. А именно, намерение сделать признание, с учетом внутренней динамики и сложности субъекта, является одним из самых интересных явлений в судебной психологии с точки зрения выяснения механизма

распознавания мотивов, побуждающих обвиняемого к этому, особенно имея в виду, что некоторые преступники признаются легко и быстро в отличие от других, которые, несмотря на весомость собранных против них доказательств, никогда не сознаются в содеянном [12, с. 394].

Психология признания основывается на тесной связи мотива признания вины с механизмом психической структуры личности. Есть объективные психологические обстоятельства, которые подталкивают преступника признаться в содеянном, несмотря на его решение все отрицать. Так, считается, что человек, совершивший преступление, находится в состоянии латентной психической напряженности, постоянно испытывает страх разоблачения, что особенно заметно во время допроса. Если допрос проводится углубленно и детально, с предъявлением имеющихся у правоохранительных органов доказательств, то это также усиливает психологическое напряжение обвиняемого [12, с. 172].

Учитывая вышесказанное, согласительная процедура часто воспринимается обвиняемым как возможность быстрого и относительно “безболезненного” принятия решения, скрытого от глаз общественности и без общего негативного эффекта, который может возникнуть в результате проведения открытого судебного процесса.

Признание должно быть выражением собственной воли обвиняемого. Оно считается сделанным добровольно, если в его основе лежат факты, подлежащие проверке соответствующим органом. В этом смысле признание отличается от понятия обвинения в преступлении. Следовательно, признаться в содеянном еще не означает признать себя виновным. Признание, в первую очередь, должно основываться на фактах, которые могут быть проверены соответствующими доказательствами (См.: *Pavišić B., Komentar Zakona o kaznenom postupku, DUŠEVIĆ & KRŠOVNIK d.o.o. Rijeka*).

Когда можно считать, что признание сделано добровольно? С формальной юридической точки зрения — только в том случае, когда участники согласительной процедуры “играли по правилам”, с соблюдением законодательных гарантий, и не использовали определенных методов допроса. Но вопрос в том, будет ли признание считаться добровольным, если в отношении подозреваемого в совершении преступления в ходе следствия собраны доказательства, полученные с помощью методов допроса, оказывавших на подозреваемого психологическое давление методов допроса, но при этом о своих правах он был предупрежден.

Таким образом, даже в условиях оказания на обвиняемого психологического давления его признание с формальной юридической точки зрения считается сделанным добровольно, но при этом он обязательно должен сделать заявление о противоправности методов ведения допроса, и здесь каждое слово, каждый жест могут иметь важное значение.

Из этого следует, что после завершения согласительной процедуры, независимо от того, когда она проводилась — в ходе расследования или судебного разбирательства — суд должен заново вернуться к вопросу о том, имела ли место добровольность признания. Он должен установить, является согласие на участие в соглашении выражением свободной воли обвиняемого или оно было сделано под давлением или угрозой со стороны правоохранительных органов. Кроме того, суд должен исключить ситуации, вынуждающие обвиняемого участвовать в согласительной процедуре с обвинением [14, с. 93]. Дополнительным механизмом, который гарантировал бы защиту обвиняемых от любых злоупотреблений, влияющих на добровольность признания, должно быть присутствие адвоката на всех процессуальных действиях в ходе проведения переговоров.

Даже в случае признания в ходе основного судебного слушания, после чего стороны переходят к процедуре урегулирования, суд должен критически оценить как добровольность, так и осознанность сделанного обвиняемым признания, а также законность предложенного проекта соглашения о виде и размере уголовного наказания. Однако на практике суды, по существу, учитывают лишь сам факт признания, что следует расценивать как бездействие в отношении оценки принципов добровольности и осознанности сделанного признания.

Осведомленность о признании в процессе урегулирования. Признание должно касаться непосредственно тех обстоятельств, в которых действовал обвиняемый. В ходе признания обвиняемый может сообщать выгодные для себя сведения, но это “сработает” в его пользу только при условии изложения реальных фактов (См.: Pavišić B., *op. cit.*).

В любом случае во время участия в процедуре урегулирования обвиняемый должен осознать последствия своего признания, что предполагает следующее:

обвиняемый должен понимать, что, соглашаясь участвовать в данной процедуре его участие в процедуре, облегчит положение. Осознанность сделанного признания обвиняемого является интеллектуальной составляющей его волеизъявления. Добровольность признания должна быть

оценена стороной обвинения и судом с точки зрения представления обвиняемого о том, какое судебное наказание может ему грозить. В связи с этим суд должен выяснить, добровольно или с расчетом лицо призналось в содеянном [15, с. 558];

обвиняемый должен быть осведомлен о последствиях преступления, совершенного с умыслом либо по неосторожности. В этом случае обязанность оценки проекта соглашения ложится на суд, оценивающий его с точки зрения того, знал обвиняемый либо мог знать, какие последствия его ожидают в зависимости от характера совершения преступления;

обвиняемый должен быть осведомлен и информирован о последствиях наказания, т.е. отдавать себе отчет, обвиняемый должен знать о том, что, явно или косвенно признаваясь в содеянном, соглашается с определенным наказанием, а также с возложенными на него обязательствами по компенсации возможных убытков. Иными словами, для него должна быть ясна картина всей тяжести последствий, ожидающих его в результате сделанного признания.

Доказательное значение признания. Оценка заявления обвиняемого, т.е. оценка признания или отрицания им своей вины, является одним из самых сложных вопросов в уголовном судопроизводстве, поскольку суд должен установить, в чем состоит интерес обвиняемого, исходя из наиболее благоприятного для себя решения [16, с. 223]. Следовательно, несмотря на часто делаемый акцент на том, что в отличие от прошлого сегодня не следует придавать особого значения признанию как доказательству, тем не менее можно говорить, что оценка признания обвиняемого с точки зрения доказательства довольно распространена. Таким образом, суд должен определить ценность признания обвиняемого в качестве доказательства, не основываясь на убеждении, которого очень часто придерживаются, что если подсудимый признался, то он виновен [16, с. 223]. Порой даже складывается впечатление, что суд считает получение этого признания основной целью и основной частью успеха работы полиции.

Такое положение дел подкрепляется официальной статистикой рассмотренных судебных дел на федеральном уровне в США, где 90% всех случаев решаются путем признания виновными лиц с использованием процедуры урегулирования (См.: Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice, *Sourcebook of Criminal Justice Statistics Online*, tbl. 5.24.2010 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.bjs.gov/index.cfm?ty=tp&tid=64> (дата обраче-

ния: 20.07.2017); также Bibas S., *Incompetent Plea Bargaining and Extrajudicial Reforms*, *Harvard Law Review*, Vol. 126, 150:2012 // [Электронный ресурс] URL: [https://www.law.upenn.edu/cf/faculty/sbibas/workingpapers/126HarvLRev150\(2012\).pdf](https://www.law.upenn.edu/cf/faculty/sbibas/workingpapers/126HarvLRev150(2012).pdf) (дата обращения: 20.07.2017).

Это оставляет мало места для толкований доказательной ценности признания или интерпретации положения закона о том, что нормативное заявление обвиняемого не обладает большей ценностью по сравнению с другими доказательствами. Поэтому, большинство считает признание доказательством, имеющим приоритетное значение среди прочих.

Фактически признание является одним из самых важных доказательств в ходе процедуры урегулирования и считается ее основным элементом, что освобождает сторону обвинения от обязанности представления доказательств вины подсудимого. Суд обязан только оценить осознанность и добровольность признания подсудимого. Таким образом, истинность признания оценивается только через призму доказательств, которые необходимы для определения размера наказания.

Назначение судом вида и размера наказания не являются окончательным доказательством виновности. В соответствии с новым УПК РМ, Генеральный прокурор освобождается от бремени доказывания мотива содеянного и умысла обвиняемого в отношении преступлений, перечисленных в обвинительном заключении. Но при этом ни один факт содеянного, ни субъективная сторона состава преступления, в любом случае не должны оставаться загадкой для стороны обвинения, что подтверждало бы чистоту проведенного расследования. Доказательства должны быть получены, проверены и представлены на судебное разбирательство даже в случае отсутствия признания.

Это только подтверждает тот факт, что в соответствии с положениями статей (ст. 380–381) нового УПК РМ признание имеет большее доказательственное значение и его актуальность и вес продолжают усиливаться в сравнении с другими доказательствами.

Конечно, никто не может опровергнуть утверждение, что процедура урегулирования необходима, потому что никто лучше обвиняемого не знает подробностей о совершенном преступлении, и некоторые факты могут быть выявлены исключительно с помощью признания обвиняемого. В то же время упорное отрицание им своей вины, безусловно, усиливает сомнения у суда. Иными словами ... “Кто знает страх и опасение осуждения

на основе улик понимает, что признание на практике остается Царицей доказательств” [17, с. 65].

Тем не менее, к оценке признания обвиняемого суд и сторона обвинения должны подходить, основываясь на фактах, обстоятельствах и других доказательствах, собранных в процессе проверки достоверности данных, изложенных обвиняемым. В противном случае его признание или отрицание своей вины будет всего лишь “самостоятельным”, не связанным с какими-либо обстоятельствами, заявлением.

Кроме того, как показала практика, добровольное признание обвиняемого или его показания могут быть недостоверными и объективно не соответствовать действительности, быть ложными по субъективным характеристикам. Не соответствующее объективности признание может быть обусловлено неверной оценкой обстоятельств дела или неточным восприятием. Ложные показания, в свою очередь, могут иметь скрытые причины [18, с. 1180]. Но иногда, например, профессиональные преступники намеренно признаются в совершении преступлений меньшей тяжести, чтобы тем самым не допустить выявления более тяжких (*R v Paris (1993) (1993) 97 Cr. App. R. 99 (Cardiff Three)*).

Заключение

С введением согласительной процедуры урегулирования в отношениях между стороной обвинения и обвиняемым и его адвокатом в уголовном процессе Македонии произошел тектонический сдвиг традиционных институтов уголовного судопроизводства с обвинительным уклоном в направлении совместного ведения уголовного дела, что по сути, вероятно, одно из самых эффективных “орудий” в деле оздоровления правоохранительных органов. С введением этой процедуры некоторые существующие, казалось, традиционно несменяемые институты уголовного судопроизводства, такие как признание и его доказательная ценность, выступили в новом обособленном качестве. Именно поэтому мы считаем важным обстоятельством придание большей значимости в сравнении с другими доказательствами положениям нового Уголовно-процессуального кодекса, регулирующим уголовно-правовые нормы о бремени доказывания и доказательственной характеристике признания. Вместе с тем, несмотря на то, что согласительная процедура и признание обвиняемого в соответствии с новым уголовно-процессуальным законом как инструменты, которыми пользуется обвинитель при исполнении своих обязанностей, достаточно эффективны, они приносят в его работу дополнительную нагрузку.

С точки зрения совершенствования процессуальной процедуры бремя признания обвиняемого на основании принципов общей и уголовно-правовой справедливости несет на себе сторона обвинения, по той причине, что эта процедура в ходе следствия должна быть осуществлена на высоком профессиональном и этическом уровне. Таким

образом, можно надеяться, что практика применения этих доселе неизвестных институтов не будет представлять собой “камень преткновения” на пути обеспечения справедливости в системе уголовного правосудия.

(Перевод Т.В. Редниковой)

Литература

1. Камбовский В., Крапак Д., Калайдзиев Г., Бужаровская Г., Стратегия реформы уголовного права, Скопье, Министерство юстиции 2007.
2. Бужаровская Г., Мисоски Б., Нанев Л., Сравнительное исследование решений для ускорения и упрощения уголовной процедуры, МРКПК, № 1, 2008.
3. Fisher G., Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America, Stanford University Press, 2003.
4. Cook, J.G., Marcus P., Criminal Procedure, 5-th. Ed., Lexis Publishing, 2001.
5. Kamisar Y., LaFave W.R., Israel J.H., King N.J., Modern Criminal Procedure, Cases, Comments and Questions, 9-th ed., American Casebook Series, West Group, St. Paul, Minn. 1999, с. 1084.
6. Buckle S., Buckle L.G., Bargaining for Justice: Case Disposition and Reform in the Criminal Courts, London; New York : Praeger, 1977.
7. Матовский Н., Бужаровская Г., Калайдзиев Г., Уголовно-процессуальное право, 2-е редактированное издание, Академик, Скопье, 2011.
8. Бужаровская Г., Мисоски Б., Споры о признании вины в Новом законе об уголовном судопроизводстве в Республике Македонии, Македонский юридический журнал, 2010.
9. Бужаровская Г., Мисоски Б., Нанев Л., Сравнительные исследования решений для ускорения и упрощения уголовной процедуры, МРКПК, no. 1, 2008 (С. 201–240).
10. Марина П., Теория уголовного судопроизводства. Книга I, Скопье, 1958.
11. C. TAPPER, Cross and Tapper on Evidence, 12th Edition, Press Oxford University Press.
12. Hall D.E., Criminal Law and Procedure, 5th Edition, Delmar Cengage Learning, 2009.
13. McConville, M., Plea Bargaining: Ethics and Politics, Journal of Law and Society, Vol. 25, No. 4, 1998, pp. 562–587.
14. Alschuler A. W., The Prosecutor's Role in Plea Bargaining, The University of Chicago Law Review, Vol. 36, No. 1. (Autumn, 1968), pp. 50–112.
15. Israel J.H., Kamisar, Yale, LaFave W. R., Criminal Procedure and the Constitution, Leading Supreme Court Cases and Introductory Text, 2003 Edition, Thomson-West.
16. Dimitrijević D.V., Stefanović-Zlatić M., Lazin Đ., Krivično procesno pravo, Naučna knjiga, Beograd, 1986.
17. Damaška M., Okrivljenikov iskaz kako dokaz u suvremenom krivičnom procesu, Narodne Novine, Zagreb, 1962.
18. Alschuler A. W., The Defense Attorney's Role in Plea Bargaining, The Yale Law Journal, Vol. 84, No. 6 (May, 1975), pp. 1179–1314.

References

1. Камбовский В., Крапак Д., Калайдзиев Г., Бужаровская Г., Стратегия реформы уголовного права, Скопье, Министерство юстиции 2007.
2. Бужаровская Г., Мисоски Б., Нанев Л., Сравнительное исследование решений для ускорения и упрощения уголовной процедуры, МРКПК, № 1, 2008.
3. Fisher G., Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America, Stanford University Press, 2003.
4. Cook, J.G., Marcus P., Criminal Procedure, 5-th. Ed., Lexis Publishing, 2001.
5. Kamisar Y., LaFave W.R., Israel J.H., King N.J., Modern Criminal Procedure, Cases, Comments and Questions, 9-th ed., American Casebook Series, West Group, St. Paul, Minn. 1999, с. 1084.

6. Buckle S., Buckle L.G., *Bargaining for Justice: Case Disposition and Reform in the Criminal Courts*, London; New York : Praeger, 1977.
7. Матовский Н., Бужаровская Г., Каладзиев Г., *Уголовно-процессуальное право*, 2-е редактированное издание, Академик, Скопье, 2011.
8. Бужаровская Г., Мисоски Б., Споры о признании вины в Новом законе об уголовном судопроизводстве в Республике Македонии, *Македонский юридический журнал*, 2010.
9. Бужаровская Г., Мисоски Б., Нанев Л., Сравнительные исследования решений для ускорения и упрощения уголовной процедуры, *МРКПК*, no. 1, 2008 (С. 201–240).
10. Марина П., *Теория уголовного судопроизводства. Книга I*, Скопье, 1958.
11. С. TAPPER, *Cross and Tapper on Evidence*, 12th Edition, Press Oxford University Press.
12. Hall D.E., *Criminal Law and Procedure*, 5th Edition, Delmar Cengage Learning, 2009.
13. McConville, M., *Plea Bargaining: Ethics and Politics*, *Journal of Law and Society*, Vol. 25, No. 4, 1998, pp. 562–587.
14. Alschuler A. W., *The Prosecutor's Role in Plea Bargaining*, *The University of Chicago Law Review*, Vol. 36, No. 1. (Autumn, 1968), pp. 50–112.
15. Israel J.H., Kamisar, Yale, LaFave W. R., *Criminal Procedure and the Constitution, Leading Supreme Court Cases and Introductory Text*, 2003 Edition, Thomson-West.
16. Dimitrijević D.V., Stefanović-Zlatic M., Lazin Đ., *Krivično procesno pravo*, Naučna knjiga, Beograd, 1986, 384 p.
17. Damaška M., *Okrivljenikov iskaz kako dokaz u suvremenom krivičnom procesu*, *Narodne Novine*, Zagreb, 1962.
18. Alschuler A. W., *The Defense Attorney's Role in Plea Bargaining*, *The Yale Law Journal*, Vol. 84, No. 6. (May, 1975), pp. 1179–1314.

ДИРЕКТИВА ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 2013/48/EU «О ПРАВЕ НА ДОСТУП К АДВОКАТУ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ ОРДЕРУ НА АРЕСТ, А ТАКЖЕ О ПРАВЕ НА УВЕДОМЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ ПРИ ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ И НА ОБЩЕНИЕ С ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ И КОНСУЛЬСКИМИ ОРГАНАМИ ПРИ ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ»

Калайджиев Гордан
Главинче Никола

Цель: проанализировать содержание Директивы с точки зрения внутреннего законодательства, в частности, нового закона об уголовном судопроизводстве и закона о полиции, внести рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики Македония.

Методология: индукция, дедукция, анализ, синтез, формально-юридический метод.

Выводы. Авторами делается вывод о необходимости рассмотрения законодателем поправок и дополнений к процессуальному законодательству, касающихся роли и функций адвоката, особенно в полицейской процедуре. В связи с этим необходимо разработать нормы о праве подозреваемого на конфиденциальное общение со своим адвокатом в период полицейского разбирательства, в том числе о месте, способе и сроках общения.

Кроме того, что касается вопроса о задержании иностранцев, Закон о полиции в случае ареста лица, не являющегося гражданином Республики Македонии, не предусматривает возможности для задержанного или лишенного свободы информировать дипломатическое или консульское представительство своей страны.

Научная и практическая значимость. Рекомендации, предложенные авторами, могут использоваться для совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Македонии.

Ключевые слова: адвокат, право на адвоката, права подозреваемых, полиция, уголовное судопроизводство, лишение свободы, Европейский союз.

Введение

В последние годы Институты Европейского союза вели активную работу по подготовке и принятию ряда директив, касающихся уголовного судопроизводства и правового положения подозреваемого или обвиняемого, а также вопросов, касающихся деятельности соответствующих организаций и учреждений по реализации этих документов.

Тем не менее анализ принятых директив показал, что при всей полноте содержания их необходимо дополнить положениями о гарантиях

защиты прав и свобод указанных участников уголовного судопроизводства.

Принятием этих директив Европейский союз подтверждает принципы и значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), а также создает предпосылки для укрепления процессуальных гарантий, обязывающих государства, являющиеся участниками Конвенции, и ЕСПЧ в полной мере им следовать.

Европейским парламентом и Советом ЕС 22 ноября 2013 г. была принята Директива 2013/48/ЕС «О праве на доступ к адвокату в уголовном производстве и в производстве по европейскому ордеру на арест, а также о праве на уведомление третьей стороны при лишении свободы и на общение с третьими лицами и консульскими органами при лишении свободы» (*Directive 2013/48/EU of the European parliament and of the council of 22 October 2013 on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty* // [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:294:0001:0012:EN:PDF> (дата обращения: 10.11.2017)). Ее принятию предшествовал проект Директивы Европейской комиссии от 08 июня 2011 г. Эта Директива была принята в рамках плана по укреплению процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых в уголовном судопроизводстве (*Резолюция Совета ЕС от 30 ноября 2009 г. о Дорожной карте по укреплению процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых лиц в уголовном судопроизводстве / Roadmap for strengthening procedural rights of suspected or accused persons in criminal proceedings* // OJ. 2009. С. 295).

Она продолжает развивать положения, содержащиеся в Директиве от 20 октября 2010 г. 2010/64/ЕС о праве на устный и письменный перевод в уголовном судопроизводстве и Директиве от 22 мая 2012 г. 2012/13/ЕС о праве на информацию в сфере уголовного судопроизводства.

Суть рассматриваемой Директивы сводится к праву подозреваемых и обвиняемых иметь адвоката на протяжении всего уголовного процесса, а также к определяющей функции и роли адвоката во взаимоотношениях с обвиняемым, полицией, судом и прокурором.

Европейские стандарты до принятия Директивы 2013/48/ЕС

В наиболее важных международных правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 11), Хартия Европейского Союза об основных правах (ст. 47), а также в уголовно-процессуальных актах ЕСПЧ, право иметь адвоката рассматривается как одно из основных прав подозреваемых и обвиняемых.

В соответствии со ст. 1 постановления 1990 г. Организации Объединенных Наций об основных принципах по вопросу о роли юристов все лица имеют право на получение юридической помощи от адвоката по своему выбору на всех стадиях

уголовного судопроизводства (*Основные принципы роли юристов были приняты 8-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.*).

Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в п. 3 ст. 6 среди прочего предусматривает право каждого подсудимого защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или, если нет достаточных средств для оплаты юридической помощи, получить ее бесплатно, когда того требуют интересы правосудия, и иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты (*Совет Европы, македонская версия, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод с поправками, внесенными Протоколом № 11 вместе с Протоколами 1, 4, 6 и 7; 1998*).

Как уже указывалось выше в 2009 г. Совет ЕС принял резолюцию, касающуюся прав подозреваемых и обвиняемых лиц в уголовном судопроизводстве (URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2009:295:0001:0003:en:PDF> (дата обращения: 10.11.2017)). Данный документ в первую очередь был обращен к ЕСПЧ и направлен на то, что все государства-члены ЕС, подписавшие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, признают незыблемость принципа справедливого судебного разбирательства.

15 – 16 октября 1999 г. в г. Тампере (Финляндия) состоялся внеочередной саммит Европейского союза. Это мероприятие явилось первым шагом на пути реализации идеи европейского пространства свободы, безопасности и законности, став таким образом важной вехой в истории европейской интеграции.

В ходе встречи участники саммита, ссылаясь на Гаагскую программу 2004 г., пришли к выводу, что необходима совместная работа по принятию законов, регулирующих судебные процедуры, что в своей основе подразумевало создание равных стандартов обеспечения прав в уголовном процессе. Отмечалось также, что необходимо провести исследования, которые показали бы, что принятие законодательных мер в области процессуальных прав поддерживается экспертами Европейского союза и что существует необходимость в расширении взаимного доверия между судебными органами государств-членов ЕС. Участники саммита признали необходимость постепенной конвергенции правоохранительных систем ЕС с тем, чтобы население стран-членов Евросоюза имело возможность обращаться в суд в любом из национальных государств на тех же условиях,

что и в своей стране, а правонарушители утратили возможность пользоваться различиями в национальных системах правосудия.

Хотя в целом складывается впечатление, что в странах Европы в соответствии с отдельными решениями ЕСПЧ, особенно благодаря положениям ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подозреваемым при нахождении их в полиции или обвиняемым предоставлены серьезные процессуальные гарантии (в том числе право на адвоката), тем не менее следует сказать, что указанная норма «работает» не в полную силу, особенно в случаях, когда национальные суды действуют вопреки своему назначению и цели.

Так, ЕСПЧ в некоторых из своих решений давал толкование понятия права иметь адвоката, в дальнейшем повлиявшее на развитие этого права. Например, в случае *Salduz v. Turkey* (URL: <http://www.legalaidreform.org/european-court-of-human-rights/item/201-ecthr-case-summary-salduz-v-turkey-27/11/2008> (дата обращения: 10.11.2017)), Суд пришел к выводу, что была нарушена ст. 6 Конвенции в отношении права иметь адвоката, поскольку полиция допросила ответчика в его отсутствие. По этим и подобным им обстоятельствам приняты и другие решения ЕСПЧ: *Маги v. UK* (URL: <http://sim.law.uu.nl/sim/caselaw/Hof.nsf/e4ca7ef017f8c045c1256849004787f5/b80d020d341b2a9cc12568fd0049e887?OpenDocument> (дата обращения: 10.11.2017)), *Panovits v. Cyprus* (URL: <http://www.legalaidreform.org/european-court-of-human-rights/item/253-ecthr-case-summary-panovits-v-cyprus-11/12/2008> (дата обращения: 10.11.2017)), *Dayanan v. Turkey* (URL: <http://eujustice.iccl.ie/sites/default/files/caselaw/CASE%20OF%20DAYANAN%20v.%20TURKEY.pdf> (дата обращения: 10.11.2017)), укрепляющие европейские стандарты права на адвоката в уголовном судопроизводстве. В некоторых из этих решений указывается, что каждый обвиняемый имеет право на эффективную защиту назначенного судом адвоката, это право неотъемлемо и является одним из основополагающих элементов принципа справедливого судебного разбирательства (для этого и в случае *Путримола против Франции*, 23 ноября 1993 года (т.12), и *Демебуков против Болгарии*, нет. 68020/01, § 50, 28 февраля 2008 г.).

На основании этого принципа подзащитный вправе получить полный спектр правовых услуг адвоката. В этой связи, по мнению ЕСПЧ, на всех этапах уголовного судопроизводства адвокат должен активно осуществлять защиту, в том числе собрать доказательства в пользу обвиняемого,

подготовить его к допросу, проверить условия его содержания под арестом и в случае нахождения обвиняемого в несоответствующих условиях заявить о нарушении его прав.

Таким образом, адвокату на всех стадиях уголовного судопроизводства предоставлены значительные процессуальные гарантии защиты прав и свобод человека, что заставляет проявлять уважение к признанным правам и свободам человека и занятой адвокатом правовой позиции и служит укреплению адвокатского статуса в демократическом обществе.

Характеристика содержания Директивы

Хотя предполагалось, что право обвиняемого на адвоката в ходе уголовного судопроизводства и право подозреваемого на общение с ним при аресте будет оформлено в том виде и объеме, как это предусматривалось в основном проекте директивы Европейской комиссии (*J.P.W. Temminck Tuinstra, The right to legal assistance, Faculty Faculty of Law, Year 2009 University of Amsterdam* (URL: <http://dare.uva.nl/document/122658> // [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.11.2017)), *Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and on the right to communicate upon arrest, Brussels, 08.06.2011, COM (2011) 08 июня 2011 г.*), этого не произошло.

При рассмотрении представленного проекта было решено не включать в документ положение о праве на адвоката, поскольку оно и так подкреплено имеющимися процессуальными гарантиями.

Тем не менее, большинством голосов членов Совета ЕС в Директиву было включено положение о незамедлительном предоставлении подозреваемому или обвиняемому в уголовном процессе адвоката, чтобы они могли как можно скорее реализовать свое право на защиту.

Принятию Директивы предшествовали анализ проблем, с которыми сталкиваются государства-члены ЕС, и потребности в подобном документе исходя из европейской юридической практики. Таким образом, можно сделать вывод, что с принятием рассматриваемой Директивы регулирование вопроса о праве на адвоката поднимается на более высокий уровень и ему придается особое значение, когда речь идет о продвижении европейских демократических ценностей.

В пп. «а» и «в» п. 2 ст. 3 Директивы определен объем права на услуги адвоката в уголовном судопроизводстве до момента допроса в полиции, в период сбора доказательств в ходе расследования с момента задержания, во время допроса

в суде и т.д. Отступление от права реализации права на адвоката в ходе допроса допустимо только в ситуациях, когда это необходимо для предотвращения тяжкого преступления, последствия которого угрожают жизни, свободе и физической неприкосновенности людей.

С учетом того, что подозреваемые сразу же после их задержания, пребывая в состоянии повышенного риска физического и психического принуждения, достаточно уязвимы, в Директиву включено предусмотрено положение о предоставлении необходимого времени на поиск адвоката с тем, чтобы гарантировать подозреваемому защиту от жестокого обращения со стороны властей (*EU Procedural Rights – the right to legal advice during pre-trial detention, Universiteit Gent, Dissertation submitted to obtain the academic degree of Master of European Criminology and Criminal Justice Systems by (00907253) Opdenakker Sarah Academic year 2009-2010, p. 15*). В этом контексте Директива в целях обеспечения подозреваемому права на связь предусматривает право государств-членов ЕС самостоятельно регулировать способы установления контакта подозреваемого с адвокатом перед первым допросом (в том числе видеоконференц-связь, телефонная связь для незначительных правонарушений, и т.д.). При этом должна быть обеспечена конфиденциальность встреч подозреваемого или обвиняемого с адвокатом.

Директива вменяет в обязанность государств-членов ЕС создавать банки общедоступной информации, куда должны заноситься данные о лицах, допустивших правонарушения, и рекомендует размещать эти данные на сайте.

Согласно п. 2 ст. 3 Директивы право на адвоката предоставляется в такой момент и таким образом, чтобы у подозреваемого или обвиняемого была возможность эффективно осуществлять свою защиту. Хотя в ней не раскрывается понятие «эффективность», тем не менее она намечает путь по наполнению его определенным содержанием.

Заметным шагом вперед стало бы закрепление в Директиве положения, закрепленного в ст. 6 Конвенции, предусматривающего право на адвоката в случае необходимости изменения условий содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого, и таким образом иметь доступ к месту содержания задержанного лица. Это могло бы повысить роль и значение адвоката, что, в свою очередь, положительно сказалось на условиях содержания подозреваемых (обвиняемых) под стражей и исключило бы возможность злоупотреблений.

Директива предусматривает право подозреваемого связаться с родственниками, третьими лицами или с представителями дипломатической либо консульской службы, если подозреваемый является иностранцем. При этом государства-члены ЕС обязаны незамедлительно удовлетворить просьбу подозреваемого или находящегося под стражей обвиняемого о предоставлении права сообщить о себе третьему лицу. В соответствии со ст. 5 Директивы в первую очередь должны быть уведомлены родители подозреваемого или обвиняемого, если он несовершеннолетний.

Вместе с тем, чтобы не нанести ущерба общей процедуре и не отклониться от основной цели уголовного судопроизводства, подозреваемому или обвиняемому при уведомлении третьей стороны не может быть предоставлено неограниченное время для общения (ст.8).

Согласно ст. 10 Директивы право на адвоката в ходе разбирательства предоставляется в соответствии с европейским пенитенциарным порядком. Как и в уголовном процессе, он предусматривает возможность для обвиняемого без неоправданных задержек связаться с адвокатом, а также гибкую реализацию его права на защиту (подразумевается, в том числе непосредственная встреча и общение с адвокатом или его представителем), а также, в соответствии с национальными правилами, присутствие адвоката при общении обвиняемого с третьими лицами или со следственными и судебными органами.

Принятие Директивы, бесспорно, должно вызвать положительные изменения в национальном процессуальном законодательстве как государств-членов ЕС, так и стран, претендующих на членство, например, Республики Македония. Но пока ее влияние на македонское законодательство и судебную практику остается незаметным.

Будет ли соответствовать Уголовно-процессуальный кодекс и Закон о полиции Республики Македония Директиве?

С момента принятия в 2010 г. Уголовно-процессуального кодекса Республики Македония (УПК РМ) (*Закон об уголовном судопроизводстве, Официальный вестник Республики Македония № 150/2010 и 100/2012*) понизилась эффективность применения македонского уголовного законодательства на практике вследствие значительного реформирования как указанного Закона, так и Закона о полиции РМ. Однако существует надежда, что практическое применение положений закона позволит преодолеть определенные проблемы и неясности в вопросе соблюдения гарантий прав и свобод человека, возникавшие при

применении УПК 1997 г. (*Закон об уголовном судопроизводстве, Официальный вестник Республики Македония № 15/1997; 44/2002; 74/2004; 83/2008; 67/2009 и 51/2011*).

В раздел Кодекса о защите прав включены как конституционные, так и руководящие принципы международных конвенций. Обвиняемому и адвокату посвящена гл. VI Закона. Согласно ст. 69 УПК РМ лица, вызванные, арестованные или задержанные в качестве подозреваемых или обвиняемых, должны быть немедленно уведомлены о наличии у них права не только иметь адвоката, но также и о праве выбрать его среди нескольких адвокатов.

Статья 5 Закона и ст. 6 Конвенции гарантируют право на справедливое судебное разбирательство, в ходе которого обвиняемому предоставлена возможность оспорить выдвинутые против него обвинения, а также право предоставить доказательства в свою защиту. В ранее действовавшем законодательстве предусматривалось право обвиняемого без свидетелей консультироваться со своим адвокатом и право выбора адвоката по своему усмотрению, что согласуется с анализируемой Директивой (*п. 69 ст. 69 УПК РМ*). Это же право повторно закреплено и в разделе нового Закона о полиции (*ст. 71, п. 2*). Указанное положение предусмотрено также и разд. 161 УПК в отношении прав лиц, лишенных свободы. В соответствии с ним заключенный вправе консультироваться с адвокатом в любое время дня и ночи.

Это положение УПК приведено в соответствии со ст. 4 Директивы, согласно которой государства-члены обязаны обеспечить конфиденциальность встреч подозреваемого и обвиняемого при встрече со своим адвокатом. Согласно национальному законодательству конфиденциальность гарантируется и при общении подозреваемого или обвиняемого со своим адвокатом в ходе переписки, телефонных звонков и иных форм коммуникации.

Последние поправки к Закону о полиции, не говоря уже о каких-либо правах, предусмотренных в ст. 3 Директивы и п. 2 ст. 62 УПК, касаются права подозреваемого (обвиняемого) на конфиденциальную консультацию со своим адвокатом до подписания полицейских протоколов.

Хотя законопроект, предусматривающий внесение изменений в действующее законодательство, разработан, ожидается, что он будет дополнен отдельным разделом, в который будут включены положения о порядке консультирования с адвокатом и об условиях, как это должно быть осуществлено. При этом будет ли это право

зависеть от окружающих обстоятельств, в которых оно будет использоваться? В связи с этим предполагается, что в Законе о полиции и УПК РМ будут точно воспроизведены положения ст. 3 и 4 Директивы, однозначно гарантирующие конфиденциальность переписки и телефонных переговоров.

Согласно УПК РМ задержанное лицо в случае невозможности связаться со своим адвокатом может попросить предоставить ему список дежурных адвокатов. Адвокат может в любое время приехать в полицейский участок. Данная норма соответствует положению, предусмотренному ст. 3 Директивы, по которой подозреваемый или обвиняемый имеет право встречаться со своим адвокатом.

По законам Республики Македония в период с 20 часов вечера до 8 часов утра заключенный имеет право на встречу с дежурным адвокатом из списка, составленного Ассоциацией адвокатов Республики Македонии. Затраты на дежурного адвоката, представляющего в ночное время интересы задержанного, покрываются из бюджета. Иностранцы вправе обратиться в дипломатическое представительство или консульское учреждение своей страны. Закон ввел новшество, регулирующее порядок содержания под стражей лиц в полицейском участке и в специально оборудованных для содержания под стражей помещениях таможенного администрирования и финансовой полиции, что предусматривается актом министра внутренних дел или министра финансов (*п. 61 ст. 61 УПК. Несмотря на юридическое обязательство, согласно информации, которая является общедоступной, такой акт еще не принят*).

Где и при каких обстоятельствах может быть реализовано право на адвоката, в УПК РМ не указано. Скорее всего, законодатель планирует регулировать в специальном законе, таком как Закон о полиции. Несмотря на усовершенствование некоторых положений, в УПК ничего не говорится о том, какие у задержанного лица существуют возможности при обращении к частному адвокату и каковы возможности использования адвоката при допросе в полиции [1]. В случае отсутствия соответствующего правового регулирования эти положения УПК не будут соответствовать ст. 4 Директивы, где говорится, что право подозреваемого или обвиняемого на встречу со своим адвокатом не может быть ограничено каким-либо способом, способным повлиять на возможность задержанного осуществить свое право на защиту.

Организация встречи адвоката с подозреваемым (обвиняемым) в отдельной комнате является, по сути, новаторским шагом, способным изменить в полицейской процедуре порочную практику допроса задержанного без предварительной консультации с адвокатом или в его отсутствие. Но пока проблема нарушения конфиденциальности общения с правовой позиции еще недостаточно изучена и, оставаясь частым явлением в уголовно-процессуальной практике, имеет пагубные последствия для задержанного.

Адвокату в уголовном судопроизводстве до возбуждения уголовного дела уполномоченным прокурором или вынесения постановления судебным следователем о проведении необходимых следственных действий должно быть предоставлено право изучать документы и собирать вещественные доказательства (ст. 69 УПК).

Можно приветствовать сложившуюся полицейскую практику, когда полицейский считает необходимым подписание задержанным лицом заявления, в случае его обращения к адвокату заявление имеет конкретную форму, которая содержит личную информацию о подозреваемом или вызываемом, а также данные о номере лицензии адвоката, его адрес и контакты, о том, что ему предоставлено это право либо право на отказ от адвоката. Подобная практика в какой-то мере снижает риск возможных злоупотреблений.

После допроса адвокат имеет право изложить свои замечания по содержанию протокола, задать вопросы подозреваемому, а также сформулировать вопросы, подлежащие внесению в протокол, изучать документы или доказательства правомерности выписки повестки, произведенного ареста или лишения свободы. Такие положения УПК полностью соответствуют ст. 3 и 4 Директивы.

Может создаться впечатление, что для неформального общения при вызове в полицию присутствие адвоката не требуется, но при формальном характере судебного разбирательства уполномоченными органами подозреваемому могут быть созданы отягчающие условия, и здесь уже учитывается роль адвоката и уровень его защиты.

В случае каких-либо злоупотреблений адвокат остается юридически способным вскрыть эти злоупотребления на последующих процессуальных этапах. В частности, он может представлять арестованного на предварительной судебной процедуре, когда судебным следователем принимается решение о законности его содержания под стражей. Согласно ст. 162 УПК РМ если арестован-

ное лицо направляется судьей по предварительным процедурам, судья в соответствии с должностью проверяет законность лишения свободы, и содержание под стражей должно определять это с решением (ст. 69 п. (4)). Лицо, лишенное свободы, или задержанное лицо, которое не предстало перед судьей по предварительным процедурам, может в течение 30 дней с момента освобождения потребовать от предварительного судьи компетентного суда изучить законность содержания под стражей и вынести специальное решение, в отношении которого специальная апелляция разрешается в течение 48 часов для совета, упомянутого в п. 5 ст. 25 УПК, который выносит свое решение в течение трех дней).

Вступление в силу нового УПК возлагает на полицию обязанность привести в соответствие с ним ранее принятые решения (*Закон о полиции* («Официальный вестник Республики Македония» № 114/2006, 6/2009 и 145/2012), во-первых, по применению новой концепции уголовного судопроизводства, во-вторых, по принятию и реализации Директивы в части, касающейся уголовной процедуры и роли, которую играет полиция. Некоторые вопросы уже регулируются Законом о полиции *р идет о праве на перевод и толкование в уголовном процессе (Директива от 20 октября 2010 г. 2010/64 / ЕС о праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе)*. Последние изменения в Закон в соответствии с новым УПК были внесены в 2012 г. Правда, по словам проф. д-ра Г. Каладзиева, этим изменениям не удастся полностью увязать полицейское регулирование с УПК РМ и европейскими директивами [2]. Дело в том, что эти изменения коснулись лишь некоторых положений УПК, а в целом рекомендации директив ЕС, в македонском законодательстве в полной мере учтены не были. В соответствии со ст. 8 Закона о полиции лицо, считающее, что полицейским нарушены его права и свободы, может подать жалобу в полицейский орган, который в 30-дневный срок с момента получения жалобы обязан ее рассмотреть и уведомить заявителя о принятых мерах. Хотя более логичным представляется другой путь – обращение в судебные органы (с. 160, п. 2). УПК предусматривает возможность лиц, лишенных свободы, иметь отдельный реестр, который проверяется и контролируется компетентным государственным обвинителем и омбудсменом Республики Македония. Это является удобным способом контролировать работу полиции, но и возможность полного уважения к правоохранительным органам с их стороны и сокращения возможных злоупотреблений.

В случае, если задержанное лицо не является гражданином Македонии, то опереться на ст. 34 Закона о полиции, где речь идет о задержании иностранных граждан, оно не сможет, так как в ней не предусмотрено регулирование положения об уведомлении дипломатического или консульского представительства. В отличие от Закона п. 2 ст. 69 УПК такую возможность предусматривает. Но при этом указанное положение УПК отличается от положений Директивы в части укрепления процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых лиц в уголовном судопроизводстве (*URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2009:295:0001:0003:en:PDF> (дата обращения: 10.11.2017)*)), в которой закреплено право иностранцев при аресте или заключении под стражу на уведомление дипломатического или консульского представительства своей страны. Положение противоречит ст. 7 Директивы, которая гласит, что задержанные граждане государств-членов, не являющиеся гражданами страны – государства, находясь под арестом, имеют право на скорейшее уведомление об этом своей консульской или дипломатической службы, и право на общение с представителями этих служб.

В соответствии с Законом о полиции, при выписке повестки, производстве ареста и заключении задержанного лица под стражу, сотрудник полиции обязан немедленно сообщить ему, на языке, который он понимает, о причинах выписки повестки, ареста и заключения под стражу. Задержанный должен быть предупрежден о своих правах: праве хранить молчание, на консультацию адвоката, праве иметь адвоката во время полицейской процедуры, праве на медицинскую помощь, если она требуется, а также праве на информирование членов семьи или близкого человека. Конституции Республики Македония (п. 3 ст. 12) предоставляет каждому лицу право пользоваться помощью адвоката при полицейском или судебном расследовании. Это касается не только обвиняемых или подозреваемых, но и свидетелей и иных причастных к делу лиц.

Тем не менее, приводя УПК РМ в соответствие с Директивой и совершенствуя Закон о полиции, законодатель должен для себя решить, следует ли ему обсуждать те предложения, которые предшествовали принятию Директивы. Например, в ст. 4 Директивы предлагается закрепить право адвоката на пересмотр условий содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого, а также право доступа к месту содержания задержанного.

Вероятно такое положение проистекает из практики ЕСПЧ и, если в ближайшее время должно стать в ст. 80 УПК РМ будут внесены соответствующие дополнения, то тем законодатель выразит готовность к продвижению прав и свобод человека.

Следуя рекомендациям Евросоюза и учитывая приверженность Македонии ЕС и перспективы участия в нем, потребуются внести поправки и в Закон о полиции.

Заключение

Принятие резолюции Европейского регионального комитета по укреплению процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых лиц в уголовном судопроизводстве ЕС предполагает принятие следующих директив: о праве на письменный и устный перевод в ходе уголовного судопроизводства; о праве на информацию в сфере уголовного судопроизводства; о праве на адвоката в уголовном судопроизводстве и производстве по уголовным делам в соответствии с европейским порядком и правом на уведомление третьих лиц и консульских органов в случае лишения свободы.

Директива 2013/48/ЕС призвана обеспечить право подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе на скорейшее получение помощи адвоката способом, позволяющим им осуществлять свои права на защиту.

Македония после принятия нового УПК в 2010 г. и поправок к Закону о полиции в 2012 г. восприняла некоторые из рекомендаций и решений ЕС о статусе адвоката в уголовно-процессуальном судопроизводстве и, таким образом, пошла по пути реформирования действующего законодательства.

Однако законодателю еще предстоит рассмотреть поправки и дополнения к процессуальному законодательству, касающиеся роли и функций адвоката, особенно в уголовно-полицейской сфере, разработать законодательные нормы о праве подозреваемого на конфиденциальное общение со своим адвокатом в период полицейского разбирательства, в том числе о месте, способе и сроках общения. Кроме того, необходимо решить вопрос, связанный с задержанием иностранцев. Как отмечалось выше, Закон о полиции в случае ареста лица, не являющегося гражданином Республики Македония, не предусматривает возможность задержанного или лишеного свободы информировать дипломатическое или консульское представительство своей страны.

(Перевод Т.В. Редниковой)

Литература

1. Калайдзиев Гордан. К проекту закона о внесении изменений в закон о полиции // Македонский обзор уголовного права и криминологии 2011/2012, Скопье, 18 и 19 марта, № 1–2.
2. Калайдзиев Гордан. К проекту закона о внесении изменений в закон о полиции // Македонский обзор уголовного права и криминологии 2018/2019, № 1–2, с. 49.

References (transliterated)

1. Kalaidziev Gordan. K proektu zakona o vnesenii izmenenii v zakon o politsii [On the law project on making ammendements to the Law On Police]. *Makedonskii obzor ugovolnogo prava i kriminologii* [Macedonian Review of Criminal law and Criminology] 2011/2012, Skop'e, 18 i 19 marta, № 1–2.
2. Kalaidziev Gordan. K proektu zakona o vnesenii izmenenii v zakon o politsii [On the law project on making ammendements to the Law On Police]. *Makedonskii obzor ugovolnogo prava i kriminologii* [Macedonian Review of Criminal law and Criminology] 2018/2019, № 1–2, p. 49.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Балеев Сергей Александрович

Цель: исследовать институт ответственности за организованную преступную деятельность по законодательству РФ.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический методы.

Выводы. Автор приводит аргументы в подтверждение вывода о том, что отдельные положения института соучастия в действующем УК РФ, расширительное толкование понятия соучастия в уголовно-правовой доктрине создают на практике проблемы при отграничении соучастия в преступлении от соучастия в организованной преступной деятельности.

В частности, организационная деятельность, регламентируемая нормами института соучастия (гл. 7 УК РФ), имеет существенные различия применительно к отдельному преступлению, совершаемому совместными усилиями двух или более субъектов, и деятельности объединения, созданного для организованной преступной деятельности. Эти различия влекут неравнозначную юридическую оценку деяний организатора конкретного преступления и организатора преступной деятельности, поскольку основание и пределы ответственности таких лиц существенно отличаются.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование позволяет дополнить знания об институте уголовной ответственности за организованную преступную деятельность в российском праве. Сделанные выводы могут быть использованы в рамках криминологического учения об организованной преступности и в законотворческой, правоприменительной деятельности общих и специальных субъектов предупреждения преступлений.

Ключевые слова: соучастие, преступление, преступная деятельность, уголовная ответственность, организатор, координация, раздел сфер влияния, преступное объединение, сообщество, организация, организованная группа.

Термины «организованная преступная деятельность», «организационная преступная деятельность» достаточно часто используются в криминологической и уголовно-правовой литературе в связи с феноменом организованной преступности, как правило, для определения и выработки мер, направленных на противодействие этому виду преступности. Вместе с тем, до настоящего времени не наблюдается единства мнений относительно содержания названных понятий, что создает существенные трудности в правоприменительной практике.

Очевидно, что наиболее действенным средством в борьбе с организованной преступностью

продолжает оставаться уголовное право, в нормах которого термин «деятельность» присутствует крайне редко, что не удивительно, поскольку основанием уголовной ответственности, как известно, является не деятельность, а конкретное деяние, содержащее все признаки конкретного состава преступления.

Представляется, что «организованная преступная деятельность» — термин сугубо криминологический, характеризующий те или иные уровни и формы функционирования организованных преступных объединений.

Организационная преступная деятельность, на наш взгляд, представляет собой понятие скорее

уголовно-правовое, раскрывающее объективные и субъективные признаки деяний, регламентированных нормами как Общей, так и Особенной части УК РФ. Точное и четкое установление таких признаков обуславливается необходимостью правильного определения основания и пределов уголовной ответственности лиц, выполняющих организационные функции в конкретном преступлении и в организованной преступной деятельности.

Действующее уголовное законодательство организатором преступления признает лицо, организовавшее его совершение или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

До принятия этой законодательной формулы в теории уголовного права имели место разные подходы к понятию и содержанию организационной деятельности. Так, П.Ф. Тельнов, называя организатора наиболее опасной фигурой среди соучастников, связывал его деятельность с совершением этим лицом конкретного преступления: «Под организацией преступления понимается подбор и подготовка соучастников, обеспечение их орудиями и средствами, разработка плана посягательства, руководство преступлением – распределение обязанностей между соучастниками, дача им указаний в процессе совершения преступления» [1, с. 41].

Ф.Г. Бурчак под организатором также понимал только лицо, организовавшее конкретное преступление или руководившее его совершением: «Действия организаторов преступных сообществ являются одним из видов деятельности, рассматриваемой как преступление непосредственно в статьях Особенной части УК. Поэтому в статье, предусматривающей ответственность соучастников, о них говорить нет необходимости» [2, с. 141].

Высказывалось и иное мнение, отстаиваемое, в частности, М. И. Ковалевым: «Под организатором преступления следует понимать того, кто организует преступление, т.е. не только склоняет других к совершению преступления, но и сам участвует в его совершении в качестве непосредственного исполнителя, руководит непосредственным совершением преступления в качестве главаря, руководителя преступной деятельности независимо от того, участвует ли он физически в выполнении состава преступления или нет. Организаторы преступного сообщества – это лица, создающие сообщество, возглавляющие его, разрабатывающие планы преступной деятельности,

руководившие совершением преступления в составе сообщества» [3, с. 278].

Казалось бы, после расширения в УК РФ определения объективной стороны действий организатора, полемика по вопросу о круге его специфической деятельности должна была прекратиться. Но, включив понятие организатора преступной деятельности (в законе – организатор организованной группы или преступного сообщества) в число соучастников преступления, законодатель не снял основных противоречий, а наоборот, по сравнению с УК РСФСР 1960 г. их стало больше. Ведь условия ответственности организаторов и иных членов преступного сообщества (преступной организации) существенно отличаются и не могут быть приравнены к условиям ответственности соучастников при таких формах соучастия, как соисполнительство и соучастие с распределением функциональных (юридических) ролей.

Следует согласиться с Ю. А. Красиковым, в свое время отмечавшим: «В последнее время наметились тенденции к выделению не только организованной группы из числа разновидностей соучастия с предварительным соглашением, но и организатора преступной группы из числа видов соучастников. Создание параллельных уголовно-правовых норм наряду с нормой, регламентирующей институт соучастия, вряд ли оправдано. Безусловно, роль организатора должна быть отмечена как наиболее опасная, что должно повлиять на назначение наказания, но отрыв этого вида соучастника от других невозможен, так как их деятельность совместна и ее последствия общие, единые для всех соучастников» [4, с. 48].

Отличие между организатором преступления и организатором *преступной деятельности* (выделено мной – С.Б.) состоит в том, что, во-первых, различны цели такой деятельности (в одном случае – это конкретное преступление, в другом – совершение, как правило, ряда преступлений, но не разрозненных, а образующих систему и зачастую направленных на получение противоправных доходов); во-вторых, при организации единичного преступления отсутствует необходимость в образовании устойчивого преступного объединения, следовательно, формы связи между соучастниками преступления значительно проще, чем в организованной группе или преступном сообществе (преступной организации).

В научной литературе высказывается мнение, что осуществление руководства преступной деятельностью есть форма организации преступления [4, с. 25]. С этим трудно согласиться, поскольку понятие «преступная деятельность» шире понятия

«преступление», так как конкретное преступление является лишь звеном в цепи общественно опасных и преступных деяний, совершаемых созданным для такой деятельности объединением.

Более того, главной чертой объективной стороны организации преступной деятельности является объединение усилий, направление посредством властно-распорядительных отношений силы и воли участников преступного объединения на осуществление неоднократных преступных действий, создание устойчивых связей между ее членами. Учитывая это, следует напомнить, что согласно Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., организованная преступная группа представляет собой «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, или признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду (п. «а» ст. 2). Под структурно оформленной группой в Конвенции понимается группа, в которой оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура» (п. «б» ст. 2) [5, с. 51].

Организация преступной деятельности может осуществляться на различных ее этапах различными лицами, так как организаторы могут выделяться также в различных структурных подразделениях преступного сообщества (преступной организации), террористического сообщества, экстремистского сообщества и других объединений, создаваемых для относительно самостоятельного осуществления преступной деятельности. Такие лица, конечно же, могут принимать участие в планировании и подготовке конкретного преступления. Но в этом случае, на наш взгляд, выполнение организационных либо иных функций (подстрекателя, пособника) превращает организатора объединения в соучастника преступления.

В. Я. Якушин напротив, полагает, что «для того, чтобы привести ответственность организаторов преступных организаций в соответствие с принципом субъективного вменения, следует давать понятие вины не только по отношению к конкретному и отдельному преступлению, но и к их совокупности. При этом в уголовном законе следует отметить, что организатору вменяются в вину все совершенные сообществом преступления, поскольку по отношению к ним у него имеется неопределенный умысел» [6, с. 16–17].

По мнению С.С. Аветисяна, «все соучастники с момента вступления в организованную группу или преступное сообщество, становясь их членами, независимо от места и времени совершения преступления и *характера фактически выполняемых ролей (выделено мной – С.Б.)* должны признаваться соисполнителями» [7, с. 308]. С таким подходом согласиться нельзя, поскольку квалификация деяния каждого участника преступного объединения определяется не членством в преступной группе, а выполненной им функцией при совершении конкретного преступления. В соответствии с законом участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут ответственность за те преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Организатор преступного объединения подлежит уголовной ответственности за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом (ч. 5 ст. 35 УК РФ). Если деятельность отдельных участников преступного объединения не связана ни с подготовкой преступления, ни с выполнением его объективной стороны, то в соответствии с УК РФ ни исполнителями, ни иными соучастниками такого преступления они признаваться не могут.

Создание преступного объединения предполагает разработку структуры группы, ее организационной формы, определение направлений преступной деятельности, методов ее осуществления, подбор участников, их сплочение (придание устойчивости группе), выработку организационных форм связи между участниками и др. Для выполнения таких функций организатор должен обладать комплексом определенных качеств, без которых выдвинуться среди соучастников было бы невозможно. Прежде всего, это достаточно высокий уровень инициативы и активности, определенный уровень общих и специальных знаний, наличие волевых качеств и личного авторитета, умение сплотить вокруг себя людей, навязать им преступные планы.

Руководство преступной деятельностью состоит не только в определении и координации направлений преступной деятельности, ее задач и этапов осуществления, средств и способов достижения цели, но и в выполнении властно-распорядительных функций, в том числе при разрешении различного рода спорных, конфликтных ситуаций между подразделениями и отдельными участниками.

Помимо названных к функциям по руководству преступной деятельностью следует отнести разработку мер по обеспечению конспирации, обеспечение моральной и материальной под-

держки участников, привлеченных к уголовной ответственности, оснащение участников оружием, транспортом, средствами связи, а также разработку мер по приданию преступной деятельности легального вида: «отмывание» преступных доходов через создаваемые коммерческие структуры, налаживание и использование коррумпированных связей в органах власти и управления в целях противодействия правоохранительным и контролирующим органам и т.п.

Повышенная общественная опасность организатора преступной деятельности находит свое отражение в Особенной части УК РФ. Так, деятельность организатора признается законодателем самостоятельным преступлением (ч. 1 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 205⁵, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 210, ч. 1 ст. 212, ч. 1 ст. 239, ст. 279, ч. 1 ст. 282¹, ч. 1 ст. 282² УК РФ).

Однако из содержания ч. 5 ст. 35 УК РФ следует, что лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности только в соответствии со ст. 205⁴, 208, 209 и 282¹ УК РФ.

Возникает вопрос: а по каким правилам должны отвечать организаторы и руководители преступных объединений, ответственность за организацию которых предусмотрена в других статьях уголовного закона? Представляется, что, признавая уголовно наказуемой организационную деятельность лишь в пяти составах преступлений, законодатель существенно ограничивает сферу уголовно-правового воздействия на лиц, выполняющих функции организатора преступной деятельности. По крайней мере два указанных в Особенной части УК РФ объединения – террористическая организация (ст. 205⁵) и экстремистская организация (ст. 282²) определяются как преступные. С нашей точки зрения, что более рациональным следует признать законодательный подход к конструированию нормы об ответственности организатора преступной деятельности в первоначальной редакции ч. 5 ст. 35 УК РФ, в которой указывалось, что «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных *соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса (выделено мной – С.Б.)*, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом».

До недавнего времени в уголовно-правовой литературе отмечалось, что одной из причин неэффективности уголовно-правовых мер в борьбе с организованными формами преступной деятельности является неурегулированность законодательством криминальных антиобщественных отношений, связанных с общей организацией и обеспечением преступной деятельности преступных образований. А одной из своих работ автор тоже отмечал, что реальная антиобщественная деятельность организаторов преступной деятельности, требующая криминализации, остается безнаказанной, поскольку в соответствии с законом не могли быть признаны организаторами лица, использующие криминальный авторитет для улаживания конфликтов между преступными группировками, координации функционирования действующих на определенной территории различных криминальных формирований, перераспределения между ними сфер криминального бизнеса и проч. [8].

В ч. 1 ст. 210 УК РФ круг объективных признаков организационной преступной деятельности, которые не связаны с совместным совершением преступления, законодателем значительно расширен. Наряду с созданием и руководством преступным объединением такими признаками являются:

- координация преступных действий;
- создание устойчивых преступных связей между различными самостоятельно действующими организованными группами;
- раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними;
- участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных преступных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Такое решение законодателя следует приветствовать. Однако оно, на наш взгляд, еще раз подтверждает вывод о том, что организатор преступления должен рассматриваться в числе других видов соучастников (исполнителя, подстрекателя, пособника), в контексте института соучастия в преступлении, а не автономно от них. Организация и участие в организованной группе и преступном сообществе, а также в их разновидностях, описанных в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, являются соучастием в организованной преступной деятельности, поэтому создание, руководство и участие в таких преступных объединениях должно находить свою уголовно-правовую оценку только в статьях Особенной части Кодекса посредством установления ответственности за подобные деяния.

Литература

1. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. – 208 с.
2. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. – 208 с.
3. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Н.А. Беляева, М.И. Ковалева. М., 1977. – 544 с.
4. Красиков Ю.А. Соучастие в преступлении. М., 1996. – 48 с.
5. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М.: ИНФРА-М, 2001. – 148 с.
6. Якушин В.А. Вопросы субъективного вменения при организованной преступной деятельности // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью. Ярославль, 2004 – 110 с.
7. Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом. М.: ЮНИТИ, 2004. – 467 с.
8. Балеев С.А. Ответственность за организационную преступную деятельность по действующему российскому уголовному законодательству. Казань, 2002. – 211 с.

References

1. Tel'nov P.F. Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii [Responsibility for complicity in a crime]. Moscow, 1974, 208 p. (In Russian)
2. Burchak F.G. Souchastie: sotsial'nye, kriminologicheskie i pravovye problem [Complicity: social, criminological and legal problems]. Kiev, 1986, 208 p. (In Russian)
3. Sovetskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' [Soviet criminal law. A common part]. N.A. Belyaeva, M.I. Kovaleva Ed. Moscow, 1977, 544 p. (In Russian)
4. Krasikov Yu.A. Souchastie v prestuplenii [Complicity in a crime]. Moscow, 1996, 48 p. (In Russian)
5. Konventsiya OON protiv transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti [UN Convention against Transnational Organized Crime]. In *Ovchinskii V.S. XXI vek protiv mafii. Kriminal'naya globalizatsiya i Konventsiya OON protiv transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti* [Ovchinsky V.S. XX century against the mafia. Criminal globalization and the UN Convention against Transnational Organized Crime]. Moscow, INFRA-M Publ., 2001, 148 p. (In Russian)
6. Yakushin V.A. Voprosy sub"ektivnogo vmeneniya pri organizovannoi prestupnoi deyatel'nosti [Issues of subjective imputation in organized criminal activities] In *Kriminologicheskie i ugovno-pravovye problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu* [Criminological and criminally-legal problems of struggle against the organized crime]. Yaroslavl', 2004 – 110 s. (In Russian)
7. Avetisyan S.S. Souchastie v prestupleniyakh so spetsial'nym sostavom [Complicity in crimes with a corpus delicti]. Moscow, YuNITI Publ., 2004, 467 p. (In Russian)
8. Baleev S.A. Otvetstvennost' za organizatsionnyuyu prestupnyuyu deyatel'nost' po deistvuyushchemu rossiiskomu ugovnomu zakonodatel'stvu [Responsibility for organizational criminal activity under the Russian criminal law]. Kazan', 2002, 211 p. (In Russian)

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ КОДЕКСАМ АВСТРИИ И ШВЕЙЦАРИИ

Серебренникова Анна Валерьевна

Цель: сравнить и проанализировать опыт законодательного регулирования института условного осуждения в уголовных кодексах Австрии и Швейцарии.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод

Выводы. В соответствии со ст. 73 УК РФ условное осуждение может быть применено к лицу, которому назначено наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет. Именно верхний предел наказания для применения условного осуждения порождает дискуссии среди правоприменителей и представителей доктрины российского уголовного права. Автор приходит к выводу, что в ряде зарубежных стран условное осуждение не применяется к лицам, которым назначено наказание в виде лишения свободы (тюремного заключения) на срок свыше двух лет (УК Испании, ФРГ, Австрии, Швейцарии). Согласно уголовным законам Японии, КНР, Республики Болгарии верхний предел наказания для применения условного осуждения ограничен тремя годами лишения свободы. Возникает закономерный вопрос: можно ли считать обоснованным, что на основании ст. 73 УК РФ условное осуждение может быть применено к лицу, которому назначено наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет? По мнению автора статьи, такая позиция российского законодателя весьма дискуссионна.

Научная и практическая значимость. Изучение опыта зарубежных стран, в том числе законодательного регулирования института условного осуждения, позволяет решить российскому законодателю ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в УК РФ.

Ключевые слова: Россия, Австрия, Швейцария, уголовное законодательство, условное осуждение.

Уголовно-правовая политика большинства зарубежных государств базировалась на альтернативных лишению свободы уголовно-правовых мерах. Во многих странах широкое применение таких мер основано, помимо гуманитарных соображений, на прагматических аргументах экономии затрат на тюремное заключение и его последствия. Уголовно-правовые институты, существующие в зарубежном праве, позволяют не применять предусмотренное за совершение преступления наказание, и при наличии определенных условий заменять его иными мерами уголовно-правового характера. К таким институтам можно отнести институт probation и институт условного осуждения [1, с. 45–50].

В развитых западных государствах возможности применения условного осуждения или отсрочки исполнения приговора строго ограничены.

Например, условное осуждение не применяется к лицам, которым назначено наказание в виде лишения свободы (тюремного заключения) на срок свыше двух лет (УК Испании, ФРГ, Австрии, Швейцарии). В соответствии с уголовными законами Японии, КНР, Республики Болгарии верхний предел наказания для применения условного осуждения ограничен тремя годами лишения свободы. Чтобы кратко проанализировать данный вопрос, следует рассмотреть правовые предписания уголовного законодательства таких зарубежных стран, как Австрия и Швейцария.

Аналогом условного осуждения (используя применяемую в российском уголовном праве терминологию) в Австрии является условное освобождение от наказания (bedingte Strafnachsicht) в соответствии с Strafgesetzbuch (StGB) от 29 января 1974 г. [2, с. 46].

По УК Австрии условное освобождение от наказания бывает двух видов: от всего наказания (§ 43) и от части наказания (§ 43а). Условное освобождение от всего наказания назначается в случае осуждения к лишению свободы на срок не более двух лет или к денежному штрафу. Условное освобождение от части наказания, как правило, возможно только в случае назначения денежного штрафа, если рассматриваемые ниже предпосылки для условного освобождения существуют только в отношении части наказания.

Обязательной предпосылкой условного освобождения от наказания (как от всего, так и от его части) является наличие убежденности суда в том, что «достаточно одной угрозы реального исполнения наказания самостоятельно или в связи с другими мерами, чтобы предотвратить дальнейшее совершение лицом преступных деяний, и не требуется исполнения наказания для того, чтобы противодействовать совершению преступных деяний другими лицами» (§ 43) [3, с. 31]. При назначении условного освобождения от наказания (как от всего наказания, так и от его части) суд учитывает вид деяния, личность правонарушителя, степень его вины, его предыдущую жизнь и поведение после совершения деяния и устанавливает испытательный срок продолжительностью от одного года до трех лет. Кроме того, возлагает на осужденного судом возлагается выполнение определенных обязанностей (например, проживать в определенной местности, в определенной семье или в определенном доме, не употреблять алкогольные напитки, обучаться подходящей, по возможности соответствующей его знаниям, способностям и наклонностям профессии или работать по своей специальности, сообщать о каждом изменении места своего пребывания или места работы и являться в суд или другой компетентный орган и др.) [4, с. 12–14]. В период испытательного срока указания, даваемые судом, могут быть изменены, изменены либо суд может возложить на осужденного новые обязанности (§ 51).

Условно освобожденному лицу назначается помощник, в обязанности которого входит контроль за поведением условно освобожденного. Указания, даваемые судом освобожденным условно, действуют в течение срока, определенного судом (максимально до окончания испытательного срока). Этими же временными рамками ограничено и оказание указанным лицам помощи.

В том случае, если во время испытательного срока условное освобождение от наказания по каким-либо причинам (например, совершение нового преступного деяния) не отменяется (§ 53),

осужденный окончательно освобождается от наказания [5, с. 19].

УК Швейцарии (ст. 41) предусматривает возможность применения условного осуждения к лишению свободы (если срок наказания не более 18 месяцев) или к дополнительному наказанию в соответствии с Schweizerisches Strafgesetzbuch от 21 декабря 1937 г.

Предпосылкой для назначения условного осуждения является убежденность суда в том, что в будущем осужденный не будет совершать преступления или проступки, а также в том случае, если осужденный по решению суда или по соглашению сторон возместит вред, размер которого установлен. При принятии данного решения учитывается предыдущая жизнь и характер осужденного.

Условное осуждение не применяется к лицам, которым в течение пятилетнего периода до совершения данного преступного деяния уже было назначено наказание в виде заключения в «каторжную тюрьму» (тюремное учреждение закрытого типа с повышенной степенью обеспечения безопасности) или тюремного заключения сроком не менее трех месяцев за совершение умышленного преступного деяния. При этом не имеет значения, каким судом они были осуждены – швейцарским или судом иностранного государства. При условном осуждении суд определяет продолжительность испытательного срока (от двух до пяти лет). Суд также может установить охранительный надзор [6, с. 47], суть которого заключается в даче осужденному определенных указаний по поводу его поведения в период испытательного срока, относительно его профессионального образования, места пребывания, врачебного наблюдения и др. Суд может установить запрет на употребление осужденным алкогольных напитков и обязать возместить причиненный преступным деянием вред в течение определенного срока. Даваемые судом указания могут быть изменены или отменены в течение испытательного срока.

В том случае, если осужденный во время испытательного срока совершает преступление или проступок, действует вопреки хотя бы одному из указаний суда, несмотря на официальное предупреждение компетентных органов, упорно уклоняется от охранительного надзора или иным образом пренебрегает оказанным ему доверием, суд может принять решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания. Если условное осуждение не отменяется, то суд в зависимости от конкретных обстоятельств дела может предупредить осужденного, дать ему дополни-

тельные указания и продлить установленный в приговоре испытательный срок, но не более чем наполовину.

В тех случаях, когда до истечения испытательного срока условное осуждение не отменяется, наказание считается отбытым.

Таким образом, изучение опыта зарубежных стран, в том числе законодательного регулирования института условного осуждения, позволяет решить российскому законодателю ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в УК РФ.

STRAFAUSSETZUNG NACH DEM STRAFGESETZBUCH VON ÖSTERREICH UND DER SCHWEIZ

Strafrechtliche Politik der Mehrheit der ausländischen Ländern hat sich auf den alternativen der Arreststrafe strafrechtlichen Maßnahmen basiert. In vielen Ländern verbreitete Anwendung der alternativen strafrechtlichen Maßnahmen außer humanitären Überlegungen basiert sich auf den pragmatischen Argumenten der Kosteneinsparung für die Gefängnisstrafe und ihrer Folgen. Im ausländischen Recht gibt es strafrechtliche Instituten, die erlauben, real die für das Verbrechen vorgesehene Strafe nicht verwenden, und bei Vorhandensein bestimmter Voraussetzungen sie auf andere strafrechtlichen Maßnahmen zu ersetzen. Zu solchen Instituten können das Institut der Probation und das Institut der bedingten Verurteilung gehören [4, s. 45–50].

In den entwickelten westlichen Staaten sind die Anwendungsmöglichkeiten der bedingten Verurteilung oder des Strafaufschubs streng begrenzt. Z.B., die bedingte Verurteilung wird zu den Personen nicht verwendet, für die eine Strafe als Arreststrafe über 2 Jahre festgesetzt wurde (Strafgesetzbuch von Spanien, Bundesrepublik Deutschland, Österreich, Schweiz). Gemäß den Strafgesetzbüchern von Japan, Volksrepublik China, Republik Bulgarien ist die Strafobergrenze für die Verwendung der bedingten Verurteilung durch 3 Jahren Haft begrenzt. Um kurz diese Frage zu analysieren, muss man Rechtsverordnungen der Strafgesetzgebung solcher ausländischen Ländern erörtern, wie Österreich und Schweiz.

Der Analog der bedingten Verurteilung (wenn man die in russischem Strafrecht verwendbare Terminologie verwendet) in Österreich ist bedingte Strafnachsicht. Gemäß dem Strafgesetz von Österreich hat die bedingte Strafnachsicht (Strafgesetzbuch (StGB), vom 29. Jänner 1974. Wien, 2017). [2, s. 46]

Arten: von der ganzen Strafe (§ 43) und vom Teil der Strafe (§ 43a). Bedingte Strafnachsicht wird im Fall der Verurteilung zureine Strafe als Arreststrafe

nicht mehr als 2 Jahre oder zur Geldstrafe festgesetzt. Bedingte Strafnachsicht vom Teil der Strafe wird festgesetzt, in der Regel, nur im Fall der Festsetzung der Strafe als Geldstrafe, wenn die unter nachstehend genannten Voraussetzungen für die Festsetzung nur bezüglich des Teils der Strafe existieren.

Obligatorische Voraussetzung der Festsetzung der bedingten Strafnachsicht (sowohl von der ganzen Strafe, als auch von ihrem Teil) ist das Vorhandensein der Überzeugung vom Gericht darüber, dass „es reicht einzige Drohung der realen Ausführung der Strafe selbständig und zusammen mit anderen Maßnahmen, um zu weitere Ausführung des Verbrechens verhindern, und ist nicht die Ausführung der Strafe erforderlich dafür, der Ausführung des Verbrechens von anderen Personen entgegenzuwirken“. (§ 43). [3, s. 31]

Bei der Festsetzung der bedingten Strafnachsicht (sowohl von der ganzen Strafe, als auch von ihrem Teil) berücksichtigt das Gericht die Art der Handlung, die Persönlichkeit des Rechtsverletzers, Grad seiner Schuld, sein Vorleben und sein Benehmen nach der Begehung der Handlung. Das Gericht stellt die Bewährungszeit mit der Dauer von 1 bis 3 Jahren fest.

Bei der bedingten Strafnachsicht auferlegt das Gericht auf den Verurteilten die Pflicht der Erfüllung bestimmten Verpflichtungen (z. B. „in einem bestimmten Ort, in der bestimmten Familie und im bestimmten Haus leben, keine alkoholische Getränke trinken, den passenden, möglichst seinen Kenntnissen, Fähigkeiten und Neigungen entsprechenden Beruf erlernen oder in seinem Fach arbeiten, über die Veränderung des Aufenthaltsorts oder der Arbeitsstelle mitteilen und ins Gericht oder in anderes kompetentes Organ kommen“ usw.) [4, s. 12–14].

In der Bewährungszeit die Hinweise, die vom Gericht gegeben wurden, können auflöst, verändert werden, oder das Gericht kann neue Pflicht auf dem Verurteilten auferlegen (§ 51). Der Person mit bedingter

Strafnachsicht wird ein Helfer beigeordnet, zu dessen Verpflichtungen die Kontrolle des Benehmens der Person mit bedingter Strafnachsicht gehört. Die Hinweise und die Hilfe der Personen mit bedingter Strafnachsicht sind während der Frist gültig, die vom Gericht bestimmt wurde, maximal bis Ende der Bewährungszeit.

In dem Fall, wenn bedingte Strafnachsicht während der Bewährungszeit aus irgendwelchen Gründen (z.B. die Ausführung des neuen Verbrechens) nicht aufgelöst wird (§ 53), dann wird endlich der Verurteilte von der Strafe befreit. [5, s. 19].

Das Strafgesetzbuch von der Schweiz sieht die Möglichkeit der bedingten Verurteilung zur Arreststrafe vor (wenn die Strafzeit nicht mehr als 18 Monate ist) oder zur zusätzlichen Strafe (Art. 41) (Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. Dezember 1937 Genf, 2016.).

Die Voraussetzung zur der Festsetzung der bedingten Verurteilung ist das Vorhandensein der Überzeugung vom Gericht darüber, dass in der Zukunft der Verurteilte kein Verbrechen und kein Verstoß ausführen wird und wenn der Verurteilte aufgrund eines Gerichtsurteils oder laut Vereinbarung der Parteien den bestimmten Schadenersatz leistet. Beim Treffen dieser Entscheidung wird das Vorleben und der Charakter des Verurteilten berücksichtigt.

Die bedingte Verurteilung wird zu den Personen nicht verwendet, die im Laufe von 5 Jahren vor der Ausführung dieses Verbrechens schon Strafe als Zuchthausstrafe oder als Arreststrafe mit der Frist nicht weniger als 3 Monate für die Ausführung des vorsätzlichen Verbrechens verbüßt haben, wenn diese Strafe sowohl vom Schweizerischen Gericht, als auch vom Gericht des ausländischen Staates festgesetzt wurde.

Bei der bedingten Verurteilung bestimmt das Gericht die Frist von 2 bis 5 Jahre. Das Gericht kannschützen-

de Überwachungstätigkeit festsetzen. Ihr Schwerpunkt besteht in der Erteilung von Weisungen bezüglich seines Benehmens während der Bewährungszeit, bezüglich seiner Berufsbildung, des Aufenthaltsorts, der ärztlichen Beobachtung usw. [6, s. 47]. Das Gericht kann Verbot aufstellen, alkoholische Getränke zu trinken und verpflichten, den durch das Verbrechen entstandenen Schaden während der Bewährungszeit zu ersetzen. Die vom Gericht gegebene Hinweise können von ihm während der Bewährungszeit aufgelöst oder verändert werden.

Im Fall, wenn der Verurteilte "während der Bewährungsfrist ein Verbrechen oder Verstoß ausführt, gegen wenigstens einen der erhaltenen Hinweise handelt, trotz offizielle Warnung von den kompetenten Organe, trotzig sich der schützenden Überwachung entzieht oder anders verachtet geschenktes Vertrauen", kann das Gericht die Entscheidung über die.

Auflösung der bedingten Verurteilung und der Ausführung der Strafe treffen. Wenn bedingte Verurteilung nicht aufgelöst wird, bei den leichteren

Fällen abhängig von den die näheren Umständen kann das Gericht den Verurteilten warnen, ihm zusätzliche Hinweise geben oder die im Urteil bestimmte Bewährungsfrist nicht mehr als zur Hälfte verlängern [1, s. 45–50].

Wenn bis zur Bewährungszeit wird die bedingte Verurteilung nicht aufgelöst, gilt die Strafe als vollständig abgeübt.

Auf solche Weise, erlaubt das Erlernen der Erfahrung der ausländischen Ländern, darunter gesetzlicher Regelung des Instituts der bedingten Verurteilung, dem russischen Gesetzgeber eine Reihe der Probleme lösen, die mit der Vervollkommnung der Rechtsnormen im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation verbunden sind.

Литература

1. Неманежин В.Ю. Использование зарубежного опыта применения условного осуждения в законодательстве РФ // Журнал правовых и экономических исследований, 2008. № 3. С. 45–50.
2. Seiler S. Strafrecht. Allgemeine Teil 1. Grundlage und Lehre von der Straftat. Wien, 2007. 314 s.
3. Bachner-Foreger H. Strafgesetzbuch. Wien. 2009. 342 s.
4. Ernst Hafer .Schweizerisches Strafrecht. Genf. 1943. 371 s.
5. Ernst Hafer .Schweizerisches Strafrecht: Besonderer Teil. Erste Hälfte: Delikte Gegen Leib und Leben, Gegen die Freiheit, Gegen das Geschlechtsleben, Gegen die Ehre, Gegen das Vermögen. Berlin, 2013. 412 s.
6. Peter Noll, Kaspar Fischer Schweizerisches Strafrecht: Allgemeiner Teil. Allgemeine Voraussetzungen der Strafbarkeit .Schulthes, 1981. 372 s.

References (transliterated)

1. Nemanezhin V. Yu. Ispol'zovanie zarubezhnogo opyta primeneniya uslovnogo osuzhdeniya v zakonodatel'stve RF [Use of foreign experience in applying conditional conviction in the legislation of the Russian Federation]. Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy [Journal of Legal and Economic Studies], 2008, no. 3, pp. 45–50 (In Russian, abstract in English)

2. Seiler S. Strafrecht. Allgemeine Teil 1. Grundlage und Lehre von der Straftat. [Criminal Law. General Part 1. Basis and doctrine of the offense]. Wien, 2007, 314 p. (In German)
3. Bachner-Foreger H. Strafgesetzbuch [Criminal Code]. Wien., 2009, 342 p. (In German)
4. Ernst Hafer. Schweizerisches Strafrecht. [Swiss criminal law] Genf. 1943, 371 p. (In German)
5. Ernst Hafer. Schweizerisches Strafrecht: Besonderer Teil. Erste Hälfte: Delikte Gegen Leib und Leben, Gegen die Freiheit, Gegen das Geschlechtsleben, Gegen die Ehre, Gegen das Vermögen [Swiss Criminal Law: Special part. First half: offenses against life and limb, against freedom, against the sex life, against the honor, against the fortune]. Berlin, 2013, 412 p.
6. Peter Noll, Kaspar Fischer. Fischer Schweizerisches Strafrecht: Allgemeiner Teil. Allgemeine Voraussetzungen der Strafbarkeit [Swiss Criminal Law: General Part. General Prerequisites for Severability]. Schulte, 1981, 372 p.

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ АЗАЛИИ ИВАНОВНЫ ДОЛГОВОЙ ДЛЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КАБИНЕТА

Цель: передача накопленного опыта и знаний. Криминологическим кабинетом МГЮА имени О.Е. Кутафина был организован ряд встреч студентов с известными учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки юриспруденции. Одна из таких встреч состоялась с выдающимся ученым-криминологом Азалией Ивановной Долговой в стенах университета.

Методология: интервью.

Выводы. Интервью, проведенное студентами Института прокуратуры Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина под началом руководителя Криминологического кабинета с А.И. Долговой, позволило узнать интересные факты из ее биографии, об особенностях работы в прокуратуре, о тенденциях развития криминологии, поднять вопросы ювенальной юстиции, института присяжных заседателей. Студенты получили профессиональные советы, которые помогут им в учебе и в будущей практике.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса криминологии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интервью, криминология, криминологический кабинет, прокуратура, наука, научные исследования, терроризм, экстремизм.

Азалия Ивановна Долгова

Беседовали: Руководитель Криминологического кабинета Себила Якубовна Саламова, студенты четвертого курса Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Алиса Королькова, Кристина Орлова, Анастасия Козодой, Анастасия Орлова. В качестве слушателя на интервью присутствовала аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Тамара Николаевна Маматюк.

Азалия Ивановна Долгова – известный советский и российский ученый-криминолог, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, член экспертного совета Комиссии Государственной Думы РФ по противодействию коррупции, президент Российской криминологической ассоциации, награждена медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени.

А.И. Долгова родилась 5 июля 1937 г. в Хабаровске. В 1959 г. окончила юридический факультет МГУ. В 1959–1965 гг. работала в органах прокуратуры следователем, помощником прокурора: по надзору за дознанием и следствием в органах внутренних дел, по надзору за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, по делам о несовершеннолетних. С 1968 г. А.И. Долгова работает

во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, который позднее был переименован в Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации и в 2007 г. вошел в состав Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В 1993–2002 г. возглавляла межведомственные рабочие группы по разработке федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», является автором опубликованного законопроекта «О криминологической экспертизе».

А.И. Долговой опубликовано более 200 научных работ. К ее основным трудам можно отнести: «Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей» (1970 г.), «Социально-психологический аспект преступности несовершеннолетних» (1981), «Преступность и общество» (1992 г.), «Российская криминологическая энциклопедия» (2000 г., в соавт.), «Криминология: Учебник для вузов» (2003 г.), «Преступность, ее организованность и криминальное общество» (2003 г.), «Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом правоохранительной практики» (2010 г., в соавт.), «Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность» (2011 г.), «Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность» (2011 г.), «Деятельность прокуратуры по борьбе с терроризмом» (2012 г.), «Личность организованного преступника: криминологическое исследование» (2013 г., в соавт.), «Избранные труды» (2017 г.).

Встреча руководителя Криминологического кабинета С.Я. Саламовой и студентов четвертого курса Алисы Корольковой, Кристины Орловой, Анастасии Козодой, Анастасии Орловой с Азалией Ивановной состоялась в МГЮА имени О.Е. Кутафина. Беседа получилась очень интересной и содержательной.

Козодой А.: Вы жили в годы Великой Отечественной войны, ваше детство проходило в то время. Как война отразилась на Вашем детстве? Повлияла ли она на выбор Вами будущей профессии?

Долгова А.И.: Да, война оказала огромное влияние.

Дело в том, что я родилась в 1937 г. и война началась, когда мне еще и четырех не было, — 22 июня 1941 г., а у меня 5 июля день рождения. Отец командовал отдельным дивизионом на Дальнем Востоке. На второй день войны его отозвали

в Москву. А молоденькая мама с двумя маленькими детьми (со мной и моей сестрой, которая была младше меня на 2 года) решила, что поедет с ним. Тогда родители еще не представляли, что такое война. Вместе поехали.

Приехали в Москву, отец пошел представляться командованию. Семью оставил на вокзале. Командование решило отправить его на Западный фронт (*Западный фронт — оперативное объединение Рабоче-крестьянской Красной армии в годы Великой Отечественной войны — здесь и далее примечание редактора*), но заметили, что он замялся. Тогда поинтересовались, есть ли у него семья, где она осталась. Узнав, что семья на вокзале, решение изменили: отправили в Горький (*ныне Нижний Новгород*), приказали там сформировать полк и там же оставить семью.

Он повез нас в Горький. Мы поселились в помещении, где было 40 семей с детьми, и почти у каждой женщины не один ребенок. Все в одной большой комнате. Отец, естественно, на следующий же день, как только сформировали полк, уехал. А мы остались. Представляете обстановку?

Через некоторое время женщин переселили в общежитие в Сормово (*Сормовский район (сокращенно — Сормово) — район в составе Нижнего Новгорода.*), потому что прибавилось количество женщин, мужья которых воевали на западе. Из Эстонии, из всех западных регионов приехали. И мы в этом общежитии жили. Оно до сих пор, кстати, существует. И вот одни женщины, значит, и дети...

И каждый день, каждую ночь была бомбежка, и мы должны были спускаться в подвал. Я шла вниз с третьего этажа сама, а сестру мама, естественно, на руках несла.

Мой отец был в зенитной артиллерии, они стояли на обороне Москвы. На запад не пошли, потому что не отстояли бы Москву. И видели, как самолеты летят на Нижний Новгород. А там оборонная промышленность, особенно в центре города.

Одна из бомбежек запомнилась особо. В тот день было не укрыться даже в подвале. Погибли люди.

Такое было первое впечатление о войне... На всю жизнь эти воспоминания остались в памяти.

Недавно я была в Нижнем Новгороде. Мы плавали по Волге и вспоминали те годы и события.

Ну вот... а потом отец перевез нас в Москву. Жили мы у знакомых в центре Москвы, где сейчас узел Нового Арбата и Садового кольца. Там стоял старинный особняк, и там жило старое дворянство — женщины.

У отца было четыре брата. Все они воевали, и все они периодически приезжали, а также их знакомые, которые с ними воевали, когда получали ранения или уезжали в отпуск, к нам ночевать.

Все мое детство прошло на ящике с книжками. Я хорошо помню, как они приезжали, какое настроение было. Но это люди определенных взглядов, очень интересные. Не колеблющиеся, нет! Вновь и вновь рвались на фронт.

Все. Эта война закончилась...

Я хорошо помню, как меня разбудила мама рано утром со словами: «Победа!» Мы пошли на Красную площадь. Там было полно народу, но никто никого не давил.

Через несколько лет все изменилось. Я поехала на праздник на Красную площадь, нас там чуть не затоптали. Но в 1945 г. этого не было, люди совсем по-другому себя вели.

Война на многих повлияла. Мы учились с участниками войны в университете. Наши доценты, не профессора, а доценты, тоже прошли войну. До ее начала они уже успели закончить аспирантуру. Вот, профессор Ткачевский (*Ткачевский Юрий Матвеевич (1920–2016) – доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ, советский и российский учёный-правовед, специалист в области уголовного права, военный лётчик, Герой Советского Союза, заслуженный деятель науки Российской Федерации*), Мишин без руки был (*Мишин Август Алексеевич (1924–1993) – выдающийся советский государствовед, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного (ныне конституционного и муниципального) права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*). В общем, много тех, которые потом стали профессорами.

С Кутафиним мы вместе учились, вместе занимались культурно-массовой работой на факультете (*Кутафин Олег Емельянович (1937–2008) – советский и российский учёный-правовед, специалист в области конституционного права, академик РАН, ректор, а затем президент МГЮА*).

Козодой А.: Почему Вы решили выбрать профессию юриста?

Долгова А.И.: Многие задают этот вопрос. Я даже начала писать книгу «Как выбирают профессию юриста». (*Смеется*)

Но я должна вам сказать, что, этому предшествовала цепь всяких событий. Мы жили в особняке, часть его, по преданию, одно время снимал Плевако. А рядом, значит, жила высшая аристократия России. Мужчин не было, а вот женщины остались. Мама нас с сестрой с ними оставляла, когда ходила карточки отоваривать. Они нам мно-

го чего рассказывали. Книжки у них были дореволюционные.

Одну из таких женщин убили ради икон. Оказалось, что это друзья соседей, молодежи соседской. Тогда началось следствие. Приходил следователь. Все обсуждали случившееся. А потом в комнате убитой поселилась женщина-следователь, но она мало с нами общалась, постоянно была на работе. Ребенок ее оставался у нас.

Вот это, пожалуй, первая встреча, так сказать, с юриспруденцией.

Ну а дальше... дальше я даже не могу вам точно сказать, почему... (*Задумалась*)

У меня очень неплохо было с математикой, и я собиралась поступать на мехмат (*механико-математический факультет МГУ*).

Тогда, в 1953 г., высотное здание МГУ только сдали в эксплуатацию, а поступление у нас в 1954 г. было. Приемная комиссия работала на Моховой. Там был овальный зал, в нем стояли столики представителей всех факультетов. Я зашла, значит, чтобы сдать документы. У меня была серебряная медаль, что обеспечивало поступление без экзаменов. И первым, самым ближним, был столик юридического факультета. И мне так захотелось... Воспоминания о детстве нахлынули... Вот и сдала документы на юридический факультет. Просто душа потянулась. Прошла собеседование и стала юристом.

Королькова А.: Только потому, что столик ближе стоял, получается?

Долгова А.И.: Нет, ну просто вот душа потянулась. Ну, пришла, прошла собеседование, очень серьезное собеседование. Вот и все! (*Смеется*)

Студенты: Интересно! (*Смеются*)

Королькова А.: У нас в стране был такой период, как «оттепель». Вы почувствовали на себе его влияние?

Долгова А.И.: Вы знаете, моя среда была далека от диссидентов. Очень далека!

Я уже говорила, что у отца было четыре брата, и все они воевали на фронте. Хотя до войны отец был первым проректором Воронежского университета, второй брат – заведующим кафедрой, они сразу пошли на фронт. У меня сохранились фотографии, снятые непосредственно перед войной. На них они такие модные, можно сказать, «дэнди», все в военных гимнастерках. Соответственно это люди, которые все время служили, как говорится, Отечеству!

У нас репрессированных не было. Поэтому мы учились в университете.

После второго курса мы поехали на целину, собирали урожай. Два с лишним месяца мы там

жили недалеко от Алма-Аты. Жара стояла! это было. Затем после четвертого курса мы собирали виноград Джемете (сорт такой).

Наше здание было на улице Герцена, ну а рядом располагались Литературный институт, ГИТИС. У нас была веселая компания, среди наших друзей были поэты, правда постарше нас на несколько лет, очень общительные, хорошо литературу знали. По ночам могли позвонить с вопросом: «Почему ты считаешь Симонова великим поэтом, что он дал поэзии»? (*Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – русский советский прозаик, поэт и киносценарист, общественный деятель*). (*Смеется*)

Общество очень интересное было!

Ну и, конечно, на концерты ходили. Театр был студенческий. Там и Ия Саввина, и Алла Демидова играли. Очень интересная студенческая пора! Очень интересная!

Ну а дальше (*обращается к студентам*) было распределение.

Девушек в прокуратуру не брали, в основном только мальчиков. Мы практику проходили... у нас была очень интересная практика, длительная. Почти два месяца. Нас отправляли в другие города. Я проходила практику в Костроме. Там следователи давали нам расследовать дела. Практика была после третьего курса... (*Задумалась*) нет, после четвертого. Сначала была ознакомительная практика, мы секретарские функции выполняли. А поскольку дел было много, нам постепенно стали поручать и проведение допросов, и оформление серьезных процессуальных документов. На распределительной комиссии мне предложили на Ямал ехать секретарем Исполкома. Я ответила, что хочу только в прокуратуру. На мое счастье, в этой комиссии сидела начальник отдела кадров Костромской прокуратуры. Она сказала, что во время практики я неплохо себя зарекомендовала, и они могли бы меня взять, даже назвала в какой район. Поехала я в этот район, где меня, конечно, никто не ждал. (*Смеется*)

Оттуда меня отправили в областную прокуратуру, и там уже оформили в штат. С тех пор я работала только в прокуратуре. Нет, работала. Попутно 30 с лишним лет я преподавала в Академии ФСБ (*Академия ФСБ России*). Они меня пригласили, когда я уже была профессором.

Ну вот, собственно, и вся моя биография. Она мало чем интересна, потому что у меня в трудовой книжке только прокуратура значилась. (*Смеется*)

Козодой А.: А Вы можете рассказать про свой первый рабочий день, первое дело?

Долгова А.И.: Если вам расскажу, вы будете громко надо мной смеяться.

Студенты: Почему? (*С интересом*)

Долгова А.И.: Объясню.

Я ехала работать в сельский район Костромской области – Галич (*Галич – в настоящее время город в Костромской области*). Меня поехала провожать младшая сестра, она училась в медицинском, чтобы потом, вернувшись, рассказать родителям, как я устроилась.

Поезд на станции стоял одну минуту. Выбросили наши вещи, и он сразу тронулся. Раннее утро, никого нет. Едет старик на телеге. Мы у него спрашиваем: «Где прокуратура»? А он отвечает: «Ой, деточки, значит, вам надо идти вот по этой дорожке, а вещи положите мне на телегу. Я подвезу. Что вы будете таскать эти тяжести?». Ну, мы положили и пошли.

Приходим. Дверь закрыта, никого нет. Потом пришла женщина, довольно суровая. Открыла. Я ей говорю: «Меня направили на работу в прокуратуру». А она отвечает: «Ничего не знаю! Нам не звонили, не в курсе!».

Тут старик привозит вещи наши. Увидев их, женщина начала возмущаться: «А это что? Как же вы могли доверить вещи незнакомому человеку? Это ж какой надо иметь ум?» Ума не надо. (*Смеется*)

Пошли в гостиницу, а там ремонт. Сестра должна была на следующий день уже уезжать. Меня в комнату с двумя какими-то местными девушками поселили. Девушки очень бойкие оказались. Они даже не с Галича, а с сельского поселения были. И спрашивают:

– Ты откуда приехала?

Отвечаю – из Москвы.

– А что делать будешь?

– Работать.

– Что, из Москвы к нам? Во дура-то! (*Смеется*)

Я сразу поняла, кто я есть... (*Смеется*)

Наступает вечер, мне в гостинице говорят:

– Мы с вами поспешили. Сегодня вы ночевать здесь не сможете, только завтра.

Вернулись мы в прокуратуру. Прокурор – в области, следователь – уехал на место происшествия, помощник прокурора – на объекте, проверку проводит. Опять одна секретарша... (*Смеется*.)

Я ее спрашиваю:

– Мы можем здесь переночевать?

Ну, если хотите, отвечает.

А сестра у меня была тоненькая-тоненькая. Тогда были в моде юбки, как у Лолиты Торрес (*Лолита Торрес (1930–2002) – знаменитая аргентинская актриса и певица*). Вы видели, наверное, такие пышные накрахмаленные юбки. Мы эти юбки

сняли и устроились на ночлег на диване. В дорогу родители нам дали коробку шоколадных конфет, их мы и ели. Вот такая у меня была первая ночь в прокуратуре! *(Смеется.)*

А вот дальше я хочу рассказать для вас, девочек. Если бы здесь были мальчики, им это было бы неинтересно, а вот девочкам очень должно быть интересно. Пришли помощник и следователь, замечательные люди. О прокуроре я бы не сказала, что он был замечательным. Хороший, нормальный человек. А вот следователь и помощник... это были люди со средним юридическим образованием, уже пожилые, прошли войну.

Поначалу-то они на меня произвели дикое впечатление, потому что они были не в прокурорской форме, а в гимнастерках и потертых сапогах. Мне это казалось странным. А потом-то я и сама просила, чтобы мне не только сапоги из Москвы прислали, но и валенки.

Но почему я об этом говорю... Дело в том, что у прокурора была очень ревнивая жена. Она работала нотариусом. Представьте себе два кабинета, один напротив другого. Так вот жена прокурора открывала дверь и требовала, чтобы он тоже всегда держал дверь открытой, чтобы, значит, быть у нее под контролем. То есть я сразу попала под подозрение, не ведая того. Так поняла, что не просто девушке жить на периферии.

Долго я там не проработала, вскоре вышла замуж и уехала сначала в другой район, а потом уже в Кострому.

Я работала и следователем, и обвинителем в городской прокуратуре в отделе по надзору за милицией.

Помните, что надо себя всегда держать в рамках *(обращается к студентам)*, потому что есть, например, особенно коварные «беловоротничковые преступники».

Было у меня дело с 60 обвиняемыми. Одна бригада расследовала, а я руководила. Один из преступников, с очень большими связями, говорил мне в Матросской Тишине: «Азалия Ивановна, вы напрасно так принципиально себя ведете. Я готов на вас жениться!». Я ответила, что замужем, на что он сказал, что кольцо может каждый надеть, но он бы ввел меня в такое «общество»...

Так что девушкам нужно в два раза быть более бдительнее, чем молодым людям. Я вас заранее предупреждаю. Держаться и одеваться соответственно (деловые костюмы).

Вся моя рабочая жизнь прошла среди мужчин, работников прокуратуры и сотрудников ФСБ. И я должна сказать, что если вы будете со всеми вежливы, тактичны, держать себя в деловых

рамках, то все у вас будет хорошо. Мужчины – сплетники почище женщин и легенды любят сочинять...*(Смеется.)*

Так началась моя работа.

Орлова А.: Как Вы решили связать свою жизнь с наукой? Когда она начала Вас интересовать?

Долгова А.И.: Во время учебы в МГУ многие из нас занимались научной работой. Во всех университетах страны проводились межрегиональные студенческие конференции, на которых студенты выступали с докладами. На одной из них, еще учась на третьем курсе, познакомилась с Побегайло *(Побегайло Эдуард Филиппович (1937 г.р.) – доктор юридических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки РФ.)* Он и его жена учились в Ростовском университете. Правда, тогда она еще не была его женой. Представляете, вот с тех пор мы знакомы.

Уже через год-два после получения диплома я решила в аспирантуру поступить. захотела в аспирантуру поступить. Но пришлось отработать около семи лет. Так получилось, дела были большие. Пока работала, сдала кандидатские экзамены.

Произошло это таким образом: раньше в Политехническом музее существовал лекторий. Создавались группы, в которых желающих готовили к сдаче экзаменов по иностранному языку и философии. Таким образом мы сдали философию и язык.

Язык я сдавала очень интересно. Я училась в школе на Арбате, и немецкий язык у нас был с третьего класса, и, видимо, нам неплохо его поставили. А преподаватель, который с нами занимался в Политехническом музее, привез в незнакомое место сдавать кандидатские экзамены. С нами вместе сдавали другие люди. Когда мы начали отвечать, преподаватель воскликнул: «Что это за аспиранты! Что за подготовка!». Оказывается, мы сдавали экзамены с аспирантами института иностранных языков. Как мы вообще пролетели, я не знаю.

Короче говоря, уходила я в аспирантуру с двумя кандидатскими.

Орлова А.: То есть Вам зачли то, что Вы сдавали раньше?

Долгова А.И.: Когда сдаешь кандидатские, выдают официальный документ.

С нами архитекторы учились, ребята других специальностей. Веселые ребята, круг общения был очень широким, очень интересным. Ну, например, они любили подшучивать и острить. Однажды надо было поздравлять одного из ребят или преподавателя, не помню точно, кого, решали,

что купить, а архитекторы предложили: «Купите ему Юрия Долгорукого в 1/8 величины». А тогда продавалось чугунное литье. Вот такие шутки! С тех пор у нас пошло: «купите ему 1/8 величины»... *(Смеется.)*

В аспирантуру я попала следующим образом. Мой начальник сказал, что раз уж я решила уходить, он советует мне идти в Институт прокуратуры (*Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР*). Накануне он был на охоте со своим приятелем, заведующим отделом, который только образовался в этом институте, который сообщил ему, что им были нужны люди с соответствующим опытом работы.

Все аспиранты были только с практическим опытом, хотя мы были очень молодыми, нам и 30 лет не было. В 22 года мы закончили вуз, семь лет практики и того 29 лет. С опытом, молодые и с хорошей университетской подготовкой. Но экзамены нам всем устроили, мы сдавали специальность. Был конкурс, и я прошла.

Человек, который был приятелем моего начальника, предложил мне заниматься уголовным процессом и прокурорским надзором. Моя кандидатская диссертация была посвящена прокурорскому процессу в уголовном судопроизводстве. О прокуратуре я хорошо знала: и следователем работала, и обвинителем была, и надзирающим прокурором. Поэтому защита диссертации прошла успешно.

После этого я еще поработала в Костромской городской прокуратуре начальником отдела по делам несовершеннолетних. И когда нас, аспирантов, распределяли, меня «выцарапал» профессор Миньковский (*Миньковский Генрих Михайлович (1923–1998 г.) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Ведущий ученый в области преступности несовершеннолетних, насильственной преступности, международной преступности, общей теории криминологии и профилактики преступлений, территориальных различий преступности*). Он был начальником отдела по делам несовершеннолетних, а я во время учебы увлеклась криминологией. Кудрявцев попросил меня быть ученым секретарем в секции по социологии права, и я с ним все время в рабочем контакте находилась (*Кудрявцев Владимир Николаевич (1923–2007) – ученый-правовед, специалист в области криминологии и уголовного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, академик АН СССР, академик РАН, вице-президент Академии наук (1988–2001)*). Кудрявцев сказал: «Защитили по процессу, а теперь

пойдете, Азалия Ивановна, заниматься криминологией!». И водил меня в отдел к Миньковскому.

Это были мои очень хорошие годы – шесть с лишним лет. Я работала младшим научным, а потом старшим научным сотрудником и исследования проводила.

Орлова К.: Какие особо типичные ситуации Вы на практике видели по делам несовершеннолетних? Можете рассказать?

Долгова А.И.: Я много чего помню, жизнь у меня длинная. Мы так с вами до ночи досидим. *(Смеется.)*

Вот, мне прислали доклад для рецензирования в ассоциацию по ювенальной юстиции. Так вот, я активная противница ювенальной юстиции.

Есть такая книга «Они плачут, когда другие смеются» (*Книга Кеннет Вуден о несовершеннолетних заключенных Америки, основанная на анализе достоверных фактов*). Она развенчивает ситуацию с ювенальной юстицией. В ней говорится о бесправности детей, упрощенном порядке их отобрания, упрощенном порядке их привлечения к уголовной ответственности.

В свое время вместе с Миньковским мы подготовили монографию «Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних». Раньше это был большой процесс, усложненный дополнительными деталями. А сейчас он стал упрощенным. Я против поспешного отобрания детей из семьи.

Например, работаешь следователем, обвинителем, надзирающим прокурором (особенно в Костроме, там уголовный элемент один и тот же, и с их детьми надо что-то делать). Была там знаменитая Скурихина, неоднократно судимая, содержала, в основном, где принимала и продавала краденое. У нее была куча детей. Когда на допросе ее спрашивали: «Сколько у вас детей?», она отвечала: «Одиннадцать. Ой, кажись, еще двенадцатый есть, я его оставила в доме ребенка. И тринадцатый есть! Я забыла». Такая вот дамочка. Она нам разные сценки устраивала.

Когда эта Скурихина отбывала наказание в местах лишения свободы, – в то время не было и понятия отсрочки, – и дети находились в детских учреждениях. И я, когда уже начала осуществлять надзор по делам несовершеннолетних, была в одном таком учреждении, проводила проверку. Заметила как-то девочку с очень грустными глазами. Спросила у воспитателей, почему девочка такая грустная. «Да что же вы хотите, – ответили мне, – у нее же мать Скурихина!» Позже, спустя какое-то время, открывается дверь и в мой кабинет входит Скурихина с этой девочкой. Девочка радостная,

с белым бантом, улыбается и все время повторяет: «Мамочка, мамочка, мамочка»... До последнего надо работать с родителями.

Раньше существовал институт отобрания детей без лишения родительских прав. Сейчас он исковеркан. Мы старались, если уж деваться некуда, на некоторое время отобрать ребенка, мать в порядок привести. В конце концов, «вздернуть» на два-три месяца, чтобы сохранить семью. Была такая задача: сохранить и оздоровить семью. Вот запомните раз и навсегда то, что я вам рассказываю... Конечно, среди родителей есть и звери, но для ребенка важен эмоциональный контакт. Вот к груди прижмет... У вас собачки есть? Кошки? *(Обращается к студентам)*

Студенты: Есть.

Долгова А.И.: Ну, кошку на руки возьмешь, ей уже приятно. А в детском доме ведь этого нет. Там не будет никто пьянствовать, не будут учить дурному, а вот эмоциональная сфера страдает. И потом это сказывается на собственной семье: детдомовцев не учат жить в семье.

Даже если мать плохая, родители ругаются, дети все равно видят жизнь семьи. Сегодня мать с отцом ругаются, дерутся, завтра целуются, по-слезавтра плачут. И дети наблюдают всю гамму эмоций в семье. А в детском доме этого нет. Это основной урок, который я вынесла...

Козодой А.: А какой была жизнь в 60-х годах?

Долгова А.И.: Эти годы пролетели для меня замечательно. С 1959 г. я работала в районе, в Костроме. Мы работали нормально. Законы были новые: Основы уголовного законодательства, Основы уголовно процессуального законодательства. Если хотите, расскажу вам одну смешную историю.

Студенты: Хотим! *(Улыбаются)*

Долгова А.И.: В 1960-е годы ввели передачу на поруки, освобождение от уголовной ответственности. Раньше был Уголовный кодекс, и все! А тут ввели новое: поруки, товарищеский суд и прочее. Тогда я работала в Галиче, в 120 км от железной дороги.

И вот однажды звонят из областной прокуратуры и возмущаются, что мы еще никого на поруки не передали. Сообщила о звонке прокурору, и он отправил меня в одну организацию по одному небольшому делу: рассказать о нем коллективу. А дело было такое: в этой организации собирали деньги на коллективную подписку, на газеты и журналы. Человек, которому передали собранные деньги и поручили все оформить, часть денег пропил. Придя туда, я сообщила, что коллектив имеет право взять его на поруки. Люди стали воз-

мущаться: «Как вы можете работать в прокуратуре с такими взглядами? Вы что, не понимаете, что существуют понятия «вор» и «честный человек»? Нельзя быть немножко вором. Мы ему не доверяем! Дело не в деньгах, нам не денег жалко. Он ворюга, и пускай несет ответственность! Идите и скажите это своему начальству!». Закончилось все это административным наказанием. Вот это было правосознание! Другое совершенно!

Козодой А.: А как правосознание изменилось в 1980-е годы? Отразились ли те годы на Вашей работе?

Долгова А.И.: Я расскажу вам один «урок» про Коды.

Коды — это поселок в 120 км от железной дороги. Там нет ни железной дороги, ни шоссейной дороги там тоже нет — вместо нее так называемые «лежневки». *(лежневая дорога — колея из выступающих или врытых вровень с грунтом деревянных продольных брусьев (лежней))*. Самолеты туда летают редко, когда распогодится. Садится ему (самолету) нужно на землю, а он утопает в ней. Там до меня работал следователь из Москвы. И вот он, видимо, с судьей «хватунули» и стали они к какой-то молодке возле колодца приставать. А она им так двинула, что следователю руку сломала. Он был счастлив, что уехал в Москву, а мне пришлось заменить его на время болезни. И вот однажды на лесоповале было совершено убийство и нужно было туда ехать.

Прокурор (там был прокурор и следователь) разругался с начальником милиции, А машина была только одна — у начальника милиции, с которым прокурор разругался. Там некуда ходить, там волки воют, их слышно.

Прокурор выводит меня за руку на крыльцо, и мимо нас милицейская машина едет на происшествие. Помахали прокурору из машины и уехали.

Прокурор начал объяснять, что придется на тракторных санях ехать мне. А тракторные сани — это трактор, а за ним бревнышки. Едет со скоростью 5 км в час. На нем замерзаешь, а бежишь рядом — устаешь страшно. И поехала я на место происшествия на этих санях. *(Смеется)*

Пришла с криминалистическим чемоданчиком на место происшествия, чтобы следы там собрать. Смотрю, все затоптано, я безумно замерзла, а милиционеры стоят и хихикают. Стала снимать отпечатки, они хохочут: «О, девка! Ну идиотка! Вот дура! Кого нам присылают! Это же наши следы!». Я говорю: «Знаю, что ваши. Вот ваши отпечатки и снимаю. Я их и представлю, расскажу, как вы уничтожили все следы преступления». Как они меня полюбили после этого! *(Смеется)*

Надо иметь характер. Он все-таки у меня ковался: я была москвичкой вежливой, на Арбате выросла.

Позже я как-то читала лекцию для руководящих кадров прокуратуры и рассказала об этом эпизоде во время обмена мнениями. Одна девушка, следователь (работник прокуратуры), сказала: «Я вас слушаю, вы мне рассказываете про вчерашний день. Мы выезжаем с экспертами и делаем все на месте, а вы что же туда, без экспертов?». Я спросила, откуда она, оказалось, из Питера. Надо было ли ей объяснять, у нас в стране есть не только крупные города, но и Красноярский край, Сибирь...

Так вот, я хочу сказать: казалось бы, такое глупое начало: уехала из Москвы... Между тем тот опыт, который я получила, очень мне пригодился в жизни! Я понимаю людей, которые живут в разных условиях. И никакой самонадеянности не должно быть вообще в отношениях с людьми.

После кандидатской диссертации была защита докторской. Но до этого меня назначили заведующей отделом. Назначили без меня, я была в отпуске. В прокуратуре все решения принимаются руководством, особенно в отношении женщин. С ними не считаются. Меня просто поставили перед фактом.

Отдел был проблемный, его сотрудники занимались воспитательной частью и общественной борьбой с преступностью. Но проработала я в этом отделе недолго, потом стала руководить отделом по определению личности преступника. Затем был отдел общих проблем криминологии, терроризма, экстремизма, организованной преступности. Вот так ...

Что сказать об исследовательской работе?.. Наука – это не сиденье за столом и не изобретение концепции. То, что мне сегодня приходится читать, часто, к сожалению, все чаще – это изобретение за столом. Наука – это исследование! Прежде всего, это изучение закономерности какого-либо явления. И вы должны понимать, каким источником пользуетесь, можно ли ему доверять. Я считаю, если что-то было сделано, то это благодаря тому, что вся наша жизнь прошла в разъездах по стране. Но без исследования нет науки. Запомните это!

Саламова С.Я.: У нас на кафедре создан Криминологический кабинет. Это такой научный центр, в исследованиях которого принимают участие студенты, т.е. занимаются непосредственно научной деятельностью. В этом семестре будут проводиться исследования на тему киберпреступности. Присутствующие здесь студенты не имеют

опыта участия в подобных исследованиях. Много вопросов возникает. Что вы можете посоветовать? С чего начать?

Долгова А.И.: С программы. Сначала цель, гипотеза, методика. Все описание есть в наших книгах. Можете их взять в библиотеке и посмотреть.

Маматюк Т.Н.: Я как раз пишу диссертацию по теме «Роль общественных организаций в профилактике преступности несовершеннолетних». Хотелось бы от Вас услышать советы по этой теме.

Долгова А.И.: Нужно найти эти организации. Посмотреть, как они работают, с какими проблемами они сталкиваются. Ну, а потом, основываясь на этом материале, уже делать выводы.

Орлова А.: Вы занимались в своей жизни огромным количеством вещей, на это все тратили свой внутренний ресурс. Как Вы его восстанавливали?

Долгова А.И.: Раз у нас с вами откровенный разговор, я вам так скажу: женщине заниматься наукой очень тяжело. Очень! Наука отнимает все-го человека.

Позавчера у меня в гостях были трое моих учеников: один докторант и два бывших аспиранта. Мы говорили о дальнейшем движении их работ. И проблема упирается в то, что наука требует человека целиком – вот она какая, жадная! А семья? Нужно прийти, нужно приготовить, нужно с мужем наладить отношения, нужно, чтобы родители понимали, почему ты их не навещаешь, не помогаешь. И, к сожалению, приходится выбирать. Компромисса тут не бывает. У вас ничего не получится, если рядом нет людей, которые вам сочувствуют, помогают и создают условия для работы. Поэтому прежде чем идти в науку, очень хорошо подумайте. И идти в науку без практики я бы вам не рекомендовала. Это уж точно!

Козодой А.: Азалия Ивановна, Вы можете рассказать про Криминологическую ассоциацию? Как она создавалась?

Долгова А.И.: Я создавала ее. Дело в том, что я была заведующей отделом общих проблем криминологии (один из отделов *Всероссийского научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре РСФСР*). На базе этого отдела было создано общероссийское координационное бюро по криминологии. Мы проводили конференции по стране. И все дружно работали. Последняя конференция была в Алма-Ате. Это был 1991 год. Мы туда приехали. Присутствующие стали высказывать свои опасения из-за распада Союза. Кто-то предположил, что выжить можно только за счет общественной деятельности и предложил создать

общественную организацию. Я согласилась. В это время ко мне подошли и сказали, что меня приглашает к себе прокурор Казахстана, он что-то хотел мне сказать. Я пошла к нему. Поговорила, выхожу, ко мне «подлетают» и говорят: Азалия Ивановна, мы вас поздравляем! Мы создали ассоциацию, а вы президент. *(Смеется)*

Создали ассоциацию как союзную организацию, а Союз уже рассыпается. Но опять же, друзей много... Друзей нужно иметь! Настоящих друзей! И они посоветовали: «Нет смысла регистрироваться в союзном Министерстве юстиции. Регистрируйтесь в российском, так как союзного уже не будет». Так и сделали и уже 27 лет работаем.

Никто деньги не получает. Многие ездят на конференции за свой счет. Все на энтузиазме. Но люди у нас в ассоциации замечательные! Все бывшие практические работники, а это особый менталитет. Жесткие в отношениях, я имею в виду всякие мерзости, пакости, сплетни.

Конечно, ассоциация устраивает не всех, и не все в нее стремятся войти. Поэтому есть Союз криминалистов и криминологов, есть Питерская (невско-волжская) школа криминологии, Нижегородская школа. Но я считаю, пусть расцветают в тысячи цветов.

Очередная конференция запланирована на 23–24 января 2018 г. Вот, милости просим! На сайте подавайте заявку и приходите. Можете просто послушать, бывает очень много интересных людей.

Студенты: Обязательно придем!

Королькова А.: После распада СССР в стране началась эпоха бандитизма. Сложно было работать в таких условиях?

Долгова А.И.: Во-первых, у меня больше половины сотрудников ушли – надо кормить семьи – пошли кто в адвокатуру, кто в другие организации. Оголился состав. Нужно было набирать новых людей, учить их. Во-вторых, прекратилось финансирование. В-третьих, все преобразовывалось – криминология начала «уничтожаться». Так что это были очень сложные годы.

Орлова К.: А почему криминология стала «уничтожаться»? С чем это было связано?

Долгова А.И.: А разве мы что-нибудь хорошее пишем об обществе и о власти? Ничего хорошего не пишем. Другой вопрос, что нас не посадишь, так как правду говорим. А кому приятно это слышать? Мы всегда были в оппозиции к реформам.

Я не знаю, видели ли вы наши книги: «Организованная преступность», «Организованная преступность-2», «Организованная преступность-3». Вот там про те годы и пишем, пишем, что думаем.

В те годы я почти 10 лет заведовала отделом, в рамках работы в Государственной Думе участвовали в разработке законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией».

Орлова К.: У нас есть предмет – «судебная экспертиза». Мы на занятиях обсуждали вопрос о процессуальном значении и статусе эксперта. Вот криминологический эксперт, по своей сути, ближе к специалисту или эксперту?

Долгова А.И.: Это должен быть профессиональный криминолог-практик, не ниже доцента. Практик. Хотя есть такие доценты, которые никакого представления о практике не имеют. Я, например, недавно смотрела на YouTube лекции Сибирского и Забайкальского университетов по криминологии – такую криминологию я сама бы запретила!

Почему наша ассоциация держится и почему все практики у нас? Вот вы придете на конференцию и увидите! У нас соорганизаторы и МВД и Академия МВД (*Московский университет министерства внутренних дел РФ имени В.Я. Кикотя*), Академия Генпрокуратуры (*Университет Генеральной Прокуратуры РФ*), Университет юстиции (*Всероссийский государственный университет юстиции*). Почему их так много? Казалось бы, если мы им не интересны, они нам ничем не обязаны...

Орлова А.: Когда Вы готовили законопроекты, с какими трудностями столкнулись?

Долгова А.И.: Три вето накладывал Ельцин на наши законопроекты – это первое. Угрожали, конечно. Угрозы были прямые. Илюхин (*Илюхин Виктор Иванович (1949–2011) – на момент указанных событий председатель Комитета по безопасности Государственной Думы РФ*) направлял законопроекты на экспертизу в Комитет по безопасности (*Комитет по безопасности Государственной Думы РФ*), в США. Многие говорили: «Они ничего не понимают, глупость написали». А эксперты пришли к выводу, что наши проекты отражают то лучшее, что есть в мире. Вот!

И все равно нам не уступали. Но законы остались. Правда, они не работают. Есть Закон о противодействии коррупции, но это вообще не закон, а чистое безобразие!

Орлова К.: Почему Вы так считаете?

Долгова А.И.: Что такое коррупция? Что вы под ней понимаете? Нет, не так как прописано в законе. (*Обращается к студентам*) В международной конвенции о коррупции (*Конвенция ООН против коррупции 2003 г.*) под коррупцией понимается только подкуп, продажность. А все, что делается в связи с подкупом и продачностью, (*Об-*

ращается к студентам) — это уже другие деяния. А у нас коррупционерами стали называть воров. Вот и все! А что такое терроризм, вы знаете? И чем терроризм от экстремизма отличается? (*Обращается к студентам*)

Студенты: терроризм — это действие, экстремизм — агитация.

Долгова А.И.: Нет! И об этом тоже говорится в моей книге. Так вот, ознакомьтесь с международными конвенциями — ничего изобретать не нужно. Возьмите документы ООН.

Терроризм определяется на основе характера деяния. Особенности механизма этого деяния заключаются в том, что у меня к вам претензии, но я не в отношении вас совершаю действия, а в отношении третьих лиц, чтобы третьи лица надавили на вас. Понятно?

А что такое экстремизм? Он определяется на основе мотивации. Какой мотив? Мотив — отношение к другим, как к нелюдям. Вот критерий!

И статья 282 Уголовного Кодекса РФ выделяет экстремизм на основе мотивации. А в законе о противодействии экстремистской деятельности перепутаны все понятия. И у нас такие запутанные законы, неграмотные, что даже высококвалифицированные юристы не могут отличить терроризм от экстремизма. Бывает экстремистский терроризм? Почему нет? Конечно, бывает!

Саламова С.Я.: Азалия Ивановна, Вы сказали, что криминология умирает...

Долгова А.И.: Она не умирает.

Саламова С.Я.: Она, наверное, не имеет того значения, как раньше?

Долгова А.И.: Она не умрет. Ее во всех специальных заведениях очень хорошо преподают: в Университете МВД, Академии ФСБ. Основательно преподают!

Саламова С.Я.: Ну, история все-таки циклична. Как Вы думаете, когда наступит время, когда криминология снова будет востребована государством?

Долгова А.И.: Что мы будем с вами гадать? Мы должны быть учеными, изучать закономерности явлений. А они, по-моему, свидетельствуют о том, что это полоса должна завершиться.

Маматюк Т.Н.: Все хотят изменить мир, но не хотят что-то делать. Преподаватели не передают криминологические знания.

Долгова А.И.: Правильно! Но сегодня некоторые преподаватели сами не знают криминологию. Вот в чем дело! Где-то почитали беллетристику, а студентам дают материал, который они не усваивают. Да и сам преподаватель не всегда все понимает. Это же сложная наука!

Орлова К.: Что Вы думаете по поводу разделения прокуратуры и Следственного комитета?

Долгова А.И.: На этой неделе я была в Следственном комитете, был 10-летний юбилей с момента его создания. Мы общались с Бастрыкиным (*Бастрыкин Александр Иванович — председатель Следственного комитета РФ*), Скуратов был (*Скуратов Юрий Ильич — 1995–1999 годах — Генеральный прокурор РФ*). Обсуждали эти вопросы на конференции. Правда, глубоко в них не вдавались, но отношения между следователями и прокурорами очень напряженные.

Какой же это надзирающий прокурор, если он не работал следователем? Следствие — это такие глубины! Если он сам не прошёл этот путь, как он может осуществлять надзор?

Вы знаете, мне повезло, я очень много ездила по миру, в том числе в составе серьезных делегаций. Однажды, во время поездки в США я побывала в ФБР. Мы беседовали с его сотрудниками. На наш вопрос, какие у них существуют проблемы, они ответили, что главная проблема заключается в том, что прокуроры пытаются надеть на себя шляпу следователя, очень часто заявляя: «Я с вашим делом в суд не пойду». Выступая у Бастрыкина, я сказала: «У вас те же проблемы, которые существуют во всем мире».

Козодой А.: Но у американских прокуроров и полномочий больше, они все-таки как-то участвуют в деле.

Долгова А.И.: Просто они грамотно надзирают. А у нас что? Одни осуществляют надзор, а обвинение в суде поддерживают другие. А обвинители ерундой страдают. Когда мое дело на 60 человек пошло в суд, в обвинение поддерживала одна дамочка, которая следователем не работала, материалы дела внимательно не читала, только причитала: «Какое паршивое дело! Я так измучилась!». А мы его «делали» с оперативниками с Петровки (*Главного управления МВД России по Москве*). В результате оперативникам пришлось вынуть из дела копии документов и показать ей. А она: «Я и не видела...». Прокуроры очень плохо ведут предварительное и судебное следствие. Тот, кто ведёт предварительное расследование, судебное следствие обычно «запарывает».

Орлова К.: Я с вами согласна! Они формально подходят к изучению материалов дела.

Долгова А.И.: Да они не изучают их! Идут в суд, не зная дела. Человек должен все ступени пройти. Мне в жизни иногда это помогало. Не то, что я умнее других, просто у меня так биография сложилась.

Орлова А.: Вы прошли огромный жизненный путь. А чем Вы сейчас занимаетесь?

Долгова А.И.: Ассоциацией.

Козодой А.: Вы можете рассказать подробнее о ее работе?

Долгова А.И.: Ну, что... она вся на сайте. Всё, все материалы на сайте, книги фотографии.

Орлова К.: Азалия Ивановна, что Вы думаете о судебной реформе, связанной с расширением применения института присяжных заседателей?

Долгова А.И.: Понимаете, у меня своё отношение к присяжным. В Бостоне я была в Верховном Суде США. У меня даже есть фотография из американской прессы. Меня, интересовал тогда вопрос о суде присяжных: надо его вводить или нет. И я пришла к выводу, что лучше не надо. По словам американцев, у них судами присяжных рассматривается не более 1,5% дел.

Орлова К.: А у нас наоборот: расширяется сфера участия присяжных заседателей, в район уже идём.

Долгова А.И.: Этим только больше беспорядка вносится. Один расклад – иметь с грамотными юристами, высококвалифицированными, а другой – с простыми людьми, которых можно подкупить.

Мы проводили конференцию по вопросу о судах присяжных. На ней обвинитель прямо говорила: «Приходят присяжные, например, по экономическому делу, плохо одетые, а к концу процесса у них уже отдельные квартиры появляются. Нередко присяжные жалуются на поступающие угрозы. Мы же безопасность им не обеспечиваем».

Любой вопрос, который вы задаете, требует тщательного осмысления. Почитайте, что по этому поводу пишут, какие точки зрения высказываются разные. И только ознакомившись с ними, вы сможете составить свое собственное мнение.

Я сейчас вам высказываю своё мнение. А кто-то может возразить: ну и что, что профессор? А каковы источники его информации? Как он формировал своё мнение? Какой у него опыт? Ведь не секрет, что многие профессора у нас не имеют соответствующего опыта и на практике никогда не работали.

Я с судами присяжных тоже не работала. В мое время таких судов не было. Были суды, состоящие из двух народных заседателей и судьи. Вот это действительно были люди! Причем они отвечали за то, что делали.

Королькова А.: Азалия Ивановна, у Вас такой длинный профессиональный путь. Вы хотели бы что-нибудь изменить в своей жизни?

Долгова А.И.: Нет, не хочу. Мне никогда не было скучно. И вообще, у меня такое впечатление, что все пронеслось в один миг.

Королькова А.: То есть Вы довольны, что Ваша жизнь сложилась именно так?

Долгова А.И.: Некогда было задумываться об этом, у меня никогда не было свободного времени, ну ни минуты! Постоянно приходилось решать какие-либо проблемы.

Козодой А.: Какой совет Вы нам можете дать как будущим работникам прокуратуры?

Долгова А.И.: А надо ли вам идти в прокуратуру? Если пойдете, то стажерами?

Студенты: Нет, помощниками.

Долгова А.И.: А вот мы были стажерами целый год. Стажировались и у помощников, и у следователя, и у всех.

Ну, во-первых, я вам хочу пожелать... умного наставника, профессионального!

Во-вторых, сами, конечно, работайте над собой. Надо постоянно читать литературу: последние новости законодательства, профессиональную литературу. И, конечно, очень тщательно готовиться к выполнению каждой операции, которой вы будете заниматься, очень тщательно и ответственно.

Я читала лекцию руководящему составу прокуратуры. Говорю им: «Вот вы не обращаете внимания на то, как ваши подчиненные и вы сами себя ведете по отношению к окружающим». Привожу конкретный пример. У меня был сотрудник, который скоропостижно умер в Москве. Семья проживала в Московской области. Мы не могли до нее дозвониться. Позвонили прокурору, попросили, чтобы нашли родственников. Прокурор все сделал, выложился. По дороге на похороны мы решили заехать в прокуратуру, поблагодарить прокурора, просто пожать ему руку. Заходим – прокуратура пустая, обед. Одна из дверей открыта. Мы подходим, чтобы посмотреть, кто там сидит, и вдруг слышим: «А ну вон отсюда! Вон отсюда! Что вам надо? Вон пошли!». Он еще не знает, кто зашел, по какому поводу. Поднимаемся на второй этаж, стоит человек на втором этаже: «Вы что тут делаете? Убирайтесь! Сейчас обед». Это был тот самый прокурор. Вот так... Культура поведения...

Вы должны уважать людей, принимать во внимание их положение. Бывают разные ситуации, но вы должны людей выслушивать до конца! Общаться на «вы», быть вежливыми.

Прокурорское хамство, высокомерие – это все идет от бескультурья. Вот раньше: господин, господин присяжный, господин судья. А что сейчас?

Королькова А.: Будем бороться, начиная с себя строить новую систему. Бороться со своим собственным бескультурьем, растить из себя нового человека, чтобы потом не было за себя стыдно.

Долгова А.И.: Конечно! Больше читайте, старайтесь понять логику размышлений человека, понять, почему он так думает. Никогда не прерывайте собеседника, никогда!

Расскажу вам одну историю. В Москве было совершено убийство. Убили семью евреев, мужа и жену. И стены исписали оскорбительными надписями. Раскрыть преступление долго не удавалось, года полтора. Я в то время была помощником прокурора по надзору. Однажды к нашему коллеге по фамилии Лукашевич пришел какой-то человек. Он, как я потом узнала, долго излагал антисемитскую теорию: евреи страшная сила и т.п., но Лукашевич слушал его, не перебивая. Наконец этот человек выговорился и, уже вставая со стула, неожиданно заявил: «Так вот, потому-то я их и убил!».

Запомните: самое главное иногда произносят в самом конце, а ведь мы даже друг друга часто не дослушиваем.

Орлова А.: Не то что не дослушиваем... У многих из нас есть особенность: слушать и параллельно говорить.

Долгова А.И.: Это телевидение вас научило. Вам нужно обязательно иметь дружескую среду, настоящих друзей, хороших. Потому что без поддержки друзей ничего в жизни не сделаешь. Родня – это родня, а друзья – друзья! Тем более коллеги. И если вы не будете уважать друг друга, то какие вы друзья? С друзьями все неприятности преодолеваются. У работников прокуратуры часто бывают неприятности: и наветы и на прокурора, и на следователя, да все что угодно может быть.

Но в любой ситуации надо проявлять тактичность, не хамить, вести себя достойно. Мы тоже были не ангелами. Но откатывали нас. Откатали! Особенно участники войны – старые прокурорские работники. Да, они были очень мудрыми. Прекрасными были воспитателями...

Вес прокуратуры очень изменился. Но работайте над собой, помните, что от вас многое зависит. То, что вы верите в себя – это хорошо. То, что хотите добиваться многого – тоже хорошо. Но только имейте в виду, что это вам все дорого встанет. Очень дорого!

Мой вам совет, если хотите, уже чисто женский: в личной жизни лучше начинайте с брака, а не с сожительства. Личная биография для прокурорского работника тоже очень важна – это первое! И второе: брак – это понимание, что такое семья. А семья и сожительство – разные вещи. Для мужчин регистрация брака – более важный акт, чем для женщины. Он понимает, что берет на себя ответственность. А женщина считает, что если она в фактических отношениях, то ее избранник уже муж. Нет – не муж! Даже если брак будет не очень удачным, вы все равно будете знать, что такое семья, что такое брак. Вы понимаете? (*Обращается к студентам.*)

Студенты одобрительно кивают.

Я не знаю, правильно ли вы меня поняли. Я просто хочу сказать: не разменивайтесь, потому что чистота личной жизни у прокурора, у прокурорских работников, как и у сотрудников спецслужб – это очень важный момент, который учитывается на всех стадиях его работы. Все мы очень прозрачны, верно? Поэтому сможете нести эту ношу – несите. Не сможете – выбирайте семейную жизнь и работу полегче.

Спасибо за внимание!

Студенты: Спасибо Вам огромное!

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

СТРУКТУРА АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА С XIV В. ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР

Морозов Александр Алексеевич

Цель: проанализировать социальную структуру английского общества, какой она предстает в период правления Елизаветы Тюдор.

Методология: историко-хронологический, биографический методы, сравнительный анализ.

Выводы. В английском обществе XIV–XV вв. все большее место, и не только в количественном отношении, но и по социально-политическому весу, стали занимать нетитулованные, неродовитые мелкие и средние феодалы, с XV в. получившие в источниках наименование джентри. Этот слой английских дворян, венчаемый рыцарством, раньше, чем в других странах Европы, превратился в незамкнутую корпорацию, постоянно подпитываемую наиболее состоятельными представителями свободного крестьянства. Однако это не приводило к размазыванию господствующего класса, напротив, укрепляло его, расширяя его социальную базу, придавало сословию феодалов удивительную живучесть.

Таким образом, количественный рост джентри, несмотря на пестроту судеб отдельных лиц, политическую ангажированность, прежде всего рыцарства, в целом сопровождался увеличением богатства и социального престижа в начале XIV в. рыцарей, позднее — сквайров и джентльменов из графств.

Научная новизна и практическая значимость. Новизна данной работы заключается в том, что автором предпринята попытка осуществить комплексное исследование истории английского общества, прежде всего его социальной структуры, на основе изучения литературного произведения одного из современников эпохи. Его научные результаты могут быть использованы при организации лекционно-семинарских занятий по истории Средневековья, подготовке учебных пособий и методологических руководств по социальной истории Англии, а также истории английской культуры XIV в.

Ключевые слова: купеческие корпорации, мерсер, бакалейщик, grosер, сукноторговец, феодальная анархия, Столетняя война, вложение капиталов, джентльмены.

Среди ряда купеческих корпораций (не менее двух дюжин в те времена) представители трех из них выделяются в общественной жизни страны — это фигуры мерсера, бакалейщика, сукноторговца.

Слово «мерсер» происходит от лат. *merx, mercis* — товар вообще, т.е. самый разношерстный товар. В описываемое время мерсеры были оптовыми торговцами тканями, причем дорогами, чаще всего импортными — шелком, парчой, фландрским сукном и др. В некогда популярном гимне мерсеров говорилось: «Среди всех торговцев, которыми славен Лондон, мы самые древние и самые первые» [5, с. 6].

Идущие вслед за ними бакалейщики в английской литературе обозначаются термином «гросер» (от лат. *grossarius* — оптовик). В отличие от мерсеров они распоряжались лондонскими большими весами. Значительную долю в их торговле составляли пряности, отсюда их одно из первых названий — торговцы перцем, позднее в Англии бакалейщиков стали называть grosерами. В начале XIV в. бакалейщики-гросеры на время стали монополистами в торговле, в частности, специями. Но они торговали также металлами, мылом, красителями, квасцами, воском.

Из среды этих корпораций в XIV–XV вв. вышло наибольшее число мэров и олдерменов: мерсеры дали городу 70 олдерменов, бакалейщики – 57, сукноторговцы – 50. Время последних еще не пришло, только со второй половины столетия в английском хозяйстве произойдет важный перелом: из поставщика сырой шерсти на европейские рынки страна превратится в экспортера сукна [7, с. 93].

Уделив много внимания всестороннему исследованию торговой деятельности ведущих купеческих гильдий страны, историки оставили в тени «такую разновидность богатства средневековых бюргеров, как их земельные владения, один из источников доходов. Они были важной частью жизни лондонского купца» [5, с. 7].

Одним из главных мотивов в приобретении земельной собственности, рент, являлось обеспечение будущего жены и детей в случае ранней смерти главы семьи; обычным побудительным мотивом было и желание оставить источники доходов, которые пошли бы на отправление заупокойных месс по душам родственников, членов семьи. Земли в городе становились гарантией (залогом) предпринимательских займов.

Часть земель лондонцы наследовали от родителей – сельских жителей.

Важно отметить, «что обладание землей, доходами от различных угодий в немалой мере влияло на характер деловой активности, хозяйственные интересы, цели, умонастроения бюргера» [3, с. 57].

Северные окрестности Лондона, в Кенте и к югу от Темзы, были заняты фруктовыми садами, огородами, плантациями хмеля, владельцы которых снабжали столицу, отсюда также поставлялись птица, масло, сыр, молоко. В лесах, подступающих к столице с севера, водилась дичь. Сады подходили вплотную, например, к Бишопсгейт и Олдергейт – воротам в северной части крепостной стены, окружавшей Лондон.

В непростых условиях внутренней нестабильности ведущие купеческие гильдии по-разному видели свои перспективы. Цель приобретений – вложение капиталов в приобретение земли, что служило гарантией их сохранения в беспокойное время и получения постоянного источника доходов, дальнейшего обогащения, в том числе за счет связей с властными структурами.

Существенная доля земельных владений принадлежала и бакалейщикам, но они предпочитали встать в один ряд с феодальными собственниками земли. Это был прямой путь к анноблению, пополнению рядов правящего класса. Полуфеодальные формы эксплуатации крестьян на принадлежащих им земельных владениях, права

юрисдикции и баналитетов, которыми они нередко обладали, определяли феодальные черты их социального облика. Этому способствовало и сближение с родовитым дворянством через бракосочетания и образ жизни. В Англии «рост новых форм «не компенсирует» упадка старых, особенно если отмирание старого сопровождается явлениями, временно тормозящими рост нового, а таких явлений... достаточно (феодалная анархия, Столетняя война). Экономический и социальный прогресс связан с «издержками», и порой эти издержки могут быть очень велики» [8, с. 54].

В Англии сформировалось сильное государство с развитой системой управления. Складывались основы разделения власти между судебными, исполнительными, законодательными сферами государственной жизни. Баланс социальных сил после возникновения парламента, его структурирования и функциональной притирки, тоже работал на дееспособное, эффективное государство. Его функционирование обеспечивало многочисленное и компетентное чиновничество. Первоначально оно выходило из рядов клириков, грамотного слоя по обязанности. В XIV в. самые знаменитые администраторы, вплоть до канцлера, были духовными лицами. Но с конца этого столетия и со второй четверти XV в., рост числа чиновников-клерков из светских групп населения стал постоянным. Чиновники являлись выходцами из разных слоев общества – от низших до аристократии.

Это была корпоративная группа, «все в одной лодке», одни более другие менее амбициозны, удачливы, не всегда и не все имеющие щедрого и скуповатого покровителя. Часто чиновники были друзьями, соседями, партнерами по долгу, нередко называли в завещаниях друг друга своими душеприказчиками. В земельных сделках коллеги часто участвовали в качестве свидетелей, ленников, агентов. Эта вторая жизнь, за стенами королевских и городских канцелярий, судов, присутственных мест, протекала не менее живо и деятельно, нежели работа по найму. Являясь служивыми людьми, пребывая в рамках государственной и корпоративной дисциплины, они были достаточно независимы и самостоятельны. Но, блюдя государственный интерес, не забывали о доме, о семье (если имели ее). В Англии, в отличие, например, от Франции, не было социальных и юридических барьеров, предубеждения против предпринимательства лиц, состоявших на государственной службе. Напомним, что «новое дворянство» рекрутировалось и из чиновников. Английское общество того времени было пронизано нитями предпринимательства и карьеризма [6, с. 150].

Неподчинение приказу квалифицировалось как преступление против короля и строго каралось. В то же время королевский совет оказался перегружен прошениями к королю, поэтому было найдено лицо, которому можно было их передать — глава королевской администрации. Сначала будучи уполномочен лишь рассматривать прошения и докладывать их королевскому совету, в дальнейшем он получил право сам выносить решения. Канцлер считался блюстителем королевской совести, и за ним в качестве такового вскоре было признано право независимо от королевского совета осуществлять от имени короля королевскую функцию отправления высшего правосудия. Система приказов давно вышла из ведения канцлерства, и хотя ведомство лорд-канцлера продолжало существовать, его связь с судом канцлера едва ли была большей, чем с судами общего права [2, с. 410].

Рост значения канцлера сопровождался возвышением некоторых клерков. Уже в XIV в. главные из них стали называться судебными распорядителями (*masters*) и помогали канцлеру в его судебной деятельности. Старший среди них именовался хранителем судебных архивов (*master of the Rolls*). Одновременно некоторые клерки казначейства находили работу «на стороне», вне своих служебных обязанностей.

Ни один город Средневековья не мог поддерживать численность своих жителей за счет «внутренних» ресурсов, т.е. за счет естественного воспроиз-

водства. Принято считать, что до XIV в. население города пополнялось за счет беглых крестьян, но и в последующие времена приток новоприбывших из сельской округи не истощался. Город с его высокой смертностью был ориентирован на постоянное прибавление его жителей извне. Так, например, В.И. Золотов считает, что иммиграционные потоки возрастали вплоть до XV в., а в первой четверти XV в. этот процесс неоднократно переживал взлет после больших эпидемий и в периоды войн. Для него была характерна широкая горизонтальная мобильность, переход жителей города от одной профессии к другой [5, с. 37].

В документах королевской канцелярии все чаще стала упоминаться группа населения, обозначаемая как «джентльмены» (от лат. *gentilis* — родовитый). Их численность настолько велика, что создавалось впечатление какого-то «взрыва» в этой низшей прослойке неродовитого английского дворянства. Но почему кавычки, не богатый ли дворянин стоит за этим описанием?

Английские исследователи проследили историю появления этого термина, когда законодатели приняли ряд мер, впрочем, формального характера, озаботившись растущим хаосом и игнорированием закона в стране. Выяснилось, что «джентльмены» не принадлежат к какой-либо одной группе населения. Многие из них проживали в графствах, однако, это не означало, что они владели землей и жили за счет доходов от сельского хозяйства.

Ряд судебных прецедентов последующих лет позволил английским правоведом того времени согласиться, что «джентльменами» можно называть лиц, занимающих какие-либо должности при королевском дворе, дворах магнатов, находящихся на службе у знати, крупных чиновников. Это было престижно. Очень часто состоявший на службе у лорда слуга получал ливрею — верхнее платье с гербом своего хозяина. Такая одежда позволяла этим людям, по крайней мере в своих глазах, считать себя джентльменами. Более того, они требовали для себя такого статуса из-за связей с «большими» людьми королевства, свидетельством чему была их ливрейная форма — социальная претензия в облике человеческой слабости.

Воины же, вооруженные основательнее, облаченные доспехи, часто назывались «джентльмены». Купцы, поставлявшие продовольствие в замки Франции и шотландское пограничье, иногда тоже назывались так. Титул джентльмена давал больший вес при заготовках припасов для королевского двора на заграничных рынках. Как солдаты, так и купцы могли получать ливрею от лордов, которым они служили. Другие купцы

считали вправе так себя назвать, поскольку имели поместья в графствах, в которых можно жить подобно мелкому, но дворянину. В обыденном сознании соседа титул джентльмена естественен для человека, обладающего загородным поместьем. Часто в глазах соседей богатство купца являлось олицетворением принадлежности к дворянскому сословию («живут подобно джентльмену») [5, с. 47].

Вплоть до конца первой четверти XV в. для описания лица, грамотного и способного составить отчет по доходам, использовался термин «клерк». В своих частных делах многие младшие клерки канцлерства записывали себя джентльменами. Важно и то, что они были светскими лицами. Исконно чиновники являлись клириками. Многие выдающиеся официалы английского средневекового государства были посвящены в духовный сан клириков, чьи старания вознаграждались предоставлением церковных бенефициев. Ордонанс 1388–1389 г. обязывал их оставаться вне брака, за что они получали бенефиций от короля и 20 м. в год (правда, первый клерк королевства, о котором стало известно, что он женат, умер еще в 1375 г.). Почти к каждому такому «служащему» подошли бы слова чосеровского монаха: «Он не дал бы и ломанной полушки/ За жизнь без дам, без псарни без пирушки//.. он терпеть не мог монашеский томительный острог;/ Устав Маврикия и Бенедикта» [10, с. 50]. С XIV в. стал набирать силу процесс секуляризации чиновничества, переход от бенефиция к королевским вознаграждениям в виде аренд, продаж, инвестиций, сопровождавшийся крючкотворством, по сути завуалированным вымогательством, особенно заметным при слабой королевской власти.

Являясь землевладельцами (или получая доходы от земли), чиновники, численность которых в Лондоне неуклонно росла, помогали в приобретении угодий горожанам и другим людям, вероятнее всего, предоставлением капиталов. Важно, что они имели средства, которые можно было вкладывать в выгодные отрасли, покупку городских земель (что не исключает возможности появления таких джентльменов вследствие разорения). Не менее важно, что в земельных операциях они сотрудничали, завязывали знакомства, имели связи с предпринимателями и жителями как в Лондоне, так и в других городах, с помощью которых и внедрялись в хозяйственную и социальную жизнь городского общества.

Обычным являлось их участие в имущественных сделках вместе с лицами различных профессий. В Англии XIV–XV вв. в условиях оживленной

торговли было обычным объединение средств из-за недостатка наличных денег, что вело к возникновению мелких компаний из двух–трех, иногда более человек. Такие союзы были крайне непрочны, заключались для совершения, как правило, одной сделки. За каждым фрименом признавалось право переменить профессию. Не существовало и запрета торговать самыми разнообразными товарами, строго очерченной группы товаров для торговли, строгой регламентации. Право торговли различными товарами открывало возможности для проникновения в профессионально чуждую корпорацию.

«Джентльмены» были наиболее активны в двух отраслях городского хозяйства: производство и сбыт тканей, торговля продуктами питания. Поэтому наряду со своими «специальными» продуктами купцы обеих отраслей хозяйства продавали самые разнообразные товары. На этой почве складывались тесные деловые связи торговцев съестным с представителями купечества других корпорации Лондона и провинциальных городов [4, с. 73].

Таким образом, активное внедрение в хозяйственную жизнь города служило верным способом оказаться полноправным жителем столицы, обрести свое место в ее общине. Заняв свою «нишу», выходцы из графств обрастали необходимыми связями, проникая, в том числе, и в различные сферы управления.

В последней обобщающей работе по истории Англии рассматриваемого периода Д. Томсон, анализируя эволюцию состава английского общества, пришел к выводу, что в нем заметную роль начинали играть профессиональные администраторы, которые скорее были «бюрократами», чем политиками. Они чаще находились вне «партийных» пристрастий, что позволяло наиболее способным из них подняться по служебной лестнице. Рост государственного аппарата и оформление прослойки чиновной бюрократии, частично анноблированной, укрепляли союз горожан с монархией [9, с.98].

Здесь мы приближаемся к появлению «новых людей». В научной литературе, например, как показано С. Траппом, принято противопоставлять «новое дворянство, т.е. тех, кто начал вести хозяйственные и профессиональные отношения по-новому с применением новых технологий и методов» [11, с. 23] и старое дворянство. Однако видный отечественный специалист М.А. Барг, в отличие от многих исследователей не проводит резкой грани между старой феодальной знатью и новым дворянством [1, с. 130].

Литература.

1. Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 381 с.
2. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. – 600 с.
3. Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Сословная природа средневекового бюргерства. М.: Наука, 1979. – 366 с.
4. Гутнова Е.В. Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV–XV вв. // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 27–52.
5. Золотов В.И. Английское общество накануне Войны роз. Брянск: Изд-во Брянского пед. ун-та, 1995. – 112 с.
6. Косминский Е.А. Историография средних веков. V – середина XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 430 с.
7. Кузнецов Е.В. Лондонская гильдия торговцев тканями в XV – начале XVI в. // Средние века. Вып. 31. М., 1968. С. 219–236.
8. Кузнецов Е.В. Экономическое развитие Англии (XIV, XV, XVI вв.): учеб. пособие. Горький: ГГУ, 1983. – 56с.
9. Тревелъян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А.А. Крушинской и К.Н. Татариновой. Смоленск: Русич, 2001. – 624 с.
10. Чосер Дж. Кентеберийские истории. М.: Эксмо, 2002. – 734 с.
11. Trupp S. The merchant class of medieval London; Chicago, 1948. 401 p.

References

1. Barg M.A. Issledovaniya po istorii angliiskogo feodalizma v XI–XIII vv. [Research on the history of English feudalism in the XI–XIII centuries] *Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR [Publishing house of the USSR Academy of Sciences]*, 1962, 381 p. (In Russian)
2. Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya. [Power institutions and positions in Europe in the Middle ages and early Modern times], *T.P. Gusarova ed.*, Moscow, KDU Publ., 2011, 600 p. (In Russian)
3. Gutnova E.V. Rol' byurgerstva v formirovaniy soslovnykh monarkhii v Zapadnoi Evrope [The role of burghership in the formation of class monarchies in Western Europe]. *In Soslovnaya priroda srednevekovogo byurgerstva [Class nature of medieval burghers]*. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka» Publ., 1979, 366 p. (In Russian)
4. Gutnova E.V. Vliyanie ekonomicheskoi evolyutsii na izmeneniya v sotsial'noi ierarkhii v Anglii XIV–XVvv. [Influence of economic evolution on changes in the social hierarchy in England XIV–XV Centuries] *Srednie veka [Middle ages]*, 1983, no 46, pp. 27–52. (In Russian)
5. Zolotov V.I. Angliiskoe obshchestvo nakanune Voiny roz [English society on the eve of the war of roses]. Bryansk, Izdatelstvo Bryanskogo Pedagogicheskogo Univesiteta Publ., 1995, 112 p. (In Russian)
6. Kosminskii E.A. Istoriografiya srednikh vekov. V – seredina XIX v [Historiography of the middle ages. From V century to the middle of XIX century] Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ, 1963, 430 p. (In Russian)
7. Kuznetsov E.V. Londonskaya gil'diya torgovtsev tkanyami v XV – nachale XVIv [The London Guild fabric merchants in the XV – beginning of XVI century]. Moscow, 1968, vol. 31, pp. 219–236. (In Russian)
8. Kuznetsov E.V. Ekonomicheskoe razvitie Anglii XIV–XVI vv [The Economic development of England of XIV–XVI centuries]. Gor'kii: GGU Publ., 1983, 56 p. (In Russian)
9. Trevel'yan D.M. Ot Chosera do Shekspira. Dzh. M. Trevel'yan Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii. [From Chaucer to Shakespeare. John. M. Trevelyan History of England from Chaucer to Queen Victoria] A. A. Krushinskaya, K.N. Tatarinova transl., Smolensk: Rusich Publ., 2001, 624 p. (In Russian)
10. Choser Dzh. Kenteberiiskie istorii [Canterbury tales]. Moscow, Eksmo Publ., 2002, 734 p. (In Russian)
11. Trupp S. The merchant class of medieval London. Chicago, 1948, 401 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Елена Александровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, antonyaa@yandex.ru

Балеев Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Sergey.Baleev@ksu.ru

Барышева Ксения Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», kbarysheva@hse.ru

Бодров Николай Филиппович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт АНО «СОДЭКС МГЮА имени О.Е. Кутафина», член Союза криминалистов и криминологов, bodrovnf@gmail.com

Главинче Никола – доктор юридических наук, юридический факультет Iustinianus Primus (Скопье), адвокат (Битола), nikolaglavince@hotmail.com

Грачева Юлия Викторовна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, uvgracheva@mail.ru

Дегтерев Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, degterevand@rambler.ru

Дубовик Ольга Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, o.l.dubovik@yandex.ru

Есаков Геннадий Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», gesakov@gmail.com

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, oleg010663@mail.ru

Илич Дивна – научный помощник в области Уголовно-процессуального права на юридическом факультете Iustinianus Primus, Университет Св. Кирилла и Мефодия (Скопье), bmisoski@yahoo.com

Кадников Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, член Союза криминалистов и криминологов, krim-pravo@yandex.ru

Кадников Федор Николаевич – кандидат юридических наук, адвокат

Калайджиев Гордан – доцент юридического факультета «Iustinianus Primus» (Скопье), Президент Хельсинкского комитета за права человека Республики Македония, gordankalajziev@yahoo.com

Лаврентьева Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, mari-lav-702@yandex.ru

Максимов Евгений Леонтьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, e.l.maksimov@msal.ru

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, президент Союза криминалистов и криминологов, mackevich2004@mail.ru

Мисоски Бобан – доцент кафедры юриспруденции юридического факультета Iustinianus Primus, Университет Св. Кирилла и Мефодия (Скопье), bmisoski@yahoo.com

Морозов Александр Алексеевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ, a.morozov.87@list.ru.

Нифадьев Владимир Иванович – доктор технических наук, профессор, академик Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, ректор Киргизско-Российского Славянского университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, krsu@krsu.edu.kg

Понятовская Татьяна Григорьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, tagri8@yandex.ru

Рарог Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, alek.rarog@yandex.ru

Редникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), trednikova@yandex.ru

Серебренникова Анна Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, serebranna@hotmail.com

Сторей Джессика – младший научный сотрудник кафедры уголовного права и экономического уголовного права Потсдамского университета, storey@uni-potsdam.de

Тугельбаева Бермета Галиевна – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, law@krsu.edu.kg

Туркин Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, член Союза криминалистов и криминологов, nav_t@mail.ru

Тыныбеков Ниязбек Тыныбекович – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, law@krsu.edu.kg

Филатова Мария Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, maria.filatova@inbox.com

Халилов Рафик Нуруллоевич – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, доцент кафедры уголовного права Казанского федерального (Приволжского) университета, председатель Приволжского отделения Союза криминалистов и криминологов России, r.n.halilov@mail.ru

Харламов Даниил Дмитриевич – кандидат юридических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, kharlamov91@mail.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, taalha@mail.ru

Штаге Диана – доктор права, научный сотрудник кафедры уголовного права и экономического уголовного права Потсдамского университета, istage@uni-potsdam.de

Штайнберг Георг – доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-процессуального права Потсдамского университета, georg.steinberg@uni-potsdam.de

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Antonyan Elena A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozentin, Professor Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, antonyaa@yandex.ru

Balejew Sergej A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent der Abteilung für Strafrecht der Kasaner (Privolzhsky) Federal University, Sergey.Baleev@ksu.ru

Barysheva Kseniya A. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Rechtswissenschaftlichen Fakultät Nationale Forschungsuniversität «Hochschule der Wirtschaft», kbarysheva@hse.ru

Bodrov Nikolaj F. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, Lehrstuhl für Forensik, Lehrkraft, gerichtlich vereidigter Sachverständiger Sachverständigenverein der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, bodrovnf@gmail.com

Degterev Andrei A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht. Astrachanische staatliche Universität, degterevand@rambler.ru

Dubovik Olga L. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, o.l.dubovik@yandex.ru

Esakov Gennadiy A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Rechtswissenschaftlichen Fakultät Nationale Forschungsuniversität Hochschule der Wirtschaft, gesakov@gmail.com

Filatova Maria A. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie Moskauer Staatliche M.V. Lomonosov-Universität, maria.filatova@inbox.com

Glavinche Nikola – Doktor der Rechtswissenschaften, Fakultät für Rechtswissenschaften „Iustinianus Primus“ (Skopje), Rechtsanwalt (Bitola), nikolaglavinche@hotmail.com

Gracheva Julia V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiterin des

Lehrstuhls für Strafrecht, Moskauer staatliche O.E. Kutafin –Universität, uvgracheva@mail.ru

Halilov Rafik N. – Kandidat der Rechtswissenschaften, geehrter Jurist der Republik Tatarstan, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Föderalen Universität Kazan (Volga), Vorsitzender der Wolga-Niederlassung des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, r.n.halilov@mail.ru

Ilić Divna – Wissenschaftlicher Assistent im Bereich Strafprozessrecht (Skopje) an der Juristischen Fakultät Iustinianus Primus, Universität St. Cyril und Methodius (Skopje)

Kadnikov Nikolai G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, ein Mitglied der Verband der Kriminalisten und Kriminologen, krim-pravo@yandex.ru

Kadnikov Fedor N. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Rechtsanwalt

Kalajdziev Gordana – Dozent der Rechtsfakultät «Iustinianus Primus» (Skopje), Präsident des Helsinki-Komitees für Menschenrechte der Republik Mazedonien, gordankalajdziev@yahoo.com

Kharlamov Daniil D. – Kandidat der Rechtswissenschaften, kharlamov91@mail.ru

Lavrentieva Maria S. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Russische Staatliche Sozialuniversität, mari-lav-702@yandex.ru

Maksimov Eugene L. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, e.l.maksimov@msal.ru

Matskevich Igor M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht, Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, Präsident des Verbandes der Kriminologen und Kriminologen, mackevich2004@mail.ru

Misoski Boban – Außerordentlicher Professor der Fakultät für Rechtswissenschaften an der Fakultät für Rechtswissenschaften Iustinianus Primus, Universität St. Cyril und Methodius, bmisoski@yahoo.com

Morozov Alexander A. – Doktorand des Lehrstuhls für moderne und zeitgenössische Geschichte am Institut für Geschichte und Politik der Moskauer Staatlichen pädagogischen Universität (MSPU), a.morozov.87@list.ru

Nifadiev Vladimir I. – Doktor der technischen Wissenschaften, Professor, Akademiemitglied der Nationalen Akademie der Wissenschaften von der Kirgisischen Republik, Rektor der Kirgisisch-Russischen Slawischen Universität, krsu@krsu.edu.kg

Ponyatovskaya Tatiana G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhl für Strafrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, tagri8@yandex.ru

Rarog Alexej I. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, wissenschaftlicher Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität (MGJuA), tagri8@yandex.ru

Rednikova Tatiana W. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Wissenschaftliche Mitarbeiterin in der Abteilung Umweltrechtsforschung, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau, trednikova@yandex.ru

Serebrennikova Anna V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie Moskauer Staatliche M.V. Lomonosov-Universität, serebranna@hotmail.com

Shamurzaev Taalaybek T. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Strafprozeß und Kriminalistik der Kirgisisch-Russischen Slawischen Universität, taalha@mail.ru

Sheveleva Svetlana W. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dekanin der Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Süd-Westlichen Staatlichen Universität Kursk, decan46@yandex.ru

Stage Diana – Doktor der Rechtswissenschaften, Akademische Mitarbeiterin am Lehrstuhl für Strafrecht, insbesondere Wirtschaftsstrafrecht Universität Potsdam, distage@uni-potsdam.de

Steinberg George – Professur, Doktor der Rechtswissenschaften, Professur für Strafrecht und Strafprozessrecht an der Universität Potsdam Universität Potsdam, georg.steinberg@uni-potsdam.de

Storey Jessica – Wissenschaftliche Hilfskraft am Lehrstuhl für Strafrecht, insbesondere Wirtschaftsstrafrecht Universität Potsdam, storey@uni-potsdam.de

Tugelbaeva Bermeta G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dekan der Juristischen Fakultät Kirgisisch-Russische Slawische Universität, law@krsu.edu.kg

Turkin Mikhail M. – Kandidat der Rechtswissenschaften, ein Mitglied der Verband der Kriminalisten und Kriminologen, nav_t@mail.ru

Tynybekov Niyazbek T. – Doktorand des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kirgisisch-Russischen Slawischen Universität, law@krsu.edu.kg

Zaytsev Oleg A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Hauptforscher des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung unter der Regierung der Russischen Föderation, Hauptforscher der Russischen Staatsuniversität der Justiz, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalistenund Kriminologen Verbandes, oleg010663@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Antonyan Elena A. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Exercise of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, antonyaa@yandex.ru

Baleyev Sergey A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan (Privolzhsky) Federal University, Sergey.Baleyev@ksu.ru

Barysheva Ksenia A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminalistics, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”, kbarysheva@hse.ru

Bodrov Nikolay F. – Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of the Department of Forensic Expertise of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), an expert of the ANO “SODEKS MSUA named after O.E. Kutafin”, a member of the Union of Criminologists and Criminologists, bodrovnf@gmail.com

Degterev Andrey A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department of Astrakhan State University, degterevand@rambler.ru

Dubovik Olga L. – Doctor of Law, Professor, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, o.l.dubovik@yandex.ru

Esakov Gennadiy A. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminalistics, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”, gesakov@gmail.com

Filatova Maria A. – Candidate of Legal Sciences, Associated Professor of the Department of criminal law and criminology M.V. Lomonosov Moscow State University, maria.filatova@inbox.com

Glavinche Nikola – Doctor of Law, faculty of Law “Iustinianus Primus” (Skopje), attorney (Bitola), nikolaglavinche@hotmail.com

Gracheva Julia V. – Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, uvgracheva@mail.ru

Halilov Rafik N. – Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Associate Professor of the Criminal Law Department of the Kazan Federal University (Privolzhsky), Heard of the Privolzhsky Department of the Union of Criminologists and Criminologists of Russia, r.n.halilov@mail.ru

Ilić Divna – Scientific Assistant in the field of Criminal Procedure Law (Skopje) at the Faculty of Law Iustinianus Primus, University St. Cyril and Methodius (Skopje)

Kadnikov Nikolay G. – Doctor of Law, Professor, a member of the Union of Criminalists and Criminologists, krim-pravo@yandex.ru

Kadnikov Fedor N. – Candidate of Legal Sciences, Attorney

Kalajdziev Gordan – Docent of law faculty «Iustinianus Primus» (Skopje), President of the Helsinki Committee for human rights of the Republic of Macedonia, gordankalajziev@yahoo.com

Kharlamov Daniil D. – Candidate of legal sciences, Lomonosov Moscow State University, kharlamov91@mail.ru

Lavrentieva Maria S. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Russian State Social University, mari-lav-702@yandex.ru

Maksimov Eugene L. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, e.l.maksimov@msal.ru

Matskevich Igor M. – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, President of the Union of Criminologists and Criminologists, mackevich2004@mail.ru

Misoski Boban – Associate Professor of the Department of Jurisprudence at the Faculty of Law Iustinianus Primus, University St. Cyril and Methodius, bmisoski@yahoo.com

Morozov Alexander A. – Postgraduate student of the Department of modern and contemporary history in Institute of history and politics of the Moscow State University of Education (MSPU), a.morozov.87@list.ru

Nifadiev Vladimir I. – Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, the rector of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, krsu@krsu.edu.kg

Ponyatovskaya Tatyana G. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Department of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, tagri8@yandex.ru

Rarog Alexey I. – Doctor of Law, Professor, Scientific Head of the Criminal Law Department of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, tagri8@yandex.ru

Rednikova Tatyana V. – Candidate of Legal Sciences, Researcher of the Environmental Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS), trednikova@yandex.ru

Serebrennikova Anna V. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology M.V. Lomonosov Moscow State University, serebranna@hotmail.com

Shamurzaev Taalaybek T. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz-Russian Slavic University, E-mail: taalha@mail.ru

Sheveleva Svetlana V. – Dean of the Faculty of Law Southwestern State University, Professor of the Department of Criminal Law, doctor of jurisprudence, associate professor, decan46@yandex.ru

Stage Diana – Doctor of Law, Academic Assistant at the Chair of Criminal Law, especially Business Criminal Law University of Potsdam, distage@uni-potsdam.de

Steinberg George – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Criminal Procedure University of Potsdam University of Potsdam, georg.steinberg@uni-potsdam.de

Storey Jessica – Research assistant at the Department of Criminal Law, in particular Economic Criminal Law University of Potsdam, storey@uni-potsdam.de

Tugelbaeva Bermeta G. – Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law Kyrgyz-Russian Slavic University, law@krsu.edu.kg

Turkin Mikhail M. – Candidate of Legal Sciences, a member of the Union of Criminalists and Criminologists, nav_t@mail.ru

Tynybekov Niyazbek T. – Post-graduate student of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kyrgyz-Russian Slavic University, law@krsu.edu.kg

Zaytsev Oleg A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Chief Researcher of the Russian State University of Justice, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, oleg010663@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance.	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать

ФИО автора, должность, место работы, учёную степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объём статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Geistliche Brücke Russlands und Kirgistan – Die Kirgisisch-Russische Slawische Universität feiert ihr 25-jähriges Bestehen

Nifadiev V.I.

Ziel: *Gegenwärtig ist es sehr wichtig internationale Beziehungen für die Interaktion in den Bereichen Bildung und Kultur des einheitlichen postsowjetischen Raum für das Erfahrungsaustausch und die Entwicklung des Systems der Kenntnissen zu etablieren und zu bewahren.*

Methodologie: *historische Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die Bildung vor 25 Jahren der Kirgisisch-Russischen Slawischen Universität ist ein wichtiges Ereignis geworden: Kirgistan und Russland waren die ersten Länder, die im postsowjetischen Raum den Wunsch ein einziger Bildungsraum zu bewahren und zu verstärken demonstrierten. Die Erfahrung gab einen Stoß für die Bildung ähnlicher Hochschulen in Tadschikistan, Armenien, Belarus, Moldawien, Aserbaidschan. Die Hauptsache besteht darin, dass diese Erfahrung unter Bedingungen der expandierenden Integration riesige Perspektiven hat. Für die Universität steht es bevor das Problem der Verbesserung des geschlossenen Systems „Wissenschaft – Bildung – Produktion – Mensch“ zu lösen. Davon ausgehend wird Absolvent unserer Universität in naher Zukunft ein Mensch, «bewaffnet» mit mehrere Berufe, fähig zur schmerzlosen Neuorientierung in ihrem beruflichen Aktivität, fühlender gleichzeitig sein innerer geistiger Reichtum und Wunsch für den sozialen Fortschritt zu arbeiten. Deshalb ist die Entwicklung der kreativen Umgebung in der Hochschule die Aufgabe von höchster Wichtigkeit.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse der durchgeführten Untersuchung können im Bildungsprozess beim Studium des Geschichtskurses in den Hochschulen angewendet werden.*

Schlüsselwörter: *Kirgisisch-Russische Slawische Universität, Kirgisische Jugend, Russische Jugend, Erfahrungsaustausch, internationale Beziehungen, der postsowjetische Raum, die Kooperationsvereinbarung.*

Kriminologischer Rückfall: persönliche Merkmale des Verbrechers

Tugelbaeva B.G.

Tynybekov N.T.

Ziel. *In dieser Arbeit wurde eine Untersuchung der Identität des Täters durchgeführt, der ein Rückfallverbrechen begangen hat, um seine Typologien und die Besonderheiten der Bildung kriminellen Verhaltens festzustellen.*

Methodologie. *Zur Durchführung der Forschung verwendet: statistisch-kriminologische, insbesondere soziologische, vergleichende Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Es wurde festgestellt, dass nach den Kriterien für die Stabilität des illegalen Verhaltens von Kriminellen und ihrer kriminellen Tätigkeit die Persönlichkeit des Täters durch eine Typologie charakterisiert ist, die einen anomalen Typ, einen situativen Typ und einen aktiv kriminogenen Typ umfasst. Auf der Motivationsrichtung dieser Persönlichkeit wird die Typologie durch einen geizigen Typ dargestellt, in dem es einen selbstbejahenden Subtyp gibt. Charakteristische Merkmale der Persönlichkeit des Täters, der ein Rückfallverbrechen begangen hat, sind ein gewisses Maß an Abweichung von vernünftigen Bedürfnissen, der frühe Beginn krimineller Aktivitäten, ihre ausgeprägte Professionalität, die hohe Stabilität der antisozialen Einstellung, das Fehlen von Reue für die Tat und die Demoralisierung aus der wiederholten Verurteilung.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Neuheit der Arbeit liegt darin, dass es zum ersten Mal in der Kirgisischen Republik eine kriminalistische Untersuchung der Täter durchgeführt wurde, der ein rückfälliges Verbrechen begangen hat, auf derer Grundlage die Typologie der motivationalen Orientierung, Stabilität, kriminellen Verhaltens und krimineller Aktivitäten festgestellt wurden, und auch die Eigenschaften des kriminellen*

Verhaltens von dieser Person identifiziert wurden. Die erzielten Ergebnisse können in der Praxis bei der Entwicklung umfassender Präventions- und Präventionsprogramme für die berufliche, rückfallbezogene, organisierte Kriminalität und Jugendkriminalität genutzt werden

Stichwörter: *die Identität des Verbrechers, kriminologischer Rückfall, besonderer Rückfall, rückfällige Kriminalität, Persönlichkeitstypologie, soziologische Methoden.*

Sicherstellung des staatlichen Schutzes von Teilnehmern an Strafverfahren (vergleichende Analyse der Gesetzgebung der Russischen Föderation und der Kirgisischen Republik)

Zaytsew O.A.

Shamurzaev T.T.

Ziel: *Basierend auf einer vergleichenden Analyse der aktuellen Gesetzgebung der Russischen Föderation und der Kirgisischen Republik, um wirksamere rechtliche Mechanismen für den staatlichen Schutz von Subjekten der Strafprozessbeziehungen zu bestimmen.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Deduktion, formal-legale Methode, rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Erhebliche Komplikationen bei der Strafverfolgung sind durch die Sicherheit von Zeugen, Opfern, anderen Subjekten der Strafprozessbeziehungen und deren Angehörigen im Falle einer rechtswidrigen Beeinflussung mit der Absicht, die rechtmäßige Tätigkeit der Teilnehmer im Strafprozess zu behindern oder zu erzwingen, zu verursachen sie ändern ihren Charakter oder aus Rache für diese Aktivität. Eine besondere Rolle spielen die Bestimmungen des Strafprozessrechts, die einen systematischen Ansatz für die Bildung von persönlichen Sicherheitsmaßnahmen für Teilnehmer an Strafverfahren, das Verfahren für ihre Anwendung während der Voruntersuchung und den Prozess des Strafverfahrens enthalten. Auf der Grundlage einer vergleichenden Analyse der Normen der Strafprozessordnung der Russischen Föderation und der Kirgisischen Republik werden Vorschläge zur Verbesserung der geltenden Rechtsvorschriften der Kirgisischen Republik zur Verbesserung der Wirksamkeit der Anwendung von Sicherheitsmaßnahmen gegen Zeugen, Opfer und Straftäter gemacht andere Teilnehmer am Prozess, die Strafverfahren erleichtern. Gleichzeitig wird auf die Notwendigkeit hingewiesen, das bestehende System internationaler Normen zu nutzen, um einen Mechanismus für ihre Umsetzung und ihr Handeln im nationalen Rechtssystem zu entwickeln. Ihre Umsetzung in die nationale Gesetzgebung sollte nur unter Berücksichtigung akzeptabler Formen und Methoden, Besonderheiten der Entwicklung des Rechtssystems des Landes erfolgen.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung des Artikels liegt in einer rechtsvergleichenden Untersuchung der Mechanismen des staatlichen Schutzes von Opfern, Zeugen und anderen Personen im Strafjustizsystem der Russischen Föderation und der Kirgisischen Republik. Die entwickelten Bestimmungen können als Grundlage für weitere wissenschaftliche Forschung dienen. Die praktische Bedeutung der Arbeit besteht darin, dass ihre Ergebnisse dazu genutzt werden können, die Strafprozessvorschriften, die nachgeordneten Rechtsvorschriften, zu verbessern, wenn sie Erklärungen zur Anwendung der Strafprozessordnung der Russischen Föderation und der Kirgisischen Republik erarbeiten.*

Schlüsselwörter: *Staatsschutz, Teilnehmer an Strafverfahren, Maßnahmen der persönlichen Sicherheit, Verfahrensgarantien.*

Präventive Freiheitsentziehung und Maßnahmen zur Verhinderung zukünftiger Straftaten

Antonyan E.A.

Ziel: *Die Institut der Sicherungsverwahrung zu untersuchen, die ausländische Gesetzgebung zu analysieren.*

Methodologie: *Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, rechtsvergleichende Methode, formal-legale Methode, statistische Methode.*

Schlussfolgerungen. *Autor kommt zu Schluss, dass der akzeptabel Weise die Sicherheit, die der Begriff „die Sicherungsverwahrung,, beinhaltet, zu gewährleisten, eine Einstellung für die russische Strafvollzugssystem der vorbeugende Überwachung und der prophylaktischen Kontrolle auf die Personen, die von den Orten der Freiheitsentziehung befreit werden und die für besonders gefährliche Verbrechen eine Strafe abgesessen haben, ist. Nach der Meinung der Autor ist es begründet und zeitgenössisch, dass die vorbeugende Überwachung und damit verbundene Einschränkungen gemäß dem Ort der Freiheitsentziehung oder dem Wohnort des Verurteilten auf die Empfehlung der Verwaltung des Justizvollzugsanstaltes oder der Agentur innere Angelegenheiten vom Gericht festgestellt und aufgehoben sind.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist den Kern der Sicherungsverwahrung, ihre Ziele und Bedingungen zu bestimmen, die Empfehlungen über die Einführung dieser Instituten in die russische Strafvollzugssystem für die Kriminalprävention zu entwickeln.

Schlüsselwörter: der vorbeugende Haft, die Kriminalitätprävention, die Rückfallkriminalität, bedingte Freigabe, vorbeugende Überwachung.

Strafbarkeit häuslicher Gewalt in Russland und im Ausland

Barysheva K.A.

Ziel: Die Frage der strafrechtlichen Haftung für die häusliche Gewalt gemäß der nationalen und ausländischen Gesetzgebung zu analysieren.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode, rechtsvergleichende Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Autor zeigt auf die Notwendigkeit der rechtlichen Regulierung der häuslichen Gewalt, und nicht nur physische. Autor ist der Meinung, dass man auf das Problem des Schutzes des Privatlebens und der persönlichen Freiheit einer Person mehr achten muss, um von den Angriffen zu schützen, und in dieser Frage auf die ausländische Erfahrung und Praxis der Rechtsanwendung sich stützen und ohne mechanische Entlehnung nur auf soziale und rechtliche Erforschungen des Phänomens der Verfolgung und übrige mentale Auswirkungen auf die Person basieren, um im Rahmen der vorherrschenden Realität, auf die Besonderheiten unseres Landes angewendet, die öffentliche Gefahr und die Notwendigkeit der Regulierung des abweichenden Verhaltens identifizieren. Und es ist auch nötig die Balance zu finden und vernünftige Grenzen der Intervention in das Recht auf das Privatleben und die Familie festzustellen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist darin, dass infolge der Analyse der nationalen und ausländischen Gesetzgebung über die Haftung für die häusliche Gewalt Mängel in den legislativen Konstruktionen identifiziert sind und die Empfehlungen für ihre Verbesserung entwickelt sind.

Schlüsselwörter: Gewalt in der Familie, häusliche Gewalt, strafrechtliche Haftung, ausländische Erfahrung, Entkriminalisierung der Prügel in der Familie.

Analyse der Position des Verfassungsgerichts der Russischen Föderation zu Verwaltungsstraftaten (Ordnungswidrigkeiten) extremistischer Art

Bodrov N.F.

Arbeit mit finanzieller Unterstützung der RGNF (Russische Stiftung für Geistes- und Sozialwissenschaften) gemäß Vereinbarung Nr. 16-33-01150 ausgeführt.

Ziel: Praxis der Berücksichtigung von mit den extremistischen Straftaten verbundenen Beschwerden vom Verfassungsgericht der Russischen Föderation zu untersuchen und seine Position darüber zu analysieren.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, formal-legale Methode, rechtsvergleichende Methode, statistische Methode, Analyse von Dokumenten.

Schlussfolgerungen. Die Rechtsanwendung bezüglich der extremistischen Straftaten hat noch keine einheitliche Praktikum und ist mit der Anwesenheit von unbestimmten Tatbestände und damit verbundenen Entscheidungen charakterisiert. Die Frage über die Möglichkeit der Verwendung von unkorrekten Begriffen im Text des Bundesgesetzes „Über die Gegenwirkung der extremistischen Aktivität“ wird vom Verfassungsgericht der Russischen Föderation unexakt entschieden. Die rechtliche Position vom Verfassungsgericht über die Frage der Verfassungsmäßigkeit von der anti-extremistischen Gesetzgebung, trotz ihrer Heterogenität in den Entscheidungen und ihren Begründungen, ist schon genug hart gebildet (zum Beispiel, in Hinsicht auf die strafrechtliche Politik).

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist darin, dass der Praxis der Berücksichtigung von mit den extremistischen Straftaten verbundenen Beschwerden vom Verfassungsgericht der Russischen Föderation ausführlich untersucht wurde und eine Reihe der Besonderheiten identifiziert wurde, das erlaubt alle solche Beschwerden auf die Kategorien teilen, um die Lücke im nationalen Gesetzgebung und die Unvollkommenheit des Justizsystems während der Berücksichtigung von diesen Straftaten festzustellen und sie weiter zu verbessern. Auch von dem Autor ist die Notwendigkeit begründet, für die effektive Gegenwirkung dem Extremismus in die Liste der extremistischen Materialien keine Adresse der Seite im Internet, aber ihren Inhalt („content“) aufzunehmen.

Schlüsselwörter: forensische Untersuchung, Verfassungsgericht der Russischen Föderation, extremistische Straftaten, Gegenwirkung dem Extremismus, gerichtliche Praxis, extremistische Materialien.

Illegale bewaffnete Gruppierungen (Art. 208 des Strafkodex der Russischen Föderation):**Moderne Probleme der Auslegung****Gracheva J.V.**

Ziel: Russisches Strafrecht, gerichtliche Praxis und Theorie des Strafrechts im Bereich der Haftung für die Organisation der illegalen bewaffnete Formation und für die Teilnahme daran zu untersuchen und das Problem der Abgrenzung dieses Straftates mit den angrenzenden und konkurrierenden Straftaten.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formal-legale Methode, statistische Methode, Analyse von Dokumenten.

Schlussfolgerungen. Aufgrund des gerichtlichen Praxis und der Theorie des Strafrechts kommt der Autor zum Schluss, dass Strafgesetzbuch der Russischen Föderation nicht in vollen Zügen den Forderungen der legislativen Technik entspricht. Die Analyse der veröffentlichten Materialien aus dem gerichtlichen Praxis im Bereich der genannten Frage zeigt, dass es keine Tatbestände, die mit der Beiziehung zur strafrechtlichen Haftung für die Organisation der illegalen bewaffnete Formation und für die Teilnahme daran verbunden sind und die unkriminelle Ziele verfolgen, gibt. Artikel 208 Strafgesetzbuches der Russischen Föderation erlaubt zur strafrechtlichen Haftung für die Organisation der illegalen bewaffnete Formation und für die Teilnahme daran beizuziehen, wenn es kein Urteil, das die Organisation als terroristisch oder extremistisch anerkennt, oder wenn es keine Beweisungen der Schaffung der illegalen bewaffnete Formation mit Ziel Terrorismus-Aktivität auszuführen oder die Tatbestände gemäß Artikel 2054 Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zu begehen, gibt.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist darin, um die Hauptmerkmale, die den vom Artikel 208 Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehenen Tatbestand (die Organisation der illegalen bewaffnete Formation und die Teilnahme daran) von den angrenzenden und konkurrierenden Straftaten abgrenzen werden, festzustellen.

Schlüsselwörter: Illegale bewaffnete Formation, Bewaffnungskeit, Verbrechen terroristischer Natur, Bewaffnete Gruppe, Organisierte Gruppe.

Welche Bedrohungen der Grundlage des politischen Systems sich gegenüberstehen und wie sich dies in der Strafgesetzgebung widerspiegelt**Degterev A.A.**

Ziel: Die Durchführung der complex-Untersuchung der gegenwärtigen Bedrohungen für das politische System und ihre Systematisierung.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, systematische Methode.

Schlussfolgerungen. Autor kommt zum Schluss, dass das politische System eine geordnete Gesamtheit der Rechtsnormen, öffentlicher und staatlicher Instituten, verschiedener Organisationen ist, deren gemeinsame Quintessenz und Bedeutung der Existenz eine Realisation der politischen Gewalt ist. Alle Bedrohungen für das politische System, die im Strafgesetzbuche der Russischen Föderation vorgesehen sind, kann man auf 3 Arten teilen: äußere Bedrohungen, innere Bedrohungen, gemischte Bedrohungen. In der Realität alle Bedrohungen verwirklichen sich wenn nicht gleichzeitig, dann in der Regel parallel. Die Gefahr dieser Bedrohungen ist offensichtlich für jedes politische Regime und jedes Staat. Nachsichtigkeit in Bezug auf solche Täter von den anderen Ländern unvermeidlich führt zur Destabilisierung der politischen Situation weltweit. Solche Täter geben niemand auf rechtswidrige Tätigkeit auszuführen, und letztendlich begehen schwere Verbrechen gegen die Personen, die sie in Hinsicht auf die Begehung von der ersten Straftaten provoziert haben.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist darin, dass der Autor einen eigenen Begriff des politischen Systems entwickelt hat. Es wird eine Typologie der Bedrohungen für die Grundlagen des politischen Systems vorgeschlagen, und auch werden die Besonderheiten von jeder Typ festgestellt.

Schlüsselwörter: politisches System des Staates, Staatsgewalt, Bedrohung für das politische System, politische Stabilität, Staatssicherheit.

Die Konfrontation mit der Bedrohung von Ökoterrorismus und Öko-Extremismus ist eine aktuelle Herausforderung der Wissenschaft des Kriminal- und Umweltrechts**Dubovik O.L.**

Ziel: Die gegenwärtige Zustand und die Perspektiven der Gegenwirkung dem Ökoterrorismus und dem Öko-Extremismus in der modernen Gesellschaft.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion.

Schlussfolgerungen. Autor kommt zum Schluss, dass manche Aspekten der wissenschaftlichen Gewährleistung der Gegenwirkung dem Terrorismus „im Schatten“ bleiben. Es gibt wirklich die Bedrohung des Öko-Extremismus und sie muss berücksichtigt werden, wie auch die Perspektiven und die Erschöpfung der traditionellen Methoden und der Zielen der Terrorismus-Aktivität. Aber man darf und muss fragen, ob die auf die Ergreifung von der natürlichen Ressourcen gerichtete Aktionen von den Fundamentalisten eine Hauptziel ist, und alle andere Akten – nur die Mittel und die Weise ihrer Erfüllung sind. Ökoterrorismus – eine neue Art der Eingriffen auf die Umgebung und die soziale Gefahr. Das ist eine extreme Form der ökologische-rechtlichen Konflikten, und es kann sowohl seine letzte Phase sein, als auch eine Ursache seiner Entstehung oder seiner Eskalation.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist darin, dass die soziale Gefahr von dem untersuchten kriminellen Phänomen gekennzeichnet ist, die Notwendigkeit für die Forscher auf die neue Anrufe wie die Problematik der Verwarnung des Ökoterrorismus und des Öko-Extremismus zu achten begründet ist, solange die Gesellschaft, der Staat und die internationale Gemeinschaft sind nicht gezwungen auf diese Phänomen, die große und unvorhergesehene Folgen sich bringt, zu reagieren.

Schlüsselwörter: Ökoterrorismus, Öko-Extremismus, nationale Sicherheitsstrategie, Gegenwirkung dem Ökoterrorismus, Umgebung.

Rechtliche Merkmale des Corpus delicti im Wirtschaftsstrafrecht

Esakov G.A.

Filatova M.A.

Ziel: Die Merkmale des Tatbestandes im Wirtschaftsstrafrecht zu untersuchen und ein neuer Ansatz zur Klassifikation der berücksichtigten Merkmalen zu entwickeln.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Autoren kommen zum Schluss, dass im Tatbestand man auch andere Merkmale beobachten kann, die vom Gesetzgeber in die Beschreibung des Tatbestandes eingeschaltet sind und einerseits, ein Bestandteil ist, andererseits weder wie objektive noch wie subjektive nicht charakterisiert werden können, weil in der objektiven Realität außer der Tat und der Psyche des Subjekts existieren oder am wenigsten damit verbunden sind. Berücksichtigten Fakten kann man als rechtliche Tatbestandsmerkmale, die gemäß Artikel 8 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation für die Beziehung der Person zur strafrechtlichen Haftung notwendig sind, aber die keine Feststellung der subjektiven Merkmalen in Verbindung damit verlangen und in der allgemeinen Regel in speziellen Reihenfolge, das heißt mit der Hilfe vorher angenommene Rechtsanwendungsentscheidungen, bewiesen werden, definieren. Einführung dieses Begriffs bedeutet keine Überprüfung des feststehenden Ansicht auf das Tatbestand wie auf die Einheit von vier Elementen, weil, erstens, die benannte Merkmalen nicht einzigartig mit einem von den Elementen korrelieren werden können, und, zweitens, im Hinblick auf ihre Ausschließlichkeit als eine Ergänzung zur feststehenden Konstruktion, relevante in dem seltenen Fall, betrachtet werden müssen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Erforschung ist in der Bestimmung der grundlegenden rechtlichen Merkmalen als kriminellen Merkmalen in Tatbestände des Wirtschaftsstrafrechts, die Notwendigkeit ihrer Ausscheidung in der gemeinsamen Struktur des Tatbestandes ist argumentiert.

Schlüsselwörter: Merkmale des Tatbestandes, rechtliche Merkmale, Wirtschaftsstrafrecht, Tatbestand, objektive Bedingungen der Strafbarkeit.

Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten vor der Vernehmung laut der russischen und der deutschen Gesetzgebung

Zaytsev O.A.

Mission: to conduct a comparative legal analysis of the criminal procedure legislation of Russia and Germany and highlight the features of explaining to witnesses their rights and obligations to the production of interrogation.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, comparative legal method, statistical method.

Conclusions. The author concludes that the criminal process legislation of Russia and Germany pays much attention to observing the rights and duties of witnesses during their interrogation in order to exclude the possibility of abuse by law enforcement agencies. In addition, at the legislative level, the conditions under which these subjects of criminal procedural relations are given the right not to testify (the witness privileges) are described in sufficient detail.

Scientific and practical significance. The importance of scientific research is to determine the main features of explaining to witnesses their rights and obligations before interrogation in the criminal procedure codes of Russia and

Germany. The author points out that there are no specific provisions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in contrast to the CPC of the Federal Republic of Germany, on exactly what scope of rights should be clarified to the witness before his interrogation.

Keywords: rights and duties, witness, criminal procedure relations, interrogation, criminal proceedings, foreign experience.

Zur Frage der Verantwortung für die Begehung des Betrugs im Bereich der Wirtschaftstätigkeit

Kadnikov N.G.

Ziel: Das Strafrecht der russischen Föderation und gerichtliche Praxis in Bezug auf die Haftung für den Betrug im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit zu analysieren.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zum Schluss, dass die letzte Entscheidung der Gesetzgeber über die Ergänzung der allgemeinen Norm über den Betrug (Artikel 159 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation) mit den Teilen 5, 6 und 7 für der Ausarbeitung der allgemeinen Betrachtungsweisen für die strafrechtliche Bewertung von der betrügerischen Handlungen im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit nicht beigetragen hat. Solche Entscheidung der Gesetzgeber berücksichtigt keine theoretisch-juristischen Grundlagen der strafrechtlichen Haftung für die Verbrechen gegen die Eigenschaft. Der Eingriff verwirklicht sich im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit (vertragliche Verpflichtungen im Bereich der Geschäftstätigkeit), aber es ist nach den Regeln der Bewertung der Verbrechen gegen die Eigenschaft bewertet und beeinflusst wie auf die Richtigkeit der Qualifikation solcher Taten, so auf die Rechten der Personen, die die legale Geschäftstätigkeit auführen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die Entwicklung von der Empfehlungen über die Verbesserung der strafrechtlichen Gesetzgebung über die Haftung für den Betrug im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit. So schlägt der Autor vor, den Kategorie der Verbrechen im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation mit den Tat, der mit der Hilfe des administrativen Vorurteils (böswillige Nichterfüllung der vertraglichen Verpflichtungen, die nach der Beziehung der Person, die die Geschäftstätigkeit ausübt, zur administrative Verantwortung für solchen Tat erfüllt war) konstruiert ist, zu ergänzen. Solche Entscheidung entspräche das Prinzip der Gesetzlichkeit, der gerichtlichen Auslegung, und auch der Bedingungen und der Gründen für die Befreiung gemäß Teil 2 Artikel 76 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.

Schlüsselwörter: wirtschaftliche Tätigkeit, der Betrug, die Geschäftstätigkeit, die Qualifikation der betrügerischen Handlungen, vorbeugende Maßnahmen.

Novelle des Strafkodex der RF bezüglich der Verantwortung für den illegalen Umsatz von Alkohol und alkoholhaltigen Produkten

Kadnikov F.N.

Ziel: Eine umfassende Untersuchung der Problemen der Haftung für den illegalen Handel des Alkohols und alkoholhaltiger Produktion durchzuführen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Autor kommt zum Schluss, dass es Probleme in die Bestimmung von den Merkmalen des Subjekts dieses Verbrechens gibt. Hauptsächlich bezieht es sich die Leitern der juristischen Person oder die Einzelunternehmern, so zum Beispiel die Frage, ob kann es natürliche Person, die auf Grund der Ermächtigung von der juristischen Person handelt, als Subjekt anerkennt sein. Es gibt keine ausführliche gerichtliche Auslegung über diese Problemen. Problematische Fragen gibt es auch über den Tatbestand, für die die Haftung in den Artikeln 171.4 des Strafgesetzbuches Russlands (illegaler Einzelhandel des Alkohols und alkoholhaltiger Nahrungsmittelproduktion) vorgesehen ist. Auch wird es abschließt, dass die Merkmale des berücksichtigten Verbrechens nicht genug deutlich und präzise formuliert sind.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die komplexe Analyse der Fragen der strafrechtlichen Haftung für den illegalen Handel des Alkohols und alkoholhaltiger Produkten. Es ist vorgeschlagen, eine ausführliche gerichtliche Auslegung über die Besonderheiten des Gegenstands dieses Verbrechens, Kriterien seiner Abgrenzung von den Straftaten, für die die Haftung in den Artikeln 171.3, 151.1 des Strafgesetzbuches Russlands vorgesehen ist, und von den angrenzenden Ordnungswidrigkeiten durchzuführen.

Schlüsselwörter: illegaler Handel des Alkohols, verfälschte Produktion, alkoholhaltige Produktion, Alkoholsurrogat, Novelle der Strafgesetzgebung, Alkoholproduktion.

Fragen des staatlichen Schutzes des geistigen Eigentums

Lavrentieva M.S.

Turkin M.M.

Ziel: das Institut des intellektuellen Eigentums zu untersuchen und die Maßnahmen des staatlichen Schutzes der Objekten des intellektuellen Eigentums zu analysieren.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, Deduktion, formal-legale Methode, historische Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zum Schluss, dass gegenwärtig in der Gesetzgebung der Russischen Föderation es einige Arten von Verantwortung für die Delikten gibt, nämlich zivil-, verwaltungs- und strafrechtliche Verantwortung. In erster Linie der Schutz der Rechte des intellektuellen Eigentums basiert auf die Initiative des Rechtsinhabers – der natürlichen und juristischen Personen, die gemäß der Gesetzgebung Russlands das Recht des Wahls sich an die Behörde, Strafverfolgungsbehörden oder an das Gericht zu wenden haben.

So ist der Autor der Meinung, dass der Staat in bestimmten Fällen in die Regulierung der Beziehungen zwischen Rechtsinhaber, Autoren von Produkten des intellektuellen Eigentums und ihre Benutzer einzugreifen verpflichtet ist. Gleichzeitig ist es günstig für die Rechtsinhaber und Autoren von Produkten des intellektuellen Eigentums Mechanismus des staatlichen Zwanges zu benutzen, und zwar die Maßnahmen der verwaltungs- und strafrechtlichen Verantwortung, um illegal benutzt intellektuelles Eigentum zu identifizieren und abzustellen, was erlaubt ihnen die Geldmittel zu sparen, einschließlich an den Anwaltdienstleistungen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die Entwicklung der Empfehlungen für die Verbesserung der nationalen Gesetzgebung in Hinsicht auf das intellektuelle Eigentum.

Schlüsselwörter: intellektuelles Eigentum, das Objekt des intellektuellen Eigentums, staatlicher Schutz, ausländische Erfahrung, das Urheberrecht.

Schutz des Bodens in Russland

Maksimov E.L.

Ziel: Das System der vom Staat eingerichteten und orientierte auf die Gewährleistung der Forderungen der Gesetzgebung über den Schutz der Länder Maßnahmen zu untersuchen und die Empfehlungen für die Verbesserung des berücksichtigten System zu entwickeln.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zum Schluss, dass die Forderungen der Landgesetzgebung in großen Zahlen weiterhin verletzt werden, dass erheblicher Schaden dem Erde und im Ganzen der Umwelt ausübt. Angesichts so viele Landdelikten und ziemlich ernster Haftung für ihre Begehen kann man behaupten, dass solche Zwecke der Bestrafung, wie zum Beispiel die Kriminalprävention nicht erreicht werden. Man kann vermuten, dass anwendbar manche Verbrechen vom Gesetz eingerichteten Größe der Sanktionen nicht genug ist.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die Entwicklung der Empfehlungen für die Verbesserung des Systems der vom Staat eingerichteten und orientierte auf die Gewährleistung der Forderungen der Gesetzgebung über den Schutz der Länder Maßnahmen. Der Autor ist der Meinung, dass es notwendig ist, das bestehende System der Maßnahmen mit der ökologischen Erziehung und mit der Bevölkerungserziehung zu ergänzen. Es wird vorgeschlagen, die Strafe für die willkürliche Besetzung des Landes zu vergrößern, um der Landbenutzer vorsichtig wäre, ob diese Verbrechen im Hinblick auf die Bedrohung so wesentlicher Strafe zu begehen.

Schlüsselwörter: Schutz der Länder, Landbeziehungen, Landaufsicht, Landdelikte, Umweltverbrechen, irrationale Landnutzung.

Verbrechen der Jugendlichen: die Strategie des 21. Jahrhunderts

Matskevich I.M.

Ziel: Die Gesetzgebung der Russischen Föderation über den Alter, seit den die strafrechtliche und verwaltungsmäßige Verantwortung kommt, zu untersuchen. Die Besonderheiten der Kriminalität von Teenagern für die weitere Prävention zum Vorschein zu bringen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formal-legale Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zum Schluss, dass die Kriminalität von Teenagern gegenwärtig nur sich entwickelt. Vermutlich wird es eine eigenartige Symbiose des intellektuellen eigennützigen kriminellen Verhaltens am häufigsten mit den Elementen psychischer Gewalt, die keinen physischen Zwang ausschließen. Im Grunde der

Kriminalität von Teenagern wird die Wirtschaft liegen. Genau so wie die Wirtschaft liegt gegenwärtig im Kern der Anti-Globalisierungs-Bewegung. Deshalb wird die Kriminalität von Teenagern die direkte Wirkung auf die ganze Weltwirtschaft ausüben. Das wird umsichtige und grausame Kriminalität.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die Bestimmung von den Altersgrenzen von Teenagern, von Besonderheiten, die die Veränderung ihres Verhaltens vorbestimmen, einschließlich kriminelles Verhalten. Autor schlägt vor, den Alter der verwaltungsmäßigen Verantwortung bis 14 Jahre alt zu reduzieren. Im Artikel wird auch solcher Begriff wie "Mobbing" berücksichtigt.

Schlüsselwörter: Verbrechen von Teenagern, Jugendkriminalität, Alter der strafrechtlichen Verantwortung, Alter der verwaltungsmäßigen Verantwortung, Mobbing.

Strafbarkeit der Verweigerung medizinischer Hilfe gegenüber einem Patienten

Ponyatovskaya T.G.

Ziel: Um ein vergleichendes Merkmal der sowjetischen und modernen russischen Gesetzgebung im Bereich der Verantwortung von medizinischen Arbeitern für das Versäumnis zu machen, dem Patienten medizinische Versorgung zur Verfügung zu stellen, Aufmerksamkeit auf die Probleme der unzulänglichen gesetzlichen Regulierung dieses Bereiches zu richten.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: Der Autor kommt zu dem Schluss, dass der rechtliche Rahmen der UdSSR die Haftung der Ärzte für die fahrlässige Ausübung ihrer beruflichen Tätigkeit substantieller regelt, und weist auf die Notwendigkeit der Annahme der neuen Standards hin.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht darin, sich auf die Hilflosigkeitspatienten aus inkompetenten Handlungen von Ärzten und praktisch auf die volle Freizügigkeit von Ärzten bei ihren beruflichen Aktivitäten zu konzentrieren.

Schlüsselwörter: Strafrecht, Strafgesetzgebung, Berufstätigkeit, medizinische Fachkraft, Verantwortung, Leben, Gesundheit

Entwicklung des Arzneimittelstrafrechts in Russland

Rarog A.I.

Ziel: Um die Entwicklung des Strafrechts auf dem Gebiet des Arzneimittelrechts zu verfolgen, um die Normen im Strafgesetzbuch der RF zu charakterisieren

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Vorhanden in Ch. 25 der Strafgesetzbuchnormen werden vom Autor als Grundlage des pharmazeutischen Gesetzes im aktuellen Strafgesetzbuch der Russischen Föderation betrachtet und sollten in einen unabhängigen Abschnitt dieses Kapitels „Verletzung medizinischer Verbote“ gestellt werden.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Bildung einer einheitlichen wissenschaftlichen Sichtweise auf die Grundlagen des Arzneimittelrechts der Russischen Föderation, der Verallgemeinerung der im Strafgesetzbuch enthaltenen separaten Normen.

Schlüsselwörter. Strafrecht, Strafrecht, Pharmazie, Medizin, Anti-Doping-Gesetzgebung, Produktion

Abgrenzung der strafrechtlichen und verwaltungsstrafrechtlichen Verantwortung für unrechtmäßige Jagd

Rednikova T.V.

Ziel: Das Verwaltungs- und Strafrecht in Hinsicht auf die Haftung für die illegale Jagd zu untersuchen und die rechtsvergleichende Analyse durchzuführen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, rechtsvergleichende Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zum Schluss, dass die Unterscheidung der illegalen Jagd von der Ordnungswidrigkeit in diesem Bereich die größte Schwierigkeit hervorbringt, weil in der Praxis nicht selten die Grenze zwischen der Straftat und der Ordnungswidrigkeit verschwommen ist, was zu den bestimmten Schwierigkeiten bei der Qualifikation der Handlungen von schuldiger Person führt. Auf die Anwendung der strafrechtlichen und ver-

waltungsrechtlichen Haftung beeinflussen in erster Linie solche Merkmale der objektiven Seite wie das Ort, die Zeit, die Methoden, die Werkzeuge und die Mittel des Begehens der Straftat. Es ist besonders wichtig zu beachten, dass die Kriterien zur Feststellung eines größeren Schadens für die Zielen des Artikels 258 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation von der Gesetzgebung Russlands nicht festgesetzt sind. Diese Lücke der Gesetzgebung behindert wesentlich die Anwendung der Normen dieses Artikels in der Praxis. Der Umstand, der das Treffen der Entscheidung über die Unterscheidung der verwaltungsrechtlichen und strafrechtlichen Haftung behindert, ist die Abwesenheit der deutlichen für den Gesetzgeber Kriterien der Bewertung des Umweltwerts vom illegal beschafften Individuum einer bestimmten Art, auch seiner Wertigkeit für einen konkreten Lebensraum.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die Entwicklung der Empfehlungen für die Verbesserung der nationalen Gesetzgebung in Hinsicht auf die strafrechtliche und verwaltungsrechtliche Haftung für die illegale Jagd. Autor schlägt vor auf der legislativen Ebene konkrete Methodik zur Berechnung von Großschäden zu befestigen, ausgehend von dem Wert und die Bedeutung der illegal beschafften Jagdressourcen, was am objektivsten Entscheidungen in Hinsicht auf diese für die Kategorie von Fällen treffen erlaubt wird, und auch die präventive Rolle des Verwaltungs- und Strafrechts in diesem Bereich erhöhen wird.

Schlüsselwörter: illegale Jagd, Naturbenutzung, Umweltverbrechen, Jagdressourcen, Umweltschutz.

Lebenslange Freiheitsstrafe als Sanktion wegen illegaler Straßenrennen: Rechtswirklichkeit

Serebrennikova A.V.

Ziel: Die Rechtsnormen der nationalen und ausländischen Gesetzgebung in Hinsicht auf die Haftung für das Straßenrennen zu untersuchen und die Empfehlungen für die Verbesserung der nationalen Gesetzgebung im berücksichtigten Bereich zu entwickeln.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formal-legale Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor meint, dass es notwendig ist, die deutsche Erfahrung in Bezug auf die Verschärfung der Haftung für das gefährliche Straßenrennen zu verwenden, um die russische Gesetzgebung zu reformieren. Solange bleibt eine offene Frage, ob der russische Gesetzgeber dem Weg der Einführung der Sondernorme, die eine strafrechtliche Haftung für das gefährliche Straßenrennen mit den Autos, den Tod einer Person verursacht hat, folgen wird. Es wird vorgeschlagen dem Beispiel der deutschen Gesetzgebung zu folgen und die Personen, die an dem gefährlichen Straßenrennen teilnehmen, mit dem Freiheitsentzug für Zeit bis zu zwei Jahren und mit dem Entzug eines Führerscheins zu bestrafen; im Fall der Bedrohung der Beschädigung der anderen Personen, einschließlich die Zufügung des Schadens der mittleren Schwerkraft, ist es vorgeschlagen mit dem Freiheitsentzug für Zeit bis zu fünf Jahren zu bestrafen. Wenn solche Handlungen schweren Schaden der Gesundheit oder den Tod einer Person verursachen, muss man mit dem Freiheitsentzug für Zeit bis zu zehn Jahren zu bestrafen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die Durchführung der detaillierten rechtsvergleichenden Analyse in Hinsicht auf die Haftung für das gefährliche Straßenrennen.

Schlüsselwörter: Straßenrennen, gefährliches Fahren, Entzug eines Führerscheins, ausländische Erfahrung, Beschlagnahmung eines Fahrzeugs, Verschärfung der Haftung.

Resozialisierung von Strafgefangenen als eines der vorrangigen Ziele der Strafvollzugspolitik des modernen Russlands

Halilov R.N.

Ziel: das Institut der sozialen Anpassung der Verurteilten zur Freiheitsstrafe zu untersuchen und die Empfehlungen seiner Verbesserung zu entwickeln.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode.

Schlussfolgerungen. Soziale Rehabilitation in der Strafvollzugspolitik ist eine perspektive und sozialwichtige Richtung, weil es eine von den wichtigsten Problemen des Strafvollzugssystems - Resozialisierung der früher Verurteilten und ihre Aufnahme in das aktive soziale Leben - zu lösen erlaubt. Um dem Verurteilten den Übergang aus der spezifischen Umgebung an der Strafanstalt in das Freiheitleben zu erleichtern, ist es notwendig ihn schrittweise körperlich, organisatorisch, ökonomisch und psychologisch sowie auf die Befreiung vorzubereiten, als auch auf die Entscheidung der Fragen, mit denen er sich treffen müssen wird. Das Prozess der sozialen Rehabilitation der Verurteilten zur Freiheitsstrafe kann man wie einen Komplex von rechtlichen, organisatorischen, pädagogischen,

medizinischen, sozialen und psychologischen Maßnahmen, die an die Prävention der sozialen Abweichungen früher Verurteilten gerichtet sind und aus den wissenschaftlich definierten Bedürfnissen ausgehend sich verwirklichen, sich vorstellen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der durchgeführten Untersuchung besteht in die Entwicklung der Empfehlungen für die Verbesserung der Tätigkeit des Strafvollzugssystems im Bereich der Rehabilitation von den Personen, die von den Strafanstalten befreit geworden sind.

Schlüsselwörter: soziale Rehabilitation, Resozialisierung der Verurteilten, Strafvollzugssystem, soziale Anpassung, regionales Programm, Rückfallprävention.

Vermögensstraftaten im Strafrecht in Russland und Deutschland

Kharlamov D.D.

Ziel: Die rechtvergleichende Analyse der nationalen und ausländischen Gesetzgebung im Bereich der Eigentumsverbrechen zu untersuchen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode, rechtvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: Autor kommt zum Schluss, dass die Verbrechen des Kapitels 21 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation (Verbrechen gegen Eigentum) korrelieren mit dem Begriff «Vermögensverbrechen» in der deutschen strafrechtlichen Doktrin, aber nicht alle Verbrechen, die die deutsche Juristen als die Vermögensverbrechen betrachten, sind in das Kapitel «Verbrechen gegen Eigentum» des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation eingeschaltet. Der deutsche Begriff «Vermögensverbrechen» ist breiter im Umfang, als der russische Begriff «Verbrechen gegen Eigentum». Gleichzeitig der Inhalt des sogenannten Kerns der Vermögensverbrechen (die Verbrechen, die vom Kapitel 21 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehen sind) in Russland und in Deutschland fällt zusammen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die ausführliche rechtvergleichende Analyse der nationalen und ausländischen Gesetzgebung im Bereich der Eigentumsverbrechen.

Nach der Meinung des Autors ist das Problem der Rückkehr zum traditionellen Modell der Vermögensverbrechen aktuell, die zusammen mit den Vermögensverbrechendie Ausscheidung der Verbrechen gegen Vermögen der Person als die Gesamtheit schlägt vor. Die Rückkehr zum traditionellen Modell der Vermögensverbrechen setzt die Ausscheidung von zwei Gruppen der Verbrechen, die vom Kapitel 21 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehen sind, voraus: Verbrechen gegen Eigentum, Verbrechen gegen Vermögen als die Gesamtheit.

Schlüsselwörter: Vermögensverbrechen, Verbrechen gegen Eigentum, Verbrechen in der Wirtschaft, ausländische Gesetzgebung, strafrechtliche Doktrin.

Strafrechtliche Konsequenzen der Nichtzahlung einer Geldstrafe in Russland

Sheveleva S.W.

Ziel: Die russische und die ausländische strafrechtliche Gesetzgebung in Hinsicht auf die Haftung für die Abweichung von der Zahlung einer Geldbuße zu analysieren und die Empfehlungen für die Verbesserung der Russischen Gesetzgebung zu entwickeln.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, formal-legale Methode, rechtvergleichende Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Autor kommt zum Schluss, dass die effektiven Mittel des Reagierens auf die Abweichung des Verurteilten von der rechtzeitigen Zahlung einer Geldbuße in Russland fehlen. Im Allgemeinen kann man die Beziehung der Staat zu den Abweichenden von der Zahlung einer Geldbuße in den ausländischen Rechtssystemen bedingt in zwei Gruppen teilen – ziemlich hart und treu abhängig davon, wie man die Abweichung versteht: wie nur einen Wunsch vom Zwang sich befreien (Spanien) oder wie einen Anruf für die Staat und die Gesellschaft (USA, Frankreich, Deutschland). Auch ist der Autor der Meinung, dass Gesetzesänderungen notwendig sind, die mit der Verstärkung der Mittel des strafrechtlichen Reagierens auf die böswillige Abweichung von der Zahlung einer Geldbuße sowie einer Hauptbestrafung, als auch einer zusätzlichen Strafe.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wichtigkeit der Untersuchung besteht in die ausführliche Analyse der nationalen und ausländischen Gesetzgebung im Bereich der Haftung für die Abweichung von der Zahlung einer Geldbuße und in die Entwicklung der Empfehlungen für die Verbesserung der Russischen Gesetzgebung. Autor schlägt vor in der nationalen Gesetzgebung die Möglichkeit des Ersatzes einer Geldbuße als einer Hauptbestrafung mit jeder anderen Art von Strafe, auch mit einem Freiheitsentzug, vorzusehen. Auch wird es vorgeschlagen, eine

Pflichtbeschäftigung des Verurteilten, der keinen Geldbuße als eine zusätzliche Strafe nach der Befreiung von der Hauptbestrafung ausgezahlt hat, einzuführen.

Schlüsselwörter: Geldbuße, Strafe, Freiheitsentzug, Ersatz der Strafe, Pflichtbeschäftigung, ausländische Erfahrung.

Rechtsangleichung in den EU-Mitgliedstaaten durch den Erlass von Richtlinien – am Beispiel der Umsetzung der zweiten Marktmissbrauchsrichtlinie (CRIM-MAD) in Deutschland, Österreich und Irland

Stage D.

Storey J.

Ziel. Die Umsetzung von Richtlinien in nationales Recht kann in den einzelnen EU-Mitgliedstaaten unterschiedlich erfolgen. Am Beispiel der zweiten Marktmissbrauchsrichtlinie (CRIM-MAD) werden verschiedene Wege der Umsetzung aufgezeigt, und zwar anhand der strafrechtlichen Regelung der von einer natürlichen Person begangenen Marktmanipulation in den drei EU-Mitgliedstaaten Deutschland, Österreich und Irland.

Methodologie: Analyse, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: Deutschland, Österreich und Irland haben auf unterschiedlichen Wegen die CRIM-MAD umgesetzt. Es mag zwar durchaus zu einer (gewissen) Rechtsangleichung durch die CRIM-MAD im Bereich der Marktmanipulation kommen, es bestehen aber teilweise auch recht große Unterschiede. So hat z. B. Österreich – anders als Deutschland und Irland – nicht alle Formen der Marktmanipulation unter Kriminalstrafe gestellt; zudem ist der Strafrahmen in den einzelnen Ländern unterschiedlich.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Untersuchung der Rechtsangleichung im Bereich der strafbaren Marktmanipulation in drei EU-Mitgliedstaaten (Deutschland, Österreich und Irland) durch die CRIM-MAD.

Stichwörter: Strafrecht, Kapitalmarktstrafrecht, strafrechtliche Nebengesetze, Europäisches Strafrecht, Rechtsakt, Marktmanipulation.

Neufassung des § 238 STbG («Verfolgung»)

Steinberg G.

Ziel: Untersuchung des 2007 eingeführten Straftatbestands der Nachstellung, § 238 StGB. Dabei wird insbesondere auf die Notwendigkeit der Gesetzesänderung eingegangen sowie auf die Eignung der Norm zur Schließung der bis dahin vermeintlich bestehenden Strafbarkeitslücke in den Fällen, in denen der alte Tatbestandserfolg mangels Änderung der Lebensgewohnheiten des Opfers nicht erfüllt wurde.

Methodologie: Analyse, Vergleich mit dem bisherigen Tatbestand, Hinweis auf Erkenntnisse aus der Strafrechtsspraxis.

Schlussfolgerungen. Bereits die ursprüngliche Norm erfasste ihrem Wortlaut nach auch massive, rein physische Beeinträchtigungen des Opfers, sodass es der dahingehenden Neufassung des Tatbestands nicht bedurft hätte. Durch die Umformung in ein Eignungsdelikt wird nunmehr auf das Täterverhalten anstatt auf die tatsächliche, psychische Verletzung des Opfers abgestellt. Somit drohen inakzeptable Folgen bei der Bewertung einer Handlung als tatbestandsmäßig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es wird aufgezeigt, dass es der Gesetzgeber zu Unrecht vermeidet, psychische Verletzungen des Opfers als Tatbestandsmerkmal aufzunehmen. Umfangreiche Untersuchungen haben ergeben, dass dahingehende Beweisschwierigkeiten im Strafverfahren tatsächlich nicht bestehen und die notwendigen psychischen Zusammenhänge mithilfe von Sachverständigengutachten hinreichend sicher eingeschätzt werden können.

Stichwörter: Strafrecht, Nachstellung, Gesetzesänderung, Eignungsdelikt, Schutz der psychischen Gesundheit

Der neue Straftatbestand der geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung

Stam F.

Mission: a critical evaluation of the criminal offence of “ongoing organised assisted suicide”, implemented by the German Parliament two years ago. This paper examines to what extent the new criminal offence serves its purpose of counteracting a normalisation of assisted suicide.

Methodology: classification, analysis, evaluation of the sense and purpose of the norm (proportionality test).

Conclusions: Serious doubts as to the effectiveness of the norm are quite justified. On the one hand, the criterion “organised” results in a broadly formulated offence. On the other hand, only certain aspects are criminalised, whilst others, which are in fact more dangerous, remain unpunished. In this respect, the right to life could have been better protected in another way, for example by offering specific support to the suicidal person or by implementing corresponding prohibitions in police regulations.

Scientific and practical significance. This paper highlights that there are significant doubts as to the purpose and necessity of this criminal offence, even if, as is assumed, the German Federal Court declares it constitutional, by way of reference to the broad margin of legislative discretion.

Keywords: criminal law, suicide, ongoing organised assisted suicide, legislation amendment, participating in the suicide of another.

Neue europäische Tendenzen in der Frage der Anerkennung der Angeklagten der Schuldigen aufgrund der Vereinbarung der Parteien auf der Grundlage der Bestimmungen des Neuen Strafverfahrens der Republik Mazedonien

Misoski B.

Ilić D.

Ziel: Die Einführung des Vergleichsverfahrens der Regelung der Bestrafung wie eine gesetzliche Novelle der Republik Mazedonien zu untersuchen und die Empfehlungen die Verbesserung der Strafprozessgesetzgebung sich zu entwickeln.

Methodologie: Induktion, Deduktion, Analyse, Synthese, formal-legale Methode.

Schlussfolgerungen. Die Autoren zeigen auf die Notwendigkeit größere Bedeutung im Vergleich zu anderen Beweisen den Vorschriften der neuen Strafprozessordnung der Republik Mazedonien, die strafrechtlichen Normen über die Beweislast und die Beweischarakteristik der Anerkennung regulieren, zu geben.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die von den Autoren vorgeschlagenen Empfehlungen können für die Verbesserung der Strafprozessgesetzgebung der Republik Mazedonien in Hinsicht auf das Nachweisverfahren benutzt werden.

Schlüsselwörter: Strafrechtssprechung, Schuldanerkennung, Nachweisverfahren, Strafprozessordnung der Republik Mazedonien, Strafverfahren, freiwilliges Schuldanerkennung.

Richtlinie 2013/48/EU des Europäischen Parlaments und des Rates über das Recht auf Zugang zu einem Rechtsbeistand in Strafverfahren und in Verfahren zur Vollstreckung des Europäischen Haftbefehls sowie über das Recht auf Benachrichtigung eines Dritten bei Freiheitsentzug und das Recht auf Kommunikation mit Dritten und mit Konsularbehörden während des Freiheitsentzugs

Kalajdziev G.

Glavinche N.

Ziel: Den Inhalt der Richtlinie in Hinsicht auf die nationale Gesetzgebung, insbesondere in Hinsicht auf das neuen Strafverfahrgesetz und das Polizeigesetz, zu analysieren und die Empfehlungen über die Verbesserung des Strafverfahrens hereinzubringen.

Methodologie: Induktion, Deduktion, Analyse, Synthese, formal-legale Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zum Schluss, dass es notwendig für den Gesetzgeber ist, die Änderungen und die Ergänzungen zum Strafverfahren über die Rolle und die Funktionen des Rechtsanwalts, besonders im Polizeiverfahren, zu betrachten. In dieser Hinsicht ist es notwendig die gesetzlichen Normen über das Recht des Verdächtigen auf die vertrauliche Kommunikation mit dem Rechtsanwalt während dem Polizeiverfahren, einschließlich dem Ort, dem Weise und den Fristen der Kommunikation zu entwickeln. Außerdem was der Frage der Ausländer angeht, die nicht aus der Republik Mazedonien sind, berücksichtigt das Polizeigesetz keine Möglichkeit im Fall der Verhaftung oder der Festnahme solcher Person diplomatische oder konsularische Vertretungen des Staats zu benachrichtigen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Empfehlungen des Autors können für die Verbesserung des Strafprozessrechts der Republik Mazedonien verwendet werden.

Schlüsselwörter: der Rechtsanwalt, das Recht auf den Rechtsanwalt, die Rechte der Verdächtigen, die Polizei, das Strafverfahren, der Freiheitsentzug, die Europäische Union.

Verantwortung für organisatorische kriminelle Aktivitäten nach dem geltenden Strafgesetzbuch der Russischen Föderation

Balejew S.A.

Ziel. Untersuchen Sie die Institution der Verantwortung für die organisierte kriminelle Tätigkeit nach den Gesetzen der Russischen Föderation.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methoden.

Schlussfolgerungen. Der Autor argumentiert, für den Rückzug des Beweis, dass einige Bestimmungen der Beteiligung des Instituts im aktuellen Strafrecht, eine weite Auslegung des Begriffs der Teilnahme an der Strafrechtsdogmatik in der Abgrenzung der Mitschuld an dem Verbrechen der Mitschuld an den organisierten kriminellen Aktivitäten praktische Probleme schaffen.

Insbesondere die organisatorischen Aktivitäten, die von den Normen des Instituts des Mittäters (§ 7 des Strafgesetzbuches) geregelt wird, haben erhebliche Unterschiede in Bezug auf einzelne Verbrechen gemeinsam begangen von zwei oder mehr Einheiten und Aktivitäten des Vereins, organisierte kriminelle Aktivität. Diese Unterschiede führen zu einer ungleichen rechtlichen Beurteilung der Handlungen des Veranstalters eines bestimmten Verbrechens und des Veranstalters einer kriminellen Handlung, da die Grundlage und die Grenzen der Verantwortung solcher Personen erheblich unterschiedlich sind.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Forschung erlaubt, das Wissen über das Institut der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für die organisierte kriminelle Tätigkeit im russischen Recht hinzuzufügen. Die gezogenen Schlussfolgerungen können sowohl für die Entwicklung einer unabhängigen kriminologischen Doktrin der organisierten Kriminalität als auch für die Gesetzgebung und die Strafverfolgung von allgemeinen und speziellen kriminalpräventiven Themen verwendet werden.

Stichwörter: Mittäterschaft, Verbrechen, kriminelle Tätigkeit, kriminelle Verantwortung, Organisator, organisatorische Tätigkeit, Kreation, Führung, Koordination, Entwicklung von Plänen, Verteilung von Einflussbereichen, kriminelle Vereinigung, Gemeinschaft, Organisation, organisierte Gruppe.

StrafAussetzung nach dem Strafgesetzbuch von Österreich und der Schweiz

Serebrennikova A.V.

Ziel. Zweck des vorgeschlagenen wissenschaftlichen Artikels ist es, Fragen im Zusammenhang mit der bedingten Verurteilung nach dem österreichischen Strafgesetzbuch und dem Schweizerischen Strafgesetzbuch zu untersuchen.

Methodologie: Deduktion, formell-juristische Methode, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Gemäß Art. 73 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, bedingte Verurteilung kann auf eine Person angewendet werden, die zu einer Freiheitsstrafe von bis zu acht Jahren verurteilt wird. Es ist die Obergrenze der Bestrafung für die Anwendung der bedingten Verurteilung, die substantielle Diskussionen zwischen Strafverfolgungsbehörden und Vertretern der Doktrin des russischen Strafrechts provoziert. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass in einer Reihe von fremden Ländern eine bedingte Verurteilung nicht für Personen gilt, die seit mehr als zwei Jahren zu einer Freiheitsstrafe (Freiheitsstrafe) verurteilt werden (Strafgesetzbuch von Spanien, Deutschland, Österreich, Schweiz). Nach den Strafgesetzbüchern Japans, der VR China, ist die Höchststrafe für bedingte Verurteilung auf drei Jahre beschränkt. Eine berechtigte Frage stellt sich, ist es gerechtfertigt, dass auf der Grundlage von Art. 73 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, bedingte Verurteilung kann auf eine Person angewendet werden, die zu einer Freiheitsstrafe von bis zu acht Jahren verurteilt wird. Eine solche Haltung des russischen Gesetzgebers ist nach Ansicht des Autors sehr umstritten.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Durch die Untersuchung der Erfahrungen im Ausland, einschließlich der gesetzlichen Regelung der Institution der bedingten Verurteilung, kann der russische Gesetzgeber eine Reihe von Problemen im Zusammenhang mit der Verbesserung der relevanten Rechtsnormen im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation lösen.

Schlüsselwörter: Russland, Österreich, Schweiz, Strafgesetzgebung, bedingte Verurteilung.

Interview von Azalia Ivanovna Dolgova für den kriminologischen Raum

Ziel: Für den Übergabe der angesammelten Erfahrung und Kenntnisse war es vom Kriminologiekabinet der Moskauer Staatlichen Kutafin Universität eine Reihe der Treffen mit berühmten Wissenschaftlern, die eine ernsthafte Eingabe in die Entwicklung der Rechtswissenschaft beitragen haben, organisiert. Ein solches Treffen findet mit der

namhaften Kriminologie – Wissenschaftlerin Azalija Iwanowna Dolgowa an der Moskauer Staatlichen Kutafin Universität statt.

Methodologie: Interview.

Schlussfolgerungen. Interview, das von den Studenten des Instituts der Staatsanwaltschaft der Moskauer Staatlichen Kutafin Universität unter dem wissenschaftlichen Betreuer des Kriminologiekabinetts mit A. Dolgowa durchgeführt worden war, erlaubt interessante Fakten aus ihre Biographie zu erkennen, auf Lebenserfahrung basierte Ergebnisse und Schlussfolgerungen zu hören, die Besonderheiten der Arbeit an der Staatsanwaltschaft kennenzulernen, die Fragen der Jugendgerichtsbarkeit und des Instituts des Geschworenen stellen, über die Tendenzen der Entwicklung der Kriminologie sich zu erkundigen. Die Studenten erhielten professionelle Räte, die ihnen weiter in das zukünftigen Leben helfen werden.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Leistung des durchgeführten Interviews können im Bildungsprozess bei der Erlernung des Kurses Kriminologie an den Hochschulen benutzt werden.

Schlüsselwörter: das Interview, die Kriminologie, das Kriminologiekabinet, die Staatsanwaltschaft, die Wissenschaft, wissenschaftliche Forschung, der Terrorismus, der Extremismus.

Die Struktur der englischen Gesellschaft aus dem 14. Jahrhundert bis zum Ende der Herrschaft von Elisabeth Tudor

Morozov A.A.

Ziel. Der Zweck dieser Arbeit ist es, die soziale Struktur der englischen Gesellschaft zu analysieren, wie Sie bei choser erscheint.

Methodologie: In der Arbeit wurden verwendet: historisch-chronologisch, Biographisch, vergleichende Analyse.

Schlussfolgerungen. In der englischen Gesellschaft XIV–XV Jahrhundert. zunehmend Platz, nicht nur quantitativ, sondern auch sozio-politischen Gewicht besetzen nicht-isolierte, nicht-isolierte kleine und mittlere Feudalherren, die seit dem XV Jahrhundert in den Quellen den Namen Gentry. Es ist bekannt, dass diese Schicht der englischen Adligen, die durch Ritterschaft früher und konsequenter als in anderen Ländern Europas gekrönt sind, eine offene Gesellschaft geworden ist, die ständig von den wohlhabendsten Vertretern der freien Bauern angezogen wird. Derartige Umstände führten jedoch nicht zur Verschmieren der vorherrschenden Klasse, sondern stärkte ihn im Gegenteil, indem er seine soziale Basis ausbaute, gab dem Stand der Feudalherren eine erstaunliche Vitalität.

So wurde das quantitative Wachstum der Herren, trotz der mehrfarbigen Gerichtsverfahren von Einzelpersonen, die politische Anziehungskraft vor allem Ritter, im Allgemeinen begleitet von einer Zunahme des Reichtums und des sozialen Prestige am Anfang des XIV. Jahrhunderts Ritter, später Squires und Gentlemen aus den Grafschaften.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Neuheit dieser Arbeit ist es, eine umfassende Studie der Geschichte der englischen Gesellschaft zu präsentieren, vor allem seine soziale Struktur auf der Grundlage der Studie des literarischen Werks eines der Zeitgenossen der Epoche. Die praktische Bedeutung der Arbeit wird durch die Möglichkeit bestimmt, Ihre wissenschaftlichen Ergebnisse bei der Organisation von vorlesungen und Seminaren über die Geschichte des Mittelalters, Lehrmittel und methodologischen Führungen über die soziale Geschichte Englands sowie die Geschichte der englischen Kultur des 14. Jahrhunderts zu nutzen.

Stichwörter: Kaufmännische Unternehmen, Mercer, Lebensmittelhändler, groser, stoffhändler, feudalanarchie, Hundertjähriger Krieg, kapitalanlage, Gentlemen.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Spiritual Bridge of Russia and Kyrgyzstan – Kyrgyz-Russian Slavonic University celebrates its 25th anniversary

Nifadiev V.I.

Mission. It is very important to establish and maintain international contacts on interaction in the spheres of education and culture within the framework of a single post-Soviet space for the exchange of experience and the development of the existing knowledge system at present.

Methodology: historical method.

Conclusions. Creation 25 years ago KRSU was truly a landmark event – Kyrgyzstan and Russia were the first in the post-Soviet space to demonstrate the desire to preserve and strengthen a single educational space. Experience has given impetus to the creation of similar universities in Tajikistan, Armenia, Belarus, Moldova, Azerbaijan. The main thing is that this experience in the conditions of expanding integration has great prospects. The university has to solve the task of improving the closed system “science – education – production – people.” Proceeding from it, the graduate of our university in the near future is represented by a man armed with several specialties, capable of painless reorientation in his professional activity, feeling at the same time his inner spiritual wealth and the desire to work for the benefit of social progress. Therefore, the development of a creative environment in a university is a task of prime importance.

Scientific and practical significance. The results of the conducted research can be applied in the educational process when studying the history course in higher educational institutions.

Keywords: Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz youth, Russian youth, experience exchange, international relations, post-Soviet space, cooperation agreement.

Criminological recurrence: personal features of the criminal

Tugelbaeva B.G.

Tynybekov N.T.

Mission. To study has been made of the offender identity who committed a recidivist crime with the aim of establishing her/his typologies and the specifics of the formation of criminal behavior.

Methodology: statistical-criminological, specifically sociological and comparative methods.

Conclusions. It is determined that according to the criteria of the illegal behavior stability of criminals and their criminal activity, the personality of the perpetrator is characterized by a typology, which includes an anomalous type, a situational type and an actively criminogenic type. On the motivational direction of this personality typology is represented by an avaricious type, within which there is a self-affirming subtype. Characteristic features of the personality of the offender who committed a recidivist crime are a certain level of deviation from reasonable needs, the early onset of criminal activity, its pronounced professionalism, the high stability of the antisocial attitude, the absence of remorse for the deed and the demoralization from the repeated conviction.

Scientific and practical significance. The scientific novelty of the work is that for the first time in the Kyrgyz Republic a criminological investigation was conducted on the identity of a criminal who committed a recidivist crime, on the basis of which her/his typologies on the motivational orientation, the stability of criminal behavior and criminal activity were established, and the characteristic features of the criminal behavior of that person were revealed. The obtained results can be used in practice during development of comprehensive prevention and prevention of professional, recidivist, organized criminality and juvenile delinquency.

Keywords: criminal identity, criminological relapse, special relapse, recidivist criminality, typology of personality, sociological methods.

Ensuring state protection of participants in criminal proceedings (comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic)

Zaytsev O.A.

Shamurzaev T.T.

Mission. Based on a comparative analysis of the current legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic, to determine more effective legal mechanisms for state protection of subjects of criminal procedure relations.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal-legal method, comparative legal method.

Conclusions. Significant complications in law enforcement are caused by the safety of witnesses, victims, other subjects of criminal procedure relations and their relatives in the event of unlawful interference with them with a view to impeding the lawful activity of the participants in the criminal process or to force them to change its character or out of revenge for the said activity. A special role is attached to the provisions of the criminal procedure legislation, which contain a systematic approach to the formation of personal safety measures for participants in criminal proceedings, the procedure for their application during the preliminary investigation and the trial of the criminal case. Based on a comparative analysis of the norms of the Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic, proposals are made to improve the current legislation of the Kyrgyz Republic aimed at improving the effectiveness of the application of security measures against witnesses, victims and other participants in the process that facilitate criminal proceedings. At the same time, attention is drawn to the need to use the existing system of international norms in order to develop a mechanism for their implementation and action in the national legal system. Their implementation in the national legislation should be carried out only taking into account acceptable forms and methods, peculiarities of the development of the legal system of the country.

Scientific and practical significance. The scientific significance of the article is in a comparative legal study of the mechanisms of state protection of victims, witnesses and other persons in the criminal justice system of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. The developed provisions can serve as a basis for further scientific research. The practical significance of the work is that its results can be used to improve the criminal procedural legislation, subordinate legislation, when creating explanations on the application of the Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic.

Keywords: state protection, participants in criminal proceedings, measures of personal security, procedural guarantees.

Preventive detention and crime prevention

Antonyan E.A.

Mission. To consider the institution of preventive detention, analyze foreign legislation on this issue.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, comparative legal method, formal legal method, statistical method.

Conclusions. The author considers the most acceptable for the Russian law enforcement system the way to ensure the security that is included in the concept of “preventive detention” – the establishment of preventive supervision and preventive supervision of persons released from prison and sentenced for especially dangerous crimes. The author also considers it perfectly justified and modern that preventive supervision and related restrictions are established and terminated by the court at the place of serving the sentence or at the place of residence of the convicted person on the recommendation of the administration of the correctional institution or the body of internal affairs.

Scientific and practical significance. The importance of the scientific article is to determine the nature of the preventive conclusion, its purposes and conditions of appointment, as well as to develop recommendations for the introduction of this institution into the domestic criminal-executive system with a view to preventing crimes.

Keywords: preventive detention, crime prevention, recidivist crime, parole, preventive supervision.

Criminal responsibility for domestic violence in Russia and abroad

Barysheva K.A.

Mission: to conduct an analysis of domestic and foreign legislation of the criminal law liability for domestic violence.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, comparative legal method, statistical method.

Conclusions. The author points to the need for legal regulation of domestic violence, not only physical violence. The author believes that more attention should be paid to the problem of protection of private life and personal

freedom of a person in order to protect against criminal encroachments, relying on experience and practice of applying criminal legislation of foreign countries, avoiding mechanical borrowing, based on social and legal studies of the phenomenon of persecution and other mental effects to identify the public danger and the need to regulate deviant behavior within the framework of existing realities in relation to individuals our country. At the same time, it is necessary to observe the balance and establish reasonable boundaries for the interference of the right in private life and the family.

Scientific and practical significance. *The importance of the scientific article consists in the analysis of domestic and foreign legislation on the issue of responsibility for domestic violence, which resulted in the identification of shortcomings in the legislative constructs of the legal norms under consideration and recommendations for their improvement.*

Keywords: *domestic violence, domestic violence, criminal responsibility, foreign experience, decriminalization of beatings in the family.*

Analysis of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on cases of extremist offenses

Bodrov N.F.

Work carried out with financial support of the RGNF (Russian Foundation for Humanities and Social Sciences) according to agreement No. 16-33-01150.

Mission: *to study the practice of considering complaints by the Constitutional Court of the Russian Federation in cases of extremist offenses and to analyze its position on this issue.*

Methodology: *analysis, synthesis, induction, deduction, formal-legal method, statistical method, document analysis.*

Conclusions. *Law enforcement in cases of extremist offenses does not yet have a uniform practice and is characterized by the presence of ambiguous offenses and decisions on them. The question of the possibility of using incorrect evaluation terms in the text of the Federal Law "On Countering Extremist Activity" is decided by the Constitutional Court ambiguously. The legal position of the Constitutional Court on the constitutionality of anti-extremist legislation has already been formed and is quite rigid (from the point of view, for example, of criminal policy), despite its heterogeneity (in decisions and their motivations).*

Scientific and practical significance. *The significance of the scientific article is a deep analysis of the practice of considering complaints by the Constitutional Court of the Russian Federation on cases of extremist offenses and identifying a number of features that make it possible to divide such complaints into categories in order to identify gaps in domestic legislation and imperfection of the judicial system when considering this category of cases for further improvement. The necessity of including in the list of extremist materials not the addresses of the page in the Internet, but of its content (content) for effective counteraction to extremism is substantiated.*

Keywords: *judicial examination, the Constitutional Court of the Russian Federation, extremist offenses, counteraction to extremism, judicial practice, extremist materials.*

Illegal armed formation (Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation): contemporary problems of interpretation

Gracheva J.V.

Mission: *to study Russian criminal legislation, judicial practice and the theory of criminal law on the issue of responsibility for organizing and participating in an illegal armed formation, to identify the problems of delineation of the crime in question with contiguous and competing convicts.*

Methodology: *dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal legal method, statistical method, document analysis.*

Conclusions. *On the basis of judicial practice and the theory of criminal law, the author concludes that the Criminal Code of the Russian Federation does not fully meet the requirements of legislative machinery. An analysis of the published materials of the judicial practice on the issue under consideration showed that there are no criminal cases on bringing persons to criminal responsibility for creating or participating in an illegal armed formation pursuing unapproachable goals. Art. 208 of the Criminal Code allows you to bring the perpetrators to criminal account for the creation or participation in an illegal armed formation, when there is no judicial decision that recognized the organization as terrorist or extremist, or when there is no evidence of the creation of an illegal armed formation for the purpose of carrying out a terrorist activity or committing crimes listed in Art. 2054 of the Criminal Code.*

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article is to determine the main features that delineate the composition of article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation (the organization of an illegal armed formation or participation in it) from contiguous and competing convoys.

Keywords: illegal armed formation, armed forces, crimes of terrorist orientation, armed group, organized group.

Types of threats to the foundations of the political system and their reflection in criminal legislation

Degterev A.A.

Mission: to conduct a comprehensive study of contemporary threats to the foundations of the political system and their systematization.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, induction, system method.

Conclusions. The political system is an ordered set of legal norms, public and state institutions, all kinds of organizations, a common quintessence whose meaning of existence is the realization of political power. All threats to the political system enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation can be divided into 3 types: external threats, internal threats, mixed threats. In reality, all threats are realized if not simultaneously, then, as a rule, in parallel. The danger of these threats is obvious to any political regime and any state. The indulgence of these criminals from other countries inevitably leads to destabilization of the political situation throughout the world. Such criminals never stop their unlawful activities, and ultimately commit grave crimes against those who provoked them to commit the first crimes.

Scientific and practical significance. The significance of the study is to develop an author's concept of a political system. A typology of threats to the basics of the political system is proposed, and features of each of these species are revealed.

Keywords: political system of the state, state power, threat to political system, political stability, state security.

Confronting the threats of ecoterrorism and eco-extremism is an urgent task of the science of criminal and environmental law

Dubovik O.L.

Mission. To consider the current state and prospects of counteracting ecoterrorism and eco-extremism in modern society.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction.

Conclusions. The author concludes that some aspects of the scientific provision of the fight against terrorism remain "in the shadows". The threat of environmental terrorism is present and it must be taken into account, given the perspective and exhaustion of traditional methods and purposes of terrorist activities. But it is possible and necessary to raise the question of whether, for example, the actions of fundamentalists aimed at seizing natural resources as the main goal, and all their other actions, are only means and ways to achieve it. Environmental terrorism is a new type of dangerous encroachment on the environment and public safety. It is an extreme form of expressing the ecological and legal conflict and can be its final stage, like any crime – the final stage of a criminal conflict, or it may be the cause of its emergence or escalation.

Scientific and practical significance. The significance of the study is that the social danger of the criminal phenomenon under consideration is characterized, the necessity to draw the attention of researchers to new challenges, that is, to the problems of preventing ecoterrorism and eco-extremism, is justified, until society, the state and the international community are forced to react to these phenomena involving large-scale and unforeseen consequences.

Keywords: ecoterrorism, eco-extremism, national security strategy, counteraction to ecoterrorism, environment.

Legal features of the corpus delicti in economic criminal law

Esakov G.A.

Filatova M.A.

Mission: to study the signs of corpus delicti in economic criminal law and to develop a new approach to the classification of the features under consideration.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, comparative legal method.

Conclusions. The authors come to the conclusion that the crime can also be traced to other signs that, when included by the legislator in describing the crime, constitute, on the one hand, its integral part, but on the other, can not be characterized either as objective or as subjective, since they exist in objective reality outside the act and psyche of the subject or are associated with it in the least way. The considered facts can be called legal signs of the corpus delicti, necessary for bringing a person to criminal liability by virtue of Art. 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, but do not

need to establish the subjective signs of the composition in connection with them and are proved by a general rule in a special order, i.e. with the help of earlier law enforcement decisions. The introduction of this concept does not mean a revision of the established view on the composition of the crime as the unity of the four elements, since, firstly, these characteristics can not be unambiguously correlated with one of the elements and, secondly, because of their exclusivity, should be seen rather as an addition to the established design, relevant only in a small number of cases.

Scientific and practical significance. The importance of scientific research is to determine the main legal features of the crime as criminological factors in the composition of economic criminal law, justifies the need for their allocation in the overall structure of the crime.

Keywords: signs of corpus delicti, legal features, economic criminal law, crime structure, objective conditions of punishability.

Peculiarities of explaining to witnesses their rights and duties before interrogation under the laws of Russia and Germany

Zaytsev O.A.

Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Chefforscher der Russischen Staatlichen Universität der Justiz stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes

E-mail: oleg010663@mail.ru

Abstrakt

Ziel: Eine rechtsvergleichende Analyse des Strafprozessrechts der Russischen Föderation und Deutschlands zu untersuchen und die Besonderheiten der Aufklärung den Zeugen ihre Rechte und Pflichten vor der Darstellung der Vernehmung auszuscheiden.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formal-legale Methode, rechtsvergleichende Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen: Der Autor kommt zum Schluss, dass Strafprozessrecht der Russischen Föderation und Deutschlands eine große Aufmerksamkeit auf die Befolgung der Rechten und Pflichten der Zeugen bei ihrer Vernehmung achten, um die Möglichkeit des Missbrauchs von den Strafverfolgungsbehörden auszuschließen. Außerdem sind am gesetzgebenden Niveau genug ausführlich zum Vorschein die Bedingungen, bei denen angegebenen Subjekten der strafprozessrechtlichen Beziehungen keine Anzeigen (sogenannten Zeugenprivilegien) zu geben berechtigt sind, gebracht.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Wichtigkeit der Erforschung ist in der Bestimmung der grundlegenden Besonderheiten der Aufklärung den Zeugen ihre Rechte und Pflichten vor der Darstellung der Vernehmung in den Strafprozessgesetzbücher der Russischen Föderation und Deutschlands. Autor zeigt an den Mangel am Strafgesetzbuch Russlands im Gegensatz zum Strafgesetzbuch Deutschlands von den konkreten Normen über das Ausmaß der Rechten und Pflichten, das dem Zeuge vor seiner Vernehmung aufgeklärt werden muss.

Schlüsselwörter: Rechte und Pflichten, der Zeuge, Strafprozessrechtliche Beziehungen, die Vernehmung, das Strafverfahren, ausländische Erfahrung Merkmale des Tatbestandes, rechtliche Merkmale, Wirtschaftsstrafrecht.

On the issue of responsibility for fraud in the sphere of economic activity

Kadnikov N.G.

Mission: analyze Russian criminal law and judicial practice on the issue of liability for fraud in the sphere of economic activity.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, statistical method.

Conclusions. The author concludes that the last decision of the legislator to supplement the general rule on fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) by parts 5, 6 and 7 did not contribute to the development of unified approaches to the criminal and legal assessment of fraudulent activities in the sphere of economic activity. Such a decision of the legislator does not take into account the theoretical and legal basis of criminal liability for crimes against property. The encroachment itself is carried out in the sphere of economic activity (contractual obligations in the sphere of entrepreneurial activity), but it is assessed according to the rules for assessing crimes against property, which affects both the accuracy of the qualifications of such acts and the rights of persons engaged in legal business.

Scientific and practical significance. The importance of scientific research is to develop recommendations for improving criminal legislation on liability for fraud in the sphere of economic activity. Thus, the author proposes the category of crimes in the sphere of economic activity in the Criminal Code of the Russian Federation to be supplemented by an act designed with the help of administrative prejudice (malicious default of contractual obligations

committed after the person engaged in entrepreneurial activity is brought to administrative responsibility for such an act). Such a decision would be in accordance with the principle of legality and judicial interpretation, as well as the conditions and grounds for release under Part 2, Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: economic activity, fraud, entrepreneurial activity, qualification of fraudulent actions, preventive measures.

On the novels of the Criminal Code of the Russian Federation regarding liability for the illegal wrapping of alcohol and alcohol-containing products

Kadnikov F.N.

Mission: to conduct a comprehensive study of the problems of criminal liability for illegal trafficking in alcohol and alcohol-containing products.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, statistical method.

Conclusions. The author concludes that there are problems in determining the characteristics of the subject of this crime. To a greater extent this applies to the heads of a legal entity or individual entrepreneurs. There were also questions in this part: for example, whether an individual who acts by proxy of legal entities can be recognized as a subject. On this and other issues there is no clear judicial interpretation. Controversial issues are also about the composition of the crime, the liability for which is provided for in Art. 171.4 CC (illegal retail sale of alcohol and alcohol-containing food products). It is also concluded that the signs of the crime in question are not clearly and precisely worded.

Scientific and practical significance. The importance of scientific research consists in a comprehensive analysis of the issues of criminal liability for illegal trafficking in alcohol and alcohol-containing products. It is proposed to make a detailed judicial interpretation of the specifics of the subject of this crime, the criteria for its delimitation from criminal acts, the responsibility for which is provided for in articles 171.3, 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and related administrative offenses.

Keywords: illegal turnover of alcohol, falsified products, alcohol-containing products, alcohol substitutes, short stories of criminal legislation, alcohol products.

Issues of state protection of intellectual property

Lavrentieva M.S.

Turkin M.M.

Mission: to consider the institute of intellectual property, analyze measures of state protection of intellectual property.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, historical method, comparative-legal method.

Conclusions. The author notes that at present in the legislation of the Russian Federation there are several types of liability for offenses in the field of intellectual property, namely, civil, administrative and criminal. First and foremost, the protection of intellectual property rights is based on the initiative of rightholders – individuals and legal entities, who are given the right to choose an appeal for the protection of their rights to the state (administrative) body; law enforcement agencies; and to court.

Thus, the author believes that the state is obliged (in certain cases) to interfere in the regulation of relations between the rightholders, the authors of intellectual property products and their users. At the same time, it is beneficial for rightholders and authors of intellectual property products to use the mechanism of state coercion, namely, administrative and criminal liability measures to identify and suppress illegally used intellectual property, which allows them to save money, including on the services of lawyers.

Scientific and practical significance. The significance of the study is to develop recommendations for the improvement of domestic legislation in the field of intellectual property.

Keywords: intellectual property, object of intellectual property, state protection, foreign experience, copyright.

Protection of lands in Russia

Maksimov E.L.

Mission. To consider the system of measures established by the state and aimed at ensuring compliance with the requirements of land legislation for land protection; to develop recommendations for improving the system under consideration.

Methodology: analysis, synthesis, induction, deduction, statistical method.

Scientific and practical significance. *The importance of the scientific article is consisted in the formation of a unified scientific view on the basics of pharmaceutical law of the Russian Federation, the generalization of the separate norms contained in the criminal code.*

Keywords: *criminal law, criminal legislation, pharmaceuticals, medicine, anti-doping legislation, production.*

Issues of delineation of criminal and administrative responsibility for illegal hunting

Rednikova T.V.

Mission: *to study administrative and criminal legislation regarding liability for illegal hunting and conduct a comparative legal analysis.*

Methodology: *dialectics, analysis, synthesis, deduction, comparative legal method.*

Conclusions. *The author concludes that the delineation of illegal hunting from an administrative offense in this area is most difficult, because in practice, often the line between a criminal offense and an administrative offense is blurred, which leads to certain difficulties in qualifying the actions of the guilty person. The application of administrative or criminal responsibility is primarily influenced by the signs of the objective side, such as the place, time, methods, tools and means of committing the offense. It should be especially noted that the criteria for determining major damage for the purposes of Art. 258 of the Criminal Code is not established by the current legislation of the Russian Federation. This gap in the legislation significantly complicates the application of article norms in practice. Circumstances that make it difficult to make a decision on the delineation of administrative and criminal liability are the absence of clear legislative criteria for assessing the environmental value of an illegally harvested specimen of a particular species, as well as its significance for a particular habitat.*

Scientific and practical significance. *The significance of the study is to develop recommendations for improving national legislation in the field of criminal and administrative liability for illegal hunting. The author proposes to fix at a legislative level a specific methodology for calculating major damage, based on the value and importance of illegally obtained hunting resources, which will allow the most objective decision-making in this category of cases, as well as increase the preventive role of both administrative and criminal legislation in this area.*

Keywords: *illegal hunting, nature management, environmental crimes, hunting resources, environmental protection.*

Life imprisonment as punishment for dangerous street racing: legal reality

Serebrennikova A.V.

Mission. *To analyze the legal norms of domestic and foreign legislation in terms of responsibility for street racing, to develop recommendations for improving Russian legislation in this area.*

Methodology: *dialectics, analysis, synthesis, induction, deduction, formal-legal method, comparative-legal method.*

Conclusions. *The author seems to need to use the German experience on the issue of toughening the responsibility for dangerous street racing for reforming Russian legislation. The question of whether the path of introducing a special rule establishing criminal liability for dangerous car races, which will result in death to a person, remains open. Following the example of German law, it is proposed to punish imprisonment for up to two years and deprivation of the driving license of persons taking part in illegal street racing; in the event that other persons are at risk of causing harm, including harm of medium gravity, then the guilty persons are to be punished by imprisonment for a term of up to five years. If, as a result of such actions, serious harm to health or death is caused to a person, the punishment should be imprisonment for up to ten years.*

Scientific and practical significance. *The importance of scientific research is to conduct a detailed comparative legal analysis of the issue of liability for dangerous street racing.*

Keywords: *street racing, dangerous driving, deprivation of driving license, foreign experience, confiscation of vehicle, toughening of liability.*

Social rehabilitation of prisoners sentenced to imprisonment as one of the priority directions of the criminal-executive policy of modern Russia

Halilov R.N.

Mission: *to study the institution of social rehabilitation of prisoners sentenced to deprivation of liberty and develop recommendations for its improvement.*

Methodology: *dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method.*

Conclusions. *Social rehabilitation in the criminal-executive policy is one of the perspective and socially significant directions, since it allows one of the most important tasks of the penal system to be solved: the resocialization of former convicts and their inclusion in an active social life. In order to facilitate the transition from a specific environment in a correctional institution to a life at liberty, it is necessary to prepare it gradually, physically, organizationally, economically and psychologically, both for the very fact of liberation and for resolving those issues with which it will have to meet. The process of social rehabilitation of prisoners sentenced to deprivation of liberty can be presented as a complex of legal, organizational pedagogical, medical, socio-psychological measures aimed at preventing social deviations of former convicts, based on scientifically defined needs.*

Scientific and practical significance. *The significance of the study is to develop recommendations for improving the functioning of the penitentiary system for the rehabilitation of persons released from prison.*

Keywords: *social rehabilitation, resocialization of convicts, criminal-executive system, social adaptation, regional program, prevention of recidivism.*

Property criminal acts under the criminal law of Russia and Germany

Kharlamov D.D.

Mission: *to conduct a comparative legal analysis of domestic and foreign legislation in terms of property crimes.*

Methodology: *dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, comparative legal method.*

Conclusion. *The author concludes that the criminal acts included in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation (crimes against property) are correlated with the notion of “property criminal deeds” in the German criminal law doctrine, but not all criminal acts that German jurists consider as property, are included in the chapter “crimes against property” in the Criminal Code of the Russian Federation. The German concept of “property crime” is broader in scope than the Russian concept of “crimes against property”. At the same time, the content of a kind of “core” of property criminal acts (crimes in chapter 21 of the Criminal Code) in Russia and Germany coincides.*

Scientific and practical significance. *The importance of scientific research consists in a detailed comparative legal analysis of domestic and foreign legislation regarding property crimes. In the author’s opinion, the problem of returning to the traditional model of property crimes, which together with crimes against property, involves the allocation of crimes against the property of the person as a whole. Return to the classical model of property criminal acts involves the allocation of two groups of crimes provided for by Chapter 21 of the Criminal Code: crimes against property, crimes against property as a whole.*

Key words: *property criminal acts, crimes against property, crimes in the economy, foreign legislation, criminal legal doctrine.*

Responsibility for evasion from payment of a fine under the criminal legislation of Russia

Sheveleva S.V.

Mission: *to analyze domestic and foreign criminal law in terms of liability for evasion from payment of a fine and develop recommendations for improving Russian legislation.*

Methodology: *dialectics, analysis, synthesis, deduction, induction, formal-legal method, comparative legal method, statistical method.*

Conclusions. *The author comes to the conclusion that there is no effective way in Russia to react to evasion of the convicted person from the timely payment of a fine. On the whole, the attitude of the state towards the evading fines in foreign legal systems can be conditionally divided into two groups: rather rigid and loyal depending on how evasion is understood: either this is all just a desire to free oneself from coercion (Spain), or it is a challenge to the state and society (USA, France, Germany). Also, the author considers it necessary to make legislative changes related to strengthening the means of criminal law response to malicious evasion of payment of a fine appointed as either a basic or additional punishment.*

Scientific and practical significance. *The importance of scientific research consists in a detailed analysis of domestic and foreign criminal law in terms of liability for avoiding payment of a fine and developing recommendations for improving Russian legislation. The author proposes to envisage in the domestic legislation the possibility of replacing the penalty, appointed as the main punishment by any form of punishment, including deprivation of liberty. It is also proposed to introduce compulsory employment of a convicted person who has not paid a fine as an additional punishment after being released from the main punishment.*

Keywords: *fine, criminal punishment, imprisonment, replacement of punishment, compulsory employment, foreign experience.*

Approximation of laws in the EU Member States through the adoption of guidelines – exemplified by the implementation of the Second Market Abuse Directive (CRIM-MAD) in Germany, Austria and Ireland

Stage D.

Storey J.

Missions. *The implementation of directives in national legislation may vary in different Member States of the EU. An example of the second Directive on Market Abuse (CRIM-MAD) shows different ways of implementing it based on criminal legislation governing market manipulation committed by an individual in three EU member states of Germany, Austria and Ireland.*

Methodology: *analysis, synthesis, induction, deduction, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *The authors concludes that Germany, Austria and Ireland have implemented CRIM-MAD in different ways. Despite the fact that CRIM-MAD can really have some legal similarity in the field of market manipulation, there are also some significant differences. It is noted that Austria, unlike Germany and Ireland, did not criminalize all forms of market manipulation; also the size of fines are different.*

Scientific and practical significance. *The importance of the scientific article is to study the convergence of laws in the field of manipulating the criminal market in the three EU member states (Germany, Austria and Ireland) CRIM-MAD.*

Keywords: *criminal law, criminal legislation in the capital market, criminal legislation, European criminal law, legal act, market manipulation.*

New edition of § 238 German Criminal Code («Persecution»)

Steinberg G.

Aim: *Examination of the offence of stalking, implemented in 2007 into § 238 German Criminal Code (StGB). In doing so, particular attention is given to the necessity of the legislative amendment, as well as the suitability of the norm in closing an alleged legal loophole. The loophole existed in those cases where the victim did not change their lifestyle and as such did not fulfil the conditions of the offence under the old law.*

Methodology: *Analysis, comparison with the previous offence, reference to experience in criminal practice.*

Conclusions. *The wording of the original norm also encompassed massive, purely physical impairments to the victim. As such, it would not have required such a recasting of the offence. By changing the classification of the offence to one where a human act is generally seen as the cause of the impairment, the emphasis is now on the behaviour of the perpetrator, rather than the actual psychological impairment. This risks unacceptable consequences if the act is deemed criminal.*

Academic and practical significance. *The author concludes that the legislator is wrong in its decision not to incorporate the victim's psychological damage as an alternative in the offence. Detailed studies have shown that there are in fact no difficulties in providing the required evidence for the criminal proceedings and that the necessary psychiatric connections can be sufficiently deduced with the help of expert opinions.*

Keywords: *Criminal law, stalking, legislative amendment, protection of psychiatric health*

New offence of professional suicide assistance

Stam F.

Ziel: *Kritische Auseinandersetzung mit dem vor ungefähr zwei Jahren vom Deutschen Bundestag eingeführten Straftatbestand der „Geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung“. Es wird untersucht, inwieweit der neue Straftatbestand der Erreichung des Zwecks, einer Normalisierung der Beihilfe zum Suizid entgegenzuwirken, dienlich ist.*

Methodologie: *Einordnung, Analyse, insb. Untersuchung der Sinn- und Zweckmäßigkeit der Norm (Verhältnismäßigkeitsprüfung).*

Schlussfolgerungen: *Ernsthafte Zweifel an der Wirksamkeit der Norm sind durchaus begründet. Auf der einen Seite wurde der Tatbestand durch das Merkmal der Gewerbsmäßigkeit sehr weit gefasst, andererseits wird nur vor bestimmten Gefahren geschützt, während andere (tatsächlich gefährlichere) straflos bleiben. Insoweit wird aufgezeigt, dass ein effektiverer Schutz des Rechtsgut Leben auf andere Weise, beispielsweise mithilfe gezielter Betreuung der Suizidgefährdeten sowie entsprechender Verbote im Polizeirecht hätte erreicht werden können.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Der Artikel zeigt auf, dass, auch wenn davon auszugehen ist, dass das Bundesverfassungsgericht mit Hinweis auf den breiten Beurteilungsspielraum des Gesetzgebers die Regelung als verfassungsgemäß erklären wird, erhebliche Zweifel an deren Zweckmäßigkeit und Notwendigkeit bestehen.

Stichwörter: Strafrecht, Selbsttötung, geschäftsmäßige, Gesetzesänderung, Teilnahme an fremder Selbsttötung

New European trends in the question of recognizing the accused of its guilt on the agreement of the parties based on the provisions of the New Criminal-Procedure Code of the Republic of Macedonia

Misoski B.

Ilić D.

Mission: To analyze the introduction of a conciliation procedure for the settlement of criminal penalties as a legislative amendment of the Republic of Macedonia and to develop recommendations for improving the criminal procedural legislation.

Methodology: induction, deduction, analysis, synthesis, formal-legal method.

Conclusions. The authors point to the necessity of giving greater importance in comparison with other evidence to the provisions of the new Code of Criminal Procedure of the Republic of Moldova, which regulates the criminal law norms on the burden of proof and the evidence of recognition.

Scientific and practical significance. The recommendations suggested by the authors can be used to improve the criminal procedure legislation of the Republic of Macedonia in the issues of the evidence procedure.

Keywords: criminal justice, recognition of guilt, procedure of proof, criminal code of Republic of Macedonia, criminal proceedings, voluntary recognition of guilt.

Directive 2013/48/EU of the European Parliament and of the Council the European Union on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty

Kalajdziev G.

Glavinche N.

Mission: to analyze the content of the Directive from the point of view of domestic legislation, in particular the new law on criminal proceedings and the law on the police, to make recommendations for the improvement of the criminal procedural legislation.

Methodology: induction, deduction, analysis, synthesis, formal-legal method.

Conclusions. The authors conclude that it is necessary for the legislator to consider amendments and additions to the procedural legislation concerning the role and functions of the lawyer, especially in the police procedure. In this regard, it is necessary to develop legislative norms on the suspect's right to confidential communication with his lawyer during the police proceedings, including the place, method and timing of communication. In addition, with regard to the question of the detention of aliens, the Police Act, in the event of the arrest of a person who is not a citizen of the Republic of Macedonia, does not provide for the possibility of a detainee or a prisoner being informed of his country's diplomatic or consular representation.

Scientific and practical significance. The recommendations proposed by the authors can be used to improve the criminal procedure legislation of the Republic of Macedonia.

Keywords: lawyer, the right to a lawyer, the rights of suspects, the police, criminal proceedings, imprisonment, the European Union.

Responsibility for organizational criminal activity under the Criminal Code of the Russian Federation

Baleyev S.A.

Mission: investigate the institution of responsibility for organized criminal activity under the legislation of the Russian Federation.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal-legal methods.

Conclusions. The author argues in support of the conclusion that certain provisions of the institution of complicity in the current criminal law, the broad interpretation of the concept of complicity in criminal law doctrine, create practical problems in the delimitation of complicity in a crime from complicity in organized criminal activity.

In particular, the organizational activity regulated by the norms of the institution of complicity (Chapter 7 of the Criminal Code) has significant differences with respect to an individual crime committed by joint efforts of two or more entities and the activities of an association created for organized criminal activity. These differences entail an unequal legal assessment of the actions of the organizer of a particular crime and the organizer of criminal activity, since the basis and limits of the responsibility of such persons are significantly different.

Scientific and practical significance. *The carried out research allows to add knowledge about institute of the criminal liability for the organized criminal activity in the Russian. The conclusions drawn can be used in the development of both an independent criminological doctrine of organized crime and in lawmaking and law enforcement activities of general and special subjects of crime prevention.*

Keywords: *complicity, crime, criminal activity, criminal responsibility, organizer, organizational activity, creation, leadership, coordination, division of spheres of influence, criminal association, community, organization, organized group.*

Conditional sentence under the criminal codes of Austria and Switzerland

Serebrennikova A.V.

Mission: *to consider issues related to probation under the Austrian Criminal code and the Swiss Criminal code.*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method*

Conclusions. *In accordance with article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, a suspended sentence may be applied to a person who has been sentenced to imprisonment for up to eight years. It is the upper limit of punishment for the use of probation that causes reasonable discussions among law enforcement officers and representatives of the doctrine of Russian criminal law. The author comes to the conclusion that in some foreign countries the conditional sentence is not applied to persons who are sentenced to imprisonment (imprisonment) for more than two years (the criminal code of Spain, Germany, Austria, Switzerland).*

Scientific and practical significance. *The study of the experience of foreign countries, including the legislative regulation of the institution of conditional conviction, allows the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of the relevant legal norms in the Criminal code of the Russian Federation.*

Keywords: *Russia, Austria, Switzerland, criminal law, conditional sentence.*

Interview of Azalia Ivanovna Dolgova for the criminological room

Mission. *To transfer the accumulated experience and knowledge to the Criminological Office of the O.E. Kutafin, a number of student meetings were organized with famous scientists who made a serious contribution to the development of the science of jurisprudence. One of these meetings was held with the outstanding criminologist Azalia Ivanovna Dolgova at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina.*

Methodology. *Interview.*

Conclusions. *Interviews conducted by students of the Institute of Prosecutors of the Moscow State University named after O.E. Kutafin under the direction of the head of the Criminological Cabinet with A.I. Dolgova, allowed to learn interesting facts from her biography, to hear her thoughts and conclusions based on life experience, to learn the peculiarities of work in the prosecutor's office, to raise questions concerning juvenile justice, institute of jurors, to learn about the trends in the development of criminology. The students received professional advice that will help them in later life.*

Scientific and practical significance. *The results of the interview can be used in the educational process when studying the course of criminology in higher educational institutions.*

Keywords: *interview, criminology, Criminological cabinet, prosecutor's office, science, scientific research, terrorism, extremism.*

The structure of English society from the XIV century until the end of the reign of Elizabeth Tudor

Morozov A.A.

Mission: *to analyze the social structure of the English society, as it appears in Elizabeth Tudor.*

Methodology: *In work were applied: historical and chronological, biographical, comparative analysis.*

Conclusions. *English society in the XIV–XV centuries, an increasing place, not only in quantitative terms but also on socio-political weight is untitled, Neratovice small and medium-sized feudal lords received from the XV century sources, the name of gentry. It is known that this layer of the English nobles, crowned with chivalry, earlier and*

more consistently than in other European countries, became an open Corporation, constantly fed by the most wealthy representatives of free peasants. Such a circumstance, however, did not lead to the erosion of the ruling class, but, on the contrary, strengthened it, expanding its social base, gave the estate of feudal lords amazing vitality.

Thus, the quantitative growth of the gentry, despite the diversity of the fates of individuals, the political engagement, first and foremost, chivalry is, in General, accompanied by increasing wealth and social prestige in the early fourteenth century knights, squires and later the gentlemen of the counties.

Scientific and practical significance. *The novelty of this work lies in the attempt to present a comprehensive study of the history of English society, especially its social structure based on the study of the literary works of one of the contemporaries of the era. The practical significance of the work is determined by the ability to use its scientific results in the organization of lectures and seminars on the history of the middle Ages, manuals and methodological guidelines on the social history of England, as well as the history of English culture of the XIV century.*

Keywords: *merchant of the corporation, the mercer, the grocer, grozer, sukhodolova, feudal anarchy, the hundred years war, the investment of capital, gentlemen.*